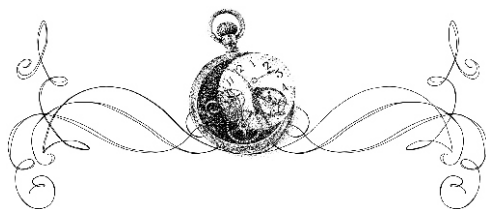

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

Язык КАК ЦЕННОСТЬ БЫТИЯ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ ПРОФЕССОРА
МАРИИ ИОСИФОВНЫ
КОНЮШКЕВИЧ**

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2023

УДК 81'1
ББК 81
Я41

Рекомендовано Научно-техническим советом
ГрГУ им. Янки Купалы

Редакционная коллегия:

Т. А. Пивоварчик (гл. ред.), *И. И. Минчук*, *А. В. Зезюлевич*

Рецензенты:

Нестерова Н. Г., доктор филологических наук, профессор
(Национальный исследовательский Томский государственный университет);
Автухович Т. Е., доктор филологических наук, профессор
(учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»)

Я41 **Язык** как ценность бытия : сб. науч. тр. в честь юбилея проф.
Марии Иосифовны Конюшкевич / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.:
Т. А. Пивоварчик (гл. ред.), И. И. Минчук, А. В. Зезюлевич. – Гродно :
ГрГУ, 2023. – 394 с.

ISBN 978-985-582-582-2

Сборник научных трудов посвящён 80-летию юбилею профессора, доктора филологических наук М. И. Конюшкевич. Первая часть сборника включает материалы, отражающие профессиональный путь и научные достижения учёного. Во второй части сборника представлены научные статьи белорусских и российских учёных в области функциональной лингвистики, релятивной грамматики, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистики и переводоведения, лингвистической прагматики, медиалингвистики, социалингвистики. Адресовано научным работникам, преподавателям учреждений высшего образования, аспирантам, магистрантам, студентам, учителям-словесникам, журналистам, специалистам в области информации и коммуникации.

УДК 81'1
ББК 81

ISBN 978-985-582-582-2

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2023

«Чувство изумления и восхищения языком — гениальностью его устройства и простотой пользования им, его устойчивостью и гибкостью, его диктатом и безграничной послушностью своему носителю — невольно заставляет думать о его Божественном начале и побуждает изучать этот феномен, сопровождающий своего носителя, потребителя и творца с самого рождения до последних дней жизни».

Мария Иосифовна **Конюшкевич**,
доктор филологических наук,
профессор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый на суд читателей сборник научных трудов посвящен известному белорусскому ученому, доктору филологических наук, профессору Марии Иосифовне Конюшкевич, составившей славу отечественной лингвистике своими оригинальными, новаторскими исследованиями и фундаментальными научными трудами.

Сборник в полной мере отражает широту научных интересов многоуважаемого юбиляра, которая всегда живо интересуется самыми актуальными проблемами и самыми непростыми вопросами языкознания. Функциональная лингвистика, релятивная грамматика, сопоставительная лингвистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, социолингвистика, лексикография, медиалингвистика – это далеко не полный перечень исследовательских направлений, которыми можно было бы определить научный путь юбиляра.

В сборнике представлены тексты статей, авторами которых являются белорусские и российские коллеги-единомышленники Марии Иосифовны, а также ее ученики, последователи, соратники.

Многими учеными-лингвистами как в Беларуси, так и в ее ближнем зарубежье профессор М. И. Конюшкевич воспринимается как Мастер и Наставник: с доброжелательной требовательностью осуществляет научное руководство молодыми исследователями, всегда взыскательно и строго, но вместе с тем с неизменной верой в талант ученых оппонирует кандидатские и докторские диссертации, пишет многочисленные отзывы на авторефераты, участвует в обсуждении результатов научных исследований в составе советов по защите диссертаций, с радостью рецензирует научные и учебно-методические работы, в процессе дискуссий на научных конференциях щедро подсказывает коллегам, какими могут быть перспективы их научных исследований. Человек дела, требовательный к себе и другим, Мария Иосифовна часто говорит своим ученикам: «Сначала – дело, потом – личное». При этом профессор не оставляет своих коллег наедине с их проблемами, когда необходимо поддержать научную идею, помочь публикации научной или научно-методической работы, спасти научное наследие от забвения.

Этим сборником научных трудов его авторы хотят поздравить дорогую Марию Иосифовну с 80-летием и выразить искреннюю признательность за годы плодотворного сотрудничества, за радость совместных научных открытий, за роскошь научных дискуссий и душевное тепло неформальных встреч и бесед.

РАЗДЕЛ 1.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Т. А. Пивоварчик

СТРАНИЦЫ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА М. И. КОНЮШКЕВИЧ

Родилась М. И. Конюшкевич 7 ноября 1943 г. в д. Погиры Дятловского района Гродненской области в крестьянской семье. Сначала училась в Погирской начальной школе, с 5-го класса – в Норцевичской семигодке, среднее образование получила в 1960 г. в Дятловской средней школе № 1. Имеет два высших образования: в 1964 г. с отличием окончила Гродненский государственный педагогический институт имени Янки Купалы по специальности «Педагогика и методика начального образования», а в 1975 г. – заочно филологический факультет этого же института по специальности «Русский язык и литература».

Педагогическая работа М. И. Конюшкевич началась с учительской стези. Мария Иосифовна работала учителем русского, белорусского и немецкого языков в Новоельненской вечерней СШ (1964–1970 гг.), ответственным секретарем комиссии по делам несовершеннолетних при Лидском горисполкоме (1970–1971 гг.), учителем русского языка и литературы в Лидской средней школе № 5 (1972–1976 гг.).

Научная деятельность М. И. Конюшкевич началась во время заочного обучения на филологическом факультете Гродненского педагогического института имени Янки Купалы, когда она выполняла дипломную работу под руководством кандидата филологических наук Михаила Александровича Корчица; через два года после окончания института эта работа будет опубликована в виде статьи в «Вестнике Белорусского государственного университета». Талантливую студентку-заочницу с богатым учительским опытом заметили и другие ученые института – Татьяна Филипповна Шешкович, Семен Александрович Григорьев, поэтому декан филологического факультета Елизавета Иосифовна Лавринайтис с согласия ректора Александра Васильевича Бодакова пригласила свою выпускницу работать преподавателем на кафедре русского языка на фи-

логогическом факультете в alma mater. При избрании по конкурсу (а конкурсе проходил с альтернативой, причем конкурент уже имел кандидатскую степень) Совет института отдал предпочтение своей выпускнице. И не ошибся: этот щедрый аванс М. И. Конюшкевич оправдала всей своей дальнейшей деятельностью.

Так, будучи матерью двух детей-школьников, она с 1976 по май 1979 г. учится стационарно в аспирантуре при кафедре русского языка в Белорусском государственном университете и досрочно защищает в 1979 г. кандидатскую диссертацию «Атрибутивные отношения в сложноподчиненном предложении (на материале русского и белорусского языков)» по двум специальностям (русский язык, белорусский язык), подготовленную под руководством профессора П. П. Шубы. Павел Павлович Шуба до самых последних своих дней был для Марии Иосифовны учителем, мудрым советчиком, старшим другом. К нему на кафедру в аспирантуру она затем отсылала, будучи заведующей своей родной кафедрой (которой она руководила с 1980 г. по 2008 г.) своих учеников, а позже, когда сама стала доктором наук и имела аспирантуру, – уже и своих собственных аспирантов в совет по защите диссертаций, ученым секретарем которого он был. Это он, его дружная кафедра, его научная школа позволили Марии Иосифовне почувствовать в себе силы ученого. С признательностью вспоминает Мария Иосифовна членов кафедры русского языка: кандидатов филологических наук Валентину Федоровну Кахно, Ирину Анатольевну Рабчинскую, Ивана Климовича Германовича, Людмилу Александровну Шевченко, профессоров Елену Ивановну Янович, Людмилу Григорьевну Мощенскую за ту поддержку и вместе с тем за суровую критику, с которой обсуждались ее диссертации – сначала кандидатская, а потом, в 1990 г., и докторская, научным консультантом по которой тоже был П. П. Шуба. А потом, уже будучи известной в научных кругах по своим работам, Мария Иосифовна станет «крестной матерью», это значит официальным оппонентом при защите докторских диссертаций членов этой кафедры – профессоров Ивана Семеновича Ровдо, Татьяны Николаевны Вольнец, Ирины Энгелевны Ратниковой, Франи Михайловны Литвинко, а также многих кандидатских диссертаций филологов Белгосунiversитета.

Докторскую диссертацию на тему «Сопоставительное исследование синтаксиса сложного предложения в русском и белорусском языках», тоже по двум специальностям, Мария Иосифовна выполняла без отрыва от обязанностей заведующего кафедрой и преподавателя. Шестимесячный творческий отпуск понадобился только для оформления работы и

хлопот по защите. Мария Иосифовна вспоминает, как ректор Гродненского университета Александр Васильевич Бодаков, вручая ей диплом доктора филологических наук, пошутил: «Когда Вы были у нас студенткой, мы Вами восхищались, когда Вы были аспиранткой – мы сомневались, когда Вы работали над докторской, мы Вам мешали, – теперь мы снова Вами восхищаемся». Сама Мария Иосифовна считает, что всеми достижениями она обязана своим учителям и коллегам, а также своим родным – мужу и детям. Действительно: вот ее, только-только после защиты кандидатской диссертации, сразу рекомендуют и избирают на должность заведующего кафедрой. И как мудро и тактично относились к ней, недавней студентке-заочнице, ее бывшие преподаватели, ее старшие коллеги! Сколько добрых советов и помощи она получила от Е. И. Лавринайтис, которая рассмотрела в скромной и несмелой студентке не только талантливого исследователя, но и лидера кафедры, блестящего организатора! Да и муж Марии Иосифовны совершил подвиг, не только приняв на себя все семейные хлопоты, пока жена училась в аспирантуре, но и даже поменяв свою хирургическую специальность!

Забегая вперед, необходимо сказать, что все эти авансы доверия и жертвы были оправданы целиком. Кафедра русского языка, которой более четверти века руководила М. И. Конюшкевич, была сильным научным коллективом, с разветвленными направлениями, обеспечивала три специализации по русской филологии – «Языкознание», «Риторика» и «Литературная работа в газетах и журналах». При кафедре были открыты магистратура и аспирантура, выпускники которых, защитив магистерские и кандидатские диссертации, сами становились преподавателями – и не только на этой кафедре. Причем уровень подготовленных под руководством Марии Иосифовны научных работ ее учеников был столь высок, что уже первые научные изыскания учеников профессора отмечались высокими государственными наградами – упомянем для примера президентские стипендии у аспирантов И. И. Минчук, Е. П. Пустошило, А. Ч. Рыжкович. Без преувеличения можно сказать, что под крылом Марии Иосифовны вырастали высокопрофессиональные кадры для всей системы образования: не только будущие учителя и ученые, но и методисты, заведующие районными методическими объединениями, заведующие кафедрами, деканы факультетов, директора школ.

Благодаря неумолимости М. И. Конюшкевич в 1990 г. на филологическом факультете были основаны международные научные чтения,

посвященные выдающемуся ученому-слависту, отцу белорусского языкознания, академику Евфимию Федоровичу Карскому (Карские чтения). Мария Иосифовна столько души вложила в их подготовку и проведение, что Карские чтения приобрели популярность в мировых научных кругах, и приехать почтить имя нашего известного земляка считали честью ученые многих стран – от Польши до Японии. Сама же Мария Иосифовна значимость организованной ею конференции определяет так: «Чтения ведут свой отсчет с рождения суверенной Беларуси и в той или иной мере связаны со всеми динамическими переменами, происходящими в университете, в стране, в других государствах. И об этом нельзя не сказать, ибо все, что происходит в обществе, происходит и в науке, а между наукой и людьми науки существует прямо пропорциональная связь». В 2022 г. научный форум состоялся в 17-й раз, и, как всегда, его вдохновителем была М. И. Конюшкевич. Теперь проблемное поле конференции выходит за пределы разработанных Е. Ф. Карским направлений, в область массовых коммуникаций, находящихся в зоне пристального внимания медиалингвистики, затрагивает вопросы речевого облика региональных средств массовой информации, культуры коммуникаций в современном обществе, а сама конференция, без всякого преувеличения, стала важным гуманитарным событием Гродненщины и объединяет не только филологов, но и историков, культурологов, политологов.

По инициативе, при участии и поддержке М. И. Конюшкевич члены кафедры русского языка Гродненского университета участвовали в создании учебников для общеобразовательных школ и для классов с углубленным изучением русского языка, а книга профессора «Я русскому учусь...», изданная в соавторстве с С. А. Емельяновой и В. Л. Лещенко, получила Диплом II степени на Всесоюзном конкурсе научно-популярной книги (Москва, 1991 г.). Солидный учительский стаж и искренняя заинтересованность в развитии общеобразовательной школы обусловили творческие отношения Марии Иосифовны с учителями-словесниками – на лекциях в институтах повышения квалификации и методобъединениях, в совместной работе на олимпиадах разного уровня, в качестве постоянного члена жюри которых Мария Иосифовна приглашалась более двадцати лет, в подготовке учебников, в регулярных выступлениях на страницах профессиональных журналов «Русский язык и литература», «Родные слова».

Пристальное внимание ко всему тому, что происходит в обществе, умение смотреть вперед, видеть тенденции, понимать перспективные направления позволяло М. И. Конюшкевич находить оптимальные ре-

шения в условиях злободневных проблем. Так в 2005 г. по инициативе и при непосредственном участии Марии Иосифовны в Гродненском университете была открыта подготовка по специальности «Журналистика». А с мая 2008 г. – со времени основания в Гродненском университете кафедры журналистики – и по 2021 г. М. И. Конюшкевич работала в должности профессора указанной кафедры, треть состава которой составляли ее ученики.

Следуя принципу «Лучше научная смелость, чем научная серость», профессор Конюшкевич смело вовлекла коллектив кафедры журналистики в исследование медиалингвистической проблематики. Будучи членом Комиссии по медиалингвистике при Международном комитете славистов, привлекла к участию в ее работе и своих более молодых коллег. Для преподавателей кафедры журналистики всегда хорошим примером выступала выстроенная Марией Иосифовной система учебно-методической работы со студентами, одно из правил которой гласит: объяснять каждую тему на лекции надо так, чтобы она была доступной и увлекательной для троичника. Другое же правило заключается в том, чтобы не упрощать материал, не делать его поверхностным, опираться на последние, новейшие достижения в лингвистике. На каждой своей паре М. И. Конюшкевич рассказывает о научных идеях коллег-ученых, призывает и учит студентов читать научные труды, побуждает их к собственным – пусть и небольшим сначала – научным открытиям. Профессором М. И. Конюшкевич были разработаны очень нужные для будущих журналистов учебные пособия по «Практической функциональной грамматике» и «Теории текста», для которых были тщательно подобраны тексты – в том числе из авторитетных белорусских СМИ.

В рамках сотрудничества кафедры журналистики с Главным управлением идеологической работы и по делам молодежи Гродненского облисполкома М. И. Конюшкевич регулярно выступала с лекциями перед работниками редакций СМИ и представителями местной идеологической вертикали. Новаторские и злободневные лекции Марии Иосифовны (об этом можно судить по названиям лекций: «Слово как механизм манипулирования языковым сознанием», «Знаковый год в освещении районных СМИ», «Языковые механизмы манипулирования сознанием читательской аудитории», «Человек владеет языком или язык владеет человеком?») всегда вызывали у журналистов искренний интерес и горячее обсуждение. Неслучайно М. И. Конюшкевич была приглашена в состав областной комиссии по оценке материалов СМИ, представляемых на ежегодный областной конкурс корреспондентов,

редакций газет и телерадиокомпаний, и на протяжении ряда лет внимательно и, как всегда, требовательно изучала работы журналистов Гродно-Гродненской области.

Диапазон научных интересов М. И. Конюшкевич всегда был широк: «Релятивная грамматика», «Прагматика общения», «Теория языка», «Современная коммуникация», «Изучение и пропаганда научного наследия Е. Ф. Карского», «Методика преподавания в высшей школе», «Язык и стиль СМИ», «Медиалингвистика». Как руководитель научно-педагогической школы кафедры русского языка своей alma mater, Мария Иосифовна способствовала развитию таких важных направлений лингвистических исследований, как функционально-семантическое, функционально-когнитивное, функционально-прагматическое, функционально-коммуникативное, функционально-методическое, функционально-прикладное. Будучи основателем научно-педагогической школы кафедры журналистики, помогала становлению не только в Гродненском университете, но и во всей Беларуси медиалингвистических направлений – грамматики медиатекста, медиадискурсологии, медиастилистики.

Публикационный результат исследовательской работы Марии Иосифовны – без малого 400 научных трудов, в том числе 23 книги. М. И. Конюшкевич – редактор 29 научных, учебных и учебно-методических изданий. Впечатляют не только разнообразие тематики, ясность научной мысли, аргументированность выводов, многие из которых существенно меняют представления читателей об исследуемых проблемах, но и образность и эмоциональность научной речи профессора: *энергия оцифрованного слова; вся национальная стихия языка; коварный делибератив; пионерские работы; необозримые и глубокие просторы лингвистики; втиснуть множество пропозиций в прокрустово ложе пятичленного предложения; в минимальный по линейной структуре текст упаковать максимально плотную информацию; удовлетворить самые взыскательные в стилистическом отношении коммуникативные запросы; было бы насильем над логикой и здравым смыслом утверждать, что...* Исследовательскую мысль будят заголовки научных работ профессора: «Кто кем правит: человек языком или язык человеком?»; «Почему за и против, а не против и за?», «Кудой? Есть ли право на легитимность?». А в самих текстах Мария Иосифовна постоянно побуждает (а иногда даже провоцирует) читателей к дискуссии, как, например, в этом отрывке из статьи: язык «поддается описанию, если отказаться от жестких межчастеречных границ и отне-

стись к языку-объекту не как к конструкту, порожденному сознанием армии лингвистов (прошу понять правильно: этот конструкт был и остается необходимым в традиционной парадигме, но надо идти дальше), а как к непрерывной когнитивной деятельности носителей языка».

Едва ли не в каждой своей работе М. И. Конюшкевич пишет о беспредельных и бесконечных возможностях Языка и говорит о том, что современным ученым-лингвистам следует стремиться во всей полноте представлять факты реального употребления языка, живые и активные языковые явления, создавать и развивать самые разные модели языка, ведь любой язык динамичен «в силу динамичности самой жизни носителей языка», а поступательное движение лингвистики «обязательно связано с отказом от некоторых теорий», с «преодолением традиций в науке».

В числе предлагаемых профессором инноваций – выход за традиционные рамки частей речи в область морфосинтаксических категорий; описание как изофункциональных не только слов разных частей речи, но и единиц, принадлежащих к разным подсистемам языка; создание абсолютно новой – «эквативно-компаративной» – грамматики языка; введение в понятийно-терминологический аппарат современного языкознания понятий «наносмысл» и «нанолингвистика»; расширение границ традиционных функционально-семантических категорий и изучение лингвопрагматических категорий персонализации, модализации, гоноративности; рассмотрение системы речевого этикета как единства унисонных и диссонансных речевых ситуаций; сокращение дистанции между достижениями лингвистической науки и содержанием школьного курса языка – в первую очередь на основе реализации коммуникативно-деятельностного подхода. Относительно последнего Мария Иосифовна обращалась с таким призывом к учителям: «...Трэба выбіваць з сябе настаўніка. Трэба рабіцца Настаўнікам – кіравацца не толькі пытаннямі *што і як*, але і *чаму*, самаадукоўвацца, чытаць, быць даследчыкам, цікавіцца здабыткамі лінгвістыкі». Сама Мария Иосифовна (об этом хорошо знают все ее коллеги) много читает и много знает наизусть, с удовольствием цитирует строки из произведений белорусских и русских классиков, свои научные труды посвящала исследованию языкового творчества А. Мицкевича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Горького, В. Короткевича, И. Чигринова, М. Булгакова, К. Паустовского, А. Ананьева и многих других поэтов и писателей.

Мария Иосифовна твердо уверена, что все в этом мире взаимосвязано – и во времени, и в пространстве. Судьба дала ей счастье знакомства

и дружбы с ученым и прекрасным человеком – Майей Владимировной Всеволодовой, профессором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. По инициативе М. В. Всеволодовой был основан международный исследовательский проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», поддержанный Российским научно-гуманитарным фондом и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. В этом проекте в качестве научного руководителя с белорусской стороны принимала участие и М. И. Конюшкевич. И не только потому, что это международный проект, что это честь – сотрудничать с учеными самого передового университета России и СНГ, но еще и потому, что работать над белорусскими предложениями – это как бы принять наследие от своего Учителя – профессора П. П. Шубы, продолжить его научные старания. В реализации международного проекта принимали участие ученые России (М. В. Всеволодова), Беларуси (М. И. Конюшкевич, С. А. Важник), Украины (А. А. Загнитко), Польши (Ч. Ляхур), позже к научному проекту присоединились лингвисты Чехии, Болгарии, Сербии. Как отмечал в 2019 г. профессор А. А. Загнитко, Мария Иосифовна «с самого начала работы в рамках научного проекта “Славянские предлоги: синхрония и диахрония” заявила о себе высокой производительностью, креативностью в анализе предложных единиц, умением охватить исследуемый материал во всей своей целостности. Поэтому недаром в исследованиях этого направления такой высокий индекс цитирований на ее работы».

Мария Иосифовна, будучи одним из основоположников направления релятивной грамматики, во многих своих трудах доказывает необходимость выделения функционально-релятивного уровня лингвистического анализа – рассмотрения и инвентаризации языковых единиц с точки зрения выполнения ими реляционных функций в реальных условиях употребления этих единиц. Созданные М. И. Конюшкевич словарь белорусских предлогов и их аналогов, общий объем трех томов которого составляет более полутора тысяч страниц, словарь белорусских союзов и их аналогов (часть I) не имеют аналогов не только в белорусистике, но и во всей славистике. Во-первых, обращает на себя внимание тщательно продуманная структура словарей, первая часть которых имеет монографический характер и излагает научную концепцию ученого, а вторая часть представляет собой реестры из без малого 10 тысяч предложных и более 1500 союзных единиц. Во-вторых, благодаря экспериментальному методу и теоретическому моделированию (с последующей верификацией результатов конкретными речевыми реа-

лизациями) Марии Иосифовне удалось открыть в белорусском языке целый массив единиц, ранее не зафиксированных словарями и грамматическими описаниями и не включавшихся учеными в класс реляционных средств. В-третьих, М. И. Конюшкевич убедительно показывает, что в настоящее время идет активный процесс формирования релятивного потенциала белорусского языка, в том числе за счет появления и развития в языке особого пласта так называемой параметрической лексики.

Профессором М. И. Конюшкевич создана принципиально новая концепция категории компаративности, послужившая основой для создания модели языка как «бинома сходств и различий». Обосновав понятийный характер категории сравнения и представив функционально-параметрическую модель описания всего функционально-семантического поля данной категории, через несколько лет Мария Иосифовна, говоря словами самого ученого, «вынуждена» была констатировать, что «территория (и влияние) категории сравнения в языке значительно обширнее, если не сказать больше – что она совпадает с границами самого языка». Рассматривая антиномию сходств и различий в общеязыковом масштабе, Мария Иосифовна первой среди белорусских ученых ставит вопрос о том, что категория компаративности включает в себя не только процесс сравнения, но и его результат. Профессор Конюшкевич делает следующий важнейший вывод, заставляющий пересмотреть привычный взгляд на системность в языке: «Вся языковая структура во всем обилии и многообразии системных отношений и корреляций сформировалась на основе категории компаративности, которая продолжает свое созидательное, творческое дело и поныне».

Марией Иосифовной Конюшкевич впервые в отечественной лингвистике было проведено комплексное сопоставительное исследование по выявлению специфики в прагматике русского и белорусского общения, поддержанное Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Исследуя проблему этноидентичности речевого поведения белорусов, русских, поляков, Мария Иосифовна приходит к выводу, что определяющим фактором этноидентичности вербальной коммуникации следует признать речевой этикет, который составляет ядро категории гоноративистики. Существенным шагом в развитии представлений о специфике белорусского, русского и польского речевого этикета стали работы М. И. Конюшкевич, основанные на теории об универсальных лингвосемиотических оппозициях, которые, как было продемонстрировано в многочисленных трудах профессора, находят свое

национально-специфическое проявление в понятийных и языковых категориях, языковых единицах, текстах и жанрах, идиомах и стереотипах.

В числе первых в белорусском языкознании М. И. Конюшкевич обратилась к системному исследованию языка медиа и предложила оригинальную трактовку медиалингвистики как научного направления, ее объекта и предмета, методологии медиалингвистических исследований. По мнению профессора, предметом медиалингвистики в первую очередь должны быть языковые инновации – изменения, которые происходят в языковой системе в условиях информационного развития, в том числе как следствие лингвистических экспериментов носителей языка: «ведь эти изменения отмечаются во всей языковой системе – в образовании и функциях новых знаков, в появлении новых значений, в расширении сочетаемости слов, в изменении их функций, в грамматикализации лексики, в появлении новых языковых форм упаковки информации и т. д.». Рассматривая проблему существования языка в условиях медиацентричности культуры коммуникаций, М. И. Конюшкевич ставит проблему медиализации речевых жанров и определяет поле исследовательских вопросов, на которые сегодня должны дать ответ лингвисты, в частности: вопрос о факторах вовлечения первичных речевых жанров в медиадискурс, вопрос о характере и механизмах взаимодействия первичных и медийных жанров и т. д. Обсуждая проблемы и задачи эколлингвистики медиaprостранства (медиаэкологии), профессор отмечает, что сегодня особенно нужны исследования не только деструктивного (агрессия, язык вражды, хула), но и прежде всего – конструктивного потенциала СМИ, их возможностей в отражении и разрешении социальных и политических конфликтов.

Заметим, что во всех своих работах Мария Иосифовна в большей или меньшей степени (в зависимости от задач конкретного исследования) обращается к сопоставлению ресурсов и потенциала речевой реализации двух славянских языков – белорусского и русского. При этом выявление сходного и различного осуществляется во всех сферах проявления близкородственных языков – в их системах, в продуктах речевой деятельности носителей языков, в ассоциативно-вербальных сетях обыденного языкового сознания.

Отличает профессора М. И. Конюшкевич основательное отношение к каждому научному, просветительскому, учебному проекту, трепетное внимание к каждому человеку, которого встречает на своем научном пути. Свидетельство этому – с любовью и тщательностью созданная в очерке «Карские чтения сквозь призму времени и памяти»

(более 130 страниц!) летопись научного форума. В скромно названном очерком фундаментальном труде – тщательный, детальный, глубокий анализ ключевых докладов с выделением и обсуждением важнейшей проблематики и с определением перспектив дальнейших научных исследований в рамках той или иной обсуждаемой проблемы. Ярко характеризует личность профессора то, с какой заботой о развитии гродненской лингвистики Мария Иосифовна описывает в очерке научные наработки (в ее словах – «научные достижения») своих коллег из Гродненского университета.

Мария Иосифовна щедро делится своим научным и педагогическим опытом и раздает щедрые авансы молодым ученым. По-прежнему внимательно и основательно читает научные работы в интересующих ее областях лингвистики, следит за всеми издательскими новинками, с радостью откликается на новые работы – и дает дельные замечания, полезные советы. Поэтому и считали всегда необходимым и желательным прислать профессору М. И. Конюшкевич свои авторефераты и монографии молодые исследователи Беларуси, России, Украины, Казахстана, Грузии, так как известность ее научных трудов давно вышла за пределы нашей страны. Несколько красноречивых цифр: М. И. Конюшкевич принимала участие в рецензировании, экспертизе, оппонировании или просто отзывалась на автореферат более сотни диссертаций по самым разным специальностям – русскому, белорусскому, польскому, германским языкам, теории языка, социолингвистике, психолингвистике. Она была официальным оппонентом или обеспечивала отзыв оппонировавшей организации при защите 30 кандидатских и 16 докторских диссертаций, отзывалась на авторефераты 40 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

Неоднократно Мария Иосифовна выполняла поручения ВАК Республики Беларусь по экспертизе защищенных диссертаций, Министерства образования – по экспертизе школьных учебников по русскому языку, государственной инспекции – по экспертизе высших учебных заведений тогда еще СССР (Рижского политехнического института, Клайпедского и Даугавпилского педагогических институтов, 1986 г.). Многие годы являлась членом секции «Стилистика и литературное редактирование» в Научно-методическом совете УМО Республики Беларусь по гуманитарным наукам, членом совета университета, членом экспертного совета ВАК, советов по защите диссертаций: совета Д 02.01.08 по защите диссертаций по специальности «Журналистика», совета К 10.02.20 по специальности «Сравнительно-сопоставительное и типологическое язы-

кознание» (ГрГУ). И сегодня Мария Иосифовна – член совета Д 02.01.24 по специальности «Теория языка» при Белорусском государственном университете.

С большой заинтересованностью М. И. Конюшкевич выполняла обязанности члена редакционных советов и редколлегий научных изданий: редакционного совета периодического научного сборника «Лінгвістичні студії», утвержденного ВАК Украины (Донецк); редколлегии журнала «Русский язык и литература» (Министерства образования Республики Беларусь; включен в список изданий ВАК Республики Беларусь); редакционного совета серии «Моваведы Беларусі» (Минск, БГУ); редколлегии «Весніка Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы»; редакционного совета Вестника БООПРЯЛ «Русистика в Беларуси»; редакционного совета журнала «Труды Цхум-Абхазской академии наук» (Грузия, Тбилиси); редколлегии журнала «Медиалингвистика» (Россия, Санкт-Петербург, ВАК Российской Федерации). Делегат первого съезда ученых Беларуси (2007 г.).

Хорошо зная аксиому, что рукописи не горят, но зная и то, что они не горят только тогда, когда попадают в хорошие руки, М. И. Конюшкевич стала «душеприказчицей» и рецензентом рукописи книги выдающегося белорусского филолога Г. Н. Ключова «Асновы і нормы беларускай пунктуацыі» и приложила много усилий, чтобы книга ушедшего из жизни автора увидела мир и попала к читателю. Благодаря настойчивости М. И. Конюшкевич и доброй воле и финансовой поддержке ректора ГрГУ книга Г. Н. Ключова была опубликована.

Научная и педагогическая деятельность М. И. Конюшкевич не осталась незамеченной. За многолетнюю добросовестную работу и большой личный вклад в подготовку специалистов Мария Иосифовна награждена Почетной грамотой Министерства высшего и среднего образования БССР (1983 г.), Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь (2000 г.), Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь (2004 г.). За выдающийся вклад в развитие высшего образования М. И. Конюшкевич вошла в список ста лучших профессоров Беларуси, удостоенных на протяжении 2000/2001 учебного года права получать персональную надбавку Президента Республики Беларусь. За вклад в развитие научного и культурного потенциала страны профессор М. И. Конюшкевич награждена медалью Франциска Скорины (2004 г.). Является отличником образования Республики Беларусь.

Увлеченность и основательность отличают профессора М. И. Конюшкевич во всем – в том числе в удивительно уютной даче, где не раз

гостили ее коллеги и ученики и где на небольшом участке растут под чуткой заботой Марии Иосифовны многочисленные цветы: фиалки и ирисы, гортензия и аралия, аквилегия и энотера, астильба и форзиция, а также флокс, золотарник, душица, лиатрис, примула, жемчужница... Выдающийся ученый, блестящий организатор, талантливый педагог, красноречивый оратор, увлеченный просветитель, патриот своей любимой страны Беларуси и подвижник своей любимой науки лингвистики, Мария Иосифовна Конюшкевич на протяжении многих лет бережно взращивает ее научный райский сад, создавая идеальный мир «грамматики отношений» с языком и речью, понятиями и образами, устным словом и медиакоммуникацией, словарями и учебниками, учителями и учениками, коллегами и друзьями... Пожелаем Марии Иосифовне долгих и плодотворных лет жизни, неизменной бодрости и силы духа, все так же искрометно замысливать и осуществлять творческие проекты, сохранять свой феноменальный эмоциональный заряд!

С. А. Горская

**ПЕРВАЯ СРЕДИ РАВНЫХ:
ПРИВЕТСТВИЕ ОТ КАФЕДРЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ГРОДНЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ**

Мария Иосифовна Конюшкевич – знаковая фигура не только для Гродненского университета, но и для всей белорусской науки. Марию Иосифовну знают, ценят и любят в Минске и Могилёве, Витебске и Гомеле, Бресте и Мозыре, а также за пределами нашей страны: в Москве, Петербурге, Вильнюсе, Нежине. Без малого три десятилетия доцент, а позже профессор Конюшкевич возглавляла кафедру русского языка ГрГУ, и это был воистину золотой век русской филологии!

Перечислять заслуги Марии Иосифовны можно бесконечно, но я ограничусь тем, что происходило на наших глазах. Это, конечно же, подвижнический труд по распространению наследия академика Евфимия Фёдоровича Карского – незабываемые Карские чтения, которые дарили нам роскошь общения с маститыми учёными и молодыми талантами.

Бережное, воистину трепетное отношение Марии Иосифовны ко всему, что, по её мнению, составляет гордость белорусской науки, побуждает её самоотверженно спасать от забвения многие имена. Благодаря М. И. Конюшкевич в 1993 году увидела свет монография

Григория Никифоровича Ключова «Основы белорусской пунктуации». По какому-то странному недоразумению в ЦНБ НАН РБ в карточке Г. Н. Ключова значится, что рукопись не издана, но книга стоит у меня на полке, и как часто я вспоминала добрым словом Марию Иосифовну за возможность пользоваться этим уникальным источником!

Опора на лучшие традиции белорусской науки в деятельности профессора Конюшкевич сочетается с умением видеть перспективу, улавливать новые веяния. Так, именно благодаря инициативе Марии Иосифовны началась работа по открытию специальности «Журналистика» в ГрГУ, подхваченная ее ученицей Тамарой Анатольевной Пивоварчик; совершился поворот в сторону функционализма в преподавании такой косной науки, как грамматика. Трехтомный труд М. И. Конюшкевич «Беларускія прыназоўнікі» – свидетельство кропотливого, самоотверженного исследовательского труда, который в наши дни по плечу лишь немногим.

Но Мария Иосифовна не только кабинетный учёный. Как-то забывается, отходит на второй план, что начинала она как школьный учитель и всю жизнь сохраняет верность школе: помимо соавторства в написании учебников (какие в них чёткие схемы, удивительные факты, красивые языковые примеры!), она много лет возглавляла жюри областной олимпиады, следила за ростом юных дарований, читала лекции для педагогов.

Как руководитель Мария Иосифовна придерживалась стиля «первая среди равных». Не припомню, чтобы она когда-нибудь отчитывала своих подчиненных. Все обсуждения открытых занятий и кандидатур при избрании по конкурсу превращались для коллег в праздник. Нет, конечно, замечания высказывались, но в такой деликатной форме, что у человека вырастали крылья, появлялись силы для творческого роста. С её легкой руки во времена, когда мы были кафедрой русского языка, у нас были свои традиции и обряды: на Государственном экзамене члены комиссии в лучших нарядах восседали за столом, покрытым белоснежной скатертью; начало учебного года знаменовалось непременно презентациями (с дегустациями!) дачных достижений кафедралов; после очередных Карских чтений организовывались выезды в Лашу, на родину академика. Мы искренне радовались присуждению коллегам очередного научного звания, совместно отмечали дни рождения и юбилеи; дискутировали на научные темы и соревновались в количестве опубликованных статей. Мы жили полнокровной жизнью, и драгоценные воспоминания согревают нас долгие годы.

Для женской (самой многочисленной, как у всех филологов) части кафедры русского языка Мария Иосифовна была и остается законода-

тельницей моды. И многие поколения студенток пытались подражать её элегантности и вкусу, о чем мне доподлинно известно из их воспоминаний (о том, какими взглядами одаривали ее представители сильного пола, я из скромности умолчу).

Многая и благая лета Вам, Мария Иосифовна! Вдохновения, творчества, новых книг и верных друзей, влюблённости в жизнь и тепла близких сердец!

И. И. Минчук

«МЫ СИЛЬНЫ,

ПОТОМУ ЧТО СТОИМ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ!»:

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КАФЕДРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ
ГРОДНЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ**

Мы знаем Марию Иосифовну Конюшкевич не просто как ученого-лингвиста. Это исследователь, который знает цену слова, не устает восхищаться его «семантической бесконечностью» и в своей речи демонстрирует глубокое к нему уважение.

Уважайте точку! Эту фразу Марии Иосифовны помнят все ее ученики. С этой фразы начинаются первые встречи профессора со студентами, магистрантами, аспирантами и первые минуты кропотливой работы над текстами будущих научных работ. В этой фразе не просто призыв соблюдать правила пунктуации. В ней призыв замечать важное, великое даже в мелочах. И мы, ученики и коллеги, непрестанно учимся уважению к слову у профессора Марии Иосифовны Конюшкевич.

Мы сильны, потому что стоим на плечах гигантов! – не устает повторять Мария Иосифовна во время встреч с учениками. И знакомство с профессором Конюшкевич для каждого из нас начинается со знакомства с ее учителем – Павлом Павловичем Шубой, которого она вспоминает с глубочайшей благодарностью – за то, что *взял под свое крыло*, за то, что рассмотрел в своей трудолюбивой ученице талант ученого, за то, что открыл ей путь в большую науку. Свой трехтомный труд «*Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*» М. И. Конюшкевич начинает с эпиграфа *Моему учителю П. П. Шубе*.

За чашечкой кофе (а мы знаем, что он *должен быть черным, как ночь, горячим, как огонь, и сладким, как любовь!*) Мария Иосифовна дает

нам ответ на вопрос *Кто кем правит: человек языком или язык человеком?* и делится своими наблюдениями за словом, в котором профессор видит *масштаб целой Вселенной*. Все ученики помнят пример о кошке Китти: не одно поколение студентов пыталось сосчитать, сколько вариантов может дать в речи одна синтаксическая конструкция. А Мария Иосифовна сосчитала... И этим простым упражнением учит своих студентов искать слова, подбирать их для представления результатов *научных изысканий*, в которых нередко мысли высказаны *лапидарно*. Но ничего. Ведь *Слона едят по кусочкам* – и мы учимся у Марии Иосифовны не бояться больших задач, делить их на частные, ставить цели – и достигать их.

Мария Иосифовна родилась во время войны. Вспоминая своих родителей, она не устает благодарить их за то, что в сложное военное время дали ей жизнь. И искреннюю благодарность – к родным людям, к родной Дятловщине, к *белорусскому народу-труженику* – несет в своем сердце сквозь годы.

Служа Богу, людям и науке – так профессор характеризует путь еще одного белоруса, ученого, лингвиста, первого белорусского академика Евфимия Федоровича Карского, в память о котором Мария Иосифовна организовала Международные Карские чтения, а мы, ее коллеги, подхватили и продолжили эту традицию. И гений Евфимия Карского более тридцати лет собирает на Гродненской земле ученых-тружеников, объединенных любовью к славянским языкам. Для профессора Марии Иосифовны Конюшкевич и для нас, ее учеников и коллег, эти встречи – *именины сердца*, повод в очередной раз осознать, что *сильны, потому что стоим на плечах гигантов!*

С юбилеем, дорогая наша Мария Иосифовна, прекрасный Человек, талантливый Ученый, мудрый Наставник!

Л. Р. Дускаева, В. И. Коньков

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КАФЕДРЫ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Дорогая Мария Иосифовна! Преподаватели кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского университета поздравляют Вас с Юбилеем!

Ваш Юбилей и для нас очень важный день. Мы не можем не сказать Вам о том, что знакомство с Вами, с Вашими работами – существенная часть нашей жизни.

В наше время, когда фундаментальные знания подменяются информацией, а подлинное творчество – работой в поисковой системе, Ваши работы являются теми островками стабильности классической филологии, которые придают нам всем чувство устойчивости, прочности и уверенности в себе.

Традиционное и, казалось, тривиальное положение о том, что основой филологии является анализ текста, благодаря Вашим работам каждый раз получает новое и актуальное истолкование в медийной среде.

Ваши интересы широки и разнообразны. Но о чём бы Вы ни писали, Ваши труды отличаются высоким профессионализмом. Мы видим творческое прочтение фундаментальных работ по филологии. Мы видим умение заметить в лежащих на поверхности речевых особенностях текста проявление новых тенденций и активных процессов. Мы высоко ценим Ваше мастерство устного выступления. Беседа с Вами у любого профессионала оставляет чувство глубокого удовлетворения и навсегда остаётся в памяти.

Мы отдаём дань уважения Вашей масштабной педагогической и общественной работе!

Ваши работы в сфере русско-белорусских языковых контактов дают нам возможность посмотреть с новой стороны на собственные речевые явления и увидеть важные особенности такой близкой нам по духу белорусской речевой культуры.

Дорогая Мария Иосифовна! Как бы ни был богат русский язык, нам всё равно не хватает слов, чтобы выразить Вам наше уважение, нашу благодарность за возможность общаться с Вами, читать Ваши работы. Поэтому мы просто от всей души желаем вам здоровья, творческих успехов, удачи!

А. А. Загнітко

**МАРІЯ КОНЮШКЕВИЧ –
ВИНЯТКОВО ТВОРЧА ОСОБИСТІСТЬ**

Марія Конюшкевич – талановита творча особистість, яка в науці по-чувається рідною, оскільки її ідеї та напрацювання здобули своє визнання не лише в Білорусі, а в широкому слов'янському світі.

Уперше зустрівся з професором М. Й. Конюшкевич на другому Міжнародному конгресі дослідників російської мови, що відбувався в Московському державному університеті імені Михайла Ломоносова з 18 по 21 березня 2004 року. Щоправда, знайомство відбулося не зовсім спонтанно, оскільки зустріч була ініційована професором М. В. Всеволодовою, яка ініціювала опрацювання Міжнародного науково-дослідного відкритого проекту «Слов'янські прийменники: синхронія і діахронія» і протягом усього часу роботи над ним була промотором самої ідеї і творчим натхненником усіх напрямів студіювань у його межах.

Не могу сказати, що ім'я Марії Конюшкевич для мене було аж зовсім невідоме, оскільки декілька років до цього я знайшов у бібліотечних каталогах найменування декількох її праць із проблем граматики, які мене надзвичайно зацікавили та привабили ґрунтовністю викладу, послідовністю пропонованого аналізу, логікою думки. В уяві якогось постав образ цієї дослідниці, яка мала бути досить суворою та не піддаватися хвилими емоційним переливам.

Знайомство-зустріч відбулося на якомусь із поверхів філологічного корпусу Московського державного університету імені Михайла Ломоносова в одній зі студентських кав'ярень. Після досить аргументованого вступного слова професора Маї Всеволодової не було звичайної паузи, оскільки обидва учасники (професор М. Й. Конюшкевич та автор цих рядків) почали активно ставити питання, що швидше нагадувало внутрішню дискусію. Дещо перестрибнув і не сказав про враження від візуалізації професора М. Й. Конюшкевич – більшою мірою такою й уявляв її, додалося приємне враження відкритої та привабливої посмішки, якогось внутрішнього імпульсу та орієнтування на спілкування. З роками перше враження лише знайшло підтвердження та конкретизацію.

Відразу заінтригувала низка поставлених професором Марією Конюшкевич питань, яка, здавалося, уже давно обдумувала та прочитувала усю структуру проекту зі спробою простежити його перебіг, алгоритм лексикографування прийменникових одиниць, що в цьому разі охоплювали й власне-прийменники, і слова у функції прийменників, і лексеми зі значенням прийменників, також okazіональні прийменники. Творче бачення трьох дослідників (проф. М. В. Всеволодової, проф. М. Й. Конюшкевич та автора цих рядків) реалізації науково-дослідного проекту було різним і значною мірою ґрунтувалося на відповідних утрадиційних національних граматичних моделях потрактування прийменників та актуальної лексикографічної тягlosti. Усе це згодом знайшло повноцінний вияв в опублікованих словниках прийменників та їх аналогів.

Численні круглі столи, здебільшого в Московському державному університеті імені Михайла Ломоносова (Лабораторія загальної комп'ютерної лексикології та лексикографії, завідувачем якої був професор А. А. Полікарпов), Донецькому національному університеті (тепер – Донецький національний університет імені Василя Стуса (м. Вінниця)), Гродненському державному університеті імені Янки Купала були майданчиком обміну думками, дискусій у питаннях моделювання окремих статей та усього словника, особливостей структурування граматики реального вжитку. Поступово почав викристалізовуватися фундамент лексикографічного упорядкування прийменників та їхніх аналогів у слов'янських мовах – білоруській, російській та українській, згодом перелік аналізованих мов доповнився болгарською (Велико-Тирновський університет (Болгарія, керівник – Гого Гочев), польською (Польща, керівник і напненник – Чеслав Ляхур) та ін.

Під час опрацювання основних теоретичних засад граматики реального вжитку проф. М. Й. Конюшкевич запропонувала декілька надзвичайно продуктивних та інноваційних ідей, пов'язаних із синтагматикою прийменникових одиниць, зокрема обґрунтування їхнього синтаксемотвірного потенціалу, що виявилось надзвичайно важливим і знайшло розвиток у численних лексикографічних інтерпретаціях прийменників та їхніх аналогів. Феноменальним підсумком опрацювання білоруських прийменників постав словник: *Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : [У 3 ч.] / М. І. Канюшкевіч. Ч. 1 : Дыяпазон А – Л. Гродна : ГрДУ, 2008. 492 с.; Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : [У 3 ч.] / М. І. Канюшкевіч. Ч. 2 : Дыяпазон М – П. Гродна: ГрДУ, 2010. 619 с.; Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : [У 3 ч.] / М. І. Канюшкевіч. Ч. 3 : Дыяпазон Р – Я. Гродна : ГрДУ, 2010. 535 с., на який з'явилось декілька рецензій. На сьогодні він є одним із найбільш запитуваних і цитованих у слов'янській прийменниковій лексикографії, що підтверджує своєчасність його створення та викінченість інтерпретації аналізованих одиниць.*

Напрацьовані наукові ідеї, орієнтовані на глибинне студіювання граматичного ладу білоруської, російської та інших слов'янських мов знайшли свій розвиток у напрочуд актуальній концепції релятивної граматики, в межах якої професор М. Й. Конюшкевич підготувала також словник сполучників: *Канюшкевіч М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3-х ч.*

Гродна : ГрДУ, 2019, що вперше 1) цілісно охоплює інвентаризацію сполучників та суміжних із ними мовних одиниць білоруської мови; 2) має опертям концепцію морфосинтаксису й польову структуру аналізованого класу одиниць з охопленням периферійних утворень; 3) напрацьовано опис, ліво- та правобічного структурування словникової статті з охопленням майже десятка параметрів атрибуції.

Професор М. Й. Конюшкевич тривалий час входила до редакційної ради міжнародного наукометричного видання «Лінгвістичні студії Linguistic Studies», брала активну участь у вирішенні складних питань популяризації досягнень лінгвістики та ін.

Сьогодні Марія Йосипівна Конюшкевич із вагомим доробком зустрічає свій Ювілей, але її численні праці – це не підсумок, а той творчий потенціал, що стає підґрунтям для нових і новітніх наукових ідей, на які з нетерпінням чекає слов'янська лінгвістика, не кажучи уже про медіалінгвістику, що стала ще одним реальним творчим напрямом студіювань авторитетного дослідника з вагомими напрацюваннями в її царині.

А. С. Садоўская

УДЗЯЧНАЕ СЛОВА НАСТАЎНІКУ:

**ВІНШАВАННЕ АД КАФЕДРЫ БЕЛАРУСКАЙ ФІЛАЛОГІІ
ГРОДЗЕНСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСІТЭТА
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ**

Марыя Іосіфаўна Канюшкевіч – прафесар, доктар філалагічных навук, выкладчык, вядомы навуковец, для шматлікай арміі вучняў – сапраўдны Настаўнік. Сёлета яна адзначае свой юбілей – 80 год з дня нараджэння. Яе жыццёвы шлях шмат у чым нагадвае тыповыя рысы многіх людзей, але ў ім ёсць тое, што зрабіла гэты шлях адметным, непаўторным, надзвычай плённым і павучальным. І найперш гэта любоў да мовы, тонкае адчуванне яе ладу, самабытнасці, унутранае разуменне заканамернасцей развіцця. У такім выпадку хочацца сказаць, што нарадзілася яна лінгвістам.

Наша шануюа калега належыць да пакалення навукоўцаў, ад якіх хочацца вучыцца як чалавечым якасцям, так і адносінам да працы, да той справы, якая стала сэнсам жыцця. Без перабольшвання для беларускай навукі яна з'яўляецца гонарам, бо імя даследчыцы вядома далёка за межамі нашай краіны. Але найперш чалавека такога маштабу мы цэнім тут,

у нас, таму што можам карыстацца яе здабыткамі і напрацоўкамі, кантаптаваць, пераймаць багаты вопыт і вучыцца добраму, вечнаму.

Ведаю Марыю Іосіфаўну найперш як свайго выкладчыка, заняткі якога і праз дзесяцігоддзі хочацца ўспамінаць і браць за прыклад. У яе ўсё атрымлівалася, бо ў гэтай абаяльнай, мілай, цудоўнай жанчыне спалучаліся якасці выдатнага вучонага, цікавага суб'ядседніка, строгага і справядлівага настаўніка, наватара. А яшчэ вельмі імпанавала нам незвычайная духоўная прыцягальнасць, а ўнутраная і знешняя прыгажосць настолькі арганічна дапаўнялі адна другую, што для нас, студэнтаў, яна была эталонам, тым узорам, да якога імкнуліся ўсе.

Безумоўна, уражвае і абсяг навуковых інтэрэсаў Марыі Іосіфаўны. У сітуацыі білінгвізму ў краіне яна распрацоўвала пытанні функцыянавання рускай і беларускай моў і даследавала самыя розныя накірункі, сярод якіх можна адзначыць сінтаксіс, граматыку, сацыялінгвістыку, лінгвадыдактыку, медыялінгвістыку і многае іншае. Таму і выйшлі з-пад пяра вучонага працы, якія ўвайшлі ў скарбонку славянскай лінгвістыкі. Даследаванне сінтаксісу беларускай і рускай моў, асаблівасці функцыянавання прыназоўнікаў у абедзвюх мовах – гэтыя і іншыя пытанні адлюстраваліся ў фундаментальных працах вучонага.

Асабліва хочацца адзначыць яшчэ адзін вельмі важны і адказны накірунак прафесійнай дзейнасці – напісанне школьных падручнікаў і дапаможнікаў па рускай мове. Прапрацаваўшы ў школе не адзін год, Марыя Іосіфаўна як ніхто іншы разумела важнасць і неабходнасць правільнага навучання розным моўным аспектам маладога пакалення. Валодаючы метадыкай пошуку, збірання, адбору матэрыялу, разумеючы павевы часу, разам з калектывам аўтараў стварала падручнікі, па якіх вучылася не адно пакаленне школьнікаў.

Адкрытая, шчырая па натуре, Марыя Іосіфаўна заўсёды трымала актыўную грамадзянскую пазіцыю, была ініцыятарам шматлікіх спраў. Узгадваецца яе праца на пасадзе загадчыка кафедры рускай мовы, калі яна сумесна з іншымі калегамі дала старт шматлікім цікавым праектам і распрацоўкам. Асабліва хочацца ўзгадаць традыцыйныя Карскія чытанні, якія атрымалі шырокі рэзананс сярод вучоных-славістаў, бо менавіта падчас такіх мерапрыемстваў наладжваліся чалавечыя стасункі і ўзаемаадносіны, нараджаліся ідэі, усталёўваліся кантакты паміж даследчыкамі мовы.

Навуковая спадчына Марыі Іосіфаўны, якая адлюстравалася ў артыкулах, слоўніках, падручніках, дапаможніках, лекцыях, рэцэнзіях і

іншых выданнях, як трывалы падмурак застаецца ў карыстанні сённяшнім пакаленнем. Яе прафесіяналізм, формы працы, адносіны з калегамі, студэнтамі, жыццёвая пазіцыя, аптымізм, працаздольнасць, пастаянныя пошукі і адкрыцці, зацікаўленасць у новым заслугоўваюць пашаны і з'яўляюцца арыенцірам для сённяшняга пакалення.

Спадзяёмся, што творчы шлях шаноўнай Марыі Іосіфаўны і надалей будзе запоўнены новымі ідэямі, распрацоўкамі, роздумамі і парадамі і натхніць пакаленне моладзі нашых часоў на дасягненне новых вяршынь.

УДК 81.11

М. П. Жигалова

**ВСТРЕЧА В МОСКВЕ КАК НАЧАЛО НАУЧНОГО ОБЩЕНИЯ
С ПРОФЕССОРОМ М. И. КОНЮШКЕВИЧ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОСПОМИНАНИЙ И ИНТЕРНЕТ-ПИСЕМ)**

Речь идёт о научном общении доктора филологических наук, профессора Марии Конюшкевич, известного учёного-лингвиста, с доктором педагогических наук Марией Жигаловой. Используя биографический, исследовательский метод и метод интерпретации фактов научного общения, а также фото и другие материалы из личного архива, автор статьи анализирует рецензии, интернет-переписку, показывает формы знакомства и длительного общения учёных, отмечая значимость личности М. Конюшкевич в формировании и развитии гуманитарной научной среды, которая была и остаётся двигателем прогресса.

Ключевые слова: Москва, научное общение, М. И. Конюшкевич, наука, интернет-письма, анализ.

Как интересно устроен мир... Как непредсказуемы бывают обстоятельства и знакомства, которые делают твою жизнь ярче и содержательнее...

Москва. 2009 год. Академия педагогических и социальных наук (АПСН РФ), которая объединила на постсоветском пространстве учёных-педагогов, филологов, психологов, философов, историков, методистов, социологов, руководителей образовательных учреждений и учителей, исследующих проблемы развития образования в постоянно меняющемся мире, проводит в Московском университете имени М. Шолохова международную конференцию. Здесь могли обмениваться своими научными результатами, сопоставлять их и вырабатывать пути дальнейшего развития члены-корреспонденты и действительные члены АПСН, учёные из разных регионов Российской Федерации, стран СНГ,

Европы и Балтии, других зарубежных стран, для которых АПСН стала диалоговой площадкой науки и практики.

К этому времени я, будучи учителем-методистом (1982), заслуженным учителем Беларуси (1987), создавшим в 1984 году в белорусской школе литературный музей А. С. Пушкина, а в 1994 году защитив диссертацию в Москве в Институте национальных проблем образования и став кандидатом педагогических наук, а позже и доцентом, имея на то время уже более ста публикаций, получила в 2002 г. звание член-корреспондента АПСН, а после защиты докторской диссертации (2005) в 2008 году – звание действительного члена Академии, тоже была приглашена на конференцию.

Здесь мы и познакомилась с М. И. Конюшкевич, профессором кафедры журналистики Гродненского государственного университета, к тому времени уже действительным членом АПСН. С этой встречи и началось наше многолетнее научное общение и сотрудничество.

В своей интернет-переписке и при встречах на международных конференциях мы обсуждали с учёными из России (Е. В. Гетманская, Р. Б. Сабатков), Украины (Л. В. Вознюк – Тернопольский ун-т), Азербайджана (Р. М. Новрузов – Бакинский славянский ун-т) и др. актуальные проблемы современного образования, развивались как учёные, исследующие проблемы образования с метапредметных позиций (философии, культурологии, лингвистики, литературоведения, психологии, педагогики), проблемы преподавания языка и литературы в инонациональной среде, обсуждали и сопоставляли данные научных исследований. Такой подход к научным изысканиям каждого учёного лишь укреплял сотрудничество, так как дополнял уже составленную целостную систему повышения качества университетской образовательной среды.

Наше общение все эти годы не прерывалось. Оно продолжается и сегодня. Как творческая личность, профессор М. И. Конюшкевич, несмотря на свою занятость, всегда откликалась на творческие предложения и умела как поддержать автора научного или научно-методического пособия, так и тактично обсуждать его содержание или высказать автору свои замечания, предложить такие варианты, которые усовершенствовали бы научно-методический материал. Об этом говорят и рецензии, написанные профессором М. И. Конюшкевич на учебные пособия, в которых она всегда находила для автора слова одобрения, указывая на новизну и тактично высказывая свои пожелания, тем самым подчёркивая теоретическую и практическую значимость созданного научного или учебно-методического продукта. В одной из таких рецен-

зий на учебное пособие «Кванты методики преподавания русской литературы» для студентов-филологов заочной формы обучения (Брест, 2009, 197 с.), написанное мною в 2009 г., она подчеркнула следующее: «комплексность, многоаспектность, многослойность пособия, которое, по мнению учёного, носит и теоретический, и практико-ориентированный, и справочный характер, что помогает не только определить основные направления самостоятельной работы студентов, но и повысить качество их знаний по предмету, стимулировать их креативность... Более того, пособие обладает огромным воспитательным потенциалом, ибо в нем предлагаются для обсуждения на лекционных и практических занятиях такие дидактические материалы, которые содержат элементы философии жизни, психологии постижения человеческих отношений и пути усовершенствования, национальной и инациональной культур в контексте диалога славянских культур и цивилизаций. Все разделы объединяет мысль о том, что изучение литературы – это постижение того, как человеческое сознание образно структурирует действительность на оси реального времени автора и читателя, даже если оба они разведены этим временем... Как ни стандартен жанр учебного пособия в номенклатуре учебной литературы, настоящая творческая личность всегда в состоянии выйти за пределы этого прокрустова ложа. И в данном пособии чувствуется личность автора – неиссякаемо креативного, чуткого к динамике жизни, ищущего, эрудированного, умеющего в своей деятельности использовать в творческих целях любой знак действительности... Думается, что студентам будет не только полезно, но и интересно учиться по данному пособию» [3].

Профессор Мария Конюшкевич не только умеет давать советы, но и сама не стыдится пользоваться советами коллег. Она умеет использовать в своей практической деятельности любой интересный и актуальный момент, даже если он будет взят из частной переписки с коллегой. Вот один из таких, взятый из моего поздравления.

Мария Жигалова. 30 декабря 2016, 8:41.

Уважаемая Мария Иосифовна!

Искренне и с глубоким почтением поздравляю Вас с Новым 2017 годом! Хочу пожелать крепкого здоровья, потому что его никогда не бывает много; неиссякаемой жизненной энергии, потому что она – двигатель жизни; любви, потому что без неё человек увядает; душевного тепла, потому что оно согревает нас в трудные минуты жизни. И если прошедший год привел к Вашему порогу новых знакомых и друзей, если все прежние друзья рядом с Вами, если дом уютен, близкие

здоровы, то вы – счастливый человек! И Вы знаете, чего Вам стоило это счастье, и готовы заплатить за него самой дорогой ценой. Если же что-то не получилось, прошло мимо – не расстраивайтесь, значит, для этого пока не пришел срок. Если кто-то отвернулся от Вас – значит этот человек, по крайней мере пока, не из Вашего мира. Если кто-то на Вас обижен – еще не поздно извиниться, даже если не Вы всему виной. Прошло уже католическое, протестантское... Рождество. Завтра придёт Новый Год. Затем – православное Рождество и Старый Новый Год. Длинная череда праздников и чудес, творцами которых становится каждый из нас. И не столь важно, в кого и во что мы верим. Важно, чтобы это была добрая вера, несущая людям свет через наши поступки. Здоровья Вам и Вашим близким, мира Вашему дому, добра Вашим мыслям и делам. Ещё раз желаю Вам всех благ!

С почтением, Мария Жигалова.

Мария Конюшкевич. 31 декабря 2016, 16:19.

Дорогая Мария Петровна! Обычно в нашу эпоху девербализации люди стараются свести до минимума и поздравления. Ваше – исключение, и очень приятное. От него веет ароматом золотого XIX века. Поэтому Вам вдвойне признательна за него. И сразу хочу попросить Вашего разрешения использовать Ваш поздравительный текст в моем курсе «Прагматика речевого общения», который я буду читать в следующем семестре для будущих рекламщиков и пиарщиков. Ваш текст ведь и в риторическом отношении безупречен.

Искренне желаю Вам в новом году всего нового со знаком плюс – новых радостей, нового прилива сил, новых встреч, идей, конференций, впечатлений, побед... Надеюсь и на то, что наши пути где-нибудь пересекутся в стремлении к ауре Слова. С Рождеством Христовым! С Новым годом! Ваша М. К.

Мария Иосифовна всегда умела оценить и человеческое внимание. Вот что ответила она на моё поздравление с новым 2018 годом.

Предлагаю 2 наших письма, взятых из интернет-переписки:

Мария Жигалова. 29 декабря 2017, 21:46.

Уважаемая Мария Иосифовна!

В канун нового 2018 года примите искренние поздравления с Новым Годом и Рождеством! Пусть этот год будет годом преданности и верности своим научным идеям и целеустремлённому следованию к новым вершинам науки! Пусть настоящие друзья остаются по-прежнему верны и надёжны! Пусть душевное спокойствие и поиск новых открытий делают Вашу жизнь интересной и насыщенной! Пусть никогда не

подводит здоровье, потому что его будут укреплять любимые члены семьи своим вниманием и заботой и члены Вашего коллектива, ценящие и поддерживающие Вашу научную мысль! И пусть это музыкальное поздравление создаст Вам и Вашей семье праздничное, позитивное настроение! С уважением, Мария Жигалова.

Мария Конюшкевич, 30 декабря 2017, 10:30.

Дорогая Мария Петровна! Ваше поздравление – эталон риторики и красоты, замешанной на эликсире искренности. Тронута, с наслаждением уху и глазу восприняла и музыкальную часть поздравления. А поскольку это случилось в первую половину дня, то зарядилась хорошим настроением на целый день.

Спасибо огромное и за память, и за креативность. Боюсь уподобиться крыловским героям, но я искренне желаю Вам реализовать все задуманное, испытать удовольствие от этого и получить соответствующую отдачу от тех, кому Ваши усилия направлены. Словом, быть всегда на вершине пирамиды Маслоу! А поскольку устоять на вершине можно только в движении, то и новых Вам вершин! Обнимаю Вас, Ваша М. К.

Профессор М. И. Конюшкевич всегда была готова к обсуждению научных идей и вариантов научных и методических работ. Она, как учитель в прошлом (с 1964 по 1970 гг. – учитель русского и немецкого языков в Новоельненской вечерней СШ Дятловского района Гродненской области; с сентября 1970 г. – учитель начальных классов СШ № 1 г. Лиды; с апреля 1971 по октябрь 1975 г. – учитель русского языка и литературы восьмилетней школы № 5 г. Лиды) [4], всегда понимала, как важно формировать личность обучаемых на примере региональной культуры. И потому мою идею о создании монографии по полиэтнической литературе Малоритчины, которую я планировала построить на архивных материалах, исследующих процесс развития литературы начиная с 1939 года, приняла с восторгом:

Мария Конюшкевич, 7 декабря 2017, 12:57.

Ну, Мария Петровна, у Вас просто фонтан действий, мероприятий, планов и их свершений! Рада за Вас!

А то, что литературные таланты Малоритчины изучаете, вдвойне ценно. Тут принцип работает: если не я, то никто. Спасибо за конкретику...

Меня волнуют пока два дела: студент, которого еще хочется заставить гореть, и научные заделы, которыми, кроме меня, в обозримом будущем никто не будет заниматься. Ведь во Вселенную это знание,

лично мной добытое, должно попасть! Если пропадут эти два мотива, можно и нужно будет уходить на покой. Этой минорной нотой я и хочу закончить мое письмо.

Удачи Вам! М. К.

Я была одухотворена поддержкой профессора и активно работала над сбором материала, его изучением и систематизацией. Вскоре он был мною проанализирован и составил основу монографии «Полиэтническая литература Малоритчины», которая была издана в БрГТУ [1; 2] и пользуется сегодня успехом у малоритчан и не только.

Хочу ещё раз в этой статье поблагодарить М. И. Конюшкевич (ранее мною была высказана благодарность профессору ещё в 2016 и 2020 годах в интернет-переписке) за наше многолетнее и плодотворное общение.

Мария Жигалова, 29 февраля 2016, 22:16.

Да, дорогая Мария Иосифовна, сколько терний встретилось на моём пути, что и врагу не пожелаешь! Что же касается следования по жизни определённым правилам, то как раз все мои «шишки» и набиты от того, что я никогда не отступала от правил и требований и старалась всё и в срок выполнить, не хитрить и не пресмыкаться, не интриговать, правильно реагировать на замечания. И, может быть, поэтому не останавливаться в своём развитии, несмотря на возраст и опыт... С благодарностью за общение, Мария Жигалова.

Мария Жигалова, 30 июня 2020, 19:50.

Добрый вечер, уважаемая Мария Иосифовна!

...Часто вспоминаю наше честное и по-человечески тёплое общение. И благодарю Судьбу, что оно было..., что на моём жизненном пути мне было послано Богом много честных и порядочных людей, всегда готовых прийти на помощь, в том числе и таких, как Вы.

С уважением, д. пед. н., проф. Мария Жигалова.

Таким образом, можно сделать вывод, что даже эти незначительные фрагменты нашего общения свидетельствуют о высокой научной культуре и значимом вкладе профессора М. И. Конюшкевич в формирование и развитие гуманитарной научной среды в Беларуси, которая была и останется навсегда двигателем прогресса, так как любое самое важное и значимое открытие всегда можно направить как во благо, так и во зло. Всё зависит от того, какая личность сформирована научно-образовательным социумом и как она распорядится этим открытием.

Список литературы

1. Жигалова, М. П. Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений : моногр. / М. П. Жигалова. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2017. – 240 с.
2. Жигалова, М. П. Раздел 8. Литература Малоритчины: личности и судьбы / М. П. Жигалова // Города и районы Брестчины: история и современность. Малоритский район / под общ. ред. А. А. Горбачко, М. П. Жигаловой. – Брест : ОАО «Брест. тип.», 2020. – С. 685–768.
3. Материалы, используемые в статье, взяты из домашнего архива автора статьи: интернет-переписка 2010–2023 гг.
4. Великие умы земли Дятловской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/sedraaumamizemladatlovskaa>. – Дата доступа: 09.05.2023.

Zhigalova Maria

Brest State Technical University

e-mail: zhygalova@mail.ru

MEETING IN MOSCOW AS THE BEGINNING OF SCIENTIFIC
COMMUNICATION WITH PROFESSOR M. I. KONYUSHKEVICH
(BASED ON MEMORIES AND INTERNET LETTERS)

The article deals with the scientific communication of Doctor of Philology, Professor Maria Konyushkevich, a well-known linguist, and Doctor of Pedagogical Sciences Maria Zhigalova. Using the biographical, research method and the method of interpretation of scientific communication, photos and other materials from the personal archive, the author of the article analyzes reviews, Internet correspondence, shows the forms of acquaintance and long-term communication of scientists, noting the importance of M. Konyushkevich's personality in the formation and development of the humanitarian scientific environment, which has been and remains the engine of progress.

Keywords: Moscow, scientific communication, M. Konyushkevich, science, Internet letters, analysis.

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
НАУЧНЫХ, НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА М. И. КОНЮШКЕВИЧ**

- 1977 -

1. Типология выражения атрибутивных отношений в сложноподчиненном предложении в русском и белорусском языках // Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзейне славянскіх літаратур: тэз. дакл. III Рэсп. канф. Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. С. 179–181.

- 1978 -

2. О жанрово-стилевой обусловленности выбора союзных слов в сложном предложении // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV. 1978. № 2. С. 52–54.

- 1979 -

3. Атрибутивные отношения в сложноподчиненном предложении: (на материале русского и белорусского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 Русский язык, 10.02.02 Языки народов СССР (белорусский язык). Минск, 1979. 25 с.

4. О критериях выделения атрибутивных отношений в сложноподчиненном предложении в русском и белорусском языках // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV. 1979. № 1. С. 43–45.

5. Синтаксическая позиция союзного слова *какой* как критерий определения смысловых отношений в атрибутивном сложном предложении // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV. 1979. № 3. С. 42–46.

- 1980 -

6. Конструкции с вопросительной формулой // Молодежь и научно-технический прогресс: тез. докл. I Гродн. обл. конф. молодых ученых. В 2 ч. Гродно, 1980. Ч. 1. С. 153–154.

7. Об однородности членов вопросительной формулы // Исследования ученых – на службу пятилетки : тез. докл. науч.-практ. конф. В 4 ч. Гродно, 1980. Ч. 4. С. 63–65.

- 1981 -

8. Предикативная единица как белорусский аналог русского причастного оборота // Русский язык: межвед. сб. Минск: Изд-во БГУ, 1981. Вып. 2. С. 35–47.

~ 33 ~

9. Современный русский язык. Морфология: учеб.-метод. комплекс для филол. фак-тов. Гродно, 1981. 113 с.

10. Тыпалогія граматычнай структуры атрыбутыўнага складанага сказа ў беларускай і рускай мовах // Беларус. лінгвістыка. 1981. Вып. 2. С. 23–28.

- 1982 -

11. Об изоморфизме словообразовательных и синтаксических единиц переходного характера // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: тез. докл. респ. научно-практ. конф. В 2 ч. Гродно, 1982. Ч. 1. С. 67–69.

12. Сквозная программа научно-исследовательской подготовки студентов по лингвистике // Опыт и проблемы организации научно-исследовательской работы студентов в вузах БССР: тез. докл. IV респ. семинара по НИРС. Минск: БГУ, 1982. С. 40–41.

13. Современный русский язык. Фонетика и фонология. Графика и орфография. Лексикология и фразеология: учеб.-метод. комплекс для студентов-филологов. Гродно, 1982. 46 с. (В соавторстве с Н. С. Кононовой, В. П. Малеевой, Т. П. Савенковой, С. А. Емельяновой).

14. Современный русский язык. Синтаксис: учеб.-метод. комплекс для студентов филол. фак. В 2 ч. Гродно, 1982. Ч. 1. 119 с. (В соавторстве с Н. С. Кононовой, Т. П. Савенковой, Л. Н. Тершиной).

- 1983 -

15. Да характарыстыкі ацэначна-тлумачальнага сказа ў беларускай мове // Беларус. лінгвістыка. 1983. Вып. 23. С. 10–16.

16. Русско-белорусские языковые контакты: Программа спецкурса для студентов-филологов. Гродно, 1983. 13 с.

17. Русско-белорусский параллелизм в лексико-семантической группе относительных местоимений // Изучение и преподавание русского языка в условиях двуязычия. Лексика и фразеология: тез. докл. и сообщ. респ. науч.-практ. конф. В 2 ч. Фрунзе, 1983. Ч. 1. С. 60–62.

18. Современный русский язык. Морфология: учеб.-метод. комплекс для студентов заоч. формы обучения. Гродно, 1983. 49 с. (В соавторстве с В. Л. Лещенко).

19. Учебно-методические комплексы по современному русскому языку и их роль в учебно-воспитательном процессе // Методика обучения русскому языку в национальном вузе: тез. докл. науч.-метод. конф. «Совершенствование методики обучения русскому языку студентов национальных групп высших учебных заведений». Вильнюс, 1983. С. 75–77.

- 1984 -

20. Словесная и фразовая номинация в русско-белорусском взаимопереводе // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1984. Вып. 3. С. 35–47.

21. Слово ТО в сложном предложении // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1984. Вып. 4. С. 20–32.

- 1985 -

22. Воспитательные возможности спецкурса «Русско-белорусские языковые контакты» // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи: тез. докл. всесоюз. науч.-метод. конф. Орджоникидзе, 1985. С. 184–185.

23. Об эквиваленте в русском синтаксисе // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения: тез. докл. III респ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Гомель, 1985. С. 104–106.

24. Преобразование синтаксических связей в белорусско-русском взаимопереводе // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1985. Вып. 5. С. 69–79.

25. Проблемы синтаксического анализа: программа спецкурса для студентов-филологов. Гродно, 1985. 18 с.

26. Современный русский язык. Фонетика и фонология. Графика и орфография. Лексикология и фразеология: учеб.-метод. комплекс для студентов заоч. формы обуч. Гродно, 1985. 76 с. (В соавторстве с Н. П. Чернякевичем.)

27. Тематика курсовых и дипломных работ по русскому языку: учеб. пособие для студентов-филологов. Гродно, 1985. 85 с. (В соавторстве с М. А. Корчицем, Н. С. Кононовой, Е. И. Лавринайтис, В. Л. Лещенко и др.).

- 1986 -

28. К сопоставительной характеристике изъяснительного предложения в русском и белорусском языках: опорные слова // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1986. Вып. 6. С. 3–11.

29. Научно-исследовательская подготовка учителей-словесников для национальной школы: тез. докл. Респ. науч.-метод. конф. Фрунзе, 1986. С. 217–219.

30. Номинативная конкуренция объектной словоформы и придаточной части в русско-белорусских взаимопереводах // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: тез. докл. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 1986. С. 151–152.

- 1988 -

31. К сопоставительной характеристике изъяснительного предложения в русском и белорусском языках: средства связи в придаточной части // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1988. Вып. 8. С. 26–35.

32. Программа спецкурса «Русско-белорусские языковые контакты на современном этапе»: для студ. спец. 02.17, 02.18. Гродно, 1988. 12 с.

- 1989 -

33. Межъязыковая эквивалентность номинативных средств в ФСП обусловленности (русско-белорусские параллели) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: тез. докл. III респ. конф. В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 1989. С. 174–175.

34. Профориентационная работа кафедры на довузовском этапе // Совершенствование филологического образования студентов в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы: материалы респ. науч.-метод. конф. Минск, 1989. С. 69–70.

35. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия. Минск: Университетское, 1989. 156 с.

- 1990 -

36. Временные союзы в русско-белорусском сопоставлении (на материале произведений А. Ананьева и И. Чигринова) // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1990. С. 93–101. (В соавторстве с Р. Т. Лисовской).

37. Градационные конструкции в языке произведений В. И. Ленина // Творческое наследие В. И. Ленина и развитие восточнославянских языков: тез. докл. респ. науч. конф. Львов, 1990. С. 91–92. (В соавторстве с Л. Т. Тохтамурадовой).

38. К созданию сопоставительной русско-белорусской функциональной грамматики // Тез. докл. VI Всесоюз. координац. совещания «Русский язык в условиях двуязычия и многоязычия: проблемы функционирования и исследования». Минск: Наука і тэхніка, 1990. С. 65–66.

39. Конденсация изъяснительной придаточной в русско-белорусском взаимопереводе // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: материалы III респ. конф. Гродно, 1990. С. 57–60.

40. Межъязыковая эквивалентность номинативных средств в ФСП обусловленности (русско-белорусские параллели) // Словообразование и

номинативная деривация в славянских языках: тез. докл. III респ. конф. В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 1990. С. 172–174.

41. Метадычныя праблемы – на парадак дня // Гродзенскі ўніверсітэт. 1990. № 28 (152). С. 3.

42. Одно из проявлений интерференции на синтаксическом уровне // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1990. С. 138–144.

43. Особенности белорусского речевого этикета в сопоставлении с русским и польским // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: матэрыялы I Усесаюзн. канф. Віцебск, 1990. С. 47–51.

44. Проблемы ориентации студента-филолога на профессиональное общение // Учитель в системе непрерывного образования: тез. докл. и выступ. Респ. науч.-практ. конф. Гродно, 1990. С. 172–174.

45. Реликтовые функции глагола мець в белорусском языке (на фоне русского) // Закономерности языковой эволюции: тез. докл. всесоюз. науч. конф. Рига: Латв. ун-т, 1990. С. 85–86.

46. Сопоставительное исследование синтаксиса сложного предложения в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1990. 30 с.

47. Формы организации самостоятельной работы студентов // Выкладанне беларускай і рускай моў у вышэйшых навучальных установах БССР: тез. дакл. рэсп. навук. канф. Гродна, 1990. С. 60–62.

48. Я рускому учусь... Минск: Университетское, 1990. 143 с. Серия «Университет – школе». (В соавторстве с С. А. Емельяновой, В. Л. Лещенко).

- 1991 -

49. Валентные возможности и их реализация в сложноподчиненном предложении // Валентность и сочетаемость на синтаксическом уровне языка и речи: тез. докл. межвуз. конф. Могилев, 1991. С. 10–12.

50. Параўнальна-супастаўляльныя сінтаксісы ў «Беларусах» Я. Ф. Карскага // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага: матэр. навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння. Гродна, 1991. С. 33–37.

51. Поле компаративности в ФСП сравнения в русском и белорусском языках // Шануючы спадчыну Я. Карскага: матэрыялы другіх навук. чыт. Гродна, 1991. С. 72–76.

52. Потенциальная и реализованная сочетаемость частей в сложном предложении // Вопросы теории и методики преподавания русского

языка в национальной аудитории: тез. докл. межвуз. науч.-метод. конф. В 2 ч. Ч. 1: Вопросы теории. Коканд, 1991. С. 13–14.

53. Преemptивность идей А. А. Потебни в сопоставительном синтаксисе Е. Ф. Карского // А. А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей: тез. всесоюз. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Харьков, 1991. С. 44–46.

- 1992 -

54. Глаголы *иметь, иметься (мець, мецца)* в русском и белорусском языках: значения, функции, сочетаемость // Русский язык: межвед. сб. Минск: Университетское, 1992. С. 19–27.

55. Зваротак у паэмах Янкі Купалы // Валадар роднага слова: тэз. Рэсп. навук.-метад. канф. Гомель, 1992. С. 33–36.

56. К созданию русско-белорусского словаря функтивов // Современные проблемы лексикографии: сб. науч. тр. Харьков, 1992. С. 156–159.

57. К созданию сопоставительной функциональной грамматики русского и белорусского языков // Словаўтварэнне і намінатыўная дэрывацыя ў славянскіх мовах: матэрыялы IV рэсп. навук. канф. У 2 ч. Ч. 2. Гродна, 1992. С. 118–120.

58. Межъязыковая эквивалентность функтивов в двуязычном (русско-белорусском) словаре синтаксических средств // Проблеми зіставної семантики: матеріали респ. наук. конф. Київ – Черкаси, 1992. С. 162–164.

59. Моўны этыкет у апавяданнях М. Гарэцкага: камуніканы // Першыя Гарэцкія чытанні: тэзісы дакладаў і паведамленняў. Горкі, 1992. С. 66–72.

60. О сочинении и сочетаемости разнофункциональных членов вопросительно-относительной формулы // Вопросы теории и методики преподавания русского языка в национальной аудитории: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Коканд, 1992. С. 5–6.

61. Семантическая структура микрополя достоверного сравнения в ФСП сравнения // Шануючы спадчыну Я. Карскага...: трэція навук. чытанні. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 1992. С. 105–108.

62. Сочетаемость членов вопросительной формулы *кто – что (как, где...)* в русском и белорусском языках // Проблеми изучения и преподавания русского языка в вузах и школах республики: тез. докл. науч.-метод. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 1992. С. 149–152.

63. Філалагічны факультэт // Гродзенскі ўніверсітэт. 1992. № 31 (186). С. 3.

64. Функцыянальна-семантычны дыяпазон злучніка *абу (абы)* у гаворках Тураўшчыны (у параўнанні з адпаведнікамі ў беларускай літаратурнай мове) // Гомельшчына: народная духоўная культура і дыялекты, тапанімія: матэрыялы рэгіян. навук. канф. Гомель, 1992. С. 53–54.

- 1993 -

65. Дыялектныя сінтаксічныя сродкі ў мове М. Гарэцкага // Гарэцкія чытанні: матэрыялы дакл. і паведамленні. Горкі, 1993. С. 63–65.

66. Один из возможных путей построения сопоставительной функциональной грамматики близкородственных языков // Исследования по семантике: межвуз. сб. Уфа, 1993. С. 24–33.

67. Русский и белорусский языковой этикет в языке народной сказки (ситуация Приветствия) // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: матэрыялы Другой міжнар. навук. канф. Віцебск, 1993. С. 61–64. (В соавторстве с Т. А. Дробуш).

68. Прадмова // Ключаў Г. Н. Асновы і нормы сучаснай беларускай пунктуацыі. Гродна, 1993. С. 3.

- 1994 -

69. Навуковыя чытанні ў гонар акадэміка Карскага. Ужо чацвёртыя... // Гродзенскі ўніверсітэт. 1994. № 1 (212). С. 2.

70. Опыт создания учебника для 8 класса с углубленным изучением русского языка в школе-гимназии // Вучэбныя граматыкі нацыянальных моў: матэрыялы першай канф. Мінск: МДЛУ, 1994. С. 40–46.

71. Параўнанне ў мове твораў М. Гарэцкага: значэнне падабенства // Гарэцкія чытанні: матэрыялы дакл. і паведамленняў. У 2 ч. Ч. 1. Мінск, 1994. С. 102–103.

72. Пытанні менталітэту у навуковай спадчыне Я. Карскага / М. І. Канюшкевіч, В. А. Васілевіч // Шануючы спадчыну Я. Карскага...: чацвёртыя навуковыя чытанні. У 2 ч. Ч. 1 / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; рэдкал.: С. Я. Кострыца, М. І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 1994. – С. 23–30.

73. Синтаксис русского и белорусского языков: сходство и различия: пособие для учителя. Минск: Народная асвета, 1994. 157 с. (В соавторстве с М. А. Корчицем, В. Л. Лещенко).

74. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков // Язык в контексте общественного развития. М.: ИЯ РАН, 1994. С. 213–221.

- 1995 -

75. Анимальный образ в эпитетах русского и белорусского языков // Единство восточнославянских народов: прошлое, настоящее, перспективы: материалы науч. конф. Гомель, 1995. С. 197–198.

76. К описанию сходств и различий между языками в сопоставительной функциональной грамматике (суперлятивное значение) // Материалы науч. конф., посвящ. 100-лет. В. В. Виноградова. Минск, 1995. С. 37–42.

77. Как можно по-русски сказать о предмете, что он самый-самый // Русский язык и литература. 1995. № 1. С. 75–79.

78. Категория сравнения: функционально-параметрическая модель для сопоставительного описания // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм: Пятая Карскія міжнар. чытанні. Гродна, 1995. С. 13–18.

79. Системность в научно-исследовательской подготовке студентов по лингвистике // Арганізацыя навукова-даследчай работы студэнтаў і навучэнцаў педагагічных навучальных устаноў. У 2 т. Т. II. Мінск, 1995. С. 127–130.

- 1996 -

80. VI Международные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Белоруссия, Гродно, 25–26 января) // Вестник МАПРЯЛ. 1996. Вып. 16. С. 17–18.

81. Белорусский речевой этикет в сопоставлении с русским: ситуация приветствия // Вопросы функциональной грамматики: дополнительные материалы Шестых Карских чтений. Гродно, 1996. С. 50–55.

82. Моўная карціна свету беларуса (на матэрыяле мастацкіх параўнанняў) // Славянские народы и их культура в современном мире: материалы междунар. науч. конф. Гомель, 1996. С. 76–81.

83. Нежинский период – точка отсчета научной деятельности академика Е. Ф. Карского // Литература та культура Полісся: Выпускнікі Ніжінскай вищої школи і їх творчість: до 175-ліття заснування інституту. Ніжин, 1996. С. 185–191.

84. Поле различия в ФСП сравнения (модель сопоставительного описания) // Языковая номинация: тез. докл. междунар. конф. Минск: МГЛУ, 1996. С. 45.

85. Проблемы синтаксического анализа: программа // Программы спецкурсов и семинаров для студентов-филологов. Гродно: ГрГУ, 1996. С. 35–36.

86. Речевой этикет: программа // Программы спецкурсов и спецсеминаров для студентов-филологов. Гродно, 1996. С. 18–22. (В соавторстве с Н. С. Гребенщиковой).

87. Русско-белорусские языковые контакты: программа // Программы спецкурсов и спецсеминаров для студентов-филологов. Гродно: ГрГУ, 1996. С. 37–40.

88. Сопоставительная функциональная грамматика русского и белорусского языков (ориентиры и проекция опыта) // Вопросы лингвистики: сб. науч. тр. Минск: БГУ, 1996. С. 6–16.

89. Сопоставительная функциональная грамматика русского и белорусского языков: подходы и первые результаты // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: тез. докл. Всерос. науч. конф. Челябинск, 1996. С. 59–60.

90. Социолингвистическая парадигма языковой ситуации в Белоруссии после референдума // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы междунар. конф. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 242–246.

91. Средства выражения количества непроцессуального признака в тексте романа М. Булгакова «Записки покойника» // Вопросы функциональной грамматики: доп. материалы Шестых Карских чтений. Гродно, 1996. С. 66–74. (В соавторстве с О. Е. Матейко).

92. Теория поля в лингвистике: программа // Программы спецкурсов и спецсеминаров для студентов-филологов. Гродно: ГрГУ, 1996. С. 37–40.

93. Типы корреляций в ФСП сравнения // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства (да 135-х угодкаў з дня нараджэння): матэрыялы Шостых навук. чытаньняў. У 2 т. Т. 1. Гродна: ГрДУ, 1996. С. 77–81.

94. Час – прастора – асоба ў сферы вайны (дакументальна-мастацкія запіскі М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне») // Матэрыялы Пятых Гарэцкіх чытаньняў. Горкі, 1996. С. 7–12.

95. Экспликация ситуации А > / < В // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы V респ. науч. конф. Гродно, 1996. С. 32–33.

96. Языковые и речевые функции сравнения // Вопросы функциональной грамматики: доп. материалы Шестых Карских чтений. Гродно, 1996. С. 50–55.

- 1997 -

97. Агульнаначалавчас, нацыянальнае і індывідуальнае ў мастацкай палітры часу М. Гарэцкага // Гарэцкія чытанні: матэрыялы дакл. і паведамленняў. Міжнар. чыт. Мінск, 1997. С. 244–249.

98. Анимальный образ в ассоциатах, сравнениях, эпитетах (русско-белорусские параллели) // Беларуска-рускае супастаўляльнае мовазнаўства: Матэрыялы IV міжнар. канф.: у 3 ч. Ч. 2. Віцебск, 1997. С. 259–263.

99. Анимальный образ как фрагмент «картины мира» // Язык. Культура. Взаимопонимание: Материалы Междунар. конф. Львов, 1997. С. 58–62.

100. Набалелыя пытанні беларускай лексікаграфіі // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітар. навін. 1997. № 4. С. 125–126.

101. Предисловие // Матвеев Е. Укажет сердце мне дорогу: Стихи. Полоцк, 1997. С. 3–7.

102. Русский язык. Синтаксис: учеб. для школ с углубленным изучением рус. яз. В 2 ч. Ч. 1. Минск: Юнипак, 1997. 207 с. (В соавторстве с А. В. Никитевичем, Л. Б. Парамоновой, Л. И. Смольской).

- 1998 -

103. Категория гоноративности и ее отношение к функциональной грамматике // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 1998. С. 25–35.

104. Компаративно-ассоциативное поле как единица сопоставительного анализа // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII міжнар. Карських чит. Гродна. Ніжин: «Наука-сервіс», 1998. С. 55–59.

105. Концептосфера школьного учебника // Тэорыя і практыка навучання мовам, літаратурам і рыторыцы ў сярэдняй і вышэйшай школе: матэрыялы Міжнар. навук.-тэар. канф. У 3 ч. Ч. 1. Мінск: БДУ, 1998. С. 179–180.

106. Концепты «мужчина» и «женщина» в представлении белорусских студентов // Lexyka w komunikacji językowej: materiały konf. międzynarod. Gdańsk, 1998. S. 81–82.

107. Концепты «мужчина» и «женщина» в представлении белорусских студентов // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 1998. С. 82–87.

108. О Евфимии Федоровиче Карском: Библиографический указатель (1991–1996 гг.) // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII міжнар. Карських читань. Ніжин: «Наука-сервіс», 1998. С. 12–15.

109. Проект русско-белорусского словаря союзных средств // Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии. Вып. 5. Гродно, 1998. С. 179–180.

110. Русский язык: культура устной и письменной речи: учебн. для 8 кл. / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск: Оракул, 1998. 286 с.

111. Экспликация ситуаций «А не соответствует В», «А не соответствует самому себе» // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: в 2 ч. Ч. 2: материалы VI междунар. науч. конф. Гродно, 1998. С. 27–32.

112. Социолингвистическая парадигма языковой ситуации в Республике Беларусь после референдума: проблемы и тенденции // Язык и социум: материалы II междунар. науч. конф.: в 2 ч. Минск: БГУ, 1998. Ч. 1. С. 20–26.

- 1999 -

113. Асноўныя канцэпты ў параўнаннях Купалы-лірыка // Міжнародныя Купалаўскія чытанні: матэр. навук. канф. Гродна: ГрДУ, 1999. С. 247–252.

114. В мир Паустовского // Русский язык и литература. Минск, 1999. № 6. С. 113–114.

115. Лінгвасеміятычныя апазіцыі ў лютэрку беларускага маўленчага этыкету // Роднае слова. 1999. № 3. С. 78–83.

116. Лінгвасеміятычныя апазіцыі ў лютэрку беларускага маўленчага этыкету (колькасныя параметры) // Роднае слова. 1999. № 10. С. 95–100.

117. О женщине языком сравнений // Женщина. Образование. Демократия: материалы I междунар. междисциплин. науч.-практ. конф. Минск, 1999. С. 230–231.

118. Польская *greczność* фарбамі беларускай мовы // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы II междунар. науч. конф. В 3 ч. Ч. 1. Минск: БГУ, 1999. С. 138–140.

119. Русский язык. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис: учеб. для ст. кл. школ с углубленным изучением рус. яз. Минск: Университетское, 1999. 205 с. (В соавторстве с С. Я. Кострицей, Л. Б. Парамоновой, Л. И. Смольской).

120. Русский язык конца XX столетия: программа // Программы учебных и специальных курсов для подготовки магистров по специальности «Русский язык». Гродно, 1999. С. 27–32.

121. Функциональная грамматика: программа // Программы учебных и специальных курсов для подготовки магистров по специальности «Русский язык». Гродно, 1999. С. 3–6.

- 2000 -

122. Гендер в концептосфере школьного учебника // Женщина. Образование. Демократия: материалы 2-й междунар. междисциплин. науч.-практ. конф. Минск, 2000. С. 48–53.

123. Е. Ф. Карский и проблемы белорусского языкознания конца XX столетия // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Вип. 28. Львів, 2000. С. 418–423.

124. Категория сравнения в функциональном и сопоставительном аспектах // Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков: докл. Междунар. симпоз. Белград, 2000. С. 41–46.

125. Концепт «боль» в наивной и научной картинах мира // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 3. Гродно, 2000. С. 78–85. (В соавторстве с И. В. Песоцкой).

126. Модализация как категория прагматики // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы VII науч. конф. Гродно, 2000. С. 315–319.

127. Модальность в свете прагматики // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2000. Вып. 3.

128. Неустойчивый образ устойчивого сравнения // Русский язык в изменяющемся мире: материалы Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: БГУ, 2000. С. 20–25.

129. Подготовка магистров по русскому языку: опыт, проблемы, перспективы // Мова і літаратура ў сярэдняй і вышэйшай школе: актуальныя праблемы выкладання: матэрыялы Рэсп. навук. канф. Гродна: ГрДУ, 2000. С. 9–12.

130. Проблемы социума, говорящего на «белорусско-русском» языке // Язык и социум: материалы III междунар. науч. конф. Минск, 2000. С. 48–53.

131. Равноправны ли компоненты синтагмы *A и B*? // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: тэзісы дакл. VIII міжнар. Карскіх чытаньняў. Гродна: ГрДУ, 2000. С. 44–45. (В соавторстве с Е. В. Беляевой).

132. Революция, эволюция или период возврата? (Взгляд на наследие Е. Ф. Карского сквозь призму новой парадигмы) // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. 2000. № 3. С. 12–17.

133. Русский язык. Синтаксис. Дидактические материалы: пособие для учащихся школ с углубленным изуч. рус. яз. Минск: Университетское, 2000. 230 с. (В соавторстве с Г. Н. Жданеней, Л. Б. Парамоновой).

134. Синтаксический «симбиоз» категорий неопределенности и недостоверного сравнения (русско-белорусские соотношения на уровне сложного предложения) // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения: материалы науч. конф. Вып. 1. М.: Русский учебный центр, 2000. С. 157–162.

135. Białorusko-rosijsko-polskie odpowiedniki w stereotypach komunikacyjnych (aspekty etno- i socjolingwistyczne) // Socjolingwistyczne aspekty funkcjonowania języka: materiały konf. nauk. Siedlce: Akademia Podlaska, 2000. S. 17–28.

136. Категория сравнения как объект сопоставительной функциональной грамматики // Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков: тез. докл. V междунар. симпоз. МАПРЯЛ (Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г.). Белград, 2000. С. 37–38.

- 2001 -

137. Категория сравнения и бином языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы междунар. конгресса. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 103.

138. Проклятия в речевом поведении белорусов // Etnolingwistyka: problemy języka i kultury / Uniwers. M. Curie-Skłodowskiej. Lublin, 2001. T. 13. S. 155–168.

139. Русский язык. Культура устной и письменной речи: 8 кл. Экспериментальный учеб. для школ с рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, П. П. Шуба, Ф. М. Литвинко, М. И. Конюшкевич [и др.]. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2001. 331 с.

140. Специфика белорусского проклятия // Язык и культура: Проблемы современной этнолингвистики: материалы междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2001. С. 11–16.

141. Функциональная грамматика в лексикографии: новаторство П. П. Шубы-лексикографа (на материале предлогов сравнительной семантики) // Чтения, посвященные памяти П. П. Шубы: сб. науч. ст. Минск: БГУ, 2001. С. 33–41.

- 2002 -

142. К вопросу о предлоге как единице языка // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 4. Гродно: ГрГУ, 2002. С. 25–32.

143. Категория сравнения и ее место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 4. Гродно: ГрГУ, 2002. С. 82–94.

144. Концепты «мужчина» и «женщина» в русском фольклоре // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сб. материалов Первой междунар. науч. конф. Новополоцк: ПГУ, 2002. С. 13–15.

145. Функциям тесно в конструкторе грамматики (Об изофункциональности разноуровневых единиц русского языка) // Русский язык: система и функционирование: материалы Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: БГУ, 2002. С. 17–20.

- 2003 -

146. IX Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2003. № 1. С. 152–156.

147. Вместо парадигмы утверждений и отрицаний – парадигма допущений (об усложнении языкового сравнения в дискурсе СМИ) // Журналістыка СМІ: матэрыялы 5-й міжнар. навуц.-практ. канф. (4–5 снежня 2003 г., Мінск, БДУ). Вып. 5. Мінск, 2003. С. 121–123.

148. К вопросу о границах категории компаративности // Язык и культура: функционирование и взаимодействие: материалы междунар. науч. конф. Шымкент, 2003. С. 117–122.

149. К типологии единиц релятивной грамматики // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы IX междунар. Карских чтений. 16–17 мая 2002 г., Гродно. В 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2003. С. 50–60.

150. Категория одушевленности в зеркале функциональной грамматики // Русский язык и литература. 2003. № 3. С. 82–91; № 4. С. 110–116; № 5. С. 103–112; № 6. С. 111–119.

151. Личное имя и экология личности // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: матэрыялы VI міжнар. навуц. канф. У 2 ч. Віцебск, 2003. Ч. 1. С. 133–135.

152. Навошта сучаснаму вучню ведаць пра дзейнік, выказнік і іншыя рэчы // Роднае слова. 2003. № 11. С. 58–64.

153. Наше знание и незнание о предлоге // Русский язык и литература. 2003. № 11. С. 75–83.

154. О тексте и о лингвистике текста // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы III междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Мозырь, 2003. С. 7–9.

155. Предложный деривационный потенциал параметрической лексики // Словообразование и номинативная деривация в славянских

языках: материалы VIII междунар. науч. конф. Гродно: ГрГУ, 2003. С. 186–192.

156. Содержание подготовки магистров гуманитарных наук по специальности 10.02.02 – русский язык: наработки, проблемы, перспективы // Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI веке: сб. тезисов Второй междунар. конф. ун-тов. М.: Макс Пресс, 2003. С. 237–240.

157. Триада или тетрада? (к вопросу о белорусской цветовой картине мира) // Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці: зб. навук. прац. Гродна: ГрДУ, 2003. С. 280–285.

158. Узаемадзеянне рускай і беларускай моў у крэатыўнай свядомасці беларуса-білінгва (не матэрыяле кампаратыўна-асацыятыўных палёў каларатываў) // Актуальныя праблемы выкладання мовы і літаратуры ў сярэдняй і вышэйшай школе: матэрыялы рэсп. навук. канф. Гродна: ГрДУ, 2003. С. 296–300.

159. Хроникальные заметки [О Международных Карских чтениях 2002 г.] // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 146–150.

- 2004 -

160. Аналітычныя прыназоўнікі: ці асістэмная гэтая з’ява для беларускай мовы? // Язык и социум: материалы VI междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2004. С. 45–49.

161. Диссонансные речевые ситуации и их место в лингвокультуре и коммуникации // Социокультурные аспекты межъязыковой коммуникации: материалы междунар. науч. конф. Гродно: ГрГУ, 2004. С. 12–19.

162. К вопросу о парадигме предлога // Русский язык: система и функционирование: материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2004. С. 23–25.

163. К основаниям релятивной грамматики // Русский язык: история и современность: тр. и материалы II междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004. С. 225.

164. Категория компаративности как бином языка // Языковые категории: границы и свойства: материалы докл. Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004. С. 36–42.

165. Лингвопрагматическая категория модализации как способ достижения коммуникативного успеха // Коммуникативные стратегии: материалы II междунар. конф. Минск, 2004. С. 24–28.

166. Некоторые закономерности образования предлогов // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сб. материалов Междунар. конф. Елец, 2004. С. 68–77.

167. О потенциале предложной системы (на материале параметрических и сравнительных предложений) // Польский язык среди других славянских языков, 2004: IV Супруновские чтения. Минск: РИВШ, 2004. С. 117–126.

168. От парадигмы анализа к парадигме синтеза // Многоуровневая система подготовки филологов: организация содержания и новые технологии обучения: материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2004. С. 12–16.

169. Парадигмы на рубежах веков (научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX века) // *Paradygmaty filizofii jezyka, literatury i teorii tekstu (Pogranicza metodologiczne)*. Slupsk, 2004. S. 81–91.

170. Польская *grzeczność* і беларуская *шчырасць* у прагматыцы зносін народаў-суседзяў // Шлях да ўзаемнасці: Польшка-беларускія моўныя літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі: матэрыялы VI Міжнар. навук. канф. Беласток, 2004. С. 141–151.

171. Почему за и против, а не против и за? // Журналістыка-2004: матэрыялы 6-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2004. С. 174–175.

172. Прагматика общения белорусов как предмет лингвистического описания // Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии: материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2004. С. 89–93.

173. Функции предлога // Функціонально-комунікативні аспекти граматыкі і тексту: зб. навук. праць. Донецьк: ДонНУ, 2004. С. 196–202.

- 2005 -

174. X Международные Карские чтения (к 145-летию академика Е. Ф. Карского) // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2005. № 4. С. 179–182.

175. Аналітычныя прыназоўнікі ў мове газеты: сістэма і функцыянаванне // Журналістыка-2005: На скрыжаванні прасторы і часу: матэрыялы 7-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2005. С. 138–141.

176. Да характарыстыкі ацэнчна-глумачальнага складанага сказа // Беларуская мова: хрэстаматыя. Мінск: Выш. шк., 2005. С. 507–514.

177. Коммуникация в русско-белорусскоязычном социуме как социолингвистический феномен // *Language, Society, and Problems of Intercultural Communication: materiały z Miedzynar. konf. nauk. Białystok*, 2005. S. 249–254.

178. Научная Карскиана конца XX – начала XXI столетия // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы X междунар. Карских чтений. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 4–17.

179. О механизме опредложивания знаменательной лексики // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вип. 13. Донецьк: ДонНУ, 2005. С. 65–70.

180. Праблематыка беларускага прыназоўніка ў святле функцыянальнай граматыкі // Беларуская лінгвістыка. Вып. 55. Мінск: Беларуская навука, 2005. С. 3–10.

181. Прадмова // Я. Ф. Карскі. Праваслаўныя святыні горада Вільні. Рэпрынтн. выд. Гродна, 2005. С. 5–6.

182. Предложные сочетания как грамматические фразеологизмы: образование, структура, функции // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы IV междунар. науч. конф. Гомель, 2005. С. 168–172.

183. Русские и белорусские предлоги: списочный состав, закономерности образования, первый опыт сопоставления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2005. № 4. С. 64–79.

184. Русский язык. Культура устной и письменной речи. 9 кл.: учеб. для школ с рус. яз обучения / Л. А. Мурина, Ф. М. Литвинко [и др.]. Минск: Нар. асвета, 2005. Раздел «Простое предложение». С. 89–159.

185. Сильноуправляющие слова как единицы лексикографического описания // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 22–26.

186. Синтаксеообразующая функция предлога и механизмы опредложивания знаменательной лексики // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 5. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 3–19.

187. Содержание и проблемы подготовки магистров гуманитарных наук по специальности «Русская филология» со специализацией «Русский язык» (из опыта работы) // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 7-й междунар. науч.-метод. конф. Минск: РИВШ, 2005. С. 55–56.

188. Способы выражения лексического компонента синтаксемы (синтаксической позиции), маркированной предлогом (на материале белорусского языка) // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы X междунар. Карских чтений: В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 104–116.

189. Той, хто валодае інфармацыяй, валодае ўсім // Звезда (з бясплатнай укладкай «Чырвоная змена»). 2005. № 34. С. 2.

190. Тыпалогія граматычнай структуры атрыбутыўнага складанага сказа ў беларускай і рускай мовах // Беларуская мова: Хрэстаматыя: вуч. дапам. Мінск: Выш. школа, 2005. С. 501–507.

191. Хроникальные заметки: 16–17 мая 2005 г. в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы состоялись X международные Карские чтения, посвящ. 145-лет. акад. Е. Ф. Карского // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 153–157.

- 2006 -

192. Беларускі прыназоўнік: патэнцыял і праблематыка // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. ст. Віцебск, 2006. С. 200–203.

193. Введение в технику лингвистических исследований // Программы спецкурсов / Для студ. специальности «Русская филология». Гродно, 2006. С. 4–9.

194. Дыскрэтнасць топаса ў паэмах «Пан Тадэвуш» Адама Міцкевіча і «Новая зямля» Якуба Коласа (на матэрыяле ўжывання лакатыўных сінтаксем) // «З краю Навагрудскага... » (малая айчына ў жыцці і творчасці Адама Міцкевіча): зб. навук. прац. Гродна: ГрДУ, 2006. С. 334–340.

195. Научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX столетия // Літаратура та культура Полісся. Проблемы розвитку філологіі, історіі та культуры. Ніжин, 2006. С. 10–21.

196. Патэнцыял славянскага прыназоўніка // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XII міжнар. навук. канф. Гродна: ГрДУ, 2006. С. 136–140.

197. Праблематыка беларускага прыназоўніка // Gwary i onomastyka pogranicza polsko-wschodnioslowianskiego i slowiansko-baltyckiego: tom prac ofiarowany Prof. Michalowi Kondratiukowi z okazji 45-lecia pracy naukowej. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2006. С. 173–190.

198. Предлог как системообразующий формант и структура синтаксемы // Лінгвістычні студіі: зб. навук. праць. Вип. 14. Донецьк: ДонНУ, 2006. С. 73–79.

199. Программы спецкурсов: для студ. специальности 1-21 05 02 Русская филология (спец. 1-21 05 02 01 Языкознание) / авт.-сост.: А. В. Никитевич, М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2006. 53 с.

200. Развитие идей профессора П. Шубы в современных исследованиях грамматики предлога // Русский язык: система и функционирование. К 80-лет. проф. П. Шубы. Материалы 3-й междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2006. С. 10–12.

201. Русский язык. Культура устной и письменной речи. 9 кл.: учеб. пособие для школ с рус. и бел. яз. обучения с 12-летним сроком обучения (базовый и повыш. уровни) / Л. А. Мурина, Ф. М. Литвинко,

М. И. Конюшкевич [и др.]. 2-е изд. Минск: Нар. асвета, 2006. Раздел «Простое предложение». С. 34–89.

202. Русско-белорусские языковые контакты // Программы спецкурсов / Для студ. специальности «Русская филология». Гродно, 2006. С. 47–50.

203. Рэстр беларускіх прыназоўнікаў і іх аналагаў: функцыянальная граматыка рэальнага ўжывання // Працы кафедры беларускай мовы. Мінск, 2006. Вып. 5. С. 88–93.

204. Странички из прошлого и настоящего кафедры русского языка // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2006. № 1 (36). С. 128–130.

205. Теория поля в лингвистике // Программы спецкурсов / Для студ. специальности «Русская филология». Гродно, 2006. С. 50–54.

206. Функциональный потенциал полнозначных слов для образования предлогов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: тэз. дакл. IX міжнар. канф. Камісіі па славян. словаўтварэнню пры Міжнар. камісіі славістаў. Мінск, 2006. С. 115–121.

- 2007 -

207. Белорусские предлоги и их аналоги: принципы атрибуции при формировании реестра // Лінгвістичні студіі: зб. наук. праць. Вып. 15. Донецьк: ДонНУ, 2007. С. 142–149.

208. Имя: от номинации к реляции // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках): материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 28–33.

209. Итоги III международного конгресса исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2007 г.). Экстраполяция на состояние изучения русского языка в Республике Беларусь // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев, 2007. С. 33–40.

210. Категория компаративности и синтаксис // Ритми сучасноў филологіі: зб. наук. праць. Львів, 2007. С. 323–335.

211. «Лішнія» словы ў выказванні – збыткоўнасць ці неабходнасць? // Журналістыка-2007: надзённыя праблемы і перспектывы: матэрыялы 9-й міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2007. Вып. 9. С. 233–236.

212. Матэрыялы да слоўніка беларускіх прыназоўнікаў і іх аналагаў: функцыянальная граматыка рэальнага ўжывання // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии / отв. ред.: В. Л. Воронович, Л. В. Рычкова. Гродно: ГрГУ, 2007. С. 130–135.

213. Наватворы ў галіне беларускага прыназоўніка // Граматычны лад беларускай мовы. Шляхі гістарычнага развіцця і сучасныя тэндэнцыі: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 2007. С. 17–22.

214. НИР и НИРС по языкознанию в вузах Республики Беларусь: состояние и проблемы // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев, 2007. С. 12–16.

215. О языковом статусе аналитических сочетаний типа *в сфере, на тике, под маской* и под. // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы. М., 2007. С. 278.

216. Прагматическая ориентированность морфологической формы и коммуникация // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации. В 2 ч. Ч. 1: материалы Междунар. науч. конф. Гродно: ГрГУ, 2007. С. 7–13.

217. Прагматическая ориентированность морфологической формы и коммуникация // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. С. 44–49.

218. Русистика в начале XXI столетия // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3. 2007. № 2. С. 120–122.

219. Русская предложная система в освещении М. В. Ломоносова // Традиции М. В. Ломоносова и современность (к 250-летию «Российской грамматики») М. В. Ломоносова: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Гомель, 2007. С. 14–19.

220. Система непрерывной исследовательской деятельности одаренной филологической личности // Тез. докл. VI междунар. науч. конф. «Технообраз-2007» (5–6 апр. 2007 г., Гродно). Гродно: ГрГУ, 2007. С. 17–20.

221. Системные отношения в морфосинтаксическом поле белорусского предлога // Славянските предлози: сб. ст. Велико Тырново, 2007. С. 138–149.

222. Социолингвистические особенности коммуникации в русско-белорусскоязычном социуме // Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. Минск: БГПУ, 2007. С. 237–239.

223. Функциональный потенциал однозначных слов для образования предлогов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: дакл. IX міжнар. навук. канф. Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнар. камітэце славістаў. Мінск, 2007. С. 115–121.

- 2008 -

224. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3-х ч. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. Ч. 1: Дыяпазон А – Л. Гродна, 2008. 492 с.

225. Вітальнае слова // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства: матэрыялы XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 верес. 2007 р. Ніжин; Гродно: Міланік, 2008. С. 2.

226. Вітальнае слова // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства: матэрыялы XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 верес. 2007 р. Ніжин; Гродно: Міланік, 2008. С. 3.

227. Категория отношения и система языка (модель релятивной грамматики) // Исследования по семантике: межвуз. науч. сб. Вып. 24. Уфа, 2008. С. 412–426.

228. Медиалингвистика как самостоятельная дисциплина // Журналістыка-2008: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 10-й міжнар. навук.-практ. канф. Вып. 10. Мінск: БДУ, 2008. С. 274–276.

229. Место лингвокультурем в языковом сознании билингва (на материале компаративно-ассоциативных полей колоративов) // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2008. С. 20–24.

230. Памяти коллеги. Елена Диевна Горячева // Русский язык и литература. Сер. «У дапамогу педагогу». 2008. № 4. С. 65.

231. Предложная система белорусского языка в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства: матэрыялы XI міжнар. Карських читань, 18–19 верес. 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. Ніжин; Гродно, 2008. С. 28–30.

232. Предложные сочетания с пространственным значением в белорусском языке // Язык – Культура – Человек: сб. науч. ст. М., 2008. С. 177–189. (В соавторстве с О. Г. Николаенко).

233. Релятивный потенциал имени // Лінгвістичны студіі: зб. наук. праць. Выпуск 16. Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 60–66.

234. Сердце отдаю людям. К юбилею С. А. Емельяновой // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2008. № 2. С. 3–4.

235. Сходное и различное в русской и белорусской предложных системах (обзор Реестра в диапазоне буквы Н) // Язык – Культура – Человек: сб. науч. ст. М., 2008. С. 161–176.

236. Ученые держатся за руки // Адукацыя і выхаванне. 2008. № 4. С. 68–70.

237. Яўхім Карскі – бацька беларускага мовознаўства // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства: матэрыялы XI міжнар. Карських чытань, Ніжин – Гродно, 18–19 верес. 2007 р. Ніжин; Гродно: Міланік, 2008. С. 3–5.

- 2009 -

238. Другасныя прыназоўнікі ў беларускай і польскай мовах // Polsko-białoruskie związki jezykowe, literackie, historyczne i kulturowe = Польшка-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Т. XI: матэрыялы XVI Міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці». Białystok: Wyd. Un-tu w Białymstoku, 2009. С. 107–118.

239. Какому русскому языку мы учим? // Современное языковое и литературное образование в СНГ: диалог между теорией и практикой: материалы Междунар. форума русистов. Минск, 2009. С. 162–171.

240. Концептуализация синего в белорусской цветовой картине мира // Культура народов Причерноморья. 2009. № 168. Т. 1. С. 388–390.

241. Лексико-функциональное поле предлогов с инвариантом ‘включение’ / ‘исключение’ в русском языке // Лінгвістычны студіі: зб. наук. праць. Вип. 19. Донецьк: ДонНУ, 2009. С. 32–38. (В соавторстве с М. Романовской).

242. Многоуровневый анализ простого предложения // Современное языковое и литературное образование в СНГ: диалог между теорией и практикой: материалы Междунар. форума русистов. Минск, 2009. С. 171–179.

243. О релятивных фразеологизмах и их месте в системе языка // Слово в языке и речи: междунар. сб. науч. тр. Елец, 2009. С. 176–182.

244. Практическая функциональная грамматика: раб. тетр. по одноименному курсу для студ. спец. 1-23 01 08 – Журналистика. Гродно: ГрГУ, 2009. 87 с.

245. Предлоги и их аналоги с семантикой ‘противопоставление’ в русском и белорусском языках // Лінгвістычны студіі: зб. наук. праць. Вип. 19. Донецьк: ДонНУ, 2009. С. 27–31. (В соавторстве с Ю. Вишняк).

246. Развіццё прыназоўнікавай сістэмы сучаснай беларускай мовы ў кантэксце беларуска-іншамоўных сувязяў // Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Славii: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск: Права і эканоміка, 2009. С. 33–40.

247. Расширение функциональных границ категории личности // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов IV междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2009. С. 24–28.

248. Учить языку не для разбора, а для жизни // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания русского языка: сб. науч. ст. Липецк – Москва, 2009. С. 11–22.

- 2010 -

249. XII Международные научные чтения (Карские чтения). На встречу 150-летию Е. Ф. Карского // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. 2010. № 2. С. 171–174.

250. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. Ч. 2: Дыяпазон М – П. Гродна, 2010. 619 с.

251. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. Гродна, 2010. 535 с.

252. Белорусская русистика // Русистика в Беларуси: Вестник БООПРЯЛ (Минск). 2010. № 1. С. 12–19.

253. Вступительное слово // Карский Евфимий Фелорович (к 150-лет. со дня рожд.): библиогр. обзор / авт.-сост. А. А. Карский. Гродно, 2010. С. 3–4.

254. Конфирмативы: структура и семантика // Функциональная лингвистика. 2010. Т. 1. № 1. С. 333–335.

255. Лингвосомиотические оппозиции как фундамент прагматики общения // Россия и славянский мир в контексте многополярности: материалы VII междунар. науч. конф. В 4 ч. Ч. 2. Славянск-на-Кубани, 2010. С. 77–86.

256. Международное сотрудничество ученых: формы, опыт, результаты // Опыт международных гуманитарных исследований в российском и европейском образовательном пространстве: сб. науч. ст. Славянск-на-Кубани, 2010. С. 317–322.

257. Одна из проблем языкознания начала третьего тысячелетия // Университетская наука – 2010: тез. Междунар. науч.-техн. конф. В 3 т. Т. 3. Мариуполь, 2010. С. 206.

258. Практическая функциональная грамматика (из опыта изучения простого предложения в вузе) // Русский язык в коммуникативном пространстве СНГ: сб. материалов Междунар. конф. М., 2010. С. 213–227.

259. Предложно-падежные синтаксемы с конфирмативной семантикой // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2020. С. 398–399.

260. Семантический диапазон и синтаксические функции слова «то» в сложноподчиненном предложении // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике. Тюмень, 2010. С. 61–68.

261. Сложное предложение в отношении к категории компаративности // Язык. Дискурс. Текст: тр. и материалы V междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д, 2010. С. 153–160.

262. Соматизмы в функции предлога (к вопросу о границах категории персональности) // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вип. 20. Донецьк: ДонНУ, 2010. С. 79–86.

263. Экология медиaprостранства // Журналістыка-2010: стан і перспектывы: матэрыялы 12-й міжнар. навуц.-практ. канф. Вып. 12. Мінск, 2010. С. 190–192.

- 2011 -

264. XII международные научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Навстречу 150-летию Евфимия Федоровича Карского) // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 156–159.

265. Диссонансные ситуации в речевом общении // Язык и межкультурные коммуникации: материалы III междунар. науч. конф. Минск: БГПУ, 2011. С. 160–162.

266. Идеи М. В. Ломоносова в теории предлога // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: материалы V междунар. науч.-практ. конф. М.: Макс Пресс, 2011. С. 139–142.

267. Из Беларуси – с любовью // В мире словесности: сб. науч. работ. Тернополь, 2011. С. 19–21.

268. Категория предлога в современной славянской лексикографии // Proceedings Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences. II. 2011. Tbilisi: Publishing House «Meridiani», 2011. S. 236–250.

269. Кудой? Есть ли право на легитимность? // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов V междунар. науч. конф. Минск, 2011. С. 237–240.

270. Научное сообщество и современное языкознание в зеркале Карских чтений // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII междунар. науч. чтений. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 73–82.

271. Новации в области белорусского предлога (системное, окказиональное, авторское) // Лінгвістичні студіі: зб. наук. праць. Вип. 22. Донецьк: ДонНУ, 2011. С. 121–125.

272. Отношения в мире – отношения в языке // Язык и социум: материалы IX междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2011. С. 5–11.

273. Практическая функциональная грамматика: рабочая тетрадь по одноименному курсу для специальности «Журналистика». Гродно: ГрГУ, 2011. 92 с.

274. Предложный потенциал соматизмов // Язык. Речь. Речевая деятельность: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 3–15.

275. Русистика Беларуси на рубеже XX–XXI вв. // Функциональная лингвистика. 2011. № 2. Т. 1. С. 286–289.

276. Русский язык: учеб. пособие для 8 кл. учреждений общ. сред. образования с бел. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. Минск: Нац. ин-т образования, 2011. 262 с.

277. Сколько предложений в предложении? // Качество языкового и литературного образования: содержание и методика обучения: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2011. С. 159–162.

- 2012 -

278. Категоризация пространства в русской и белорусской картинах мира // Использование передовых технологий обучения в учреждениях образования: материалы III Респ. науч.-практ. конф. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 20–27.

279. Категория предлога в современной славянской лексикографии // Proceedings Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences. II. Tbilisi, 2011. S. 236–250.

280. Контаминация персональности и других категориальных смыслов в языке СМИ // И слово Ваше отзовется. Киев, 2012. С. 243–255.

281. Концовка медиатекста: «эмичность» и «этичность» // СМИ и современная культура: сб. науч. тр. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 310–320.

282. Кто кем правит: человек языком или язык человеком? (Размышления над языком современных СМИ) // Жыццём і словам прысягаючы...: зб. навуц. прац. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2012. С. 310–318.

283. Ода шарай гадзіне, или Вечернее время суток в белорусской языковой картине мира // Россия и славянский мир в интеллектуальном

контексте времени: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Славянск-на-Кубани, 2012. С. 230–234.

284. Приветственное слово // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалы Междунар. науч.-практ. конф. Славянск-на-Кубани, 2012. С. 12–13.

285. Синтез грамматического знания в вузовском курсе «Практическая функциональная грамматика» // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин: виды, принципы, приемы: сб. материалы V Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 т. Т. 3. Нижний Новгород, 2012. С. 112–117.

286. Транзитивы в славянских языках // Теория и методология славянского языкознания: II междунар. симп. «Славянские языки и культуры в современном мире»: тр. и материалы. М., 2012. С. 281.

287. Экспликация транзитивной семантики в славянских языках // Славянская историко-культурная и языковая ситуация. Славянск-на-Кубани, 2012. С. 230–238.

288. Язык интерпретирует человека, или О расширении границ категории персональности // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 19–26.

- 2013 -

289. А. А. Патабня і Я. Ф. Карскі аб адным значэнні творнага склону // Наукова спадщина О. О. Потебні у слов'нському культурному просторі: зб. наук. праць. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. С. 147–164.

290. Вопросительно-относительные синтагмы: особенности структуры и функционирования в русском языке // Функциональная лингвистика. 2013. № 5. С. 186–189.

291. Идеи М. В. Ломоносова в современной грамматике // М. В. Ломоносов в истории науки, культуры, университетского образования: матер. Междунар. науч. конф. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 54–58.

292. Из опыта атрибуции славянского предлога // Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV міжнар. з'езд славістаў: даклады беларускай дэлегацыі. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 85–98.

293. Контаминация персональности и пространственности в русском языке // Славянские народы и их культуры: традиция и современность: сб. науч. ст. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. С. 148–150.

294. Корреляция предложной и союзной единиц в выражении полипропозитивной семантической структуры // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47: сб. науч. тр. М.: Макс Пресс, 2013. С. 285–300.

295. Кто в «коротких штанишках»? (О смысловом расширении одного сочетания) // Русский язык и литература. Сер. «У дапамогу педагогу». 2013. № 11. С. 60–64.

296. Міжнародныя навуковыя чытанні «Я. Ф. Карскі і сучаснае мовазнаўства»: гісторыя, роля, водгулле // Гарадзенскія чытанні: зб. матэрыялаў. Гродна, 2013. Вып. 2. С. 124–131.

297. Оцифрованное слово стремится к «семантической бесконечности» // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: материалы II междунар. науч.-практ. семинара. СПб., 2013. С. 211–214.

298. Плотность текста: содержание и объем понятия // Текст. Язык. Человек. В 2 ч. Ч 1: сб. науч. тр. Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2013. С. 17–19.

299. Полипараметрическая атрибуция предложных единиц (из опыта создания материалов к словарю белорусских предлогов и их аналогов) // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 78–80.

300. Преобразование предложно-падежной синтаксемы в предикативную единицу: корреляция предлога и показателя связи сложного предложения // Лінгвістычныя студіі: зб. наук. праць. Вып. 26. Донецьк: ДонНУ, 2013. С. 93–99.

301. Тенденции в методологии лингвистических исследований // Вісник Донецького національного університету. Сер. Б, Гуманітарні науки. 2013. Т. 1. № 1–2. С. 135–143.

302. Теория текста: практикум по одноименной дисц. для студ. спец. «Журналистика»; «Информация и коммуникация». Гродно: ГрГУ, 2013. 51 с.

303. Читатель, книга и библиотека в контексте современной коммуникации // Публічная бібліятэка ў кантэксце сацыякультурнай прасторы рэгіёна: два стагоддзі гісторыі: матэрыяла міжнар. навук.-практ. канф. Гродна, 2013. С. 11–17.

304. From the Experience of the Slavic Prepositional Attribution // XV Міжнародны з'езд славістаў: тэзісы дакладаў Міжнар. канф.: у 2 т. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 30.

- 2014 -

305. Именная синтаксема с предложным форматом → предикативная синтаксема с союзным формантом: корреляция, механизмы преобразования // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 296.

306. Концовка газетного текста. Статья первая. Язык и речь // Медиалингвистика: международный электронный журнал. 2014. Вып. 1.

307. Концовка текста. Статья вторая. Типология концовок аналитического текста // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 69–81.

308. О предмете медиалингвистики // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 700–701.

309. Об одной разновидности речевого жанра «поздравление» // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры и массмедиа: сб. ст. СПб.: 2014. С. 73–77.

310. Потенциал предлога для образования союзных средств // Лужнословенски филолог. 2014. № 30. С. 17–33.

311. Прыназоўнікавая спалучэнні як фармат сінаксем з квантытатывам у сучаснай беларускай мове // Мовний простір граматики: актуальні студії: зб. наук. праць. Донецьк: Донецькій нац. ун-т, 2014. С. 58–65.

312. Развитие номинативного поля «мать» в современном «языковом существовании» // Слова ў кантэксте часу: да 85-годдзя праф. А. І. Наркевіча: зб. навук. прац. У 2 т. Т. 1. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2014. С. 347–356.

313. Рэляцыі як адзінкі камунікатыўнага фонду беларускай мовы // На хвалях мовы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск: Беларуская навука, 2014. С. 100–104.

314. Русский язык как объект медиалингвистики: становление и границы предмета // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов VI Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2014. С. 56–61.

315. Типология субъектов речи: номенклатура и номинации // Субъект познания и коммуникации: языковые и культурные аспекты: сб. науч. тр. Воронеж, 2014. С. 49–68.

316. Фразеологизм *шарая гадзіна* в этнокогнитивном аспекте // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Вып. 2: сб. науч. ст. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. С. 106–109.

317. Экология языка и языковой личности в медиaprостранстве // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество: сб. ст. Н. Новгород: НГУ, 2014. С. 16–23.

- 2015 -

318. Theoretical Modeling for the Purpose of Revealing the Inventory of the Prepositional-Conjunctive Formants of Predicative Syntaxemes in a Polypropositional Structure // Linguistic Studies. Kyiv – Vinnytsia, 2015. S. 256–263.

319. Білорусь і білорусистика в уявленні чехів = Беларусь і беларусістыка ва ўсведамленні чэхаў: Рэцэнзія на кнігу: C(eske) ve(domi) Be(larusi) = Чэшскае ўсведамленне Беларусі / Vera Lendelova', Jiri' Marvan, Michal Vasicek (eds.) – Praha: Karolinum, 2013. – 427 s. // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вип. 30. Донецьк: ДонНУ, 2015. С. 140–145.

320. Влияние медиатекста на структуру полипропозиционального высказывания с союзным блоком *до того, что* // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. науч. ст. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 223–226.

321. Внутритекстовый функционал союза *ан* // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. VIII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Мозырь: МГПУ, 2015. С. 152–154.

322. Дискуссия (к статье М. И. Черемисиной «Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением ТО») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 22–23.

323. Дорога славян: *Кудой? Куда? Каким путем?* (О парадоксе в развитии категории транзитива в славянских языках) // Славянская мифология и этнолингвистика: сб. науч. ст. Гомель: Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2015. С. 134–138.

324. Кто отец чего? (коммуникативный диапазон синтагм типа *отец русской демократии*) // Язык и межкультурные коммуникации: материалы V междунар. науч. конф. Минск: БГПУ, 2015. С. 156–159.

325. Объекты релятивной грамматики (функциональный аспект) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 42–53.

326. От языковой – к речевой и коммуникативной компетенциям // Модели коммуникативно-деятельностного подхода в преподавании лингвистических дисциплин: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ, 2015. С. 4–14.

327. «Отец русской демократии» в лингвистическом аспекте // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество: сб. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Печатная Мастерская РАДОНЕЖ, 2015. С. 256–263.

328. Предложные сочетания с конформативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. Электронное издание: сб. науч. ст. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 224–240.

329. Речевые жанры на шкале «унисон – диссонанс» в общении белорусов (концепция Словаря) // Современные проблемы лексикографии: материалы конф. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 104–106.

330. Теоретическое моделирование для выявления инвентаря предложно-союзных формантов предикативных синтаксем в полипропозициональной структуре // Граматичні студії: зб. наук. праць. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2015. С. 38–45.

331. Чей отец в центре внимания СМИ? (Закономерности в посесивных синтагмах со словом *отец*) // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 158–161.

332. Чей отец в центре внимания СМИ? (Закономерности в посесивных синтагмах со словом *отец*) // Ученые записки Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2015. № 1. [Электронный ресурс].

- 2016 -

333. XIII Международные научные чтения (Карские чтения) «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» // Јужнословенски филолог. Београд. 2016. Кн. LXXII. Св. 3–4. С. 293–307.

334. Влияние языка СМИ на формирование коннекторов внутритекстовых связей // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: материалы I междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 184–186.

335. Внутритекстовые связи с предложно-союзным коннектором «до того, что» в медиатексте // Медиалингвистика. 2016. № 1. С. 93–104.

336. Двухязычное медиапространство. Статья первая. Белорусизмы в текстах белорусских СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 4 (14). С. 59–69.

337. Канцэпт «боль» у беларускай паэзіі (лінгвістычны аспект) // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры: зб. матэрыялаў, Мінск, 5–6 мая 2016 г. Мінск: Права і эканоміка, 2016. С. 339–342.

338. Концепция Словаря белорусского речевого общения: речевые жанры на шкале «унисон-диссонанс» // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 373–392.

339. Медиализация первичных речевых жанров в СМИ // Современная журналистика: традиции, новаторство, контекст: материалы Респ. науч.-практ. конф. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 81–85.

340. Множественность субъектов речи в современной коммуникации // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: в 2 ч. Ч. 1: сб. науч. тр. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 10–15.

341. Система белорусских союзов в освещении Е. Ф. Карского и её современное состояние // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: к 155-лет. со дня рожд. акад. Е. Ф. Карского: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2016. С. 49–59.

- 2017 -

342. Двухязычное медиапространство. Статья вторая. Влияние русского языка на тексты белорусских СМИ // Медиалингвистика. 2017. № 2 (17). С. 18–28.

343. Модификации междиктемой скрепы «что касается... то» в языке // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа: материалы II междунар. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. С. 204–206.

344. Тэкстаўтваральныя фразеасхемы ў сучаснай камунікацыі // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. С. 65–73.

- 2018 -

345. Актуальное членение предложения // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. С. 121–124.

346. Влияние языка СМИ на образование фразеосхем типа *Дело в том, что...* // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 84–96.

347. Внешние и внутренние границы синтаксем с квантитативами в русском языке = The External and Internal Boundaries of Syntaxemes with Quantitatives in Russian // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 60: сб. науч. тр. М.: Макс Пресс, 2018. С. 114–131.

348. Коварный делибератив, или эффекты корреляции предложно-именной и союзно-предикативной синтаксем // Славянский мир и

национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 59–63.

349. Морфемика и словообразование // Медиалингвистика в терминах и понятиях: сл.-справ. М.: Флинта, 2018. С. 151–155.

350. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках: моногр. Гродно: ГрГУ, 2018. 435 с.

351. Рецензия на монографию Б. Нормана, Х. Куссе «Лингвистика в саду. Введение в теорию семантической инвариантности» (Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018. 196 с.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 255–265.

352. Сложное предложение // Медиалингвистика в терминах и понятиях: сл.-справ. М.: Флинта, 2018. С. 165–170.

353. Эссеистика В. Степана с точки зрения модели коммуникации // СМИ и художественная культура. Вып. 6: Медийный образ автора: от мифотворчества к пиар-имиджу: сб. науч. тр. Минск: БГУ, 2018. С. 48–60.

- 2019 -

354. XIV Міжнародныя навуковыя чытанні «Славянскі свет і нацыянальная маўленчая культура ў сучаснай камунікацыі» // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2019. Т. 9. № 1. С. 144–151.

355. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А – З. Гродна: ГрДУ, 2019. 302 с.

356. Взгляд на описание категории предлога // Lachur, Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). Tom 1: a conto – orocz. Kępa, 2019. С. 23–25.

357. Влияние массмедиа на предложную систему русского языка // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 35–47.

358. Выбраныя працы: Мова. Граматыка адносін / рэдкал.: М. П. Антропаў [і інш.]. Мінск: Аверсэв, 2019. 319 с. (Моваведы Беларусі).

359. Лингвистика первых десятилетий XXI века: вопросы к настоящему // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2019. С. 352–360.

360. Моделирование как один из методов инвентаризации служебной лексики // Русский язык: исторические судьбы и

современность: тр. и материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 146.

361. Мой путь в русистику: эссе // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 554–555.

362. Несколько размышлений о парадигме лингвистики в век информационного развития // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы III междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2019. С. 8–14.

363. Пад прыцэлам, пад наглядам... каго? (О воздействующем потенциале одной грамматической конструкции в медиаречи) // Слова ў кантэксте часу. Матэрыялы IV міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2019. С. 55–59.

364. Праз літары праступаюць думкі, веды, пачуці... / М. Канюш-кевіч, Л. Мальцава, П. Скрабко; гутар. В. Казлоўская // Гродзенская праўда. 2019. 31 жн.

365. Рэцэнзія на кнігу: Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография: В 2 т. / А. А. Карский; редкол.: А. Н. Карлюкевич [и др.]. Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. Т. 1. 603 с. ил.; Т. 2. 734 с. ил. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 83. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 127–132.

366. «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» Г. П. Цыганенко в ряду лексикографических описаний // Новые горизонты русистики: науч. журнал. Донецк, 2019. Вып. 7. С. 29–35.

- 2020 -

367. Академик Е. Ф. Карский. Биография. – Рец. на кн.: Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография: в 2 т. Минск, 2019. Т. 1. 603 с.; Т. 2. 734 с. // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2020. Т. 10. № 1. С. 65–69.

368. Грамматика языка медиа // Медиалингвистика славянских стран: моногр. / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Л. Ю. Иванова. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 40–66. (Серия «Язык в координатах массмедиа»).

369. Да інвентарызацыі злучнікаў і іншых сродкаў сувязі беларускай мовы // Мова – літаратура – культура: матэрыялы IX міжнар. навук. канф. памяці праф. Арнольда Яфімавіча Міхневіча, Мінск, 15–16 кастр. 2020 г. Мінск: БДУ, 2020. С. 17–23.

370. Из одного предложения – миллиард высказываний (Возможности спецкурса «Практическая функциональная грамматика»

для подготовки специалистов в области информации и коммуникации) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST–EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST–EAST. 2020. Vol. 3, № 1. С. 47–53.

371. К вопросу о границах и предметах медиалингвистики // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. В 2 ч. Ч. 2: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 8–17.

372. Карские чтения сквозь призму времени и памяти // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. В 2 ч. Ч. 1: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 3–136.

373. Лексикографическая манифестация славянского предлога в свете морфосинтаксической концепции // Альманах «ГОВОР»: электрон. журн. / редкол.: С. В. Лесников (гл. ред.), чл.-корр. РАН С. А. Мызников (науч. ред.). СПб., 2020. № 001 (001). С. 79–90.

374. Пустые «факты» и «обстоятельства», или О функционировании в медиаречи конструкций «тот факт, что» / «то обстоятельство, что» // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. материалов Междунар. науч. форума / отв. ред. В. В. Васильева. В 3 т. Т. 3. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 56–60.

- 2021 -

375. Грамматика русского языка сквозь призму дискурсивной парадигмы // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета. Материалы IX междунар. науч. конф. Минск, 2021. С. 55–62.

376. Исчислимость показателей синтаксической связи как фактор их категориальности в системе языка // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вінниця: ДонНУ, 2021. Вип. 41. С. 92–105.

377. Номинативное поле «бчб» – символа «белорусского майдана» // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: материалы V междунар. науч. конф. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 46–50.

378. Прынцыпы лексікаграфічнай маніфестацыі беларускіх злучнікаў і іншых паказчыкаў сінтаксічнай сувязі // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 1 (1). С. 22–34.

379. Тезаурус «белорусского майдана» как проявление речевой реакции медиа на политический контекст событий // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 351–365.

380. Хто такі *той* і што ён казаў? (ужыванне спалучэння *як той казаў* у беларускім маўленні // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 2 (2). С. 79–94.

- 2022 -

381. Категория союза в морфосинтаксической концепции: синтагматика и парадигматика // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2022. С. 78–86.

382. Скрепы с базовым компонентом «меж» в русском языке // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2022. С. 210–217.

383. Союзные идиомы: языковой статус, парадигматика // Славянская фразеолдогия и паремиология. Культурное наследие и современность: сб. науч. ст. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 127–131.

- 2023 -

384. Из опыта инвентаризации белорусских и русских союзов и других средств союзного типа (в печати; в сб. к юбилею И. С. Ровдо).

385. Инвентаризация союзов русского языка в условиях цифровой реальности // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: материалы VII междунар. науч. конф. СПб.: Медиапайпер, 2023. С. 87–91.

386. Международный проект М. В. Всеволодовой «Грамматика славянского предлога»: результаты и перспективы (в печати; в сб. конф. «Писатель – Язык – Стиль»).

387. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 8–21.

388. О вмещающих конструкциях, и не только о них // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 50–65.

**ДИССЕРТАЦИИ,
ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ПРОФЕССОРА М. И. КОНЮШКЕВИЧ**

Анисимова Е. А. Номинации лица как средство формирования смысла художественного произведения (на материале рассказов В. Маканина): дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.19 Теория языка. Гродно, 1997.

Пустошило Е. П. Отношение равновесия сходного и различного в русском и белорусском языках (на материале паремий): дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.02 Русский язык. Минск, 2003.

Кавинкина И. Н. Проявление гендера в креативной деятельности носителей русского и белорусского языков: дис. ... канд. филол. наук: специальности 10.02.02 Русский язык, 10.02.19 Теория языка. Минск, 2003.

Пивоварчик Т. А. Категория персонализации в русском и белорусском речевом общении: дис. ... канд. филол. наук: специальности 10.02.02 Русский язык, 10.02.01 Белорусский язык. Минск, 2003.

Чепикова И. А. Выражение ситуации внешней предметной причины в русском и белорусском языках: дис. ... канд. филол. наук: специальности 10.02.02 Русский язык, 10.02.01 Белорусский язык. Минск, 2009.

Минчук И. И. Симметрия и асимметрия в семантико-синтаксическом поле конвергенности русского языка: дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.02 Русский язык. Минск, 2013.

Рыжкович А. Ч. Системы темпоральных предложных единиц в русском и белорусском языках: типология, функционально-семантический потенциал: дис. ... канд. филол. наук: специальности 10.02.02 Русский язык, 10.02.01 Белорусский язык. Минск, 2018.

Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.02 Русский язык. Минск, 2018.

**ИЗДАНИЯ
ПОД НАУЧНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА М. И. КОНЮШКЕВИЧ**

1. Вопросы функциональной грамматики: доп. материалы Шестых Карских чтений 25–26 янв. 1996 г. / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 1996. 83 с.

2. Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 1998. 121 с.

3. Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2002. 187 с.

4. Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 5 / ред. кол.: Н. С. Гребенщикова, А. В. Никитевич, М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2005. 264 с.

5. Вучэбныя граматыкі нацыянальных моў: матэрыялы першай канф. / рэдкал.: А. Я. Міхневіч, М. І. Канюшкевіч [і інш.]. 1994. 87 с.

6. Выкладанне беларускай і рускай моў у вышэйшых навучальных установах БССР: тэз. дакл. і паведамленняў Рэсп. навук.-метад. канф., 20–23 ліст. 1990 г. / рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Канюшкевіч (адк. рэд.) і інш. Мінск, 1990. 136 с.

7. Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы IX междунар. Карских чтений, Гродно, Беларусь, 16–17 мая 2002 г.: В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2003. 284 с.

8. Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы IX междунар. Карских чтений, Гродно, Беларусь, 16–17 мая 2002 г.: В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2003. 284 с.

9. Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, Республика Беларусь, 16–17 мая 2005 г.: В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2005. 308 с.

10. Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, Республика Беларусь, 16–17 мая 2005 г.: В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2005. 308 с.

11. Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII междунар. научных чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / редкол.: М. И. Конюшкевич, А. В. Никитевич. Гродно: ГрГУ, 2011. 507 с.

12. Карскі, Я. Ф. Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі; [прадмова М. І. Канюшкевіч; уступны артыкул Л. В. Судавічэне]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. Рэпрэнтавае выд. 1893 г. Гродна: ГрДУ, 2005. 43 с.

13. Ключаў, Г. Н. Асновы і нормы сучаснай беларускай пунктуацыі: вучэб. выданне / Г. Н. Ключаў; адк. за выд. М. І. Канюшкевіч. [б. м.], 1993. 267 с.

14. Методические материалы по вопросам преподавания русского языка в высшей школе / М-во высш. и ср. спец. образования БССР, уч.-метод. кабинет; редкол.: П. П. Шуба, М. И. Конюшкевич [и др.]. 1984. 76 с.

15. Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытанняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы, Беларус. дзярж. ун-т; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 2000. 226 с.

16. Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі; [прадмова: М. І. Канюшкевіч; уступ. арт.: Л. В. Судавічэне]; М-ва адук. Рэсп. Беларусь, Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. 56 с.

17. Программы учебных и специальных курсов для подготовки магистров поспец. «Русский язык» / М-во образования Респ. Беларусь; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы; отв. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 1999. 32 с.

18. Са спадчыны Я. Карскага: навуковыя чытанні да 130-годдзя з дня нараджэння / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Канюшкевіч, П. У. Сцяцко. Гродна: ГрДУ, 1991. 72 с.

19. Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского: сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы; гл. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2016. 309 с.

20. Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / гл. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2018. 311 с.

21. Современный русский язык. Ч. 1: Фонетика и фонология. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Слово-образование: учеб.-метод. комплекс / под ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 1973. 75 с.

22. Современный русский язык. Фонетика и фонология. Графика и орфография. Лексикология и фразеология: учеб.-метод. комплекс для студентов-филологов / М. И. Конюшкевич (ред.). Гродно, 1982. 46 с.

23. Современный русский язык: учебно-методический комплекс для студентов заочной формы обучения (специальность 2001). Ч. III: Синтаксис. Чужая речь и ее виды. Пунктуация. Стилистика / сост. М. А. Корчиц; ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 1983. 65 с.

24. Современный русский язык: учеб.-метод. комплекс для заочной формы обучения (специальности 2002, 2001; 2001) / М-во высш. и ср. спец. обр. БССР, Гродн. гос. ун-т. Ч. 1: Фонетика и фонология, графика и орфография, лексикология и фразеология, словообразование / сост. Н. П. Чернякевич; ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 1983. 76 с.

25. Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм: Пятыя Карскія міжнародныя чытанні, 14–15 снеж. 1994 г. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1995. 218 с.

26. Шануючы спадчыну Я. Карскага...: Другія навук. чытанні / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1991. 101 с.

27. Шануючы спадчыну Я. Карскага...: Чацвёртыя навук. чытанні. У 2 ч. Ч. 1 / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1994. 198 с.

28. Шануючы спадчыну Я. Карскага...: Чацвёртыя навук. чытанні. У 2 ч. Ч. 2 / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1994. 210 с.

29. Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства (да 135-х угодкаў з дня нараджэння): матэрыялы Шостых навук. чытанняў, 25–26 студз. 1996 г. У 2 т. Т. 1 / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1996. 233 с.

30. Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства (да 135-х угодкаў з дня нараджэння): матэрыялы Шостых навук. чытанняў, 25–26 студз. 1996 г. У 2 т. Т. 2 / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 1996. 275 с.

ЛИТЕРАТУРА
ОБ УЧЁНОМ И ПЕДАГОГЕ
М. И. КОНЮШКЕВИЧ И ЕЁ ТРУДАХ

Абрамчык, А. Шчасце, падараванае лёсам / А. Абрамчык // Перамога. 2018. 6 ліст. С. 3.

Автухович, Т. Е. К новым вершинам / Т. Е. Автухович // Гродзенскі ўніверсітэт. 2003. № 9 (315). 4 ліст. С. 5.

Автухович, Т. Е. Мария Иосифовна Конюшкевич / Т. Е. Автухович // Русский язык и литература. 2003. № 11. С. 125–127.

Амелька, У. М. І. Канюшкевіч: «Зычу плёну ў працы і вясны ў душы» / У. Амелька // Гродзенскі ўніверсітэт. 1993. № 5 (197). 3 сак. С. 2.

Бараноўскі, П. М. Канюшкевіч Марыя Іосіфаўна / П. М. Бараноўскі // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Дзятлаўскага р-на. Мінск, 1997. С. 343.

Бразаускене, Е. Рец. на книгу: Я русскому учусь... : учеб. пособие. Минск: Университетское, 1990. 144 с. // Kalbotuga: Языки. Культуры. Контакты. № 44. Вильнюс: Вильнюсский ун-т, 1996. С. 124–126.

Вашкелевич, Н. Из книги личных рекордов / Н. Вашкелевич // Гродзенскі ўніверсітэт. 2003. № 9 (315). 4 лістапада. С. 4.

Габрусевіч, С. А. Канюшкевіч Марыя Іосіфаўна / С. А. Габрусевіч, Я. А. Роўба // Прафесары Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. 1940–2012: бібліягр. сл. / С. А. Габрусевіч, Я. А. Роўба. Мінск: Друкарня Макарава і К, 2013. С. 89–92.

Дзятко, Д. В. Інкарпараваныя слоўнікі М. І. Канюшкевіч у кантэксте беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі / Д. В. Дзятко // Славянскі мир і нацыянальная рэчывая культура в савременной коммуникации. В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 312–319.

Жданеня, Г. Н. «Учысь і сомневайся...» (слово о профессоре Марии Конюшкевич) / Г. Н. Жданеня // Постаці ў гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: Гістарычны нарыс / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; аўт.-скл. В. П. Таранцей. Гродна: ГрДУ, 2005. С. 74–83.

Загнітко, А. П., Михальченко, М. Граматыка прыменникових одиниць білорускої мови: рецензія на монографію Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008–2010. Ч. 1: Дыяпазон

А – Л. Гродна: ГрДУ, 2008. 492 с.; Ч. 2: Дыяпазон М – П. Гродна: ГрДУ, 2010. 619 с.; Ч. 3: Дыяпазон Р – Я. Гродна: ГрДУ, 2010. 535 с. // *Наук. вісн. Херсон. держ. ун-ту. Сер. Лінгвістыка*. 2011. Вип. 14. С. 376–384.

Загнітко, А. П., Михальченко, М. Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. // *Мовознаўство*. 2012. № 4. С. 91–96.

Канюшкевіч Марыя Восіпаўна // Пяткевіч, А. М. Людзі культуры з Гродзеншчыны: Даведнік. Гродна: ГрДУ, 2000. С. 124.

Канюшкевіч Марыя Іосіфаўна // *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Мінск, 1999. Т. 8. С. 18.*

Канюшкевіч М. І. // *Хто ёсць хто ў сучаснай беларускай лінгвістыцы. (Who's Who in Modern Belorussian Linguistics) / рэд. А. К. Кіклевіч, У. Б. Журавель. Мінск, 1997. С. 43.*

Лаўрынайціс, Е. Мая вучаніца / Е. Лаўрынайціс // *Гродзенскі ўніверсітэт*. 1993. 1 снеж. № 17 (209). С. 2.

Малініна, Л. М. Канюшкевіч Марыя Іосіфаўна // *Беларуская мова: Энцыклапедыя / Беларус. энцыкл.; пад рэд. А. Я. Міхневіча; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БСЭ імя Пятруся Броўкі, 1994. С. 251–252.*

Марыя Іосіфовна Конюшкевич (к 60-летию со дня рождения): библиограф. указатель / ГрГУ им. Янки Купалы; сост. Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкевич. Гродно: ГрГУ, 2003. 49 с.

Марыя Іосіфовна Конюшкевич // *Русский язык и литература*. 2013. № 11. С. 60–64.

М. И. Конюшкевич: к 60-летию со дня рождения // *Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагагіка. Псіхалогія*. 2003. № 4. С. 3–6.

Палховіч, Т. Жанчына ў свеце навукі / Т. Палховіч // *Перамога*. 20.12.2006. С. 1.

Переход, О. Б. Сравнение на шкале сходств и различий. Рец. на кн.: Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках: моногр. / М. И. Конюшкевич. Гродно: ГрГУ, 2018. 435 с. / О. Б. Переход // *Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філагія. Педагагіка. Псіхалогія*. 2018. № 1. С. 229.

Піваварчык, Т. А. Заўсёды ў пошуку: Да юбілею Марыі Іосіфаўны Канюшкевіч / Т. А. Піваварчык // *Роднае слова*. 2003. № 11. С. 57–58.

Рамза, Т. Р. Канюшкевіч М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А–З // Часопіс Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2021. № 3. С. 88–90.

Судавичене, Л. В., Лондарева, Т. И. Рецензия на книгу: Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождества, сходства, различия. Минск: Университетское, 1989. 157 с. // Kalbotuga: Языки. Культура. Контакты. 1994. № 44 (2). Вильнюс. С.127–131.

Тамашэвіч, Т. І. Даследаванне блізкароднаснага сінтаксісу // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1990. № 6. С. 77–78.

Тамашэвіч, Т. І. Прыназоўнікі ў новым лексікаграфічным асвятленні. Рэц. на кн.: Канюшкевіч М. І. Беларуская прыназоўнікі і іх аналагі: Граматыка рэальнага ўжывання: Матэрыялы да слоўніка / М. І. Канюшкевіч. Гродна: ГрДУ, 2008. Ч. 1. 490 с. / Т. І. Тамашэвіч // Роднае слова. 2009. № 6. С. 58.

Цыганенко, Г. П. Курдюмова, И. А. Рецензия на словарь Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008–2010. Ч. 1. Дыяпазон А – Л. 2008. 492 с.; Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010. 619 с. // Функциональная лингвистика. 2011. № 2. С. 321–322.

Цыганенко, Г. П. Курдюмова, И. А. Рецензия на книгу Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Ч. 3: Дыяпазон Р – Я. Гродна, 2010. 535 с. // Функциональная лингвистика. 2013. № 5. С. 460–461.

Шаповалова, Л. И. Рец. на книгу: Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождества, сходства, различия. Минск: Университетское, 1989. 157 с. // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. 1989. № 3. С. 76–77.

Янчевская, Ж. Мария Конюшкевич: «Я благодарна судьбы авансам» / Ж. Янчевская // Гродзенская праўда. 1999. 27 марта. С. 4.

**ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВОВ...
(ИЗ ГАЗЕТ, ЖУРНАЛОВ, ПЕРЕПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ)**

Я памятаю Марыю Іосіфаўну студэнткай факультэта пачатковага навучання, семнаццацігадовай дзяўчынкай, якая даймала мяне, ды і ўсіх выкладчыкаў, бесперапыннымі пытаннямі. Гэта была настойлівая «чамучка», дапытлівая, з прагнай цікаўнасцю пранікаючая ў «тайны» рускай мовы, і разам з гэтым вельмі ініцыятыўная, энергічная студэнтка, любіміца групы, арганізатар многіх цікавых спраў.

Пасля заканчэння факультэта Марыя здзівіла мяне, катэгарычна не прыняўшы прапанову прафесара Гурскага аб паступленні ў аспірантуру па педагогічнай спецыяльнасці, рашуча заявіла, што будзе толькі філолагам, і зараз жа аформілася завочна на філалагічны факультэт. Яна звярнула на сябе ўвагу, бо ў яе выявіліся лінгвістычныя здольнасці, паглыблена займалася даследчай працай, выдатна абараніла дыпломную работу.

Гэта настаўніца рускай мовы з Ліды далёка апярэдзіла сваіх аднагодкаў, бо мела сур'ёзны зачын у навуковай працы.

Е. І. Лаўрынайціс. «Мая вучаніца». 1993 г.

**Марыі Іосіфаўне Канюшкевіч –
вучонаму, калегу, маці, бабулі – чалавеку**

К шаноўнай і паважанай
З заміланнем і пашанай
Гэтым днём адмысловым
Звяртаемся са Словам.

Прыгожаму чалавеку –
Прыгожая дата...
За нейкіх паўвека –
Да доктара ад кандыдата!

Слаўны поспех і чынны
Няўрымслівай жанчыны.

Гаворым гэта без соладзі,
Вы – гэта ўзор для моладзі:
Пенкная і слічная,
Таленавітая, энергічная.

Дый гаспадыня слаўная –
На ўсе рукі спраўная.
Шчыра дзяцей атульвае,
Стаўшы ўжо бабуляю.

Марку сваю трымае.
А які яна голас мае:
Самы сапрамна-спеўны,
Чароўны і задушэўны.

І ў навуцы голас
Важкі, як выспелы колас.
Верым: яго зярняты –
Будучыя кандыдаты.

Хай будзе ніва зладжаная
Вашай рукой пасаджаная.

Шчасця, радасці, добра
І плёну творчага пярэ.

Т. І. Тамашэвіч. Гродна. 1993.

На Гродненшчыне нет, пожалуй, ни одного учителя русской словесности, не знающего учебников М. И. Конюшкевич, нет начинающих филологов, не прошедших через мудрость ее преподавания, нет юных лингвистов, не мечтающих о встречах с нею на районных, областных, республиканских олимпиадах. Частицы интеллекта щедро дарятся Марией Иосифовной каждому, кто жаждет общения с наукой о языке.

Имя и вклад Марии Иосифовны, виднейшего ученого-лингвиста, в развитие образования Республики Беларусь и ее родной Гродненщины столь же значительны, коль велико и многозначно само понятие «образование».

Просветительский дар Марии Иосифовны, подвижническое служение любимому делу особенно ценятся Управлением образования Гродненского облисполкома. Для нас высокая честь – сотрудничество с профессором М. И. Конюшкевич, дружеское общение с нею на курсах, олимпиадах, семинарах, приобщение к знанию, открываемому ею.

Создаются в области новые гимназии и лицеи – Мария Иосифовна по первому зову едет в Лиду, Дятлово, Слоним, Мосты, где ее ждут. Встают перед учителями задачи обеспечения нового содержания языкового образования – профессор М. И. Конюшкевич обучает, консультирует, помогает. Возникли проблемы преподавания синтаксиса, сложности белорусско-русского двуязычия – она первая поможет учителю, методисту, инспектору, учащемуся. Как неизменный председатель областных олимпиад школьников по русскому языку Мария Иосифовна взращивает юные лингвистические всходы.

Е. Д. Горячева. 2003.

Стезя учителя трудна,
особенно ее начало.
Судьбою стать для Вас она
Была назначена и стала.

Сосновый бор, посёлок в нём,
Когда-то Новоельской назван.
И школа, но работать днём –
Вакансий нет, в вечерней разве...
Литература и язык...
А недоучки, переростки
Кряхтят, освоить бы азы...
Как таких увлечь, зажечь?!
Непросто!

В душе несли Вы Божий дар
И превращали искру в пламя.
До этих пор и млад, и стар
К Вам тянутся, идут за Вами.

Скажу я без цветистых фраз
Из сердца взятыми словами,
Что Новоелья помнит Вас,
Вас любит и гордится Вами.

Е. А. Матвеев. г. п. Новоелья. 2003.

Как-то при обсуждении вопроса, что больше всего влияет на выбор дороги в будущее молодым человеком, Мария Иосифовна высказала замечательную мысль: «Есть вспышки, моменты, озаряющие еще неясное будущее. Есть люди, что-то внутри изменяющие, потрясающие, после которых жизнь идет по-иному». Таким человеком для многих стала сама Мария Иосифовна.

Привлекает и располагает удивительная коммуникабельность Марии Иосифовны, ее умение идти на компромисс, если решение проблемы – это пусть маленький, но путь вперед, ее абсолютная бескомпромиссность, если вопрос касается порядка жизни дел и поступков. Удивляет и влечет восторженность жизнью, Словом, воплотившим мудрость и гармонию мироздания. <...>

Профессор М. И. Конюшкевич всегда «держит руку на пульсе времени». Быть на уровне современных исследований – это, как она сама шутит, «стремиться не упустить из поля зрения огни уходящего поезда, главное – не отставать: огни за поворотом могут исчезнуть». <...>

Путь ученого, вероятно, просто не может быть легким, как и любой путь к успеху. Но успех в понимании самой Марии Иосифовны – это новое сомнение на пути постижения знания, это значимость того, что ты делаешь, это равнодушие и живая реакция на сделанное тобой, это радость в ответ на твою деятельность.

Учись и сомневайся, почаще смотри в небо и иди навстречу своей звезде... Вероятно, это и есть та мудрость жизни, которая позволяет Марии Иосифовне жить и творить, ощущая радость от своего труда, доставляя радость общения другим».

Г. Н. Жданеня. «Учись и сомневайся...». 2005.

РАЗДЕЛ 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС. РЕЛЯТИВНАЯ ГРАММАТИКА

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ СІНТАКСІС. РЭЛЯТЫЎНАЯ ГРАМАТЫКА

«Отлитых грамматических форм в каждом языке не так уж и много, зато синтактика языка обладает беспредельными возможностями. Думается, что задача лингвистики на сегодняшнем уровне ее развития – изучение тех языковых процессов и механизмов, которые раскрывают эти синтактические возможности языка, позволяющие объединяться разным грамматическим единицам в рамках одной функции» (М. И. Коношкевич, 2013).

«На нашу думку, наспела необхіднасць вылучэння яшчэ аднаго ўзроўню лінгвістычнага аналізу – узроўню рэлятыўнай граматыкі, на якім чыста марфалагічная (часцінамоўная) маркіраванасць моўнай адзінкі не з’яўляецца рэlevantнай. Куды больш актуальным прадметам даследавання з’яўляецца функцыянаванне рэляцый у сінтагматыцы розных узроўняў – ад словазлучэння да тэкста. Інакш кажучы, даследчык павінен выйсці за часцінамоўныя рамкі прыназоўнікаў, злучнікаў, звязак, часціц у сінтаксіс, а самі адзінкі павінны разглядацца як морфасінтаксічныя катэгорыі» (М. І. Канюшкевіч, 2019).

Т. В. Шмелёва

ТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ В КРУГУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СВЯЗИ

Ставится проблема интерпретации такого синтаксического феномена, как текстовые скрепы – одного из видов связующих средств русского синтаксиса, показать историю их изучения и представить их типологию, по крайней мере так, как они используются в современных текстах. Ставится задача продемонстрировать противопоставление скреп метапоказателям как сигналам метатекста, а также противопоставление текстовых скреп лексического и конструктивного типов, как И, А, НО и ДЕЛО В ТОМ, ЧТО..., их функционирование и возможности описания.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, текст, текстовая скрепа, союз, конструкция.

В книге, посвященной юбилею Марии Иосифовны Конюшкевич, кажется уместной статья о показателях связи, ведь изучение этого феномена – известная научная страсть юбиляра, ее работы о предлогах и союзах популярны и авторитетны среди грамматистов и не только. При соединяясь ко всем, кто поздравляет Марию Иосифовну с юбилеем и желает ей долгих плодотворных лет, наполненных радостью, хотела бы предложить соображения о текстовых скрепах.

Понятие *текстовые скрепы* известно из монографии М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, посвященной сложному предложению. Завершая книгу, авторы отмечают, что «не занимались специально выявлением скреп, обслуживающих связный текст, но в процессе работы над связующими средствами сложного предложения не могли не обратить внимание на то, что множество этих скреп, частично пересекаясь с союзными, включает в себя значительное число и специфических, типологически весьма разнообразных и заслуживающих специального изучения, а прежде всего простой инвентаризации. Эта задача представляется нам актуальной и перспективной» [1, с. 180]. Именно эти показатели связи именуется далее *текстовыми скрепами*, при этом обращается внимание на то, что они «постоянно мелькают в современных текстах», маркируя связи *межфразовые* и *межабзацные* [1, с. 179], и приводятся примеры таких скреп: *дело в том, что...; что касается..., то...; если говорить о...; а также итак, таким образом, между тем, тем самым, тем более, мало того, кроме того* [1, с. 179–180].

Как показали прошедшие с тех пор более тридцати лет, прогнозы авторитетных синтаксистов оправдались: предложенный ими термин

стал общепринятым (хотя и не единственным, эта ситуация анализируется в [2; 3, с. 21–25]), а число исследований обозначаемого им феномена продолжает расти. Попытку осмыслить итоги и перспективы этих исследований и представляет собой эта работа, основанная на знакомстве с научными публикациями (статьи, кандидатские диссертации и даже монографии, как [3]) и собственном опыте изучения текстовых скреп [4; 5; 6].

Итак, по данным лингвистов из Владивостока, давно и плодотворно занимающихся лексикографией служебных слов, насчитывается до 80 текстовых скреп, а возможно, и больше [7, с. 135]. При этом отмечается их разнообразие: сочинительные союзы *и, а, но* и др.; частицы *ведь, всё-таки, всё же, просто*; скрепы-фразы типа *итак, кстати, мало того, между прочим* [7, с. 140, 139, 138]. Даже не располагая полным списком показателей такого рода, можно сказать, что среди них оказываются весьма разнородные единицы, которые стоит разделить, оставив среди текстовых скреп только их часть. Вот пример использования текстовых скреп в медиатексте: *Детишкам и их родителям нравится. Учат, рассказывают в детсадах и школах. А стихи продолжают сочиняться – что тут поделаешь. Да и их автору не на что жаловаться – издал два десятка «взрослых» книг, да и его комментарии о текущих событиях можно регулярно слушать по радио. Но стихов много – подготовил детскую книжку и решил издать, а до этого попробовал опубликовать в нескольких газетах и детских журналах* (Г. Малинецкий. Маленькая деревня // Газета.ру. 24.05.2023).

Конечно, не всякий текст даст такой «урожай» текстовых скреп на небольшом текстовом пространстве, ведь они далеко не единственное средство связности текста – «работают» наряду с отношениями лексики (тождество лексем, гипонимические отношения, обозначения части и целого), анафорическими связями, темпоральной лексикой и категорией глагольного времени... Но представить современный текст без текстовых скреп уже невозможно.

Такие показатели связи важно отделить от метапоказателей, которые известны давно из статьи Анны Вежицкой о метатексте [8], а в концепции А. Ф. Прияткиной обозначены как скрепы-фразы [7, с. 138]. Разделение это выглядит не сложным: скрепы соединяют два или более компонента, будь то словоформы, предикативные единицы или текстовые фрагменты; а метапоказатели представляют собой комментарий автора текста к его строению. Они включают глаголы речи или могут быть перефразированы в сочетание с ними, ср. *короче говоря, если гово-*

ритель о... или *итак* = ‘подведу итоги’. Специальное изучение метатекста, например, в монографии [9], выявило значительный круг метапоказателей в русском языке, включая пунктуацию и шрифтовые выделения. Из вербальных метапоказателей наиболее активны вводные слова и конструкции, а также автономные метавысказывания типа *Перейдем ко второму вопросу; Подведем итоги; Здесь надо сделать важную оговорку*.

Наиболее надежно различение текстовых скреп и метапоказателей, как кажется, в семантическом аспекте: текстовые скрепы выражают логические отношения между компонентами – соединительные, присоединительные, сопоставительные, противительные, градуальные, пояснительные; причинные, уступительные, следования и т. д.; а метапоказатели выражают смыслы, обеспечивающие порядок следования фрагментов текста (*во-первых, во-вторых..., наконец, и последнее*); организацию тематической основы текста с ее последовательностью тем, введением новых или возвращением к уже присутствующим в тексте (*перейдем к ...; что касается ..., то ...; если говорить о..., то...*); смену манеры речи (*образно говоря, точнее говоря*), линию изложения (*кстати, кстати говоря, не говоря о ...*) и под. Не отрицая значимость метапоказателей для текста, точнее, его авторского начала, стоит подчеркнуть, что они работают не на связность текста, а на эксплицитность метатекста – авторского комментария к нему в таких моментах, которые нуждаются в предупреждении адресата: *сейчас перехожу к примерам, обобщаю, возвращаюсь ко второму случаю, меняю серьезную манеру на шуточную* и т. д.

Здесь нужно признаться, что это разграничение не всегда казалось мне очевидным, и особое употребление квазиусловных конструкций (*кстати, первыми на него обратили внимание М. И. Черемисина и Т. А. Колосова [1, с. 180]*) я квалифицировала (вслед за авторитетными синтаксистами) как текстовую скрепу, хотя показала, что таким образом маркируется смена темы, как в фрагменте текста из Национального корпуса русского языка: ***Строго говоря, в настоящее время в России осталось одно издание, посвященное астрономии, – журнал президиума РАН «Земля и Вселенная». С основных телевизионных каналов практически исчезли научно-популярные и учебные программы по астрономии. Если говорить о планетариях, то их у нас очень мало, да и те, что есть, выживают с трудом. Что касается Московского планетария, то он, возможно, наконец откроется в 2009 году, к своему 80-летию*** (Е. Левитан. Наука и жизнь. 2009) [5]. Симптоматично, что этот фрагмент текста

насыщен метапоказателями: автор сообщает о смене манеры речи – переходит к более строгой манере, а затем «перебирает» пути популяризации астрономии – издания, телепрограммы, планетарии. И в последнем случае маркирует этот переход от темы к теме двумя разными показателями – *если говорить о... и что касается...* Конечно же, это не текстовые скрепы, а типичные метапоказатели, обеспечивающие выстраивание тематической основы.

Если согласиться с таким принципиальным подходом и сосредоточиться на текстовых скрепах, можем убедиться в том, что система скреп довольно симметрична: один тип логической семантики выражается одним показателем на трех уровнях – словоформ, предикативных единиц и фрагментов текста (одно и более высказывание). Подтверждение этому можно привести с любым из союзов, например, И: *мороз и солнце; Мороз усиливается, и солнце сияет все ярче; Мороз все усиливается, кажется, уже недалеко до тридцатиградусной отметки. И удивительно, что солнце сияет все ярче.* Такие же эксперименты можно провести с союзами А, НО, ОДНАКО, ТО ЕСТЬ. Конечно, на высшем – текстовом – уровне появляется больше показателей, они разнообразней, как показано в кандидатской диссертации о присоединительных скрепах, которых насчитывается почти десяток: *причем, притом, к тому же, вдобавок, кроме того, сверх того, более того, мало того* [10].

Союзы с семантикой обусловленности работают только на двух уровнях – сложного предложения и текста, при этом у них появляются текстовые синонимы. Так, наряду с причинным союзом *потому что* используется как текстовая скрепа конструкция *дело в том, что...* [4]; ср. материалы из Национального корпуса русского языка: *Счет стал 1: 1. Потому что на 24-й минуте Артем Дзюба, бывший воспитанник «Спартака» и нынешний форвард «Зенита», открыл счет с 11-метрового* (Коммерсант, 2020.07); *Не ввязываясь в спор между альендистами и пиночетистами, попытаемся ответить на вопрос: станет ли Борич новым Альенде? Почти наверняка не станет. Потому что изменился мир, изменились чилийцы и изменилось само чилийское (и в целом латиноамериканское) левое движение* (Ведомости, 2021.12) и *Резко подешевевшая нефть сразу же ударила по населению. Дело в том, что у Венесуэлы серьезные проблемы с товарами первой необходимости (в том числе и с продовольствием) – большую часть приходится импортировать, а ввоз обеспечивается как раз нефтяными доходами* (Лента.ру. 2015. 08).

Располагая даже приблизительными данными о текстовых скрепах, нельзя не заметить, что среди них легко выявляются два структурных типа – классические союзы, известные на уровне предложения, и конструкции, сложившиеся в практике текстообразования. И если союзы выглядят как скрепы, приобретающие новые свойства и новые типы компонентов, то конструкции оказываются десемантизированными и приспособленными для того, чтобы быть показателями связи [4; 5; 11; 12].

Таким образом, поставив вопрос о месте текстовых скреп в кругу показателей связи, надо сказать, что, во-первых, такие скрепы есть, и анализ текста без учета этих синтаксических средств был бы неполным; во-вторых, это место определяется тем, что часть таких скреп оказываются хорошо знакомыми союзами, выражающими в структуре текста логические пропозиции подобно тому, как они делают это в рамках сложного, а иногда и простого предложения; наконец, важно подчеркнуть, что текстовые скрепы в пространстве текста оказываются наряду с другими служебными элементами, а именно – метапоказателями, показателями модусных смыслов, в том числе авторских оценок информации, обсуждаемых событий и мнений о них. При этом остается неясным положение в этом кругу частиц, которые включаются в текстовые скрепы некоторыми исследователями, здесь нужны особые исследования. И, разумеется, в использовании текстовых скреп могут обнаружиться дискурсивные различия, это тоже требует особого внимания синтаксистов.

Список литературы

1. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 198 с.
2. Кузнецова, Н. В. Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка / Н. В. Кузнецова, О. В. Почтарёва // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 9: Филология. – С. 21–33.
3. Тюрин, П. М. Текстовые скрепы *таким образом* и *итак* в современном русском языке: особенности функционирования и семантики : моногр. / П. М. Тюрин. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. – 202 с.
4. Шмелева, Т. В. *Дело в том, что...* / Т. В. Шмелева // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сборник статей в честь профессора Т. В. Колосовой / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, О. М. Исаченко ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – С. 145–153.
5. Шмелева, Т. В. Текстовая скрепа *И это при том что...* / Т. В. Шмелева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2015. – Т. 14. – С. 110–110.
6. Шмелева, Т. В. Условная конструкция в роли текстовой скрепы / Т. В. Шмелева // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016 : сборник трудов Международной научной конференции ; редколлегия: П. А. Лекант (отв. ред.), Н. Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н. А. Герасименко [и др.]. – М., 2016. – С. 103–106.

7. Прияткина, А. Ф. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 134–141.

8. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–425.

9. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий : моногр. / Н. П. Перфильева. – Новосибирск : Изд-во НПГУ, 2006. – 285 с.

10. Хан Хи Чжан. Присоединительные скрепы в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хан Хи Чжан. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. – 24 с.

11. Стексова, Т. Т. Синтаксический статус сочетания *Дело в том, что...* / Т. Т. Стексова // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сб. ст. в честь проф. Т. В. Колосовой / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, О. М. Исаченко ; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – С. 154–159.

12. Лапынина, И. Н. *Дело в том, что...* Семантика и функции / И. Н. Лапынина // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сборник статей в честь профессора Т. В. Колосовой / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, О. М. Исаченко ; Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – С. 160–172.

Shmeleva Tatiana

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

e-mail: szmiel@mail.ru

TEXT BRACES IN THE CIRCLE OF COMMUNICATION INDICATORS

The article raises the problem of comprehending such a syntactic phenomenon as text braces, one of the types of connecting means of Russian syntax, showing the history of their study and presenting their typology, at least as they are used in modern texts. The task is to demonstrate the opposition of braces to meta-indicators as metatext signals, as well as the opposition of textual braces of lexical and constructive types, like AND, A, BUT and THE POINT IS THAT ..., their functioning and description possibilities.

Keywords: russian language, syntax, text, text brace, union, construction.

УДК 811.161.1

Е. Н. Виноградова

ПОЛЕ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ (ПО ДАННЫМ ЧАСТОТНОСТИ)

Представлен реестр русских производных предложных единиц, включающих предлог *по* в препозиции, который был создан в результате анализа специализированных словарей, грамматики и поиска по 3-граммам в Национальном корпусе русского языка. Реестр ранжирован по убыванию частотности вхождений предложных единиц в корпус и отражает полевую структуру: наиболее частотными являются ядерные предложные единицы, редкие конструкции составляют периферию.

Ключевые слова: предлог, частотность, поле, предложная единица, конструкция.

М. И. Конюшкевич всегда стремится к системному и объективному описанию языка, что ярко проявляется в работах, посвященных исчислению и характеристике предложных и союзных средств [1; 2; 3; 4 и др.]. Думается, что значительно объективировать лингвистические исследования в этой области позволяет анализ частотности языковых единиц, в частности предлогов и их эквивалентов. Подобный количественный подход дает возможность аргументировать важную мысль о полевой устроенности категории предлога [5; 6 и др.].

Как известно, в РГ-80 [7] около 150 составных непервообразных предлогов. Сопоставление реестра РГ-80 со списком оборотов в функции предлога Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8] позволяет сделать некоторые предположения о структуре функционально-грамматического поля предлога. Так, если ранжировать список [8] по частотности, оказывается, что наиболее частотные единицы зафиксированы РГ-80 как предлоги: среди первых 50 оборотов в функции предлога (диапазон 1–50) только 11 отсутствуют в РГ-80: *имени кого-чего, не без кого-чего, по мнению, на основе, в числе, в процессе, на месте, недалеко от, по окончании, от имени, во главе*. Среди следующих 50 оборотов (диапазон 50–100), ранжированных по частотности, уже примерно половина единиц (26) не упомянута в РГ-80: *с учетом, лицом к, под названием, в лице, в середине, в составе, в мире, в форме, одновременно с, во главе с, на случай, вниз по, вверх по, на тему, незадолго до, неподалеку от, задолго до, за пределами, в ряде, на имя, на смену, по вопросам, с момента, по вопросу, не считая, с начала*. Наконец, среди следующих по частотности 50 оборотов в функции предлога (диапазон 100–150) только 11 отмечены в РГ-80. В то же время некоторые предлоги из РГ-80 отличаются низкой частотностью и находятся на периферии поля, ср.: *соразмерно с* (43 вхождения), *без сопровождения* (88), *в апостаси* (23), *в контраст* (41), *вне границ* (42) и под.

Думается, что анализ частотности конструкций, выполняющих функцию предлога, мог бы значительно объективировать описание функционально-грамматического поля предлога и продемонстрировать, какие единицы находятся ближе к ядру. Более того, подобный анализ позволяет наблюдать за изменениями предложных конструкций во времени, то есть проследивать процесс грамматикализации. Целью данной статьи является количественное обоснование полевой структуры одной из групп предложных единиц (ПЕ). В качестве материала для исследования были выбраны конструкции, включающие предлог *по* в препозиции к именному компоненту. В РГ-80 приводится 11 подобных

предлогов: *по адресу, по линии, по мере, по образцу, по поводу, по причине, по случаю, по части; по направлению к, по отношению к, по сравнению с.*

Анализ специализированных изданий и словарей [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] позволил выявить около 40 единиц, маркируемых «в функции предлога», «в значении предлога», «эквивалент предлога»: *по аналогии (с), по бокам (от), по вине, по воле, по вопросам (о), по вопросу (о), по диагонали, по долгу, по истечении, по итогам, по канве, по милости, по миновании, по направлению (от), по неимению, по образу, по окончании, по основанию, по праву, по примеру, по принципу, по прошествии, по пути (в/к/на), по пятам, по следам, по согласованию (с), по соображениям, по соседству (с), по стопам, по типу, по уполномочию, по условиям, по ходу.* В [16; 17] выделяются также *по ассоциации с, по дороге в/на/к, по имени, по кличке, по контрасту, по левую/правую руку/ сторону (от), по месту, по методу, по названию, по обе стороны (от), по обеим сторонам (от), по образу и подобию, по опыту, по оси, по подобию, по почину, по приказу, по причинам, по проблеме, по проблемам, по программе, по прозвищу, по совокупности, по стезе, по территории, по друзую/ту/эту сторону (от), по фамилии* и некоторые другие.

Может ли анализ частотности пролить свет на степень грамматикализации единицы и ее расположение в функционально-грамматическом поле предлога?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы объединили реестры, полученные из РГ-80 и работ [8–17], подсчитали частотность каждой из единиц, учитывая только предложные употребления, присоединяющие существительные в форме род. п. (исключения составляли ПЕ с первообразным предлогом в постпозиции (типа *по направлению к*). Далее ПЕ были ранжированы по убыванию частотности (числа вхождений в основной корпус НКРЯ [18]). Полученные данные представлены в таблице 1, где предлоги из РГ-80 [7] не имеют заливки (белый фон), а светло-серой заливкой отмечены единицы, упомянутые хотя бы в одном из рассмотренных изданий [8–17]. Безусловно, в результатах присутствует определенный шум, однако представляется, что в подавляющем большинстве случаев учтены именно интересующие нас ПЕ.

Следующим этапом стал анализ 3-грамм, полученных в НКРЯ по следующим поисковым запросам 1) *по* + $N_{\text{дат}}$ + $N_{\text{род}}$ 2) *по* + $N_{\text{вин}}$ + $N_{\text{род}}$ 3) *по* + $N_{\text{дат}}$ + предлог. В результате было обнаружено около 50 потенциальных ПЕ (они отмечены в таблице 1 темно-серой заливкой). Безусловно,

«кандидаты» в ПЕ, выявленные на основе изучения данных частотности, необходимо подвергать индивидуальному анализу с точки зрения наличия грамматикализации, проверяя, присутствуют ли у конструкции признаки перехода в ПЕ и собственно предложные употребления.

Таблица 1 – Предложные единицы, ранжированные по частотности

	ПЕ	Число¹		ПЕ	Число
1.	<i>по поводу</i>	25508	34.	<i>по результатам</i>	1749
2.	<i>по отношению к</i>	15445	35.	<i>по поручению</i>	1724
3.	<i>по словам</i>	14293	36.	<i>по свидетельству</i>	1604
4.	<i>по мнению</i>	12633	37.	<i>по законам</i>	1443
5.	<i>по мере</i>	11996	38.	<i>по обе стороны</i>	1441
6.	<i>по сравнению с</i>	11637	39.	<i>по сведениям</i>	1362
7.	<i>по случаю</i>	9048	40.	<i>по обоим сторонам</i>	1299
8.	<i>по окончании</i>	7190	41.	<i>по дороге к</i>	1175
9.	<i>по имени</i>	5380	42.	<i>по истечении</i>	1170
10.	<i>по причине</i>	4461	43.	<i>по принципу</i>	1125
11.	<i>по данным</i>	4210	44.	<i>по закону</i>	1113
12.	<i>по направлению к</i>	3484	45.	<i>по милости</i>	1093
13.	<i>по части</i>	3468	46.	<i>по вине</i>	1044
14.	<i>по вопросам</i>	3159	47.	<i>по направлению</i>	1029
15.	<i>по просьбе</i>	2840	48.	<i>по рассказам</i>	1019
16.	<i>по выражению</i>	2498	49.	<i>по сторонам</i>	966
17.	<i>по пути</i>	2307	50.	<i>по прозвищу</i>	941
18.	<i>по дороге в</i>	2200	51.	<i>по дороге на</i>	934
19.	<i>по делу</i>	2161	52.	<i>по делу о</i>	928
20.	<i>по воле</i>	2097	53.	<i>по соседству с</i>	918
21.	<i>по ходу</i>	2068	54.	<i>по заказу</i>	913
22.	<i>по вопросу о</i>	2036	55.	<i>по краям</i>	911
23.	<i>по примеру</i>	1976	56.	<i>по обвинению в</i>	886
24.	<i>по распоряжению</i>	1928	57.	<i>по кличке</i>	874
25.	<i>по итогам</i>	1918	58.	<i>по определению</i>	872
26.	<i>по линии</i>	1907	59.	<i>по правилам</i>	857
27.	<i>по прошествии</i>	1870	60.	<i>по краю</i>	853
28.	<i>по адресу</i>	1868	61.	<i>по оценкам</i>	851
29.	<i>по месту</i>	1829	62.	<i>по следам</i>	848
30.	<i>по приказу</i>	1800	63.	<i>по получении</i>	844
31.	<i>по приказанию</i>	1789	64.	<i>по праву</i>	842
32.	<i>по фамилии</i>	1775	65.	<i>по долгу</i>	799
33.	<i>по совету</i>	1754	66.	<i>по оценке</i>	786

¹ Число вхождений в НКРЯ.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС. РЕЛЯТИВНАЯ ГРАММАТИКА

	ПЕ	Число
67.	по пути в	785
68.	по бокам	763
69.	по левую / правую / другую / (э)ту / сю сторону	756
70.	по условиям	724
71.	по типу	720
72.	по вопросу	698
73.	по проблемам	690
74.	по образцу	683
75.	по пути к	622
76.	по образу	597
77.	по аналогии с	592
78.	по состоянию на	576
79.	по дороге из	566
80.	по обычаю	559
81.	по заключении	532
82.	по материалам	530
83.	по мотивам	480
84.	по подозрению в	464
85.	по методу	453
86.	по территории	445
87.	по отзывам	410
88.	по команде	396
89.	по программе	393
90.	по соображениям	389
91.	по завершении	385
92.	по соглашению с	385
93.	по образу и подобию	351
94.	по воспоминаниям	340
95.	по согласованию с	328
96.	по рассказу	321
97.	по пути на	318
98.	по опыту	317
99.	по названию	312
100.	по левую / правую руку от	295
101.	по наущению	289
102.	по достижениям	284
103.	по прогнозам	265

	ПЕ	Число
104.	по столам	256
105.	по проблеме	249
106.	по отзыву	232
107.	по оси	232
108.	по обе стороны от	228
109.	по совокупности	227
110.	по наследству от	208
111.	по пути из	199
112.	по неимению	187
113.	по левую / правую руку	179
114.	по сведениям из	171
115.	по почину	160
116.	по миновании	141
117.	по причинам	141
118.	по контрасту с	133
119.	по пятам	115
120.	по левую / правую / другую / (э)ту / сю сторону от	102
121.	по соседству	100
122.	по направлению от	92
123.	по приказам	91
124.	по подобию	87
125.	по бокам от	78
126.	по прогнозу	76
127.	по обычаям	74
128.	по вопросам о	70
129.	по манию	68
130.	по диагонали	67
131.	по просьбам	62
132.	по согласованию	55
133.	по ассоциации с	38
134.	по аналогии	37
135.	по уполномочию	33
136.	по обеим сторонам от	33
137.	по основанию	29
138.	по стезе	28
139.	по канве	22
140.	по воспоминанию	16

Анализ таблицы 1 позволяет сделать несколько выводов.

1. «Белая» зона. Большинство предлогов, названных в РГ-80, действительно являются очень частотными: 8 из 11 единиц входят в топ-15 по частотности. Наиболее частотный предлог *по поводу* является сильно грамматикализованным: значение существительного практически полностью стерлось, изменились синтаксические потенции. К относительно редким из указанных в РГ-80 предлогов относится только *по образу*.

2. «Светло-серая» зона. В изученных источниках можно выделить несколько новых типов ПЕ:

а) достаточно частотные ПЕ с темпоральным значением, построенные по модели *по + N_{вин.}*: *по окончании, по прошествии, по истечении* и под.;

б) конструкции со значением авторизации: *по мнению, по выражению, по сведениям*;

в) конструкции, присоединяющие сущ. в форме им. п.: *по имени, по фамилии, по прозвищу, по кличке*;

г) ПЕ, образующие парадигмы: *по пути – по пути к – по пути на – по пути в; по обе стороны – по обе стороны от – по обеим сторонам – по обеим сторонам от; по вопросу – по вопросу о – по вопросам – по вопросам о; по проблеме – по проблемам; по левую / правую руку – по левую / правую руку от; по левую / правую / другую / ту / эту / сю сторону – по левую / правую / другую / ту / эту / сю сторону от; по соседству – по соседству с*.

3. «Темно-серая» зона. Анализ частотных конструкций, построенных по рассматриваемым моделям, позволяет ставить вопросы относительно новых типов потенциальных ПЕ:

а) ПЕ, ранее не отмечавшиеся в специализированных изданиях: *по законам, по сторонам, по мотивам, по краю, по наследству от, по соглашению с* и нек. др.;

б) полифункциональные авторизационные конструкции, выполняющие функции вводных слов: *по словам, по данным, по рассказам – по рассказу, по определению, по оценкам – по оценке, по воспоминаниям – по воспоминанию, по обычаям – по обычаю* и под., при этом для некоторых из них актант факультативен, для других – обязателен [19];

в) слабо грамматикализованные единицы, которые «начинают» свой путь в предлоги: *по просьбе, по распоряжению, по приказанию, по совету, по поручению, по команде; по подозрению в, по обвинению в, по делу (о)* и под. Представляется, что для подобных единиц требуется индивидуальный анализ степени предложности;

г) единицы, выражающие определительные отношения, для которых функционирование в качестве предлога спорно (не включены в таблицу): *по борьбе с* (1528 вхождений), *по работе с* (404), *по уходу за* (276), *по связям с* (259), *по контролю за* (249), *по подготовке к* (216).

На наш взгляд, предлагаемый подход, учитывающий данные по частотности конструкций, имеет несколько преимуществ. Во-первых, он позволяет системно подойти к полю предлога и выявить все потенциально возможные ПЕ, построенные по конкретной модели. Во-вторых, он проливает свет на реальное расположение ПЕ по отношению к ядру и периферии поля. Наконец, данные о частотности дают возможность оценивать степень грамматикализации уже выявленных ПЕ.

В заключение хочется выразить огромную благодарность и сердечную признательность М. И. Конюшкевич за глубокие мысли, плодотворные идеи, согревающую поддержку, щедро даримое вдохновение и лучезарную улыбку, а также пожелать милой Марии Иосифовне доброго здоровья и крепкого здоровья.

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. Русские и белорусские предлоги: списочный состав, закономерности образования, первый опыт сопоставления / М. И. Конюшкевич // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2005. – № 4. – С. 64–79.
2. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. Ч. 1–3 / М. І. Канюшкевіч. – Гродна, 2008–2010.
3. Канюшкевіч, М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна, 2019. – Ч. 1. Дыяпазон А–З. – 302 с.
4. Конюшкевич, М. И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка / М. И. Конюшкевич // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. – 2023. – № 1. – С. 8–21.
5. Конюшкевич, М. И. Системные отношения в морфосинтаксическом поле белорусского предлога / М. И. Конюшкевич // Выбраныя працы: Мова. Граматыка адносін. – Мінск, 2019. – С. 71–81.
6. Конюшкевич, М. И. Лексико-функциональное поле предлогов с инвариантом ‘включение’ / ‘исключение’ в русском языке / М. И. Конюшкевич, М. Романовская // Лінгвістычны студіі : зб. наук. пр. – Донецьк, 2009. – Вип. 19. – С. 32–38.
7. РГ-80 – Русская грамматика. Т. I / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1980. – 783 с.
8. Корпусный словарь неоднословных лексических единиц (оборотов) Национального корпуса русского языка. Обороты в функции предлога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/page/obgrams>. – Дата доступа: 20.05.2023.
9. Богданов, С. И. Русская служебная лексика. Сводные таблицы / С. И. Богданов, Ю. В. Рыжова. – СПб., 1997. – 168 с.
10. Бурцева, В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка / В. В. Бурцева. – М., 2010. – 750 с.

11. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 2001. – 863 с.
12. Лепнев, М. Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы / М. Г. Лепнев. – СПб., 2010. – 313 с.
13. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин (ред.). – М., 1997. – 420 с.
14. Рогожникова, Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р. П. Рогожникова. – М., 2003. – 252 с.
15. Шиганова, Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г. А. Шиганова. – Челябинск, 2003. – 306 с.
16. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1 / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. – М., 2013. – 304 с.
17. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Кн. 2: А–В (объективная грамматика) / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова, Т. Е. Чаплыгина. – М., 2018. – 809 с.
18. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>. – Дата доступа: 20.05.2023.
19. Виноградова, Е. Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) / Е. Н. Виноградова // Вопросы языкознания. – 2023. – № 1. – С. 54–87.

Vinogradova Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
e-mail: ekaterinavin@mail.ru

FIELD OF RUSSIAN PREPOSITIONS (BY FREQUENCY DATA)

The article shows a list of Russian prepositional units which include preposition *po*. The list was created as a result of analysis of specialized dictionaries, grammars and 3-gram search in Russian National corpora. The list is ranked by frequency decrease and presents a field structure: the most frequent units are the core prepositions and the rare units form the periphery of prepositional functional-grammatical field.

Keywords: preposition, frequency, field, prepositional unit, construction.

УДК 811.161.3'367

С. А. Важнік

ДАРОСЛАСЦЬ / НЕДАРОСЛАСЦЬ ЯК СІНТАКСІЧНАЯ КАТЭГОРЫЯ БЕЛАРУСКАГА СІНТАКСІСУ ПАЧАТКУ ХХ ст.

Впервые в белорусском языкознании рассматриваются *персональные* белорусские конструкции с компонентом [-Adult: *дети*] типа *гадаваць унукі, вучыць дзеці, мець дачкі, калыхаць дзеці* и др., которые встречаются в произведениях художественной

литературы начала XX в., что позволяет говорить о специфике и самобытности белорусского синтаксиса простого предложения в диахронии. С точки зрения синхронии подобные конструкции рассматриваются как архаизмы либо диалектизмы.

Ключевые слова: прямо-переходные глаголы, транзитивная модель, одушевлённая импликация, персональная импликация, категория «взрослость / невзрослость».

У розных перыяды развіцця сучаснай беларускай літаратурнай мовы сінтаксічная мадэль беларускіх прама-пераходных дзеясловаў (= *транзітыўная мадэль*) арыентавана на розныя селекцыйныя катэгорыі – катэгорыю *персанальнасці* / *неперсанальнасці* і катэгорыю *адушаўлёнасці* / *неадушаўлёнасці* [1–7]. Гэтыя паняццённыя катэгорыі маюць статус сінтаксічных, бо выяўляюцца ў адпаведных сінтаксічных канструкцыях.

Сінкрэтызм вінавальнага і роднага склонаў, з аднаго боку, а таксама вінавальнага і назоўнага склонаў, з другога, – гэта *імплікацыя*, або абавязковая замена аднаго з членаў другім [8, с. 144]. Такая бінарная лагічная аперацыя адпавядае выражэнню умоўна-выніковых адносінаў, што эксплікуецца праз злучнікі «*калі – то*». У сувязі з чым будзем казаць пра *персанальную імплікацыю* vs. *адушаўлёную імплікацыю*.

Супаставім два варыянты беларускай транзітыўнай мадэлі:

(1) варыянт беларускай літаратурнай мовы (далей – *БЛМ*) 1920–1930-х гг.;

(2) варыянт сучаснай беларускай літаратурнай мовы (далей – *СБЛМ*).

Пры гэтым будзем улічваць наступныя селекцыйныя катэгорыі, якія дапамогуць нам растлумачыць спалучальнасць прама-пераходных дзеяслоўных прэдыкатаў:

1. *Адушаўлёнасць* [+Anim] vs. 2. *Неадушаўлёнасць* [-Anim].

1.1. *Персанальнасць* [+Pers] vs. 1.2. *Неперсанальнасць* [-Pers].

1.1.1. *Мужчынская персанальнасць* [+Masc. Pers] vs. 1.1.2. *Жаночая персанальнасць* [+Fem. Pers] vs. 1.1.3. *Дзіцячая персанальнасць* (*недаросласць*) [-Adult].

Тлустым шрыфтам вылучаны селекцыйныя катэгорыі, што выяўляюць спецыфіку беларускага простага сказа з прама-пераходнымі дзеясловамі ў розныя гістарычныя перыяды (праз супастаўленне з сучасным варыянтам транзітыўнай мадэлі).

1. Транзітыўная мадэль БЛМ 1920–1930-х гг.: *персанальная імплікацыя* vs. *неперсанальная імплікацыя*.

Транзітыўная мадэль беларускай мовы пачатку XX ст. «будуецца» паводле катэгорыі *персанальнасці* / *неперсанальнасці*: сінкрэтызм

вінавальнага і роднага склонаў магчымы тут толькі ў выпадку ўжывання ў аб'ектнай пазіцыі *персанальных імёнаў (антрапонімаў)*. Неперсанальныя імёны, што абазначаюць *жывёл, птушак, рыб*, захоўваюць старажытны вінавальны склон. Параўн.: *запрог валы, пасе коні, падаіла каровы*. Такім чынам, мае месца *персанальная* або *неперсанальная імплікацыя*.

Параўн.:

$$\begin{aligned} (\text{калі}) S - P - \underline{O} [+Pers] &\rightarrow (\text{то}) N_{nom} - V_f - \underline{N}_{acc} (=gen pl); \\ S - P - \underline{O} [-Pers] &\rightarrow N_{nom} - V_f - \underline{N}_{acc} (=nom pl). \end{aligned}$$

дзе *S* – суб'ект, *P* – прэдыкат, *O* – аб'ект, адпаведна *SPO* – семантычная структура (прапазіцыя) транзітыўных канструкцый.

Адным з першых на апазіцыю *персанальных / неперсанальных і адушаўлёных / неадушаўлёных* канструкцый у беларускай мове звярнуў увагу вядомы дацкі славіст Л. Ельмслеў. У працы «*Animé et inanímé, personnel et nonpersonnel*» (1956 г.) вучоны небеспадстаўна разглядае беларускую, украінскую, польскую, кашубскую і славацкую мовы, якія геаграфічна суседнічаюць адна з другой і ўтвараюць бесперапынны канцінуум, як **мовы «з персанальнымі родамі»**. Паводле Л. Ельмслева, вінавальны склон імплікуе ў славянскіх мовах родны склон пры дамінацыі адушаўлёнага або персанальнага роду, а назоўны – пры дамінацыі неадушаўлёнага або неперсанальнага роду. Так, у беларускай мове персанальныя і неперсанальныя імёны размяжоўваюцца ў формах множнага ліку, а адушаўлёныя і неадушаўлёныя імёны – у формах мужчынскага роду адзіночнага ліку [8, с. 140–141, 144–145, 150]. Па ўсім бачна, што Л. Ельмслеў арыентаваўся на беларускія тэксты пачатку XX ст., найбольш адметныя ў сінтаксічным плане.

У беларускім мовазнаўстве **першым** фіксуе персанальную імплікацыю ў сваіх «Беларусах» Я. Ф. Карскі: «Во множественном числе заметна тенденция в другую сторону: здесь только у названий лиц винительный заменяется (и то не всегда) родительным, у других же, хотя и названий одушевленных предметов, он сходен с именительным, или – что то же – соответствует древнему винительному...» [9, с. 112]. Адзначым багацейшы фактычны матэрыял з летапісных, пачынаючы з XVI ст., і дыялектных крыніц, прадстаўлены акадэмікам Карскім у «Гістарычным нарысе словаўтварэння і словазмянення ў беларускай мове» і ў «Нарысе сінтаксісу беларускай мовы»: *по⁰несоу тобѢ во⁰лы коз⁰лы; поддаль п'тахи; по⁰ собою мае^m кони бо⁰здыя; сви⁰ньи бити; по⁰да¹ овьци и во⁰лы; посла песьи моухи; выпхстила земля жабы;*

помори¹ *рыбы*; *вълхчае овцы*; *кони* закладаци; *бобры*, *черные соболы* повесить; *пыра зыпрыгаць* (пара закладаци) *кони*; *запрагай кони*; *пасвиць кони*, *валы*; *запрагаць валы*; *гани волы* дамоў; *даиць каровы*; *выганяци каровы* ў поле; *каровы прыгнаў*; *миняя быки*’ на *индыки*’; *кармиць сабаки*; *запусцили сабаки* ў лес; *кармиць свини*; *пагнаў свинья*, *цяляты*, *авечки*, *козы*; на *ваўки* брахаць; *людзи паўки* б’юць; *пастраляць птушкі*; *асадиць пчолы*; *маем кони*; *всedaли на кони*; *кони пограбиль*; *прыгнаў кони*; *стаў красци авечки*; *подаць рыбы* і інш. [9, с. 113–114, 144–145, 165–166, 397].

Нагадаем, што на пачатку ХХ ст. менавіта персанальная імплікацыя лічылася граматычнай нормай БЛМ, што зафіксавана ў першых беларускіх граматыках і падручніках (гл. працы Б. Тарашкевіча, Я. Лёска, А. Багдановіча і інш.).

Апісаную вышэй сінтаксічную норму пацвярджае і літаратурна-мастацкая моўная практыка пачатку ХХ ст. Параўн.: *Пані кажэ: адвядзі коні да стайні* (А. Ельскі); *Ледзь адпрог коні, так зараз выбег* (В. Дунін-Марцінкевіч); *Пусцілі коні наўцёкі* (А. Гарун); *Паганяючы коні, рамізнік крычыць* (Ц. Гартны); *Разоў пяць губляў авечкі, шкоды ў полі нарабіў* (Я. Колас); *Панас, запрагай коні, да земскага едзе* (У. Галубок); *Марыська, выпрагай коні, няхай пасуцца* (М. Чарот); *Ён пасвіў коні з адной дзяўчынкай* (М. Зарэцкі); *Ён пераставіў лямпу на лаву і выпусціў куры* (К. Чорны); *Спуталі коні жалезнымі путамі* (Л. Калюга); *Да часу зладзеі кінулі коні* (К. Крапіва); *А ты, Напрэй, запрагай коні* (М. Лынькоў); *Немец паіў коні* (Я. Купала); *Распрагайце коні, няхай папасуцца* (П. Пестрак).

2. Транзітыўная мадэль СБЛМ: адушаўлёная імплікацыя vs. неадушаўлёная імплікацыя.

У СБЛМ нарматыўна замацаваны адушаўлены варыянт імплікацыі: сінкрэтызм вінавальнага і роднага склонаў мае месца пры ўжыванні ў аб’ектнай пазіцыі *адушаўлёных* (як *персанальных*, так і *неперсанальных*) імёнаў; сінкрэтызм вінавальнага і назоўнага склонаў – пры ўжыванні ў аб’ектнай пазіцыі *неадушаўлёных* імёнаў. Такая імплікацыя ў СБЛМ працягнецца ў формах адзіночнага (для назоўнікаў мужчынскага роду) і множнага (для назоўнікаў усіх трох родаў) ліку. Такім чынам:

$$\begin{aligned}
 (\text{калі}) S - P - \underline{Q}_{[+Anim]} &\rightarrow (\text{ТО}) N_{nom} - V_f - \underline{N}_{acc (=gen pl)}; \\
 S - P - \underline{Q}_{[-Anim]} &\rightarrow N_{nom} - V_f - \underline{N}_{acc (=nom pl)}.
 \end{aligned}$$

Менавіта такая мадэль лічыцца сінтаксічнай нормай СБЛМ: норма патрабуе гаварыць *пагнаў коней*, *падаіла кароў*, *прыгнаў гусей*. Усе

астатнія варыянты кваліфікуюцца як памылковыя і лічацца адхіленнем ад нормы [10, с. 17]. Такія «адхіленні» маюць або архаічную, або дыялектную аснову.

3. Яшчэ адзін выпадак архаічнай транзітыўнай мадэлі: «дарослая» імплікацыя vs. «недарослая» імплікацыя.

Нам сустрэўся яшчэ адзін старажытны варыянт вінавальна-назоўнай імплікацыі, калі аб'ектную пазіцыю запаўняюць *персанальныя*, але *недарослыя імёны*, што абазначаюць *дзяцей*. Параўн.: *Плач так да астатка, / Галасі, як матка, / Хаваючы дзеці, / Дзень, другі і трэці / Іграй слёзным тонам / Над народу сконам!* (Ф. Багушэвіч); – *Ну, – кажэ раз Міхал, – як будзе? / Ёжо вучаць дзеці ў школцы людзі* (Я. Колас); *У акне з двара відаць дзеці* (К. Чорны); *Вас пагадала, а цяпер унукі гадуў* (М. Лужанін); *Вучу дзеці* (Я. Станкевіч). Такім чынам:

$$\begin{aligned} (\text{калі}) S - P - \underline{Q} \text{ [+Pers: +Adult]} &\rightarrow (\text{то}) N_{\text{nom}} - V_f - \underline{N}_{\text{acc (=gen pl)}}; \\ S - P - \underline{Q} \text{ [+Pers: -Adult]} &\rightarrow N_{\text{nom}} - V_f - \underline{N}_{\text{acc (=nom pl)}}. \end{aligned}$$

На старажытны характар такіх канструкцый указвае той факт, што «недарослая» імплікацыя сустракаецца і ў такім моўным матэрыяле, «кансерватыўным» па сваёй сутнасці, як фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі. Параўн.: *Багатаму чорт дзеці калыша (а беднаму з калыскі выкідае)* [11, с. 8; 11, с. 12, 245]; *Хто мае дочки, той ходзіць без сарочки; Няма на свеце горшай мукі, як гадаваць унукі*.

Ёсць адзін такі прыклад і ў Я. Ф. Карскага: *ўлюбівся король у любимыя дочи свое* (Ром. III, 304 Бых.) [16, с. 113]. Гэта яшчэ адзін аргумент на карысць старажытнасці «дзіцячых» персанальных канструкцый.

4. Высновы.

У гісторыі беларускай мовы вылучаюцца два *літаратурныя* варыянты транзітыўнай мадэлі: «*персанальныя*» і «*адушаўлёныя*». Гэтыя варыянты абумоўлены рознай *семантычнай арыентаванасцю* беларускай мовы ў розныя перыяды яе развіцця: БЛМ пачатку XX ст. – паводле катэгорыі *персанальнасці / неперсанальнасці*; СБЛМ – паводле катэгорыі *адушаўлёнасці / неадушаўлёнасці*. Да ўсяго ў межах катэгорыі *персанальнасць* варта вылучаць і такую селекцыйную катэгорыю, як *даросласць / недаросласць*, якая таксама выяўляецца праз транзітыўную мадэль, што пацвярджаецца прэцэдэнтнымі тэкстамі пачатку XX ст.

Спецыфіка беларускай мовы на агульнаславянскім фоне відавочна працягваецца ў «*персанальным*» і «*недарослым*» *варыянтах транзітыўнай мадэлі*. Гэта выяўляецца праз супастаўленне з іншымі

славянскімі мовамі, з якімі БЛМ кантактуе. Мы можам убачыць такую спецыфіку ў рознай семантычнай дыферэнцыяцыі «блізкіх» славянскіх моў: у арыентаванасці транзітыўных канструкцый у іх на розныя апазіцыі паняційна-сінтаксічных катэгорый. Так, руская мова, а таксама сучасная беларуская літаратурная мова «працуюць» на падставе апазіцыйнай пары ўзроўню (1)–(2); беларуская літаратурная мова пачатку ХХ ст. – на падставе апазіцыйнай пары ўзроўню (1.1) – (1.2) і катэгорыі (1.1.3); польская мова – на падставе апазіцыйнай пары ўзроўню (1.1.1) – (1.1.2). Адбываецца своеасаблівы катэгарыяльны «пераход» ад адной мовы да другой: *руская мова (адушаўлёнасць / неадушаўлёнасць)* ↔ *беларуская мова (персанальнасць / неперсанальнасць)* ↔ *польская мова (мужчынская персанальнасць, або катэгорыя мужчынскай асобы)*. І наадварот. Параўн.:

Табліца 1 – Спецыфіка варыянтаў транзітыўнай мадэлі ў беларускай мове на агульнаславянскім фоне

Мова	Селекцыйная прымета аб'екта ў транзітыўнай мадэлі
Сучасная беларуская літаратурная мова, сучасная руская літаратурная мова	(1) <i>Адушаўлёныя</i> [+Anim] / (2) <i>Неадушаўлёныя</i> [-Anim].
Беларуская літаратурная мова пач. ХХ ст.	(1.1) <i>Персанальныя</i> [+Pers]: <i>людзі</i> / (1.2) <i>Неперсанальныя</i> [-Pers]: <i>жывёлы</i> ; (1.1.3) <i>Недарослыя</i> [+Pers: -Adult]: <i>дзіця</i> .
Сучасная польская літаратурная мова	(1.1.1) <i>Мужчына</i> [+Masc. Pers] / (1.1.2) <i>Жанчына</i> [+Fem. Pers].

Гэта лепей бачна ў беларускіх дыялектах, дзе прадстаўлены ўсе мажлівыя варыянты транзітыўнай мадэлі, што дазваляе даследчыкам казаць пра *пераходны (сінкрэтычны. – С. В.) характар* беларускага сінтаксісу. Гл., напрыклад, працы С. М. Прохаравай [13–15].

Спіс літаратуры

1. Важнік, С. А. Транзітыўная мадэль як паказальнік безэквівалентнасці сінтаксісу беларускай мовы (пры супастаўленні з польскай мовай) / С. А. Важнік // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. № 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка.* – 2000. – № 1. – С. 43–47.

2. Важнік, С. А. Функцыянаванне транзітыўнай мадэлі ў беларускай і польскай літаратурных мовах / С. А. Важнік // *Беларуская мова і мовазнаўства на ру-бязы III тысячагоддзя / Матэрыялы навук. канф., прысвеч. 70-год. Інстытута*

мовознаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2000. – С. 35–38.

3. Важнік, С. А. Беларуска-польскі канцінуум у святле функцыянавання транзітыўнай мадэлі / С. А. Важнік // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. – Białystok : PSPHU, 2000. – Т. III. *Językoznaństwo*. – S. 173–180.

4. Важнік, С. А. Станаўленне сінтаксічнай нормы беларускай мовы: «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевіча і «Сынтас беларускай мовы» Я. Лёсіка / С. А. Важнік // *Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы V міжнар. навуц. канф. (да 80-год. праф. Л. М. Шакуна)*. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – С. 403–409.

5. Важнік, С. А. Праблема апісання сінтаксічных архаізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове: змены ў семантычнай структуры транзітыўных сказаў / С. А. Важнік // *Лінгвістычны студыі : зб. наук. прац. Вып. 16 / уклад: Анатолій Загнітко (наук. ред.) [та ін.]*. – Donecк : ДонНУ, 2008. – С. 100–103.

6. Важнік, С. А. Дыстрыбуцыйныя ўласцівасці беларускіх і польскіх транзітыўных дзеясловаў / С. А. Важнік // *Кантрастыўны сінтаксіс польскай і беларускай моў: семантыка і дыстрыбуцыя дзеяслоўнага прэдыката*. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – С. 341–350.

7. Важнік, С. А. *Котка ліжа малако*, або Багатае поле дзейнасці для супастаўляльнага даследавання / С. А. Важнік // *Паланістыка – Полоністыка – Ролоністыка 2008*. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 107–121.

8. Ельмслев, Л. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности / Л. Ельмслев // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. – М., 1972. – С. 114–152.

9. Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Т. 2, кн. 2. Язык белорусского народа / Е. Ф. Карский. – Минск : БелЭн, 2006. – 512 с.

10. Шуба, П. П. Адушаўлёнасць – неадушаўлёнасць / П. П. Шуба // *Беларуская мова : энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча*. – Мінск : БелЭН, 1994. – С. 17–18.

11. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.

12. Боярина, Е. Л. 2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний (Словарь с пояснениями и примерами использования) / Е. Л. Боярина, В. Н. Сивчиков. – Минск : Попурри, 2006. – С. 11, 245.

13. Прохорова, С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование / С. М. Прохорова ; науч. ред. П. П. Шуба. – Минск : Университетское, 1991. – 136 с.

14. Прохорова, С. М. О переходном характере белорусского синтаксиса / С. М. Прохорова // *Ещё раз о языковой непрерывности* / С. М. Прохорова. – Минск : БГУ, 1999. – С. 7–17.

15. Прохорова, С. М. Е. Ф. Карский о незамкнутом характере белорусского языка / С. М. Прохорова // *Выбранные работы* / С. М. Прохорова (Серия «Моваведы Беларусі»). – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 143–147.

16. Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Т. 2, кн. 2. Язык белорусского народа / Е. Ф. Карский. – Минск : БелЭн, 2006. – С. 113.

Vazhnik Siarhej
Belarusian State University
e-mail: waznik@yandex.ru

*ADULTHOOD / IMMATURITY AS A SYNTACTIC CATEGORY
OF THE BELARUSIAN SYNTAX OF THE EARLY XX CENTURY*

In the article, for the first time in Belarusian linguistics, personal Belarusian constructions with the component [-Adult: children] such as *gadavac' unuki, vuchyc' dzeci, mec' dochki, kalykhas' dzeci* etc. and originality of the Belarusian syntax of a simple sentence in diachrony. From the point of view of synchrony, such constructions are considered as archaisms or dialectisms.

Keywords: transitive verbs, transitive model, animate implication, personal implication, adult / non-adult category.

УДК 811.161.1

Е. П. Пустошило

**КВАНТИТАТИВНЫЕ СИНТАКСЕМЫ
С АППРОКСИМАТОРАМИ ОКОЛО, ПОРЯДКА**

С опорой на исследования М. В. Всеволодовой и М. И. Конюшкевич квантитативы рассматриваются как количественно-именные синтаксемы вида Num (количественный компонент) + Nom (субстантивный компонент). Определяется роль аппроксиматоров *около* и *порядка* в структуре квантитативных синтаксем. В качестве отличительной черты функционирования квантитативных синтаксем в русском дискурсе выделяется редупликация приблизительного значения.

Ключевые слова: квантитатив, квантитативная синтаксема, аппроксимация, редупликация значения.

Объектом данной статьи являются квантитативы, на изучение которых меня вдохновила профессор Мария Иосифовна Конюшкевич, наставник и самый взыскательный читатель моих научных изысканий. Во избежание вопросов терминологического характера для начала обозначим некоторые исходные для нас позиции.

В лингвистической науке на толкование термина «квантитатив» есть несколько точек зрения. В самом общем смысле это любая номинация с количественной семантикой, являющаяся единицей ФСП количественности. Так, в работах Н. Н. Хухрянской в качестве квантитативов рассматриваются как знаменательные части речи (типа *пять, пятёрка, десятилетие, множество, много, вдесятером, дважды, удвоиться*), так и разного рода квантитативные сочетания (типа *двадцать пять килограммов, второй конкурс, многоканальный телефон, двойное впечатле-*

ние, *третьи лица*), выступающие средствами выражения точного, приблизительного и неопределенного количества [1; 2]. Ф. И. Панков и Е. Н. Гулидова, описывая представление русских квантитативов в иноязычной аудитории, причисляют к их составу лексемы *мало, немало, много, очень* и их производные [3; 4]. С такой широкой трактовкой этого термина можно сопоставить более узкое его толкование, отраженное в работах М. В. Всеволодовой, которая определяет квантитатив как «количественно-именную группу типа *три дома – пять домов*» [5, с. 69], «специфическую для славянских языков морфосинтаксическую категорию, образуемую сочетанием числительного с существительным и характеризующую количество и величину объекта» [5, с. 69]. Анализируя специфику синтаксического поведения квантитативов, М. В. Всеволодова предлагает «признать квантитатив морфосинтаксической структурой типа синтаксемы» [6, с. 58].

Опираясь на то, что базовой формой выражения категории количества в языке является число в его приложении к предметному миру, в нашем исследовании квантитативами мы будем называть количественно-именные сочетания вида «количественный компонент + субстантивный компонент». Количественный компонент (Num) может быть выражен количественными числительными разных разрядов (*два, двадцать пять, двое, две целые пять десятых, пять к двум, два на три, мало, много, несколько*), а также существительными с количественным значением (*двойка, двадцатка, дюжина*). Субстантивный компонент (Nom) обычно выражен именами существительными, которыми обозначены предметы или явления, подвергающиеся счету: *два события, двадцать пять человек, двое суток, два на три метра, много проблем, двойка призеров, двадцатка студентов* и т. п.

В квантитативе, обладающем структурной целостностью, видимо, нет смысла определять главный и зависимый компоненты, так как, по замечанию Г. А. Золотовой, «в силу исторической сложности связи между существительным и числительным, отношения определяемого/определяющего компонентов этих сочетаний переменны» [7, с. 30]. Ср.: *два события, двух событий, к пятистам рублям*, а также вполне употребительное *к пятистам рублей*.

Развивая мысль М. В. Всеволодовой о синтаксемной природе квантитатива, основываясь на теории о синтаксеме, изложенной в работах А. М. Мухина [8] и Г. А. Золотовой [7], а также обращая внимание на «вид и вектор внутренней связи между нумеративом и субстантивом» [9, с. 116], т. е. на управление в прямых падежах и согласование / управле-

ние в косвенных, М. И. Коношкевич проанализировала структуру квантитативной синтаксемы, в которой были выделены: 1) номинативный компонент, состоящий из лексических значений числительного и существительного (например, для квантитатива *пять книг* ‘книги в количестве пяти штук’); 2) грамматический формант, представленный комплексом флексий числительного и существительного, как «неким подобием их синтаксического “конфикса”, или сокращенно “синплекса”» [9, с. 118]. Так, в квантитативе *пять книг* грамматический формант представлен шестью вариантами синплекса: *пять-□ книг-□*; *пят-и книг-□*; *пят-и книг-ам*; *пять-□ книг-□*; *пять-ю книг-ами*; *пят-и книг-ах*.

Являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, квантитативы при отражении все более усложняющейся действительности способны усложняться, не выходя за пределы одной синтаксемы. Результаты наблюдения М. И. Коношкевич над возможностями расширения границ квантитативов за счёт лишь одного предлога *более*, выступающего в функции градуатора и аппроксиматора, а также за счёт других примыкающих к нему строевых элементов *более чем*, *где-то более*, *почти более*, *аж более* и др. привлекли наше внимание к функционированию других средств выражения аппроксимации в квантитативных синтаксемах.

Аппроксимация определяется как «понятийная категория, манифестируемая в языке посредством семантической категории аппроксимации, категориальным значением которой является значение приближительности, установленное посредством имплицитного сравнения с некоторой нормой (точкой отсчета), сопровождаемое идеей оценки» [10, с. 99].

Приблизительное количество выступает одним из «прототипических» квантитативных значений (наряду с точным и неопределённым количеством) [1, с. 8]. Благодаря использованию средств аппроксимации говорящий, по замечанию С. В. Адамович, «с одной стороны, адекватно обозначает элементы денотативной ситуации и, с другой стороны, сглаживает категоричность своих суждений и оценок, в чем, собственно, и состоит прагматическая значимость аппроксимации» [10, с. 142–143].

Из всего многообразия аппроксиматоров мы выбрали для рассмотрения в качестве строевых элементов квантитативной синтаксемы предлоги *около* и *порядка* в силу выполнения ими двойной функции. Во-первых, являясь аппроксиматорами, они наращивают номинативный компонент за счёт значения приближительности: *около пяти книг* ‘книги в количестве приблизительно пяти штук’. Во-вторых, будучи предлога-

ми, они входят в грамматический формант, требуя от Num и Nom формы родительного падежа.

За счет осуществления двойной функции квантитативы с данными аппроксиматорами являются весьма употребительными. Так, в Таблице 1 представлена частотность аппроксиматоров *около*, *порядка* и близких к ним по значению ‘больше, меньше или равно точке отсчета’ аппроксиматоров *примерно*, *приблизительно* по материалам Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Поиск квантитативов осуществлялся по следующему алгоритму: аппроксиматор + имя числительное на расстоянии 1 слова. Даже с учетом возможных погрешностей такой выборки, существенная разница в частоте использования данных аппроксиматоров позволяет судить об их распространенности в узусе.

Таблица 1 – Частотность квантитативов с аппроксиматорами *около*, *порядка*, *примерно*, *приблизительно* по материалам НКРЯ (25.02.2023).

Аппроксиматор	Количество примеров (аппроксиматор + имя числительное на расстоянии 1 слова)	
	в центральных СМИ	в основном корпусе
Около	478 657	55 188
Порядка	66 470	2 650
Примерно	55 670	5566
Приблизительно	4029	1043

Из таблицы следует, что, во-первых, использование квантитативов с данными аппроксиматорами присуще прежде всего газетному корпусу в силу, например, его информационной функции отражения все более усложняющейся действительности, имеющей массу количественных характеристик.

Во-вторых, самым распространенным является имеющий нейтральную стилистическую оценку общеупотребительный аппроксиматор *около* со значением ‘приблизительность меры, количества, времени’, в то время как *порядка* в значении ‘около, приблизительно’ зафиксирован в словарях С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1992 г.), С. А. Кузнецова (2014 г.) с пометой «разг.» [11; 12]. Однако в Большом академическом словаре (2011 г.) аппроксиматор *порядка* с семантикой ‘около, приблизительно’ представлен без пометы «разг.» как грамматический вариант слова «Порядок» в значении ‘числовая характеристика какой-либо величины’ [13, с. 53], что демонстрирует его связь не столько с разговорной, сколько с книжной лексикой.

Это доказывают также материалы панхронического корпуса НКРЯ. Первый пример квантитива с аппроксиматором *порядка* датирован 1901 г.: *Если эта разница окажется мала (порядка 10–20 %), то для дальнейшего исследования можно очень старательно определить это отступление для данного диска* [П. Н. Лебедев. Письма]². Обращают на себя внимание следующие характеристики процитированного текста: тема «Наука и технологии, физика», профессиональный уровень образования аудитории, подкорпус письменных текстов, источник «Научная переписка П. Н. Лебедева». Дальнейшие наблюдения над материалами панхронического корпуса указывают на то, что аппроксиматор *порядка* в составе квантитативов:

– начиная с 20-х гг. XX в. фиксируется в текстах научного и научно-популярного стиля (журналы «Радио всем», «Наука и жизнь», «Советская Арктика», «Техника – молодежи», «Юный техник», «Спортсмен-подводник», «Химия и жизнь» и др.);

– начиная с 40-х гг. XX в. отмечается в дневниковых записях и мемуарах по темам путешествий, природы, геологии, техники, физики, армии, вооруженных конфликтов и др.;

– начиная с 70-х гг. XX в. – в текстах публицистического стиля по темам политики и общественной жизни, искусства и культуры, экономики и финансов, администрации и управления.

Таким образом, имея диахронические связи с научным (а не разговорным) стилем и не разрывая их, предлог *порядка* со временем прочно вошел в публицистику. Это объясняет разницу (в 25 раз больше) в употреблении данного аппроксиматора в составе квантитативной синтаксемы в корпусе центральных СМИ по отношению к основному корпусу. Ср.: подобная разница в употреблении аппроксиматора *около* составляет 8,7 раза.

Посредством наблюдения над использованием квантитативов с аппроксиматорами *около, порядка* в НКРЯ определим их роль в структуре квантитативной синтаксемы и рассмотрим некоторые особенности функционирования данных синтаксем в дискурсе.

В текстах СМИ во избежание тавтологии аппроксиматоры *около, порядка* функционируют в качестве синонимов: *Под обращением в поддержку господина Погодина и против мусорного полигона подписалось около 10 тыс. человек (в Нелидово проживает порядка 18 тыс. человек).*

² Все примеры взяты из НКРЯ (панхронический корпус, основной корпус и подкорпус центральных СМИ) в феврале–марте 2023 г.

Оба аппроксиматора являются предложениями и имеют фиксированное место в препозиции к квантитативу, расширяя его левую границу. Они создают приращение номинативного компонента квантитативной синтаксемы за счет значения приблизительности и являются частью ее грамматического форманта, требуя родительного падежа от Num и Nom. Так формантами квантитативов в приведенном примере выступают: «около + -и + -□ + -□», «порядка + -и + -□ + -□». Модели таких квантитативов можно представить следующим образом: «около Num_{род} Nom_{род}», «порядка Num_{род} Nom_{род}»³.

Однако при усложнении синтаксемы дополнительными предложными средствами (*в, на, к, по, над*), являющимися атрибутами других падежей, квантитатив, как правило, попадает под диктат этих предлогов. Предлоги *около, порядка* в данном случае утрачивают статус грамматического форманта, оставляя за собой лишь семантику приблизительности в номинативном компоненте: *На данный момент учтено 1200 выбитых окон в около 600 зданиях* (в около Num_{предл} Nom_{предл}); *Аналогичные нарушения во время голосования и при подсчете бюллетеней, как заявляют активисты, были установлены еще на около 100 участках* (на около Num_{предл} Nom_{предл}); *Эдуард Кочергин также отметил, что он делал декорации к около 250 спектаклям* (к около Num_{дат} Nom_{дат}); *В настоящее время в университете обучаются порядка 9 тысяч студентов по порядка 60 направлениям подготовки* (по порядка Num_{дат} Nom_{дат}); *По всей видимости, целесообразна работа над порядка двумя десятками нормативными правовыми документами* (над порядка Num_{тв} Nom_{тв}).

Неординарность ситуации нанизывания в синтагме предлогов друг на друга порождает некоторые колебания в управлении, хотя подобные примеры, по данным НКРЯ, являются единичными: *Врио ректора добавила, что на сегодняшний день система была протестирована на около тысячи здоровых людей и порядка двух тысяч больных* (на около Num_{род} Nom_{род}; на порядка Num_{род} Nom_{род}); *К этому моменту у кредитной организации оказались долги на сумму 1,6 млрд руб. перед порядка 6,7 тыс. частных вкладчиков* (перед порядка Num_{род} Nom_{род}).

При наблюдении за функционированием в речи квантитативных синтаксем с аппроксиматорами *около, порядка* нельзя не обратить внимание на примеры с двойной аппроксимацией: *Земельный участок,*

³ Здесь и далее для обозначения падежей используются следующие сокращения: именительный – им, родительный – род, дательный – дат, винительный – вин, творительный – тв, предложный – предл.

включенный в лот, находится на удалении **примерно около 1 км** (примерно около Num_{род} Nom_{род}); [*Исследования*] займут **порядка двух-трех месяцев** (порядка Num¹_{род} Num²_{род} Nom_{род}); *По оценкам экспертов, для реализации законопроекта потребуется* **около от 25 до 30 миллиардов рублей ежегодно** (около от Num¹_{род} до Num²_{род} Nom_{род}).

Причем кратность аппроксимации может увеличиваться до трех: *Ей было лет* **около двадцати двух, никак не больше** (Nom_{род} около Num_{род} никак не больше); *Чтобы приобрести свой пакет акций, компания потратила* **что-то около 40–50 миллионов долларов** (что-то около Num¹_{род} Num²_{род} Nom_{род}).

Редупликация аппроксимации в количественных синтаксемах с аппроксиматорами *около, порядка* может достигаться за счет использования: 1) нескольких аппроксиматоров (ср.: *примерно, около; около, никак не больше; что-то, около*); 2) обратного порядка слов (Nom+Num, ср.: *лет двадцати двух*); 3) диапазона количества (Num¹+Num²) без предлогов (ср.: *двух-трех месяцев; 40–50 миллионов долларов*) и с ними (ср.: *от 1 до 1,5 %*).

Наблюдаемое нами на материалах НКРЯ усиление аппроксимации может быть еще одним свидетельством того, что редупликация смысла является «характерной для славянских языков особенностью» [5, с. 105], на которую указывала М. В. Всеволодова. Ф. И. Панков и Е. А. Овтина, рассматривая редупликацию как составляющую русской языковой картины мира, отмечают, что, кроме семантики интенсификации и экспрессивности, редупликация несет в себе значение соответствия действительности. Так, в примере *Да я только-только пришёл! И опять собираться?!* «имеет место оттенок убеждения. Модальная рамка такая: “Я действительно, правда только что пришел и не хочу собираться на улицу опять (возможно устал)”» [14, с. 148]. Редупликация аппроксимации, на наш взгляд, также может быть соотнесена с желанием в большей мере соответствовать действительности. В случае если знание говорящего о действительности носит приблизительный характер, он, стремясь к адекватному ее отображению, намеренно подчеркивает приблизительность своего знания, дублируя семантику аппроксимации.

Подведем итоги. Аппроксиматоры-предлоги *около, порядка* 1) расширяют левую границу количественности и 2) входят в его структуру как составляющие и номинативного значения за счет семы приблизительноности, и грамматического форманта, требуя от Num и Nom форм родительного падежа. Однако при включении в количественные предложных

средств, управляющих другими падежами (например, *в, на, к, по, над*), аппроксиматоры *около, порядка*, как правило, утрачивают статус грамматического форманта. Отличительной чертой функционирования русских количественных синтаксем с аппроксиматорами *около, порядка* является редупликация приблизительного значения как стремление говорящего увеличить степень соответствия высказывания действительности.

В перспективе возможна проверка данных наблюдений относительно других аппроксиматоров в составе количественных синтаксем. Предполагаем, что в моделях количественных синтаксем позиция и роль, например, таких строевых элементов, как аппроксиматоры *примерно* и *приблизительно* по причине их другой (в отличие от *около* и *порядка*) грамматической природы будут иметь свою специфику.

Список литературы

1. Хухрянская, Н. Н. Количественные номинации в российских печатных СМИ 2005–2009 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Хухрянская ; Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2009. – 176 л.
2. Хухрянская, Н. Н. Экспрессия точных количественных номинаций в медиатексте / Н. Н. Хухрянская // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – № 14 (235). – Вып. 30. – С. 104–108.
3. Панков, Ф. И. Представление русских количественных в иноязычной аудитории: система упражнений и заданий. Статья первая. Лексемы *много, очень* и их производные / Ф. И. Панков, Е. Н. Гулидова // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 5. – С. 78–87.
4. Панков, Ф. И. Представление русских количественных в иноязычной аудитории: система упражнений и заданий. Статья вторая. Лексемы *немного, мало* и их производные / Ф. И. Панков, Е. Н. Гулидова // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 4. – С. 30–37.
5. Всеволодова, М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, количественные, счетное множество и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) [Электронный ресурс] / М. В. Всеволодова // Stephanos. – 2013. – № 2. – С. 69–142. – Режим доступа: http://stephanos.ru/izd/2013/2013_2_4.pdf. – Дата доступа: 23.04.2022.
6. Всеволодова, М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и количественные / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013. – № 6. – С. 16–62.
7. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
8. Мухин, А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка) / А. М. Мухин. – М.–Л. : Наука, 1964. – 293 с.
9. Конюшкевич, М. И. Внешние и внутренние границы синтаксем с количественными в русском языке / М. И. Конюшкевич // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 2018. – Вып. 60. – С. 114–130.

10. Адамович, С. В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения : моногр. / С. В. Адамович ; под науч. ред. Л. В. Рычковой. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 183 с.

11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova>. – Дата доступа: 11.02.2023.

12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа: 14.03.2023.

13. Большой академический словарь русского языка. Т. 19: Порок – Пресс [Электронный ресурс] / Ин-т лингвистических исследований РАН ; редкол.: А. С. Герд (гл. ред.) [и др.]. – 2011. – Режим доступа: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/369>. – Дата доступа: 23.03.2023.

14. Панков, Ф. И. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики / Ф. И. Панков, Е. А. Овтина // Педагогический журнал. – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 140–158.

Pustoshilo Elena

Grodno State Medical University

e-mail: elenapustoshilo@mail.ru

QUANTITATIVE SYNTAXEMS WITH APPROXIMATORS

ОКОЛО, ПОРЯДКА

Quantitatives are considered as quantitative-nominal syntaxemes of the form Num (quantitative component) + Nom (substantive component) based on the studies of M. V. Vsevolodova and M. I. Konyushkevich. The role of approximators «около» and «порядка» in the quantitative syntaxemes structure is determined. As a distinctive feature of the quantitative syntaxes functioning in Russian discourse, approximate meaning reduplication is singled out.

Keywords: quantitative, quantitative syntax, approximation, meaning reduplication.

УДК 811.161.1'36

А. Ч. Рыжкович

СОЮЗНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С БАЗОВЫМ КОМПОНЕНТОМ ВРЕМЯ: МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются модели образования союзных сочетаний с базовым компонентом *время* на основе предложных сочетаний. Определяются структурные элементы союзных сочетаний (первичные предлоги, базовый компонент, союзы, союзные слова, конкретизаторы), показана представленность союзных сочетаний с лексемой *время* в речевой практике.

Ключевые слова: союзное сочетание, предложное сочетание, синтаксема, союз, базовый компонент, союзное слово.

Репертуар аналитических служебных единиц современного русского языка содержит аналитические образования, которые способны выполнять функцию предлога, но при этом всеми частеречными признаками предлога не обладают. Исследования М. В. Всеволодовой, М. И. Конюшкевич, Е. Н. Виноградовой, В. Л. Чекалиной и др. показали, что предлог имеет полевую структуру с ядром и ближней и дальней периферийными зонами. Ядро поля составляют собственно предлоги, на периферии находятся единицы, не отмеченные в лексикографических источниках и грамматических описаниях как предлоги. Одну из таких групп образуют предложные сочетания – сочетания первичных предлогов со знаменательными лексемами (термин М. И. Конюшкевич).

В соответствии с морфосинтаксической теорией предлога единицы, способные выполнять предложную функцию, манифестируются по целому ряду параметров. Одним из параметров атрибуции предлога, предложенной М. В. Всеволодовой, является корреляция предлогов с союзами [1]. В продолжение этой мысли М. И. Конюшкевич отмечает, что «в силу системности языка и изоморфизма ее уровней корреляцию этих двух категорий можно считать если не универсальной, то свойственной большинству предложных единиц» [2, с. 20], и демонстрирует опыт моделирования трансформ из предлогов в союзы с дальнейшей верификацией контекстами из языковой практики [3]. Данный метод не только демонстрирует диагностическую силу для выявления предложных свойств слова или сочетания слов, но и является способом получения новых союзных сочетаний: ***во время снегопада – в то время, когда шел снег, перед началом занятий – перед тем, как начались занятия, в конце каникул – в то время, когда закончились каникулы.***

Одним из параметров, необходимых «для инвентаризации союзных средств из полипараметрической атрибуции предлога» [4, с. 9], является способность предлога вместе с флексией образовывать синтаксему, вводить ее в определенную синтаксическую позицию в предложении, тем самым определяя ее характер, т. е. выступать формантом синтаксемы [5, с. 72].

Подобно тому, как предлог формирует синтаксему на уровне простого предложения, союзное сочетание формирует предикативную синтаксему на уровне сложного предложения. По мнению М. И. Конюшкевич, «в предложно-союзном форманте предикативной синтаксемы каждый элемент выполняет свою функцию: предлог – предложную, соотносительное местоимение – функцию «флексии» синтаксемы (придаточной части сложноподчиненного предложения),

союз или союзное слово – функцию экспликатора, обеспечивающего грамматическую связь разноуровневых элементов синтаксемы» [2, с. 15], при этом «коррелирующая с предложно-именной синтаксемой предикативная синтаксема в сложном предложении имеет два компонента: 1) союзный формант, образуемый сочетанием «предлог + союзный блок типа *то, что, тот, кто* и др. показатели связи образца «*T*-слово + *K*-слово», и 2) номинативный компонент в виде лексического наполнения придаточной части сложного предложения» [4, с. 9].

Союзный блок типа *то, что* в составе союзных сочетаний, по мнению М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, «сопоставим с субстантивным суффиксом, а его склоняемый компонент *то* – с падежной формой существительного, которая ориентируется на доминирующее слово (цит. по [4]). В. А. Белошапкина отмечала, что в данном случае «союзные слова выступают как анафорические элементы с вмещающим значением, т. е. семантически соотносительны со всем содержанием главной части и переносят ее значение в придаточную часть» [6, с. 738].

Мы рассмотрим модель образования союзных сочетаний на основе предложных сочетаний с лексемой *время*, вернее, с ее словоформами ед. и мн. числа, управляемыми 9 первообразными предлогами: *в* (*во время / во времена*), *до* (*до времени / до времен*), *за* (*за время / за времена*), *к* (*ко времени / ко временам*), *на* (*на время / на времена*), *от* (*от времени / от времен*), *перед* (*перед временем*), *после* (*после времени / после времен*), *с/со* (*со времени / со времен*), итого получается **17** предложных сочетаний.

На основе предложных сочетаний с лексемой *время* можно образовать союзные сочетания – за счет союзов и союзных слов *когда, как, пока, который, какой, что* по модели «первичный предлог + управляемая им словоформа слова *время* + союз / союзное слово (*когда, как, пока, который, какой, что*). Если предположить, что по этой модели каждое предложное сочетание способно образовать с перечисленными союзными средствами хотя бы по одному союзному сочетанию, то теоретически мы можем получить **102** (17×6) союзных сочетания: *во время, которое; во время, когда; во время, что; во время, как*. В контекстах: **Во время, которое** описываем, замок представлял, как и ныне, одни развалины (И. Лажечников). **Во время, когда** жил Сергей, и даже чуть раньше, со всех сторон через радио и телевизор вываливались на него примеры писательского успеха (А. Сальников). **Теперь, мало доверяя словам боярина** Ивана Милославского, **во время, как** боярин вышел, Богдан Хитрово огляделся в крестовой (А. Чапыгин).

Конечно, далеко не все перечисленные союзные средства одинаково сочетаемы со всеми предложенными сочетаниями. Союзы *когда* и *как* могут сочетаться со всеми перечисленными предложными сочетаниями с лексемой *время*, более того, в структуре союзных сочетаний они нередко взаимозаменяемы: *в то время, когда* – *в то время, как*; *к тому времени, когда* – *к тому времени, как*; *с того времени, когда* – *с того времени, как*. Союз *пока* имеет синонимы с разговорной окраской – *покамест*, *покудова*, *покедова*, *покеда*, *поколь*, *поколе*, *покуда*, которые на данный момент в составе союзных сочетаний не представлены контекстами, однако возможность их употребления мы не исключаем.

Как правило, в речевой действительности модель союзных сочетаний с лексемой *время* содержит в своей структуре указательное местоимение *тот*, с учетом которого количество выявленных союзных сочетаний увеличивается вдвое (102×2), т. е. 204 единицы: *в то время, которое*; *к тому времени, что*; *в те времена, как*; *в те времена, пока* и др. В контекстах: *Стоит отметить, что рассмотрение заявки происходило как раз в то время, когда город, по словам мэра, столь остро нуждался в деньгах* (С. Николаев). *Ей платили двести долларов в месяц, в то время как учителя в школе получали в десять раз меньше* (В. Токарева). *Вы знали его и в ленинградский период, и в то время, которое он провел уже в изгнании* (Ю. Лепский). *Игорю было неловко сидеть в то время, пока Игорь Васильевич был занят делом* (А. Сальников). *В то время, покуда великий комбинатор пиратствовал на море, Генрих Мария Заузе, подстерегший все-таки Польшаева и имевший с ним весьма крупный разговор, вышел из «Геркулеса» в полном недоумении* (И. Ильф и Е. Петров). *А как же святые отцы, которым ты веришь, учат, что изгнанные боги в те времена, как Христос победил, превратились в могущественных демонов?* (Д. С. Мережковский). *Старина задумалась и притихла еще в те времена, когда бежал тут серый волк и плакала Аленушка на берегу* (В. Гроссман).

Что касается союзных сочетаний с союзными словами *который*, *что*, то данные единицы выражают не только темпоральные, но и атрибутивные отношения в сложноподчиненном предложении, но логика требует учитывать и периферийные зоны категории союза: *И нашли человека, уезжавшего на работу как раз в то время, что особо интересовало следственную группу* (Е. Топильская). *Когда-то давно, в те времена, что уже стерлись из нашей памяти, появилась на свет необычная птица* (С. Минченкова). *Я укорял сам себя, что имел подозрение на невинную мою супругу; так, остался спокоен до того*

времени, которое открыло мне мутные и ослеплённые любовью мои глаза (М. Д. Чулков). *Он, Эренбург, надеется, впрочем, дожить до того времени, что и в Москве выйдет сборник стихотворений Мандельштама* (В. Т. Шаламов). *Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его* (Л. Н. Толстой). *Но, увы, Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза* (М. А. Булгаков). *Таковы были воспоминания, относившиеся к тому времени, которое она когда-то называла временем своих успехов, своих побед* (М. Е. Салтыков-Щедрин). *Дай мне пожить несколько лет в свое удовольствие; что за беда, что состояние мое уменьшится к тому времени, что я буду стариком...* (А. Н. Апухтин).

Конечно, речевая практика показывает далеко не все возможности реализации союзного потенциала предложных сочетаний с лексемой **время**. При помощи Национального корпуса русского языка мы смогли верифицировать 147 моделей, многие из которых встречаются только в одном контексте.

Инвентарь союзных сочетаний с лексемой *время* может увеличиться за счет втягивания в структуру модели союзного сочетания других элементов, выполняющих в сочетании роль конкретизаторов темпоральных отношений. Модель усложняется: «конкретизатор + первичный предлог + *то* + лексема *время* + союз / союзное слово». В роли конкретизаторов выступают:

а) аппроксиматоры времени: *примерно, приблизительно, почти, практически*. В контекстах: **Примерно в то время как** *Лиля начала учиться в гимназии, на далеком Кавказе крупный глазастый мальчик со своим отцом объезжал горные леса, преодолевая туманные перевалы* (В. Катанян). **Приблизительно к тому времени, когда** *отец изменился к ним, в свете его появилось новое лицо, быстро забравшее верх над остальными* (М. Волконский);

б) показатели неопределенности времени – неопределенные наречия *где-то, где-нибудь (где-то в то время, когда; где-то ко времени, когда; где-то с тех времен, когда* и т. п.);

в) показатели точности времени: *именно, точно, как раз, ровно, непосредственно, аккуратно*: *Особенно впечатляюща интерференция света, так как мы можем её наблюдать непосредственно в то время, как радиоволны невидимы глазом* (А. Голубев). *И упал контейнер именно в то время, когда Ил-14 гонялся в небе за прятавшимся в облаках подозрительным объектом* (Д. Саврасов). *Делать сие должно точно в*

то время, когда сия пыль на звездочках созреет и начнет обращаться в пыль (А. Болотов);

г) интенсификаторы значения, нередко с редупликацией обоих элементов – местоимение *самый* + усилительная частица *же*: *Он сочинял легкомысленного «графа Нулина» в то же самое время, когда его друзья роковым образом гарцевали на Сенатской площади* (З. Плавинская); аппроксиматор + *самый*: *«Карла» появлялся всегда неожиданно, точно вырос из земли, и появлялся именно в то самое время, когда его меньше всего ожидали* (Д. Мамин-Сибиряк).

Перспективным представляется исследование степени спаянности таких осложнителей с другими элементами модели. См., например, «тандем» конкретизаторов с предлогами: *вплоть до, задолго / незадолго до*: *И я берег его как лучшую драгоценность вплоть до того времени, когда мои вещи вместе с этим пальцем были уничтожены у Мокрицких из страха жандармского обыска* (Н. Морозов). *Частная собственность, то есть собственность чужая, не существовала для него еще задолго до того времени, как он возвел отрицание ее в принцип* (Е. Феокистов). *21 марта 1666 года, то есть незадолго до того времени, когда Ньютон впервые глубоко вник в тайны небесной механики, Гук прочел на заседании Лондонского королевского общества отчет о своих опытах* (М. Филиппов).

Таким образом, разработанная М. И. Конюшкевич методика инвентаризации союзных средств применима и в экстраполяции ее на исследование релятивных средств в области темпоральной служебной лексики. Моделирование, прогнозирование, исчисление и последующая верификация контекстами раскрывает истинный функционально-грамматический потенциал языка в целом и одной лексемы *время*, как в данной статье, в частности. Применительно к темпоральным союзным средствам открывается перспектива выявления оптимально точного реализованного перечня единиц, их парадигм, установления роли каждого элемента модели, их сочетаемости в пределах модели, изучения системных и дискурсивных ограничений и запретов на сочетаемость и др.

Список литературы

1. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов ; под общ. ред. М. В. Всеволодовой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – Кн. 1 : Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. – 304 с.

2. Канюшкевіч, М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2019. – Ч. 1 : Дыяпазон А – З. – 302 с.

3. Конюшкевич, М. И. Теоретическое моделирование для выявления инвентаря предложно-союзных формантов предикативных синтаксем в полипропозиционной структуре / М. И. Конюшкевич // Граматичні студії : зб. наук. праць. – Вінниця : ТОВ «Нілан-ЛТД», 2015. – С. 13–22.

4. Конюшкевич, М. И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка / М. И. Конюшкевич // Профессорский журнал. Сер. Русский язык и литература. – 2023. – № 1. – С. 8–21.

5. Конюшкевич, М. И. Предлог как синтаксеообразующий формант и структура синтаксемы / М. И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – Вип. 14. – С. 71–79.

6. Современный русский язык : учеб для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.

Ryzhkovich Anna
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: ryzhkovich_ach@grsu.by

CONJUNCTIVE COMBINATIONS WITH THE BASIC COMPONENT TIME: MODELS OF FORMATION

The article deals with models of formation of allied combinations with the basic component *time* based on prepositional combinations. The structural elements of allied combinations (primary prepositions, conjunctions, allied words, complicators) are determined, the representation of allied combinations with the lexeme *time* in speech practice is shown.

Keywords: allied combination, prepositional combination, syntaxeme, union, basic component, allied word.

УДК 811.161.1

А. А. Мальшев

МЕДИЙНАЯ ЖИЗНЬ УСТАРЕВШИХ СОЮЗОВ?

Рассматривается использование и функционирование в медийной речи устаревших союзов «аще», «зане», «поелику», «покамест», «покуда», «понеже» и «прежде нежели». Анализ материала показывает, что частотность употребления данных союзов снижается, сферой их прямого (авторского) употребления являются аналитические тексты и публицистические материалы (нередко оппозиционного содержания), сферой косвенного использования – цитирование экспертных интервью, выступлений представителей РПЦ и текстов религиозного содержания.

Ключевые слова: медиалингвистика, устаревшая лексика, союз.

Среди работ М. И. Конюшкевич последних лет важное место занимают исследования, посвящённые разработке вопроса о статусе союза как класса скреп, синтаксическая и смысловая роль которого, с одной стороны, во многих случаях вполне понятна и привычна, с другой же – нуждается в проверке и верификации на основании привлечения медийного материала, поскольку в нём «классический» союз может вести себя различно с точки зрения создания когезии и когерентности текста в зависимости от реализуемой автором текста коммуникативной задачи и дискурсивного воздействия на процесс создания текста [1; 2]. Немаловажно также максимально полно инвентаризовать союзы и союзные сочетания, поскольку единого мнения об их количестве у исследователей нет до сих пор [3].

Рассмотрение союза как морфологической единицы в современных медиатекстах с семантической точки зрения представляется весьма плодотворным на примере устаревших и устаревающих союзов. Общепринятым является понимание стилистического использования подобной лексики для придания тексту книжности с соответствующей возвышенно-торжественной тональностью, в том числе и как приёма стилизации, либо для усиления иронии при рассмотрении какого-либо вопроса. По справедливому замечанию Е. В. Генераловой, «медиатекст становится полигоном для использования лексики разных эпох в актуальных значениях и с современными коннотациями... Устаревшие слова и выражения в медиатексте используются как стилистический ресурс и как межстилевая лексика» [4, с. 189–190].

Избрав для рассмотрения устаревшие союзы «аще», «зане», «поелику», «покамест», «покуда», «понеже» и «прежде нежели», мы провели проверку их употребительности по Газетному корпусу Национального корпуса русского языка. Выбор именно этих союзов обусловлен их очевидной «устарелостью» по сравнению с такими союзами, как, например, несомненно книжные «ибо» и «дабы», которые в значительно большей степени находятся на слуху у носителей русского языка и регулярно используются в современной письменной и устной речи, что позволяет усомниться в необходимости определить их как «хорошо забытые старые слова» [5]: старыми назвать их можно, однако хорошо забытыми – вряд ли.

Обращение к выборке из НКРЯ по данным союзам делалось ранее О. Е. Пекелис для описания причинных и условных придаточных предложений в «Русской корпусной грамматике» [6; 7], однако указанные статьи были написаны соответственно в 2015 и 2017 гг., что позволяет

вновь провести отбор материалов для верификации результатов; кроме того, нас интересует именно журналистский материал, но не литературные примеры из произведений классической, советской и современной русской литературы.

Уже на предварительном этапе ознакомления с текстами 1997–2021 гг. (со всеми оговорками об источниках Газетного корпуса) стало очевидно, что значительная часть примеров представлена в используемых журналистами цитатах из исторических материалов (указы, реляции и др.), а также из Священного Писания и духовных сочинений и произведений священников различного времени, в том числе современных (проповеди, слова, речи, выступления митрополита и др.). Это вполне ожидаемо, поскольку памятники прошлого регулярно привлекают внимание журналистов и обычно цитируются «по случаю» в неизменном виде, а религиозный дискурс в принципе отличается языковой и речевой консервативностью. Например, союз «аще» встретился в 57 цитатах из бумаг Петровского времени и Писания, но при этом не было обнаружено ни одного современного авторского употребления. Представлена часть интересующих нас союзов и в цитатах из экспертных интервью, где они используются говорящими для придания речи изысканной книжности. Отметим и любопытные опечатки в выдаче Корпусом примеров на союз «зане»: в ряде случаев перед нами явно восстанавливаемые из контекста слова «законе» (*в законе*), «зоне» (*в чужой зоне* – материал о спорте) и «заранее» (*не предупредили заранее*).

Собственно же авторские журналистские материалы содержат различное количество примеров употребления данных семи союзов: от используемых изредка «покамест» и «покуда» до не употребляемых «аще», «зане» и «понеже». С одной стороны, это может свидетельствовать об их забвении как таковом, с другой – о нежелании знакомых с ними журналистов использовать их, поскольку это может вызвать недоумение и непонимание аудитории.

Обращение к конкретным примерам позволяет сделать следующие наблюдения:

1. Союз «зане» связан с поэтической речью и употребляется как в оригинальном «Сне о баране» Дмитрия Быкова: *И вот я сплю, зане уже не рано, и в смутном сне – трагическом, увы – я думаю про этого барана: а как он там живет без головы?* [Дмитрий Быков. Сон о баране // Новая газета. 20.10.2018], так и в цитате из басни Сергея Михалкова, правоучительный потенциал которой кажется одному из абитуриентов

ГИТИСа актуальным и в наше время: *Слоны влюбляться в муху не должны, зане на сей предмет для них судьба назначила слоних!* [Вперед и с басней! // Коммерсант. 02.05.2011]. Художественность текстов в данном случае настраивает читателя на определённую нестандартность манеры речи, а контекст сравнительно легко позволяет определить значение союза.

2. Употребление союза «поелику» связано с иронией в адрес тех, о ком пишет журналист. В большинстве случаев использование союза сопряжено с высмеиванием оппозиции: *...хорошо сидят, вес около ста, в одной руке бокал, в другой фуа гра, кругом сытая Москва, хорошая зарплата, тент от солнца, пиар-агентства обзвонились на «мобилу», последнее спортивное достижение – одышливый подъем на крыльцо дачки в районе Новорижки. Их слушать – лучше застрелиться: на Украину лезть было нельзя, так как... Льготы отменять было нельзя, потому что... Американцев лучше не сердить, поелику... В России все плохо. Правительство – в отставку. Принесите мне вырезочку, мидиум ту велл, и бутылочку «Сен-Эмильон Шеваль Блан» 96-го года рождения [Владимир Константинов. И чего Путин на самолете летал? // Комсомольская правда. 19.08.2005]; Действительно, хорошо сдавать мамину и бабушкину квартирку на Тверской, работать по жизни Васисуалием Лоханкиным и рассуждать о грядущем русском национализме. И, оттопырив пальчик, корчить из себя аристократа, запаматовавшего старорежимное словечко «поелику» [Игорь Мальцев. «Ягуар» вместо «Молотова» // Известия. 14.10.2013]* – перечисление имеющихся блуг вкуже с подчёркиванием манерности поведения призвано показать поверхностное понимание текущей политической обстановки, поскольку исполнение желаний неминуемо приведёт желающих к краху основанного на имеющихся благах быта.

3. Союз «понеже» встречается в цитатах из указаний Петра I, при этом употребление цитат призвано показать точку зрения журналиста и подкрепить его размышления: например, в материале о самоубийстве оказавшегося под следствием коррумпированного японского чиновника, хотя бы в таком виде показавшего, что понятие чести не стало для него окончательно пустым звуком, журналист Александр Коц сравнивает японца с российскими чиновниками: *Нашим же чиновникам, похоже, все нипочем. Может, и не считают они коррупцию за великий для себя позор – так, обычное дело. Рано или поздно все попадаютя. Хотя в нашей истории тоже есть хорошие примеры борьбы со взяточниче-*

ством. Петр I, к примеру, любил лично и прилюдно наказывать прощтрафившихся путем рукоприкладства, приговаривая: **«Понеже, видя другого неправдою богатыящегося и ничего за то наказания не имущего, редкий кто не прельстится, а тако по малу все бесстрашие придут, людей в государстве разорят, Божий гнев подвигнут»** [Александр Коц. Еще один чиновник сделал «харакири» // Комсомольская правда. 30.05.2007].

4. Союз «покамест» употребляется чаще остальных устаревших союзов и является приметой стиля известной многолетней критикой существующей ситуации «Новой газеты» и нередко язвительных колумнистов «Известий» Дмитрия Дробницкого и Георгия Бовта: *В следующем, 2014 году саммит ведущих держав мира принимаем мы. И каков будет наш лозунг? Какова будет наша аббревиатура? Пиарщики, разумеется, что-нибудь придумают. Им за это платят. Однако будет ли новоизобретенный слоган хоть как-то соотноситься с реалиями страны – хозяина мероприятия? **Покамест** наша аббревиатура, на мой взгляд, – УИГ. А именно: углеводороды, импорт, гастарбайтеры. Я уже не раз и не два на страницах данного издания предупреждал о том, что именно к этому буквосочетанию мы и движемся <...> В головах даже у самых продвинутых и возмущенных – тот же самый УИГ. Потому что они в нем живут и, надо сказать, неплохо себя покамест чувствуют* [Дмитрий Дробницкий. Вся сетевая конница, вся иммигрантская рать... // Известия. 18.06.2013]; *И **покамест** правительство, Центробанк и парламент не предъявили нам никакого особенного «креатива»* [Дмитрий Дробницкий. В поисках русской большой стратегии // Известия. 16.02.2015]; *«Лимитрофные» (пограничные, разграничивающие, буферные) государства вроде Украины, Белоруссии и Казахстана должны стать своего рода «карантинной зоной» между симпатизирующими друг другу, но покамест несовместимыми цивилизациями – Россией и Европой* [Дмитрий Дробницкий. Переговоры о статусе лимитрофа // Известия, 2015.02.08]; *Кстати, если уж у нас сохраняется **покамест** военный призыв, то и уклонение от него также могло бы повлечь за собой ограничения в правах на оружие* [Георгий Бовт. Не влезай – убьют // Комсомольская правда. 13.07.2011].

5. Союз «покуда» крайне интересен тем, что в некоторых новостных материалах переводного характера выступает в качестве русскоязычного аналога союза *until* – и в этом случае его употребление является авторским решением, поскольку как автоматический переводчик, так и

языковое сознание носителя литературного русского языка обыкновенно связано с переводом с помощью союза «(до тех пор) пока». Так, в новости о патрулировании Персидского залива ВМФ Ирана следующим образом передаются слова адмирала Али-Реза Тангисири: *Иран будет осуществлять безопасность в регионе, **покуда** он способен экспортировать нефть, отметил военачальник* [Иранский адмирал заявил о готовности захватывать корабли других стран // Московский комсомолец. 12.08.2019], а в новости о Брексите сказано: *Евросоюз также настаивает на том, что **покуда** Великобритания не перестала быть членом ЕС, на нее распространяются все права и обязанности участника союза* [В Евросоюзе ждут сложных переговоров по Brexit // РИА Новости. 29.04.2017].

6. Составной союз «прежде нежели», имеющий более привычный современный аналог «прежде чем», был обнаружен нами лишь единжды. Его употребил журналист-интеллектуал Максим Соколов, рассуждая об особенностях формирования экспертного совета при правительстве: *Соблазн, случившийся при формировании экспертного совета при правительстве России, – ряд экспертов узнал о своем назначении из газет, и это породило удивление тем, как без меня меня женили, – наводит на мысль, что **прежде, нежели** устраивать Открытое правительство, неплохо было бы иметь просто правительство* [Максим Соколов. Hundert neunzig Professoren // Известия. 08.08.2012]. В данном случае устаревший союз органично вписывается в общую книжную неторопливость рассуждений, будучи связан в этом отношении с причастием «случившийся» (нейтр. «произошедший» или «возникший») и глаголом «породило» (нейтр. «вызвало»).

Некоторые союзы русского языка уже являются объективно устаревшими, часть других – не менее объективно устаревающими, о чём может говорить и сравнение частотности их употребления на миллион «газетных» слов: например, с середины 1990-х по начало 2020-х гг. частотность союза «нежели» снизилась с 43 до менее 9, союза «дабы» – с 37 до менее 3, союза «коль скоро» – с небольших 4 до практически незаметных 0,25 и т. д. В то же время их употребление, пусть в ряде случаев еле заметное и на уровне цитирования, а не непосредственно авторское, всё же поддерживает их существование в современном медийном языковом пространстве, не позволяя им остаться лишь на страницах текстов прошлого. Представляется, что обращение к иным базам данных несомненно позволит уточнить сделанные нами на срав-

нительно небольшом материале наблюдения, однако интуитивно можно предположить, что эти уточнения будут связаны с количественными, но не с качественными показателями: медийным сегментом функционирования устаревших союзов в большинстве случаев являются аналитические и проблемно-полемические публицистические материалы, нередко оппозиционного содержания, целью которых являются формирование модальной рамки высказывания и создание книжно окрашенной иронии.

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. Грамматика русского союза сквозь призму дискурсивной парадигмы / М. И. Конюшкевич // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета. – Минск, 2021. – С. 55–62.
2. Конюшкевич, М. И. Категория союза в морфосинтаксической концепции: синтагматика и парадигматика / М. И. Конюшкевич // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. – Гродно, 2022. – Ч. 1. – С. 78–86.
3. Конюшкевич, М. И. Инвентаризация союзов русского языка в условиях цифровой реальности / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа. – СПб., 2023. – С. 87–91.
4. Генералова, Е. В. Медиаекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии / Е. В. Генералова // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 180–192.
5. Киреев, Н. И. Хорошо забытые старые слова в современном языке: «ибо» и «дабы» / Н. И. Киреев // Тезисы докладов Четырнадцатых Шмелёвских чтений «Русская разговорная речь начала XXI века». – М., 2023. – С. 35–36.
6. Причинные придаточные [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. – Режим доступа: http://rusgram.ru/Причинные_придаточные. – Дата доступа: 28.06.2023.
7. Условные придаточные [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. – Режим доступа: http://rusgram.ru/Условные_придаточные. – Дата доступа: 28.06.2023.

Malyshev Alexander
 Saint-Petersburg State University
 e-mail: malyshev.alexander@mail.ru

THE MEDIA LIFE OF OBSOLETE CONJUNCTIONS?

The article examines the use and functioning in the media speech of some obsolete conjunctions. The analysis of the material shows that the frequency of use of these unions is decreasing, the sphere of their direct (author's) use is analytical texts and journalistic materials (often of oppositional content), the sphere of indirect use is quoting expert interviews, speeches of the Russian Orthodox Church representatives and religious texts.

Keywords: media linguistics, outdated vocabulary, conjunction.

О. В. Сергушкова

СЕГМЕНТАЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ АКТУАЛИЗИРУЮЩЕГО СИНТАКСИСА

Сегментация рассматривается в аспекте актуального членения. Уточняются признаки, основные типы, коммуникативные и текстообразующие функции и значения сегментированных конструкций как рематических акцентуаторов. Вводится понятие текстовой ремы. Доказывается универсальный характер сегментации как явления актуализирующего синтаксиса. Автор при сравнении синтаксически расчлененных высказываний в русскоязычных и белорусскоязычных текстах опирается на исследование М. И. Конюшкевич в области синтаксиса близкородственных языков.

Ключевые слова: сегментированная конструкция, актуализация, акцентуация, рема, функция сегментации, коммуникативное значение.

XIX в. – это время господства цивилизационистской, антропоцентрической лингвокультурологической парадигмы с минимальным количеством расчлененных конструкций. Антицивилизационистская парадигма, модернизм и постмодернизм в XX в. порождают актуализирующий синтаксис [1], который характеризуется прежде всего тем, что «предложение уменьшается в объёме, а самодостаточной синтаксической единицей становится текстовый фрагмент» [2, с. 3]. В современных публицистических и художественных текстах быстро нарастает количество расчлененных высказываний, примеров рубленой прозы и поэзии, парцелляция. Происходящие изменения в языке встревожили учёных-лингвистов. Так, например, в ранних работах, посвящённых парцелляции в немецком языке (разновидности сегментации – в нашем понимании), она рассматривалась как стилистически негативный процесс [3]. Парцелляцию считали проявлением языка астматиков (Astmadeutsch). Высказывались опасения, что она может быть сумасбродным модным увлечением (Modetorheit) или даже угрозой немецкому предложению. Однако нарастающая частотность расчленённых высказываний в разных языках показала, что это отнюдь не сумасбродство, а универсальное явление, в котором отражаются коммуникативно-синтаксические тенденции развития языка, доминирующих лингвокультурологических парадигм [1].

Цель предлагаемого исследования – доказать, что сегментация – явление актуализирующего синтаксиса. Задачи: 1) рассмотреть сегментацию в аспекте актуального членения; 2) проанализировать роль и коммуникативные функции сегментов как акцентуаторов ремы; 3) классифицировать сегментированные конструкции в зависимости от

характера расчленения и результатов актуализации в них рематических компонентов; 4) выявить сходство и различие сегментации в русскоязычных и белорусскоязычных текстах.

Результатами исследования являются следующие положения и выводы:

1. Под сегментацией мы понимаем такое расчленение предложения, результатом которого выступает его трансформ – сегментированный текст (СТ), состоящий из базового предложения-высказывания (БП) и сегментированной конструкции (СК) как относительно самостоятельной синтаксической единицы, в которой поясняется или расширяется рема условно исходного несегментированного предложения или структурируется новая рема, в том числе текстовая – в СТ, образуемом при сегментации сложного предложения (СП). При этом актуализируется и акцентуруется наиболее существенная часть информации – её рема. СК представляют собой отчленённые от высказывания и в письменной речи отграниченные от него слева или справа знаками конца предложения синтаксеме или предикативные части (ПЧ) СП. Н-р: *Кубок разбили. На счастье!* (СБ, 2010, 5.01); *...самые безопасные люди это – несчастливые люди. Потому что они в наибольшей степени люди* (ЛГ, 2005, 3–9.08). (В статье приняты следующие графические выделения и сокращения: 1) курсивом обозначается микротекст; 2) полужирным курсивом – СК; 3) подчёркиванием – ремы в БП и СК; 4) буквами СБ – газета «СБ – Беларусь сегодня», ЛГ – «Литературная газета».)

В изучении сегментации актуальным является коммуникативный подход, который связан с постижением механизма порождения и интерпретации текстов разных стилей и жанров. Центральное понятие функционально-коммуникативного синтаксиса – актуальное членение (АЧ), которое представляет собой важнейший признак предложения-высказывания как основной коммуникативной единицы. В теории АЧ одним из главных является вопрос о средствах выражения темы и ремы. На сегодня изучены различные средства выражения актуализированной информации в пределах предложения: порядок слов, интонация, частицы, специализированные лексические единицы, повторы и др. В этой функции выступает и СК, в данном случае правосторонняя, которая также оформляет главное, рематическое, содержание высказывания, но отличается от перечисленных средств АЧ: если они употребляются и с другими целями, то СК функционально однозначна, точна, поэтому способна более оперативно решать коммуникативные задачи.

Статус правосторонних СК как акцентуаторов ремы мотивирован самой сущностью этих конструкций и целью их употребления. Данные

единицы синтаксиса онтологически предназначены для структурирования второй, новой, ремы или части ремы БП. Других акцентуаторов может и не быть. Напр.: *С каждой строкой жутких эпизодов становится всё больше... а мне не страшно. Уже* (ЛГ, 2001, 14–20.02). Ср. высказывания: *А мне не страшно. Ещё. – А мне не страшно. Уже*, где БП по смыслу тождественны, а дифференцирующие, коммуникативно главные, семантико-прагматические (рематические) компоненты информации содержатся в однословных СК.

2. В зависимости от позиции, способа выражения, а также характера актуализированной и акцентуированной информации нами выделены классификационные типы СК, таксономия которых базируется на их видо-родовой иерархии. (При сегментации все СК являются транспортированными из БП синтаксическими единицами, что отмечено штрихом сверху справа от буквы Р, обозначающей рему).

Выделяются: 1) **парцелированные конструкции (ПК)**, в которых сегментированная языковая единица (лексема, словосочетание или ПЧ) получает статус второй, новой, ремы – это P_2 , выступающая главным компонентом новой пропозиции, напр.: (1) *...на десерт было шоу. Но только для взрослых* (СБ, 2005, 10.07). В СТ с P_2 специфически реализуется коммуникативная стратегия суперпозиции ремы, позволяющая говорить о второй, имплицитной, пропозиции, которая легко обнаруживается при его перефразировке, н-р: *Наконец появилась женщина. По-американски полная, по-чиновничьи невозмутимая* (ЛГ, 1999, 20–26.10) → *Наконец появилась женщина*. (Она была) *по-американски полная, по-чиновничьи невозмутимая*. Всегда являются ПК отчленённые от СП его ПЧ, так как они имеют свои собственные темы и ремы; 2) **конструкции собственно сегментированные (КСС)**, в которых функционирует рема P_1 , которая расширяет, поясняет или конкретизирует рему БП, н-р: *... фильм заговорил о главном. О нашей стране и её многонациональном народе. О достоинствах и пороках нашего общества...* (ЛГ, 2008, 12–18.11), где в СК конкретизируется рема-делибератив «о главном»; 3) **сегментированные присоединительные конструкции (СПК)**, дифференциальными признаками которых выступают типизированные средства связи и добавочное сообщение из другой области знаний, их главный коммуникативный компонент P_2 добав., напр.: *...чем старательнее мужик ищет мамонта, тем громче воет от тоски величественная женщина. Причём воет пронзительно, на весь лес...* (СБ, 2006, 22.07), где отношения сегмента с БП строятся при помощи специализированного союза *причём*, в СК содержится добавочная информация об авторском видении события, описанного в БП, центром

которой является градационная рема, обозначающая, благодаря экспрессивному наречию «пронзительно» и всеобъемлющему квантору «весь», высокую степень проявления признака действия. СПК наиболее отчетливо иллюстрируют полевой характер сегментации.

3. В XX, а также в начале XXI вв. сегментация получила, по мнению многих исследователей, широкое распространение, её роль в коммуникации возросла. Мы считаем такое положение дел естественным и закономерным. Дело в том, что именно расчленение условно исходных высказываний весьма заметно отражает изменения в способе структурирования информации и в плане содержания, и в плане выражения. Так, в СТ всегда добавляется новый смысл (новая пропозиция) или новый оттенок уже имеющегося смысла (прежде всего рематического) при использовании тех же языковых средств и минимальном графическом усложнении высказывания по сравнению с его несегментированным трансформом (увеличивается лишь количество знаков конца предложения), то есть значительно возрастает экономия языковой материи. При сегментации СП темы и ремы в его ПЧ выделяются более отчетливо, чем в исходном предложении. Но расчленение предпринимается и с другой целью: для более отчетливой актуализации сложившихся между ПЧ смысловых отношений, которые переносятся на уровень текста, иерархически более высокий, то есть формируются ремы текстового уровня – $R_{\text{текст}}$, акцентуация которых с помощью сегментации выступает дополнительным средством смысловой связности и когерентности текста.

Значения СК выступают как главные, рематические, смыслы СТ, выявление которых позволяет сделать вывод, что тексты с помощью СК не только семантически обогащаются, но и приумножают свои функционально-коммуникативные возможности структурирования ситуаций и отношений между ними, доступных пониманию человека. В нашей картотеке около 5 000 СК. На первом месте по частотности употребления находятся сегментированные **падежные формы имени существительного**. Они акцентуируют ремы, имеющие около **100** коммуникативно-синтаксических значений и их оттенков: **субъекта, предиката, каузатора и каузатива; локатива, комитатива** и др. [4]. Сегментированные адъективные, наречные и другие синтаксемы также привносят в тексты огромное количество акцентуированных смыслов, расширяя актуализационные возможности высказываний. Наибольшим структурно-морфологическим и семантическим разнообразием отличаются единицы со значениями универсальных языковых категорий, например категорий причинности, темпоральности, квалитативности и др.

4. Анализ 1000 примеров синтаксической расчленённости, извлечённых из статей белорусскоязычных газет, показал, что правосторонняя сегментация в белорусском языке – не менее частое явление, чем в русском. Сравнение СК в обоих языках выявляет их тождество или сходство в плане типов, функций и коммуникативных значений. Различия касаются способов структурирования СК и СТ, частотности употребления данных единиц и их риторико-стилистической специфики. Подчёркнём, что использованные нами понятия тождества, сходства и различия в близкородственных языках взяты в [5].

Таким образом, данное исследование доказывает, что сегментация – субъективно-объективное явление языка и речи. С одной стороны, отчленённость от предложения его сегмента – это активно используемый многими журналистами и писателями способ структурирования и акцентуации ремы высказывания, предназначенный для решения тех или иных задач автора. С другой стороны, СК выступают в роли конструктивных средств языка, принимают участие в формировании новых синтаксических единиц, в смысловом обогащении текста в выражении универсальных языковых категорий.

Изучение сегментации как явления актуализирующего синтаксиса продолжается. Плодотворные идеи талантливых лингвистов, в когорту которых, несомненно, входит Мария Иосифовна Конюшкевич, являются стимулом для исследования новых, актуальных процессов в речи и доказывают особую важность и притягательную силу бесконечного поиска истины с помощью языка.

Список литературы

1. Покровская, Е. А. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Покровская ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2001. – 37 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/dinamika-russkogo-sintaksisa-v-xx-veke-lingvo-kulturologicheskii-analiz>. – Дата доступа: 30.11.2013.
2. Онипенко, Н. К. Синтаксис первых детских текстов [Электронный ресурс] / Н. К. Онипенко // Проблемы детской речи – 1996 : материалы межвуз. конф. – СПб., 1996. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/glava_1.html. – Дата доступа: 28.12.2007.
3. Каркошко, О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция: (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. П. Каркошко ; Адыгейс. гос. ун-т. – Майкоп, 2011. – 26 с.
4. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
5. Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / М. И. Конюшкевич. – Минск : Университетское, 1989. – 157 с.

Sergushkova Olga

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

e-mail: sergushkova_olga@mail.ru

SEGMENTATION AS A PHENOMENON
OF ACTUALIZING SYNTAX

Segmentation is considered in the aspect of actual division. The features, main types, communicative and text-forming functions and meanings of segmented constructions as rhematic accentuators are specified. The concept of a text rheme is introduced. The universal nature of segmentation as a phenomenon of actualizing syntax is proved. Comparison of syntactically dissected statements in Russian and Belarusian texts is based on the research of M. I. Konyushkevich in the field of syntax of closely related languages.

Keywords: segmented construction, actualization, accentuation, rheme, segmentation function, communicative meaning.

УДК 81'367:811.161.1

И. А. Чепикова

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ
ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ РОМАНА
ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»**

Рассматриваются способы экспликации причинно-следственных отношений в художественном прозаическом тексте. Материалом исследования избран роман «Брисбен» известного современного писателя Евгения Водолазкина. Каузальность как более поздняя понятийная категория проявляется прежде всего на синтаксическом уровне. В статье описаны конструкции и маркеры каузальности (союзы и предлоги), которые используются автором в прозаическом произведении. Охарактеризованы особенности идиостилия писателя.

Ключевые слова: причинно-следственные отношения, синтаксис, русский язык, художественный текст, идиостилия.

Каузальность отражает сложные взаимосвязи между явлениями объективной действительности. Данная мыслительная категория возникла позднее, чем другие категории, поэтому словесный способ ее манифестации в языке не нашел отражения. Удельный вес лексем (наречий) со значением причины невелик: *сгоряча, сдуру, сглупа, спяна, сослепа, спроста* [1, с. 17]. М. И. Конюшкевич справедливо замечает: «А такие поздние в развитии человеческого мышления логико-понятийные категории, как категории причины, следствия, условия, нашли свое языковое выражение именно в форме сложного предложения» [2, с. 31]. Каузальная связь представляет собой неразрывное единство причинной и

следственной ситуаций, связанных отношением порождения. Каузальность как более поздняя понятийная категория проявляется прежде всего на синтаксическом уровне.

Как известно, в каузальном высказывании выделяют три пропозиции: две событийные, указывающие на причину (А) и следствие (Б), одну логическую (каузальная зависимость между А и Б). Каузальная зависимость маркируется при помощи предлогов, союзов, метаслов.

Поскольку причинно-следственные отношения устанавливаются между двумя пропозициями, то в качестве изосемической конструкции выступает сложное предложение. Понятийная категория каузальности образует в языке функционально-семантическое поле (ФСП) каузальности. Структурной доминантой этого ФСП является сложно-подчиненное предложение (СПП), где А и Б представлены в виде развернутых пропозиций, а каузальная зависимость маркирована специальной грамматическим средством (союзом или аналогом). Хотя в языке существует тенденция к экономии речевых средств, к конденсации смысла, описательный способ экспликации каузальности (СПП) наиболее точно передает специфику данных отношений, поскольку ярко и полно представлены дифференцирующие признаки ФСП.

Коммуникативный потенциал языка применительно к выражаемым каузальным отношениям разнообразен. На уровне сложного предложения основную роль и экспликации, и смысловой актуализации, и реляции, и конституирования берут на себя союзы (соответственно ролям они и экспликаторы, и маркеры, и реляторы, и скрепы). На уровне простого предложения названные выше роли берут на себя лексемы (метаслова-реляторы), синтаксические позиции и, соответственно, синтаксические связи. Говорящий в каждой ситуации выбирает ту или иную структуру, исходя из коммуникативных задач.

Русский язык имеет богатый инвентарь средств выражения причинно-следственных отношений, употребление которых обусловлено стилистическими, жанровыми факторами. Материалом для лингвистического анализа мы выбрали текст романа Евгения Водолазкина «Брисбен» [3]. Евгений Водолазкин – один из ярких представителей современной модернистской прозы. Его творчество вызывает пристальный интерес прежде всего литературоведов (см. обзор работ в [4]). Исследование Н. В. Кривошаповой посвящено описанию лингвокультуры (антропонимов) в произведениях Е. Водолазкина. Такие лексические единицы имеют, по мнению ученого, «большое историческое, культурологическое и литературное значение» [5, с. 194]. В статье Н. А. Николиной и

З. Ю. Петровой [6] рассматривается функционирование единиц образного поля «Музыка» в тексте романа Е. Водолазкина «Брисбен». Отмечается, что функционирование единиц образного поля «музыка» связано в романе с развитием его сквозных тем.

Целью нашего исследования является описание способов экспликации каузальных отношений в тексте романа Евгения Водолазкина «Брисбен», выявление специфики идиостиля прозаика. Методом сплошной выборки было отобрано 637 конструкций, выражающих причинно-следственные отношения.

В романе «Брисбен» представлено жизнеописание выдающегося музыканта Глеба Яновского, который на пике славы узнает, что он неизлечимо болен. Главный герой живет в постоянном перемещении между тремя странами – Украиной, Россией и Германией. Последовательность событий нарушается, в романе перемежаются страницы дневника Глеба Яновского и история его жизни, написанная петербургским писателем Нестором. Нестор пишет, опираясь на беседы со своим героем. Повествование в романе «Брисбен» «распадается на два голоса, звучащих попеременно», однако «в унисон: они переплетаются, дополняют друг друга и, перебрасываясь параллелями и аллюзиями, совокупно выводят единую тему» [7]. Музыка, любовь, смерть, вера, бессмертие – «ключевые понятия, по которым выстраивается мелодический рисунок романа» [7]. Авторское повествование не только отражает цепь событий, но и устанавливает причинно-следственные связи между ними. Приведем для подтверждения фрагмент из текста романа: *С Глебом и женой Ириной Федор не жил уже несколько лет: Ирина от него ушла. Вернее, ушел-то как раз Федор, которого Ирина попросила покинуть их жилье в семейном общежитии. Будучи изгнан, он снял комнату в другой части города и, имея диплом музучилища, устроился преподавать в музыкальной школе скрипку* [3, с. 12]. Каузальные отношения реализуются между пропозициями в структуре бессоюзного сложного предложения (*Ирина ушла → Федор не жил с женой Ириной и сыном Глебом*), простого предложения с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами (*Федора выгнали из общежития → снял комнату в другой части города; Федор имел диплом музучилища → устроился преподавать в музыкальной школе*). Релевантным в данном фрагменте является также использование вводного слова (*вернее*), «которое уточняет сказанное ранее, правильное, точнее передает соответствующий смысл» [8, с. 52].

Проведенный анализ показывает, что в тексте романа Е. Водолазкина «Брисбен» используются разнообразные синтаксические способы передачи причинно-следственных отношений: сложные предложения (сложноподчиненные (195 примеров), бессоюзные (65), сложносочиненные (32)); простые предложения с именной причинной группой (162) и наречиями (78), с однородными сказуемыми (8); простые предложения с обособленными обстоятельствами (27) и определениями (3); предложения со вставными конструкциями (13); сложное синтаксическое целое (54). Как видно, в тексте романа преобладают СПП. В одном из интервью известный писатель и филолог Е. Водолазкин указал на то, что придаточные предложения делают речь разнообразнее и глубже, что «сложноподчиненное предложение – это верный знак того, что человек обладает организованным сознанием и в его картине мира существуют полутона» [9]. В романе «Брисбен» чаще функционируют сложноподчиненные предложения с придаточной причины, нежели с придаточной следствия (169 и 26 примеров соответственно). Вероятно, это объясняется важностью причинного компонента в художественном повествовании.

Перечень союзных скреп достаточно разнообразный: *потому что, поскольку, оттого что, от того что, так как, ведь, ибо, тем более что, за то что, благо, так что, что, отчего, от чего, оттого, потому*. М. И. Конюшкевич о роли подобных союзных средств в организации синтаксической конструкции пишет: «Скрепя, представляющая собой предикат сложного высказывания и даже текста, организует и держит весь каркас высказывания в соответствии с его коммуникативной целью» [10, с. 80]. Наиболее частотным является союз *потому что* (96 примеров), напр.: *Он навсегда запомнил цвета, запахи и звуки, явленные ему 1 сентября 1971 года, **потому что** в тот день его чувства резко обострились* [3, с. 15]; *Глеба с Кислицыным называли смехачами, **потому что** они постоянно хохотали* [3, с. 49]; *Речная эта жизнь продолжалась даже дома, **потому что** окна их квартиры выходили на Днепр* [3, с. 105]. В расчлененном виде данная скрепа используется при логическом ударении на первую часть: *Кажется, Федор взял с собой Глеба только **потому, что** не очень понимал, о чем ему говорить с Егором* [3, с. 88]. На втором месте по частотности причинный союз *поскольку* (37 примеров), несмотря на то что лексикографы фиксируют оттенок книжности у данного союза [8, с. 274]. Приведем примеры контекстов: *Бывшая жена считала это пьянство показным, **поскольку** протекало оно преимущественно на виду у тех, кто мог Ирине о нем рассказать* [3, с. 13]; ***Поскольку** игра без звука выглядела (Глеб смотрел*

на свои пальцы: именно что выглядела!) непривычно, он начал издавать звуки сам [3, с. 86]. Причинный союз *оттого что* в тексте романа функционирует только в расчлененном виде: *Навещая его могилу каждый день, испытывает невыносимую боль оттого, что в городе всеобщего счастья ее сын оказался лишь посмертно* [3, с. 136]. Подобные контексты показывают значимость причинной ситуации. В связи с этим интересен пример, в котором происходит нанизывание причинных конструкций разного типа (с именной причинной группой и придаточной частью): *И Глеб зарыдал – от этой гармонии, от неслыханной прежде полноты и силы звучания, от того, что, погрузившись в темноту, зал медленно взлетел, и он был причастен к этому полету* [3, с. 46]. Проведенный анализ СПП с придаточной причины показывает, что Е. Водолазкин для актуализации причинной пропозиции использует также тире: *Вопреки ожиданиям мальчика, всё прошло довольно просто и даже не без приятности – потому, наверное, что самое плохое случилось ночью* [3, с. 26]; *Он совершает круг, второй, третий и всё не садится – не потому, что не может, а от нежелания покидать небо* [3, с. 385–386]. Данный авторский знак «связан с заменой нейтрального более сильным, синонимичным ему знаком, который несет экспрессивную нагрузку в тексте» [11, с. 37].

Другие причинные союзные скрепы употребляются редко. Приведем некоторые контексты: *Это было не особенно сложно, так как овощи поставлялись и в армию* [3, с. 314]; *Стюардесса не выражает ни малейшего раздражения, ясно ведь: звезда капризничает* [3, с. 11]; *Помня о том, что впереди вечность, не пренебрегай и временем, ибо добиться чего-то можно лишь во времени* [3, с. 148–149]; *Предпочли имена – тем более что школу Глеб вовсе не оканчивал, скорее, начинал: теперь он переходил на класс гитары* [3, с. 85]; *После обеда мы с Нестором и Катей отправляемся кататься на велосипедах, благо в Мюнхене это можно делать и в феврале* [3, с. 121]. Среди следственных союзных скреп доминирует *так что* (18 из 26 примеров), напр.: *Голос ее сам по себе был достаточно брутален, так что усиления, строго говоря, не требовалось* [3, с. 29]; *Дорожка узкая, в одну шеренгу гуляющим идти не получается, так что я пропускаю дам вперед* [3, с. 140].

В тексте романа «Брисбен» для выражения каузальности используются и бессоюзные сложные предложения, в котором отношения обусловленности выражаются в первую очередь интонационно (на письме чаще при помощи двоеточия, реже тире, запятая и точка с запятой). Актуальное членение таких предложений показывает, что для

авторского повествования причина важнее следствия (причинная пропозиция чаще размещается в реме): *Бабушка плачет: она уже всё поняла* [3, с. 26]; *Вместо закрепленных за ними трех и четырех звонков можно было бы назначать и тридцать, и сорок – они бы никого не обеспокоили* [3, с. 36]; *Ешь суп, холодный он будет невкусным* [3, с. 287]; *Впрочем, отнеслась Ирина к этому легко; она почти ко всему так относилась* [3, с. 20]. Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями используются и в устной речи персонажей, и в словах рассказчика.

В структуре сложносочиненных предложений с каузальными отношениями в качестве союзных скреп функционируют *и, и оттого, а потому*, напр.: *Возможно, ей не хватало чувства со стороны постаревшего дяди Коли, и она пыталась привлечь это чувство к себе, как корректировщик огня, отчаявшись, вызывает на себя последний залп* [3, с. 39]; *Театр занимал всё окно, и оттого казалось, что он продолжает увеличиваться в размерах* [3, с. 117]; *Я-то считаю, что треснувшее стекло в любую минуту может лопнуть, а потому воду нужно слить* [3, с. 264]. Аналогичные маркеры используются и в предложениях с однородными сказуемыми, связанными причинно-следственными отношениями: *и, и оттого, и потому, а потому*. Напр.: *Понимала, что внук – натура тонкая, и гордилась этим* [3, с. 98]; *Сам Котов культурной жизнью не интересовался, а потому советам не следовал* [3, с. 197].

Несмотря на то, что сложноподчиненное предложение – первичная форма экспликации причинно-следственных отношений, в тексте романа «Брисбен» часто используются конструкции, в которых причинный компонент представлен свернутой пропозицией и занимает позицию обстоятельства. Он может быть выражен наречием (круг их невелик), падежной формой существительного (местоимения) без предлога и с предлогом (наиболее часто). В последнем случае каузальная зависимость маркирована предлогом (первичным или вторичным).

В анализируемом тексте функционируют наречия *почему, почему-то, отчего, отчего-то*, а также синкретичные (со значением цели и причины) *зачем, демонстративно, нарочито, в шутку, в ответ*, напр.: *Почему никто их не закрыл?* [3, с. 108]; *Глеб почему-то ожидал, что у Лизы его зятая вызовет восторг и она начнет всячески ее поддерживать* [3, с. 174]; *Чтобы задать эти вопросы, педагог всякий раз возвращалась за свой стол и оттуда нарочито брутальным голосом обращалась к очередной жертве* [3, с. 29]; *Грозит в шутку пальцем и*

уходит [3, с. 11]. Вопросительные наречия используются во внутренней речи главного героя, в его рассуждениях: *Как он посмел не остановить ее, идущую на пляж, почему не схватил за руки и не оттащил от воды?* [3, с. 119]; *Почему во всем мире зелено и солнечно, и только в Петербурге – нет?* [3, с. 342].

В предложениях с именной причинной группой употребляются следующие предлоги: *от* + род.п. (64 контекста), *за* + вин.п. (26), *по* + дат.п. (26), *из-за* + род.п. (13), *из* + род.п. (4), *на фоне* + род.п. (4), *в честь* + род.п. (3), *ввиду* + род.п. (3), *с* + род.п. (2), *без* + род.п. (2), *за отсутствием* + род.п. (2), *под* + тв.п. (2), *в* + предл.п. (2), *в связи с* + тв.п. (1), *по поводу* + род.п. (1), *в отсутствие* + род.п. (1), *за* + тв.п. (1), *с* + тв.п. (1). Как видно, преобладают первичные предлоги, среди них – *от*. Приведем примеры: *Просыпаюсь от тряски, сопровождаемой объявлением о зоне турбулентности* [3, с. 10]; *К большому удивлению Глеба, дед счел такой ход мысли естественным и даже похвалил мальчика за философское отношение к жизни* [3, с. 145]; *Выходные Глеб, еще толком не проснувшись, узнавал по молчанию радиоточки...* [3, с. 133]; *Мальчик рыдал, зажав рот рукой, хотя и так никто его из-за громкой музыки не слышал...* [3, с. 461]; *Покончив с заготовленными вопросами, таксист спросил из чистого любопытства, чего она ждет от Брисбена* [3, с. 409].

В простом предложении с обособленными обстоятельствами причинный компонент выражается деепричастным оборотом, одиночным деепричастием, именной предложно-падежной синтаксемой, напр.: *Не видя отклика, Егор стал по-настоящему плакать...* [3, с. 87]; *Увлекаясь, он, случалось, ставил пальцы не туда или ударял не по тем струнам...* [3, с. 35]; *Судя по быстрому взгляду Нестора на Катю, он тоже улавливает* [3, с. 393]. Предложно-падежные синтаксеммы могут выделяться автором не только при помощи запятой, но и тире: *Простите, я не из любопытства спрашиваю – из любви* [3, с. 342]; *– Нет, просто видящий – благодаря тем же очкам: у тебя рука трясется* [3, с. 405]; *После лекций сидел в библиотеке до самого закрытия – не столько даже из любви к знаниям, сколько из страха перед возможными сюрпризами дома* [3, с. 405]. Тем самым усиливается семантическая значимость причинного компонента, его экспрессивная нагрузка в тексте.

В романе «Брисбен» для аргументации автор использует также вставные конструкции, которые указывают на основание, причину того, о чем сообщается в предложении. Практически всегда такие конструкции на

письме выделяются скобками: *Мы сидим в полной света (высокие окна) приемной* [3, с. 92]; *Бурцев, возможно, покритиковал бы что-нибудь еще (критиковать он любил), но вынужденно ограничился дозволенным* [3, с. 205]. Как вставная конструкция может оформляться и придаточная часть со значением причины: *Собственно говоря, у Глеба был самоучитель, и кое-что он мог бы выучить самостоятельно (тем более что ему очень этого хотелось!), но – не выучил* [3, с. 86]; *В этой школе учились дети украинских писателей и – поскольку она находилась рядом с вокзалом – ребята из ближайших к Киеву сел* [3, с. 27].

Таким образом, проведенный лингвистический анализ текста романа «Брисбен» Е. Водолазкина показывает, что автор использует разнообразные синтаксические способы выражения причинно-следственных отношений, характерные для системы современного русского языка. Авторское повествование не только отражает цепь событий в жизни главного героя, но и устанавливает причинно-следственные связи между ними. В тексте романа преобладают сложноподчиненные предложения, в рамках которых причинный и следственный компоненты представлены в виде развернутых пропозиций, а каузальная связь маркирована подчинительными союзами. Количественно преобладают предложения с придаточной причины, что свидетельствует о важности причинной ситуации в художественном повествовании. В тексте романа часто используются также конструкции, в которых причинный компонент – именная предложно-падежная синтаксема, представляющая свернутую пропозицию. Среди маркеров каузальности преобладают союз *потому что* и предлог *от*. Отличительным свойством языковой манеры Е. Водолазкина можно считать использование предложений, в которых происходит нанизывание причинных конструкций разного типа, что придает семантическую плотность тексту. Кроме того, автор использует тире вместо запятой для выделения значимой части высказывания (отражающей причинный компонент) и для усиления ее экспрессивной нагрузки.

Список литературы

1. Теремова, Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций : учеб. пособие к спецкурсу / Р. М. Теремова. – Л. : Изд-во Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1985. – 70 с.
2. Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / М. И. Конюшкевич. – Минск : Университетское, 1989. – 157 с.
3. Водолазкин, Е. Г. Брисбен : роман / Е. Г. Водолазкин. – М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 416 с.

4. Король, Н. Б. Разветвленная система лейтмотивов как признак полифонической организации текста (на материале романа Е. Водолазкина «Брисбен») / Н. Б. Король // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 25–33.
5. Кривошапова, Н. В. Лингвокультуреми в произведениях Е. Г. Водолазкина [Электронный ресурс] / Н. В. Кривошапова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturemy-v-proizvedeniyah-e-g-vodolazkina>. – Дата доступа: 04.07.2023.
6. Николина, Н. А. Образное поле «музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» / Н. А. Николина, З. Ю. Петрова // Русская речь. – 2021. – № 4. – С. 108–119.
7. Юзефович, Г. Л. Роман в три октавы – о том, как устроен «Брисбен» [Электронный ресурс] / Г. Л. Юзефович. – Режим доступа: <http://omsk-news.net/other/2018/12/11/244287.html>. – Дата доступа: 10.04.2023.
8. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина ; под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 432 с.
9. Водолазкин: Кто употребляет в языке сложные конструкции – драку не начнет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/09/13/vodolazkin-kto-upotrebliaet-v-iazuke-slozhnye-konstrukcii-draku-ne-nachnet.html>. – Дата доступа: 04.07.2023.
10. Конюшкевич, М. И. Категория союза в морфосинтаксической концепции: синтагматика и парадигматика / М. И. Конюшкевич // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол.: В. А. Белозорович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2022. – Ч. 1. – С. 78–86.
11. Андросова, Ф. С. Роль пунктуации в формировании текстовых стратегий / Ф. С. Андросова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31). – С. 37–40.

Chepikava Iryna
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: chepikova_ia@grsu.by

SYNTACTIC WAYS OF EXPRESSING CAUSALITY IN THE TEXT OF EVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL «BRISBANE»

The article discusses ways of explicating cause-and-effect relationships in literary prose text. The novel «Brisbane» by the famous contemporary writer Evgeny Vodolazkin was chosen as the research material. Causality as a later conceptual category manifests itself primarily at the syntactic level. The article describes constructions and markers of causality (conjunctions and prepositions) that are used by the author in a prose work. The features of the writer's idiosyncrasy are characterized.

Keywords: cause-and-effect relationships, syntax, Russian language, literary text, idiosyncrasy.

РАЗДЕЛ 3. СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

СЕМАНТЫКА І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ ЛІНГВІСТЫКА

«Мову сучасная лінгвістыка вивучае толькі ў яе адносінах да чалавека, згодна з апырнцыпам антрапацэнтрызму. Усе віды адносінаў – паміж чалавекам і рэчаіснасцю, паміж чалавекам і соцыумам, паміж чалавекам і чалавекам – рэалізуюцца праз Мову. Самыя адцягненыя лінгвістычныя паняцці робяцца зразумелымі, калі моўныя з’явы тлумачацца з пункту гледжання таго, як яны карэлююць са з’явамі рэчаіснасці» (М. І. Канюшкевіч, 2003).

«Все значительнее для выводимости знания становятся не систематизация и классификации, а объяснительность и вероятностность, не зеркальное копирование объекта, а моделирование. Естественно, и получаемые результаты представлены не только таксономическими классами, но и моделями, характеризующимися ярко выраженной аксиологичностью» (М. И. Конюшкевич, 2013).

Н. Ю. Павловская
ОЦЕНКА И МОДАЛЬНОСТЬ
В СООТНОШЕНИЯХ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Детализированы прототипические характеристики оценочных единиц и определен статус модальных среди них. На основе современного когнитивно-дискурсивного подхода установлены связи и корреляции модальных и собственно оценочных языковых средств. Акцентирован научный вклад доктора филологических наук, профессора М. И. Коношкевич в разработку проблематики оценочных категорий.

Ключевые слова: оценка, модальность, субъективность, объективность, прототип, инвариант, корреляции.

Личность и сущность профессиональной деятельности М. И. Коношкевич проникнута и окутана лингвистикой. Сквозь призму любимого дела Мария Иосифовна с интересом и восхищением смотрит на окружающий мир, исследует его в различных языковых репрезентациях и относится к предмету и объекту изучения как к родным и близким людям. Круг научных интересов профессора М. И. Коношкевич обширен. В первую очередь это исследование фундаментальной лингвофилософской проблемы соотношения мира и языка, где одной из ведущих выступает оценочная категория сравнения, понимаемая автором как бином в виде системы сходств и различий и одновременно как функционально-параметрическая модель описания ономаσιологического потенциала двух родственных русского и белорусского языков. Это и фундаментальная разработка проблематики реляционных частей речи – предлогов и союзов – в системе отношений *знак – знак* с точки зрения современной когнитивно-дискурсивной парадигмы. Книги «Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі: граматыка рэальнага ўжывання», «Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання», скромно названные автором «Матэрыялы да слоўніка» – новое слово в отечественной лексикографии, презентация современных принципов лексикографической практики, когда главная роль отводится разнообразным единицам, выполняющим соответствующие функции в высказывании, т. е. в динамике речи и с обязательным учетом говорящего. Подчеркнем, что в традиционных словарях подобные реалии не фиксировались. Ценность данных изданий не только в объективации интереснейшего нового лексикографического материала, но и в том, что предисловия (введения) к ним представляют изложение новаторской теоретической концепции автора. Опираясь на идеи предшественников, профессор М. И. Конош-

кевич строит научно обоснованную, выверенную практикой концепцию предлога и союза, преодолевая стереотипные и общеизвестные толкования.

Следующий круг проблем, исследуемых профессором М. И. Конюшкевич, это отношения *человек – язык – человек*, когда «язык рассказывает о своем носителе всеми своими категориями и конструкциями, <...> интерпретирует человека, его универсальные и национально-культурные особенности, когнитивные основы, мыслительную и речевую деятельность» [1, с. 3]. В данном ракурсе автор глубоко исследует вопросы близкородственных менталитетов, культур, процессы развития белорусских речевых жанров, категории гоноративности, модальности, персонализации и многие другие.

Научные идеи Марии Иосифовны о сходном и различном имеют большое значение для понимания онтологической и лингвокогнитивной сущности оценки, поскольку в ее основе лежит прямое или скрытое сравнение.

Оценка и модальность – универсальные явления, изучаемые в различных областях гуманитаристики – философии, логике, лингвистике, литературоведении, этике, эстетике, социологии, правоведении, журналистике – в качестве концептов, процессов, речевых актов, понятий, категорий, языковых единиц.

В широком понимании под оценкой понимаются различные способы восприятия и осмысления мира индивидом, его отношение к объектам действительности, закреплённое в разноуровневых языковых единицах. Оценка в этом смысле понимается как мир субъективного, который ассоциируется с речью и включает целый спектр чувственных, эмоционально-экспрессивных, рациональных, временных, пространственных, количественных и иных характеристик, реализуясь в языках соответствующими пропозициями.

Оценка в узком смысле включает общеоценочные значения, связанные с оппозицией *хорошо / плохо*, и частнооценочные, объединённые в сенсорно-вкусовые, психологические (в том числе интеллектуальные и эмоциональные), эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические группы с их многочисленными подгруппами [2, с. 198].

Структурированные на разных основаниях, оценочные единицы правомерно свести к трем базовым разновидностям: физиологическая (связанная с жизнедеятельностью организмов и изучаемая естественными науками), рациональная (гносеологическая квалификация в соответствии с общепринятыми стандартами), эмоциональная (основанная на чувственных, душевных переживаниях).

Понятнейшее содержание оценки можно квалифицировать как определенное качество, зависимое от класса и особенностей оцениваемых объектов, многоаспектных характеристик говорящего, места и времени процесса оценивания и иных экстралингвистических факторов.

Реализуясь в языковых единицах любого уровня, оценка может выступать как один из элементов лексического значения слова, как структурная часть слова, находится в центре построения высказывания или целостного дискурса, представляя оценочную доминанту текста. Оценочные значения могут фокусироваться как в номинациях, так и в предикациях, выступая пропозициональным, т. е. выводным компонентом.

Структура оценки традиционно включает субъект (говорящий) – эксплицитно или имплицитно представленный индивид или социум, оценивающий предмет, ситуацию и т. д.; объект – фрагмент реального / ирреального мира, который оценивается; основание оценки – оценочная пропозиция (чаще предикат), выражающий суть оценки (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова и др.).

Прототипическими (инвариантными¹, сущностными) характеристиками оценки выступают следующие.

Антропоцентричность. Оценка отвечает природе человека, задана его физическими и психологическими параметрами, рождается в ментальном мире индивида, является составной частью его сознания и познавательного процесса.

Прагматичность. Оценка прагматична по своей природе, так как ее реализация предполагает обязательное наличие говорящего и слушающего (в иной терминологии – реципиента и продуцента, коммуниканта и коммуникатора), в том числе и при обращении говорящего к самому себе. В оценочных средствах «семантический и прагматический аспекты неразделимы» [3, с. 203]. Семантическое и прагматическое в значении языковой единицы, не противопоставляясь друг другу, отражают их взаимодействие, взаимовлияние, нередко слияние в процессе коммуникации.

Релятивность значения, т. е. определение оценки в сравнении, сопоставлении с чем-либо другим, Н. Д. Арутюнова идентифицирует как

¹ Инвариант и прототип, по мысли А. В. Бондарко, объединяет их роль как источника системного воздействия на зависимые значения и функции. Однако инварианты – это системный, глубинный источник воздействия на подчиненные ему варианты. Прототипы по своей природе интенциональны. Их функции неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта, ... с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. Они – элементы актуального речевого смысла [Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность / Я. Э. Ахапкина [и др.]. – СПб.: Наука, 2003. – С. 19].

субъективную переменную (экстенционал) к объективной семантической константе (интенционал), что соответствует двум выявленным Ш. Балли аспектам высказывания – диктуму и модусу [4, с. 43–48]. Диктум в концепции французского лингвиста – это содержание высказывания и мысли, фиксирующее онтологию объективного мира, модус – психологическая операция говорящей личности над диктумом. Диктум является дескриптивной, базисной частью высказывания, отражением определенных событий предметной ситуации, имеющей место в действительном мире. Модус (любые оценочные средства) свидетельствует об интеллектуальной или эмоциональной обработке диктумной информации субъектом. Диктум (или пропозиция) всегда сопровождается субъективными, модусными данными, обусловленными психическими и психологическими особенностями индивида, его коммуникативными намерениями, национальными, социокультурными и религиозными представлениями. Разным типам модусов соответствуют различные варианты оценочности – рациональный и эмоциональный. Релятивность оценочных единиц «устанавливает соответствие между миром и его идеализированной моделью» [2, с. 182]. Это значит, что оценочное высказывание сообщает о наличии для определенного свойства соответствующего аналога. Например, высказывание *Дома красивые* констатирует, что в сознании говорящего существует абстрактная модель приятного внешним видом сооружения, и реальные, наблюдаемые им дома соответствуют этой модели. Релятивная, интерпретационная природа оценочных средств свидетельствует о том, что оценка всегда есть результат прямого или скрытого сравнения, что подчеркивалось Е. М. Вольф [3, с. 15–16]. Идея неотделимости оценки и сравнения развивается в работах М. И. Конюшкевич, посвященных разработке и анализу категории компаративности на материале белорусского и русского языков.

Субъективность и семантический синкретизм оценки. Выступая явлением субъективного порядка, оценочное значение содержит также информацию об объективных свойствах предметов и событий, характеризующих знания индивида о мире. Иными словами, в семантике оценки наблюдаются взаимодействие, неразрывная связь субъективного (оценочного) и объективного (дескриптивного, предметно-логического) факторов, представляющих диалектическое единство (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, И. А. Стернин, В. И. Шаховский и др.). Релятивно-репрезентативный компонент оценки – субъективная составляющая, дескриптивно-денотативный компонент оценочного значения –

его объективная, понятийная часть. Даже в дефинициях *хорошо*, *плохо*, *вкусно*, *противно* необходимо присутствует их объективное содержание – глубинная логическая структура, определенный стандарт, соответствующий данным понятиям. *Хорошо*: «1. Об окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение. 2. Об ощущении здоровья, удовлетворения, удовольствия, радости, испытываемом кем-л.» [5]. Данные значения и есть прототип, или инвариант, оценочного концепта» *хорошо*. Он зависит от выработанных человечеством стереотипов, норм, встроен в семантику оценочных средств и большей частью проявляется имплицитно. В оценочном высказывании, таким образом, неотделимо присутствуют как бы две позиции говорящего: номинация его отношения и выражение этого отношения.

Интерпретирующий характер оценочных категорий, реализованный переменной величиной, зависимой от свойств объекта и изменяемой по мере его преобразования. В различных высказываниях в соответствии с коммуникативными задачами на первом плане оказываются то оценочный субъективный компонент при частичной утрате дескриптивного смысла, то денотативный «объективный». Строя высказывание, говорящий как бы «присваивает» себе объективные знания о мире и в то же время всегда, эксплицитно или имплицитно, выражает свою оценку того, о чем сообщается в этом высказывании.

Оценка, как отмечалось, базируется на рациональной (логической) форме мышления и / или эмоциональной реакции говорящего, опирается на факты или информацию о них.

Модальность, как результат рациональной обработки информации, выступает одной из составляющих оценки в широком ее понимании и имеет все перечисленные прототипические признаки. В то же время этот тип субъективной обработки информации соотносит высказывание и действительность с точки зрения говорящего в соответствии с полнотой его знаний про объект, степенью удовлетворения его потребностей, желаний, стремлений, интересов, целей. Все отраженные в высказывании (и шире – в дискурсе) события репрезентируются модально осмысленными и оформленными.

В соответствии с положениями интегративной когнитивно-дискурсивной парадигмы научных знаний, полевой организации языковых явлений модальность правомерно ранжировать как особую макроструктуру с присущими ей суперструктурами, макрополями, полями, макропропозициями. Суперструктура модальности репрезентируется макрополем вероятности (с полями проблематической, про-

стой, категорической достоверности, возможности) и макрополем волеизъявления (с полями оппозитивности, императивности, необходимости). Задавая общие коммуникативные смыслы – а) информирование о событиях, явлениях, содержании чего-либо в соответствии с полнотой знаний говорящего о них; б) адресованное / неадресованное воздействие говорящего на получателя информации с целью изменения ситуации – суперструктуры модальности и ее виды (поля) организуются макропропозициями, которые выводятся из множества подобных явлений и конструируются на основе их значений.

Являясь неотъемлемым компонентом любого высказывания и любого дискурса, модальные средства взаимодействуют, вступая в соотношения с собственно оценочными маркерами (линия *хорошо / плохо*), что обуславливается намерениями говорящего, коммуникативными условиями, прагматической ситуацией, контекстом. И те и другие реализуются в дискурсивных комплексах эксплицитно или имплицитно.

Так, модальный и собственно оценочный компоненты могут иметь в высказывании обязательный («денотативный») статус, когда их значения выступают в качестве полноценного предиката и логико-предметные значения равны соответственно модальному и собственно оценочному: *Для проводимого анализа необходимо, чтобы представляющие интерес параметры измерялись по шкале, не зависящей от времени...* (Л. Куравский, С. Малых). *Хорошо, что эти механизмы появились, в результате мы начинаем зарабатывать на тепловом бизнесе, чего раньше не было.*

Модальный и собственно оценочный компоненты могут выступать в качестве коннотативных по отношению к логико-предметному значению слова или высказывания и находятся за его пределами: *Для начала необходимо провести анализ кадровой ситуации в регионе* (Н. Сидорова). *Маг слишком хорошо умел владеть собой, чтобы я успела это понять* (В. Чиркова).

Модальный и / или собственно оценочный компоненты могут присутствовать имплицитно. Высказывание *Лето по температуре будет умеренно теплое, а по осадкам – немного засушливое* (В. Сидорук) содержит имплицитные модальность простой достоверности и положительную оценочность.

Обнаруживая доминирование или ослабление того или иного средства, экспликаторы модальных и собственно оценочных категорий могут находиться в разнообразных отношениях:

– паритетности: *Такой способ вам должен быть хорошо известен* (С. Абрамова);

– субординации: *Все эти некрупные детали были столь примечательны, что заметить их можно было с любого конца зала...* (А. Снегирев). *Руководитель Роспотребнадзора Анна Попова 30 ноября заявила, что, по ее мнению, новогодние праздники лучше провести дома, не покидая страну* (Ведомости);

– координации: *Делать такой салат лучше как минимум за шесть часов до Нового года – он должен обязательно настояться в холодильнике* (Парламентская газета);

– взаимопроникновения: *Давайте больше не будем вспоминать об этом* (для говорящего императивная модальность виртуально содержит положительное собственно оценочное значение);

– контрастности: *Все в общем хорошо, но необходимо все как бы приподнять, сделать сильнее* (В. Вадикин).

Экспликатеры модальных и собственно оценочных категорий могут пересекаться, дополняя друг друга, кодировать одним маркером два значения, создавая в итоге единый «аккорд», по мысли В. Г. Адмони, и формируя единую тональность высказывания. Они могут сопоставляться и противопоставляться, связываясь линиями тождеств и контрастов и обнаруживая доминирование или переход на вторые роли того или иного средства. В этом смысле одна из категорий, согласно терминологии Ю. А. Пупынина, играет роль семантического плана, характеризуясь структурной и семантико-прагматической устойчивостью, на фоне которой реализуются возможности иных языковых явлений.

В завершение статьи обратим внимание на близость ее проблематики кругу научных интересов М. И. Конюшкевич – моего старшего товарища, имеющего высокие моральные качества, позитивный взгляд на происходящее, хорошее чувство юмора. Обладая критичностью ума, стремлением получать только достоверные результаты, профессор М. И. Конюшкевич проявляет неподдельную заинтересованность, внимание и уважение к научным трудам своих коллег, умение увидеть даже в небольшой работе ее значимость и новизну. В статьях, монографиях, отзывах и рецензиях замечательного ученого философски осмысливаются лингвистические явления не только для раскрытия их сущности, но и для понимания устройства мира в целом.

Список литературы

1. Канюшкевіч, М. І. Выбраныя працы : Мова. Граматыка адносін / М. І. Канюшкевіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – 319 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
4. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 416 с.
5. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – 1998. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=хорошо>. – Дата доступа: 05.03.2023.

Pavlovskaya Natalia
Minsk State Linguistic University
e-mail: n.pavlovskaya@tut.by

EVALUATION AND MODALITY
IN CORRELATION AND INTERACTION

The article has detailed the prototypical characteristics of evaluative units and determined the status of modal ones among them. Based on the modern integrative cognitive-discursive approach, connections and correlations of linguistic means of expressing evaluation and modality are established. The scientific contribution of Doctor of Philology, Professor M. I. Konyushkevich in the development of the problem of evaluation categories has been focused.

Keywords: evaluation, modality, subjectivity, objectivity, prototype, invariant, correlations.

УДК 811.161.1

Т. Н. Вольнец

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ
БЕЗЛИЧНОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЗЕ**

И. А. БУНИНА

Моделируется функционально-семантическое микрополе безличности на основе языковых средств, используемых в рассказах и повестях И. А. Бунина; выявляется, как реализуется прагматический потенциал ядерных единиц (безлично-предикативных наречий) данного микрополя в зависимости от авторских интенций.

Ключевые слова: функционально-семантическое микрополе, безличность, безлично-предикативные наречия, бессубъектность, безличная конструкция.

Безличность как лексико-грамматическое явление весьма мозаично и в плане содержания, и в плане выражения. В формировании состава конструкций, используемых для представления грамматически бессубъектного действия / состояния, участвует комплекс языковых средств – глагольных, адъективных, адвербиальных. Говоря о безличности, лингвисты обычно отмечают, что:

– это явление русского семантического универсума и русской культуры, в котором отражается тенденция рассматривать мир как совокупность событий, не контролируемых человеком [1, с. 74–76; 2, с. 807–808];

– общую семантику безличности формируют три центральных семантических признака: неактивность субъекта, независимость действия или состояния от воли субъекта и неопределенность коммуникативной ситуации [3, с. 34];

– грамматическая и семантическая бессубъектность по сути своей явления разные: «абсолютная безличность – явление в языке ограниченное» [4, с. 13];

– «коммуникативное назначение безличных предложений – сформировать особый образ действительности, передать недеятельный характер ситуации» [5, с. 10];

– «безличные формы – живая и продуктивная категория» [6, с. 381]: количество безличных предложений в современном русском языке непрерывно растет [7, с. 318; 8, с. 151].

Категориальный статус безличности при теоретическом осмыслении данного явления интерпретируется неоднозначно. Так, Ю. С. Степанов считает, что безличность – это часть универсальной семантико-синтаксической категории личности – безличности [9, с. 272]. С. А. Недобух определяет безличность как когнитивно-коммуникативную категорию [10]; как семантико-грамматическую категорию рассматривает безличность А. В. Петров [3]. А. В. Бондарко утверждает (и мы согласны с этим утверждением), что семантика форм безличности вписывается в дальнюю периферию функционально-семантического поля персональности [11, с. 6–7]. Грамматическим инвариантом данного микрополя является семантика грамматической бессубъектности, для выражения которой используются различные морфологические (безличные глаголы, личные глаголы в безличном употреблении, инфинитивы, безлично-предикативные наречия, именные и адъективные безличные формы) и синтаксические средства (определенные семантические

типы предикатов, односоставные безличные и инфинитивные предложения и т. д.).

В художественном тексте функционально-семантическое микрополе безличности формируется из элементов, существующих в языковой системе, но используются и группируются данные элементы в зависимости от авторских целевых установок [12, с. 126]. В результате структура микрополя безличности у каждого автора имеет свою специфику, отражающую индивидуально-авторские предпочтения.

Цель нашей статьи – выявить структуру функционально-семантического микрополя безличности, формирующегося в прозе И. А. Бунина; определить, как ядерные безличные конструкции участвуют в организации коммуникативной структуры текста и создании его образной системы. Материал для исследования мы выбирали из рассказов и повестей И. А. Бунина [13; 14]. Всего было проанализировано 52 текста (730 стр.), выделено 1820 безличных конструкций.

В процессе анализа языкового материала мы установили, что в ядерную зону функционально-семантического микрополя безличности, формирующегося в повестях и рассказах И. А. Бунина, входят именные безличные предложения, в которых в роли предиката выступают безлично-предикативные наречия, употребленные как самостоятельно (567), так и в сочетании с инфинитивом (402). К ближней периферии относятся глагольные безличные предложения с предикатом, выраженным а) инфинитивом (252); б) формой личного глагола в безличном употреблении (192); в) формой безличного глагола (139); г) формой безличного глагола в сочетании с инфинитивом (136). Дальняя периферия заполняется безличными конструкциями с предикатами – словом *нет* (56), безлично-атрибутивными формами *слышно / не слышно, видно / не видно* (62) и причастными формами типа *дано, разрешено, назначено...* (14).

Востребованность именных безличных конструкций в прозе И. А. Бунина обусловлена, на наш взгляд, поэтическим восприятием окружающего мира, чуткостью Бунина-художника к психологическому, психофизическому и эмоциональному состоянию своего героя, стремлением автора не только описать, но и оценить слова и поступки своих персонажей, соотнести их с более широким контекстом – объективно складывающейся ситуацией, возможностью / невозможностью осуществления действия, его нравственным запретом или, наоборот, разрешением, целесообразностью / нецелесообразностью принимаемых решений, временными ограничениями и т. д.

Неслучайно среди предикатов, используемых И. А. Буниным в именных безличных конструкциях, доминируют наречные лексемы, привлекающие внимание читателя к:

– состоянию окружающей среды (*ветрено, дико, жарко, зелено, знойно, мокро, морозно, пустынно, светло, серо, снежно, солнечно, сонно, студёно, сухо, сыро, темно, тепло, тихо, холодно, черно*);

– характеристике обстановки в замкнутом пространстве (*душно, дымно, жарко, людно, многолюдно, просторно, пусто, тесно, угарно, уютно, чисто, шумно*);

– психоэмоциональному или физическому состоянию персонажа (*больно, весело, грустно, дурно, жутко, легко (на душе), отраднo, пусто (в сердце), радостно, скучно, сладко, спокойно, тоскливо, тошно, тревожно, ужасно, холодно, хорошо*);

– ментальному (рациональному) отношению к фактам действительности (*бесполезно, безбожно, важно, верно, глупо, грешно, известно, неведомо, немыслимо, отлично, правильно, прекрасно, приятно, скверно, странно*);

– оценке ситуации как результату предпринимаемых действий (*верно, глупо, изумительно, плохо, прекрасно, славно, стыдно, трудно, худо, чудесно*);

– оценке действия с точки зрения его возможности / невозможности, необходимости или запрета (все эти модальные значения безлично-предикативные наречия выражают обычно в совокупности с инфинитивом – *можно, возможно, невозможно, довольно, достаточно, надо, надобно, нужно, нельзя, пора*).

Безусловными лидерами в данном перечне являются лексемы *надо* (88 словоупотреблений), *можно* (54), *хорошо* (44), *нельзя* (32), *тихо* (37), *нужно* (29), *холодно* (26), *страшно* (26), *жарко* (22), *пусто* (20), *тепло* (20), *пора* (18), *темно* (18), *жутко* (14), *поздно* (13), *светло* (12), *стыдно* (12).

Безличные конструкции с модальными предикатами актуальны для И. А. Бунина в тех случаях, когда автора интересует не столько представление действия, сколько его восприятие на уровне субъекта, устраненного из грамматической структуры предложения, как возможного (*можно было дожить век и у сына; можно отдохнуть, погостить*) или, наоборот, невозможного (*невозможно проверить слухи; нельзя было спать от блох; невозможно избавиться от любви*), запретного (*к брату родному нельзя съездить; как это можно говорить так о своей молодой жене; с овцами её [козу] нельзя держать*) или не-

обходимого (*всем надо было отвечать; надо развязываться с Дурновкой; нужно развлекать себя; нужно было учиться; пора посчитаться с роднёй*). Иногда автор активно использует безличные конструкции с модальными предикатами на небольшом текстовом пространстве, сознательно привлекая к ним внимание читателя и актуализируя нужные смыслы. Так, например, в рассказе «На даче» [13, с. 104–138], описывая разговор о Л. Н. Толстом, возникший между гостями в гостиной, автор от бытовых вопросов незаметно переходит к вечным проблемам человеческого бытия – о смысле и цели жизни, предназначении человека. В таких коммуникативных условиях на первый план, естественно, выдвигаются безличные конструкции с предикатами «*нужно* (или *надо*) + инфинитив». См.: – **Нужно всегда различать**, – тихо, но властно перебил Каменский, кладя ладони на стол, – **нужно всегда различать**, что нужно и что не нужно в жизни; именно, как сказал Петр Алексеевич, **надо знать, что нужно делать и чего не нужно делать**. <...> **О труде надо думать серьёзно и избирать надо тот труд, который не ограничивается одним наименьшим напряжением мускулов. Труд жизни...** [13, с. 128–129]. Усиленные повтором и омонимичными адеквативными формами, модальные конструкции со значением необходимости действия звучат весьма категорично, воспринимаются как руководство к действию, как нравственный императив, на который должен ориентироваться любой порядочный и образованный человек, см.: – ...*вот именно так*, – подтвердил Каменский, – именно, **надо уяснить себе цель жизни так же, как цель поездки в город** [13, с. 132].

Безлично-предикативные наречия, употребленные в структуре предложения самостоятельно (без инфинитива), чаще используются И. А. Буниным в качестве предикатов состояния или отношения. Среди них привлекают внимание две лексемы – *хорошо* и *тихо*.

В семантической структуре наречной лексемы *хорошо* И. А. Бунина в основном интересует то безличное значение, которое позволяет а) кратко, без развернутых описаний, характеризовать психоэмоциональное состояние героя (или героев); б) расставлять определённые акценты в оценках и характеристике обстановки, окружающей героя; в) актуализировать те действия и поступки, которые доставляют ему (или окружающим) удовольствие, наслаждение и радость, см.: *Марья Ивановна, полусовершенно светом, падавшим из гостиной на балкон, глядела в сад и говорила тихо и восторженно: – Как хорошо!* [13, с. 134]; *И может быть, хорошо, что вы не пишете, что вы не написали мне ни слова* [14, с. 452]; *...хорошо было и проснуться до*

солнца, розовым росистым утром, среди матово-зеленых хлебов... [13, с. 82]; *...все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств...* [14, с. 443].

Параллельно автор использует наречие *хорошо* в форме сравнительной степени. Наблюдается это в тех случаях, когда требуется не только представить, но и оценить состояние субъекта, оказавшегося либо в разных жизненных ситуациях, либо в разных пространственно-временных условиях. См.: *...за порогом оказалось ещё лучше, чем на мостике* [14, с. 418]; – *Что ж, лучше тебе?* – *спросила барышня, когда она вошла к ней потом с опухшими глазами. – Лучше-с, – шепотом сказала Наташка, хотя от лекарств у неё замирало сердце и кружилась голова* [14, с. 224].

Столь же значимо в рассказах И. А. Бунина и безлично-предикативное наречие *тихо*. Автор употребляет его в основном в 2-х значениях – 1) ‘О наличии тишины где-либо’; 2) ‘О тихой безветренной погоде’ [15, с. 369]. См.: *А там, в Стрелецке, на его темнеющих улицах, было пусто и тихо* [14, с. 309]; *С утра было светло и тихо. Низкое солнце блестело ослепительно* [13, с. 74]; *За дверью было тихо, и только чувствовалась та грусть, что всегда бывает в комнате спящего человека* [14, с. 435]. Состояние тишины настолько важно для автора, что иногда он усиливает его либо повтором, либо придаточным степени, которое создает в сознании читателя представление о состоянии тишины как величине измеряемой. См.: *Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда!* [13, с. 161]. *...тихо, тихо ночью и на земле и в небе, – только где-то далеко плачет колокольчик* [14, с. 214]. *Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей* [14, с. 75]. Довольно часто безлично-предикативное наречие *тихо* используется автором после кульминационной разрядки напряженной ситуации. Так, именно тишина приходит на смену бурному выяснению отношений между героями в рассказе «Дело корнета Елагина». См.: *«Оставь меня подумать и подремать».* – *И, положив исписанную карточку себе на грудь, закрыла глаза. Стало так тихо, что я впал в какое-то оцепенение...* [14, с. 606]. Жутко становится от тишины, которая заполняет собой все пространство, когда герой рассказа «Петлистые уши» случайно обнаруживает в номере отеля задушенную женщину – *Он вскочил и кинулся к номеру: в номере было так тихо, как не бывает, когда есть в нем хотя бы и спящий человек <...>, на кровати торчали из-под одеяла короткие голые ноги лежав-*

шей навзничь женщины. Голова её была придавлена двумя подушками [14, с. 412]. Тишина, которая устанавливается в отеле после смерти господина из Сан-Франциско, резко контрастирует с оживленно-праздничной обстановкой, царившей там до этого, ср.: *...тарантеллу пришлось отменить, лишнее электричество потушили, большинство гостей ушло в пивную, и стало так тихо, что четко слышался стук часов в вестибюле...* [14, с. 358]. Смерть и тишина в рассказах И. А. Бунина – понятия неразделимые. Не случайно автор создает лексему *мертвенно-тихо*, которая, с одной стороны, погружает читателя в обстановку абсолютного безмолвия – атрибута смерти, а с другой – сигнализирует о степени проявления адвербиального признака, отражении его в сознании героя бунинского текста. Ср.: *...на всю жизнь осталась в памяти та ноябрьская ночь, когда в крохотной, кособокой хибарке в Черной Слободе тоже горела лампадка, – так смирно и ласково-грустно, – темнели тени от цепей её, было мертвенно-тихо, на лавке, под святыми, неподвижно лежал отец, закрыв глаза, подняв острый нос и сложив на груди восковые руки...* [14, с. 80].

Нередко И. А. Бунин вводит лексему *тихо* в однородный ряд предикативов, характеризующих состояние окружающей среды с разных сторон, ср.: *Он [Тихон Ильич] выезжал на дорогу, на перекресток и становился лицом к заре, к станции, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было тихо, тепло, сыро и темно* [14, с. 94]. Первым в данном ряду идет безлично-предикативное наречие *тихо*, оно резко контрастирует с возбужденно-злобным психоэмоциональным состоянием героя, который возвращается домой после разговора с бунтовщиками – участниками сходки (*Тихон Ильич сидел в поле на бегунках. Сердце колотилось, руки дрожали, лицо горело, слух был чутко, как у зверя* [14, с. 93]).

Столкновение при описании состояния персонажа контрастных по значению наречных лексем – это излюбленный авторский приём, который обеспечивает различную тональность оценок и расширяет прагматическую составляющую в функционировании безлично-предикативных наречий в текстах И. А. Бунина. См.: *«Значит, он взял отпуск», – взволнованно думала я, и мне было приятно, что он приехал, очевидно, для меня, и жутко* [14, с. 72], – так в рассказе «Заря всю ночь» описывается противоречивое эмоциональное состояние героини, которая внезапно узнает о приезде жениха. Или: *Пока я читал, в природе сокровенно шли изменения. Было солнечно, празднично, теперь все померкло, стихло* [14, с. 503] – контрастность окружающего мира в дан-

ном контексте – это необходимый фон для мотивации внутреннего пробуждения героя рассказа «Книга», осмысления персонажем иллюзорности жизни вымышленной в отличие от жизни реальной. Описание свадьбы в повести И. А. Бунина «Деревня» сопровождается абсолютно безрадостным описанием окружающей обстановки, которую участники события воспринимают следующим образом: *...угарно было и в церкви, угарно, холодно и сумрачно – от вьюги, низких сводов и решеток в окошечках* [14, с. 190]. И читатель сразу понимает, что счастья после свадьбы у молодых не будет. Враждебность внешнего мира хорошо оттеняет уют и покой барской усадьбы в рассказе «Антоновские яблоки» – *В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле* [14, с. 53]. Несоответствие эмоционального восприятия субъекта характеру факта действительности подчеркивается автором в рассказе «Дело корнета Елагина». См.: *Как-то вечером я была на кладбище: там было так прекрасно!* [14, с. 592]. – Кладбище, которое через несколько строчек характеризуется совершенно иначе (*Какое тяжелое зрелище!*), воспринимается героиней экзальтированно, противоречиво, в соответствии с резкой сменой настроения, мыслей, чувств и намерений.

Высока информативная значимость безлично-предикативных наречий с противоположным оценочным содержанием и в повести «Суходол». Так, резко контрастное описание состояния покоя, царящего в природе, и внутреннего напряжения героини повести позволяет читателю острее почувствовать смятение души Натальи, возвращающейся в барскую усадьбу после женитьбы Петра Петровича: *Всё вокруг было мирно, просто, обычно – всё необычнее, всё тревожнее становилось только в её уме, который и совсем помутился* [14, с. 228]. Безлично-предикативные наречия оказываются также весьма востребованным лексико-грамматическим средством при описании барской усадьбы и событий, происходивших в ней в прошлом, но актуальных и в настоящем. Автор вплетает наречные лексемы в ткань повествования и использует их как сюжетобразующее средство для развития темы «Разорение и запустение суходольской усадьбы». Говоря об истоках странной привязанности главной героини (Натальи) к Суходолу, И. А. Бунин описывает усадьбу, которая в прежние времена притягивала и очаровывала, потому что в ней звучали счастливые детские голоса, а в мире взрослых кипели нешуточные страсти (даже вспомнить страшно!), любовь переплеталась с ненавистью, но было не скучно, а весело! Все изменилось со смертью бабушки, отъездом детей и французов: дом практически остался без хозяев и стал приходиться в упадок – *...по ночам*

в доме было **страшно**. А днем – **сонно, пусто и скудно** [14, с. 207]. А затем в доме появились молодые господа и жизнь в усадьбе заиграла новыми красками. И автор повести опять вводит в ткань повествования предикативные наречия. См.: *...празднично было в доме, который ожил, наполнился чем-то новым, чудесным с приездом красавца-барчука...; празднично было даже в прихожей, где спала Наташка...<...>; и всего страшнее и праздничнее было за садом, в заброшенной бане, где хранилось двойное зеркальце в тяжелой серебряной оправе...* [14, с. 211]. – Именно так воспринимает суходольскую усадьбу молодая девушка, впервые полюбившая, но без надежды на взаимность и счастливый исход. Крушение иллюзий, неизбежность наказания, греховная связь и пожар в доме – все эти события приводят к тому, что **буднично стало в Суходоле** [14, с. 239], тяжело доживали там свои последние дни старые обитательницы усадьбы, **холодно, голодно было в разрушающемся доме** [14, с. 242].

Между двумя противоположными полюсами (*холодно – тепло*) разворачивается и сюжет рассказа «Танька», который начинается так: *Таньке стало холодно, и она проснулась. Высвободив руки из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но всё-таки было холодно* [13, с. 36]. А дальше следует пронзительный рассказ о маленькой девочке, которая случайно слышит разговор матери со странником, и, жалея мать, идет к пруду погулять, чтобы лишний раз не просить у матери еды, ведь в пустой избе давно нет ни муки, ни картошки. И тут, как в сказке, происходит чудо. Полузамерзшая Танька попадает на глаза старому барину – Павлу Антоновичу. Он берет её в сани, везет в господский дом, угощает чаем с молоком и черносливом. И Танька вдруг оказывается в тепле: физическое ощущение холода пропадает, потому что *в кабинете было тепло* [13, с. 43]. Тает лед одиночества и в сердце Павла Антоновича. См.: *Всё теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и озябшего ребенка* [13, с. 43]. Добро порождает добро – внешний и внутренний холод уходит, но на смену ему приходят горькие мысли, на которые у автора нет ответа: *«Что ждет её? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?»* [13, с. 44].

Итак, функционально-семантическое микрополе безличности в прозе И. А. Бунина формируется в основном за счет безлично-предикативных наречий, употребленных как самостоятельно, так и с инфинитивом, спрягаемых форм собственно-безличных глаголов и личных глаголов в безличном употреблении, инфинитивных форм, пред-

ставляющих действие вне категорий времени, лица и склонения, форм кратких страдательных причастий, слова *нет* и безлично-атрибутивных лексем *видно* и *слышно*. В ядерной зоне интересующего нас микрополя находятся конструкции с безлично-предикативными наречиями. Семантика безличности, заключенная в них, востребована в текстах И. А. Бунина при выражении целого спектра модальных значений (необходимости, возможности/невозможности, запрета действия), при авторской характеристике окружающей среды, физического или психоэмоционального состояния героев, оценке их действий или поступков. Автор умело использует как семантическое, так и грамматическое своеобразие безлично-предикативных наречий и сознательно акцентирует их присутствие в структуре текста, актуализируя тем самым их текстообразующие и прагматические свойства – способность организовывать смысловой центр, участвовать в развитии темы и выражении основной мысли автора, создавать предельно контрастные, но при этом эмоционально выразительные контексты, ключевые для понимания текста в целом.

Список литературы

1. Вежибцкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежибцкая. – М., 1997. – 416 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
3. Петров, А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка / А. В. Петров. – Архангельск, 2007. – 294 с.
4. Химик, В. В. Предикативная безличность предложения и персональность высказывания / В. В. Химик // Строение предложения и содержание высказывания. – М., 1986. – С. 8–17.
5. Осипова, Э. Н. Безличность – бесподлежность и бессубъектность? / Э. Н. Осипова // Объект исследования – безличность. – Архангельск, 2004. – С. 7–11.
6. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М., 1985. – 640 с.
7. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд. – М., 2001. – 451 с.
8. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М., 1958. – 332 с.
9. Степанов, Ю. С. Личности-безличности категория / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 272–273.
10. Недобух, С. А. Когнитивно-коммуникативная категория личности-безличности / С. А. Недобух // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 2000. – Вып. 4.
11. Бондаренко, А. В. Теория функциональной грамматики. Персональность. Заголовность / А. В. Бондарко. – СПб., 1991. – 369 с.
12. Волинец, Т. Н. Поэтика категории безличности / Т. Н. Волинец // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Выпуск 9. – Симферополь, 2005. – С. 116–127.

13. Бунин, И. А. Рассказы / И. А. Бунин. – М., 1983. – С. 21–165.
14. Бунин, И. А. Избранное : в 2 т. / И. А. Бунин. – М., 1996. – Т. 1. – С. 22–608.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Volynets Tatiana
Belarusian State University of Minsk
e-mail: tatka6148@gmail.com

FUNCTIONAL-SEMANTIC MICROFIELD OF IMPERSONALITY AND ITS IMPLEMENTATION IN I. A. BUNIN'S PROSE

The article models the functional-semantic microfield of impersonality on the basis of linguistic means used in I. A. Bunin's stories and novellas; reveals how the pragmatic potential of nuclear units (impersonal predicative adverbs) of this microfield is realized depending on the author's intentions.

Keywords: functional and semantic microfield, impersonality, impersonal predicative adverbs, subjectivity, impersonal construction.

УДК 811.161.1

Е. Е. Долбик

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛОКАТИВНОСТИ В ПОЭЗИИ В. А. КАРПОВА

На примере поэтических сборников «Амальгама» и «Дао» доктора филологических наук, профессора В. А. Карпова дается характеристика функционально-семантического поля локативности, описываются средства передачи семантики пространства, взаимодействие с функционально-семантическим полем темпоральности, выявляется культурологическая составляющая лексем с локативной семантикой.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, локативность, пространственные отношения, синтаксема-локатив, поэзия В. А. Карпова.

Одной из разновидностей функционального направления в современной лингвистике является грамматика функционально-семантических полей (ФСП), разрабатываемая в течение нескольких десятилетий коллективом под руководством А. В. Бондарко и получившая название Петербургской школы функциональной грамматики. Под функционально-семантическим полем понимается система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [1].

Локативность трактуется «как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [2, с. 5].

Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений Владимира Александровича Карпова (1940–2006). Доктор филологических наук профессор В. А. Карпов, автор поэтических сборников «Амальгама» [3] и «Дао» [4], является, на наш взгляд, ярким представителем русскоязычной поэзии Беларуси. Как отмечает коллега, однокашник и друг В. А. Карпова профессор Б. Ю. Норман, «поэтическое творчество В. А. Карпова, которое еще ждет своего исследователя, включает в себя и образцы чистой лирики, и не менее яркие примеры интеллектуальной поэзии» [5, с. 57]. И в целом творчество лингвистов-поэтов представляет особый интерес, так как побуждает «реконструировать внутренний мир лингвиста-поэта, выяснить, как соприкасаются в сознании и творчестве гуманитария поэтическая (эмоционально-образная) и научная (профессиональная) составляющие» [5, с. 68].

В задачи нашего исследования входит характеристика структуры функционально-семантического поля локативности (ФСПЛ), описание средств передачи семантики пространства в текстах стихотворений В. А. Карпова, выявление взаимодействия поля локативности с полем темпоральности, обнаружение культурологической составляющей локативов.

По мнению Л. Н. Федосеевой, функционально-семантическое поле локативности «включает микрополя объективной и субъективной ориентации, перемещения в пространстве, параметризации мира» [6, с. 6]. Рассмотрим, как представлена структура ФСПЛ в поэзии В. А. Карпова.

«Микрополе объективной ориентации, где ориентиром служит некоторый объективно представленный предмет, объект, место, в пределах которого происходит событие» [6, с. 17], формируется несколькими группами лексем:

1) общие наименования пространства (...*до пространства жадные глаза* [4, с. 109]);

2) единицы измерения пространства (*Локти, версты, тыщи километров* [4, с. 109]);

3) названия сторон света (...*на юг пойти войной* [3, с. 63]; ...*робкая звезда / не знает, где восток, где запад* [3, с. 158];

4) названия стихий, в поэтическом тексте нередко противопоставляющих, сталкивающихся (**Воздух** – место для крылатых! / Был Икар. Свалился в воду [3, с. 18]; Как на камнях звенит вода! [3, с. 145]; И за ночь потемневшая земля / ее, как воду, впитывала жадно [3, с. 151]);

5) многочисленная ландшафтная лексика (небо, поднебесье, простор, пустота поднебесной околицы, пустыня, лес, перелески, ельничек, родник, сад, газоны, тропки, клумбы, роца, степь, доли, луг, горы, долины, пески, пляж, поле, мель, оазис, пропасть, каньоны, фиорды, ущелья, пашня, болотце, трясына, осинник, бугорок, овраг, озеро, морской мыс, бухта, гать, топь, тайга, побережье, полюс, острова, взморье, холм, пуща, скалы, горки, ямы, бездна, озонная дыра, берег и др.): Начав ручьем, она рекой текла, / чтоб за минуту в море превратиться [3, с. 151]; Лес да степь – родное полюшко – / и во все концы – свое... [4, с. 84]);

6) географические имена собственные, которые позволяют почувствовать авторское восприятие мира, очертить границы хронотопа лирических произведений (родившийся в Вологде, В. А. Карпов учился в Ленинградском университете, жил и работал в Минске, читал лекции в Гродно, преподавал болгарский язык, что нашло отражение в художественном пространстве его стихотворений): И на все четыре стороны – / Брест-Курилы, Мурманск-Крым – / разлетается история / той загадочной искры [4, с. 85]; Волхонка о Волошине напомнит. Потянет в Крым, по памятным местам [4, с. 105]; Разделяли Невы-реки / берега – родных братанов [4, с. 124]; И не сомневаюсь, что – твоя – / Беларусь, Русь Чистая – как правда [4, с. 139]; А Русь – все стежки да дорожки [3, с. 147]; В России есть заветные места – / Михайловское, Клин, Симбирск и Киев, / и вся Сибирь с Москвой... / Здесь не в гостях / и городки, и города такие, / как Вологда или Волоколамск, / Смоленск и Тула, или Псков с Рязанью... [3, с. 14]; На Дону, на Днепре, за Волгой [3, с. 21]; Пусть только в Гродно, но и это – путь... [4, с. 163];

7) общие наименования населенных пунктов и их частей, территорий (город, село, улица, проспект, закоулки, тупики, поселения, деревня, округа, погост, кладбище, пристань, задворки);

8) названия строений и их частей (дом, мансарда, палаты, изба, балкон, окна, лестница, ступеньки, дверь, стены, порог, крыльцо, чердак, подвал, этаж, погреб, постройка, терем, музей, рейхстаг, тюрьма, темница, убежище, скит, госпиталь, палата, вокзал, аптека, шапито, сцена, лачуги, казармы, бараки, маяк, цирк, почтамт, контора, школа, больница, театр, телевышка, касса, горагентство, склеп, острог, ре-

сторанчик, базар), среди которых особое место занимают культовые сооружения (*церковь, костел, собор, храм, паперть, колокольня, Кремль, Софийский собор*) и военные объекты (*Не понаслышке знал землянки, / в окопах мерз, гнил в блиндажах, / трещал под гусеницей танка / и все-таки врага держал* [4, с. 15]);

9) наименования разных видов транспорта (*трамвай, вагоны, коляска, машина, электричка, паром, поезд, плацкартное место, корабль, трюм, кают-компания*);

10) нетипичные, не предназначенные для выражения пространственных отношений лексемы, которые контекстуально оказываются втянутыми в поле локативности: *Спят. И точно не вернутся / из разведки, наступленья, / окружения ли, плена* [3, с. 36]; *И только бывший под огнем <...> оценит, сколько было в нем, в шторме – от земного ада* [4, с. 40].

В микрополе субъективной ориентации «основным ориентиром является сам говорящий, а в тексте – заданная автором точка пространства, ориентированная относительно наблюдателя» [6, с. 17]: *Только кто здесь сегодня зритель?* [3, с. 93]; *Остался **сзади** волнолом* [4, с. 34]; *... одинок лишь тем, / что **справа** не дожидаться стука* [4, с. 34]; *Вся и радость – **под рукой*** [4, с. 89]; *И знал и чувствовал его / уверенное в бое – **слева*** [4, с. 177]; *Друга верного рука – **рядом**, как своя* [3, с. 12].

Микрополе перемещения в пространстве в стихотворениях В. А. Карпова отличается удивительным многообразием глаголов движения, характеризующих направление и способ перемещения, с ярко выраженной эмоциональной окраской, по-разному проявляющейся интенсивностью действия (*пробежаться, убежать, бегать, шагать, передвигать, распахнуть, блуждать, съехать, разъехаться, рухнуть, раздвинуть, броситься* и др.): *Был выбор: **ехать, плыть, лететь** / куда-то. Там – **бродить*** [3, с. 155]; *Наш поезд **рвался** из тоннеля* [4, с. 44]; *Ребенок в люльке **встал, шагнул, упал**. / Так хочется **ходить!** Но учат **ползать*** [4, с. 104].

Микрополе параметризации мира отражает трехмерность пространства и связано с понятиями *ширина, длина, высота, глубина*: *Трехмерен мир... А ты – вне **измерений!*** [3, с. 106]; *Раз! – и рухнул **постулат** / этих скучных **параллельных*** [3, с. 136]; *Но мыс **стоит, стоит** – как **плоскость** / прошивший **перпендикуляр*** [4, с. 38]; *Молодо – **узко**, / **ширь** – не по силам. / **Глубь** – не по разуму, / **даль** – не по карману* [3, с. 38]; *И телу до души нет дела, / что не вмещается в **размер*** [3,

с. 144]; *А что же нам? Высот, глубин, коснувшихся всего отчасти?* [4, с. 111]. Анализ показывает, что в количественном отношении преобладают лексемы, репрезентирующие сему глубины, причем во многих случаях речь идет не о реальном физическом пространстве, а об абстрактных понятиях, чувствах, эмоциях, мыслях, словах, и в этих строчках «сливаются воедино ученый и поэт» [5, с. 151]: *Это речи глубина, / омут с нетерпеньем – / эту глубину узнать до дна, / захлебнувшись пенем* [3, с. 39]; *Правда, есть одна строка / с глубиною раны* [3, с. 40]; *У слова свой удел, своя звезда. / Отдал его – в нем сразу начинают / соперничать и утренняя даль, / и горный свет, и глубина ночная* [3, с. 121].

Полевой принцип структурирования ФСПЛ предполагает установление иерархии средств выражения пространственных обозначений и отношений, выделение ядерных и периферийных средств. Как неоднократно отмечалось исследователями, главную роль в организации поля локативности играют лексические и синтаксические средства. М. И. Конюшкевич, основываясь на классификации синтаксем с пространственным значением Г. А. Золотовой [7, с. 430–432], различает четыре пространственные субкатегории [8, с. 21]:

а) синтаксем-локативы, указывающие на местоположение (*где?*): *Под панцирем снегов / бурлят живые соки* [3, с. 83]; *И где-то спят / дыханье флейты, нежной скрипки лепет* [3, с. 122]; *Над обрывом, почти неслышим, / утвердительный неба ответ* [3, с. 131];

б) синтаксем, указывающие на исходную точку направления движения, – директив-старт (*откуда?*): *И с веток / весенним цветом полетел / неудержимый гимн рассвету* [3, с. 97]; *Издалека, с рассветных чистых нот, / как будто плещет в воздухе упругом / ручей лучей* [3, с. 122];

в) синтаксем, указывающие на конечную точку направления движения, – директив-финиш (*куда?*): *Свет музыкой ложился на поля* [3, с. 151]; *Наклонилось дерево к воде* [4, с. 143]; *Скребся дождь в окно* [4, с. 159];

г) синтаксем, обозначающие трассу прохождения, – транзитив (*каким путем?*): *И каждый шаг равниной – в гору!* [4, с. 55]; *Мчится полем шалый конь / без седока* [4, с. 116]; *Жизнь текла – но вчуже, вчуже, / кромкой, краем, стороной* [4, с. 131]; *Он ходил чужими тропками, / лишь теперь своей дорогой* [4, с. 106]; *Мощным трактором жизни нашей дрожжи / несет, трясет* [4, с. 160].

Кроме именных и наречных синтаксем с пространственным значением, образующих ядро поля, локативная семантика передается

глаголами движения и перемещения, именами прилагательными (с участием словообразовательных средств: *верхней веткой, стеной запах, праздник заоконный, северные закаты, луговые травы, подводный мир, южные гастроли, просека лесная, тропинка полевая, рестораник пристанский, болотная трава* и др.), предлогами (*навстречу грозе*), сложноподчиненными предложениями (*И над чистым бумаги листом, / где душа претворяется в слово, – / ангел мой, мой хранитель суровый, / осени мою душу крестом* [4, с. 164]).

ФСПЛ может быть охарактеризовано как иерархически организованная, полицентрическая структура с комбинированными средствами передачи пространственных отношений.

ФСПЛ прогнозируемо обнаруживает активное взаимодействие с полем темпоральности. Это взаимодействие проявляется в нескольких направлениях:

1) в авторском, поэтическом осмыслении философских категорий пространства и времени, их диалектического единства (*Признав пространство бесконечным / и с временем не совладав, / живем... И каждый шаг размечен / извечными «куда?», «когда?»* [3, с. 143]; *Свободою – в себе соединить / бег времени, пространства непрерывность* [4, с. 19]; *...равновесие пространства / среди других таких пространств, / иных времен непостоянство / и Времени извечный транс* [4, с. 37]; *Жизнь одолев наполовину / (ее слуга и блудный сын), / я на вторую нынче двинул / свои пространства и часы* [4, с. 87] – аллюзия на «Божественную комедию» Данте; *О время – время лет, часов, минут, / коренника пространства пристяжная, / тебя не приманить, не обмануть, / ты – в нас, за нами, впереди, над нами* [4, с. 104]; *Есть время и простор* [4, с. 107]);

2) в использовании одних и тех же лексем для обозначения пространственных и временных отношений (*Три войны за их плечами* [3, с. 52]; *Стремишься заглянуть / вперед на акт, на действие* [3, с. 78]);

3) в одновременной актуализации в рамках узкого контекста и локативного, и темпорального значения лексемы (*И без живой воды / подымались убитые тут же* [3, с. 24] – тут же = здесь, на этом месте; тут же = сразу же, мгновенно);

4) в использовании пространственных мер длины для измерения времени (*Двадцатый звоночек по-юному звонок. / До женичины – милья, к диплому – верстами* [3, с. 175]; *От нас до каменной культуры – / всего китайская стена* [3, с. 28]).

Лексемы с локативной семантикой обладают культурными смыслами, участвуют в формировании языковой и авторской картины мира, что проявляется в таких процессах, как активнейшая метафоризация лексем-локативов, их функционирование в составе прецедентных высказываний, фразеологизмов, концептуализация пространственных понятий.

Метафорическое употребление пространственной лексики – одно из самых востребованных средств художественной выразительности в поэзии В. А. Карпова: *Эта музыка с огнем, / и азарт, и удаль – / с детства были в жизнь окном* [3, с. 46]; *Черновики истории – задворки* [3, с. 42]; *Язычество, ты веры колыбель* [3, с. 92]; *Это пропасть без дна между скал / дня и ночи* [3, с. 124]; *В мешок невежества зашитым / откуда ведать, что к чему* [3, с. 149]; *меж ремеслом и творчеством межа* [3, с. 154]; *Все по краю – крыши, края, / жизни* [3, с. 190]; *Здесь поезд вырвался из ножен / тоннеля* [4, с. 48]; *Темные души хоромы* [4, с. 78]; *... в какой-то неизвестный мир ступень* [4, с. 108]; *жизнь-колодец* [4, с. 141]; *на перекрестке меж строчкой и пулей* [4, с. 141].

Аллюзивные отсылки к прецедентным текстам – свидетельство включенности поэзии В. А. Карпова в литературный контекст – придают полифоническое звучание многим строкам, обнаруживая связь с устным народным творчеством (*Россия... На четыре стороны / твоя судьба пошла шагать* [3, с. 19]; *К тебе, за тридевять земель, / чтоб стать рассветом тридевятым* [3, с. 85]; *Во чистом поле / без дороженьки хоробрый / витязь* [3, с. 18]), с русской классической литературой (*Где-то парус твой белее, / споря с волнами и ветром?* [3, с. 18]; *И люди на ветру / поют, как пушкинская муза, / из глубины сибирских руд* [3, с. 29]; с зарубежной литературой (*Так тянет зазеркалье / далекое и близкое* [3, с. 78]), русской поэзией XX века (*Тихий сад. Белых яблонь дым* [4, с. 26]; *Над белым покоем пришедшей зимы, / над белым покоем, над белым покоем, / в ночах растворяется чудо такое* [4, с. 80] – пример многоуровневой аллюзии: картина И. Левитана и одноименное стихотворение Н. Рубцова «Над вечным покоем»).

Фразеологизмы с локативными компонентами нередко подвергаются переосмыслению и трансформации: *Но, видно, ни к селу, / ни к городу надолго не приписан* [3, с. 9]; *Двадцать лет скрипит за печью / мышь, надутая горой* [3, с. 49]; *Вернувшийся случай, / в каком распрекрасном углу / тебя усажу я?* [3, с. 84]; *Эту нежность не забудешь / ни в миру, ни на пиру* [3, с. 109]; *Кто здесь правый магомет, / кто здесь левая гора?* [4, с. 25]; *В кулаке зажатом синица? / Или белый журав-*

лик в небе? [4, с. 26]; *Их мысли и слова – тесны, / видны в них те же три сосны...* [4, с. 154].

Как констатирует М. И. Конюшкович, «у всех народов концептуализация пространства представлена четырьмя концентрически расширяющимися кругами, исходя из понятий *человек – дом – страна – мир*» [7, с. 20]. Топос поэтических произведений В. А. Карпова целиком отражает концептуализацию пространства в языковой картине мира. Сравним, как изменяются масштабы пространства в тексте стихотворений: *Рядом мать...* [4, с. 184]; *Ночная горечь на губах* [3, с. 125]. → *В прах / сотрут жернова / дома-мельницы* [3, с. 69]; *Дом – озябшая пристань* [3, с. 70]; *Дом, / где нет и намека на дом в обычном / понимании – кров, гнездо* [3, с. 71]; *Дом, в котором живу евреем / вне черты оседлости* [3, с. 71]; *До музея или до слома / дом, друживший со словом* [3, с. 72]; *Есть дом – поляна у ручья* [3, с. 89]. → *Лишь потом душа моя запела, / и нашлись заветные слова: / мать, земля, страна – Моя держава...* [3, с. 184]. → *Огромная, как мир, страна* [4, с. 150]; *Объединяла нас одна шестая / планеты, что пока не райский сад* [4, с. 30]; *В одной шестой земного шара / любовь жила и жила* [4, с. 134]; *Любая точка мира – полюс* [4, с. 56].

Но для пространственной характеристики стихотворений Владимира Александровича существенным оказывается еще одно измерение – Вселенная: *На планете – такой голубой – / только два удивительных сна* [3, с. 181]; *И мир вокруг – живой и бренный, / забытый уголок Вселенной* [4, с. 35]; *Движенья разве прекратишь, / когда ему судьба покажет / дорогу к Млечному Пути* [4, с. 56]; *...всех ответов – на пару Вселенных* [4, с. 138].

Среди основных мотивов поэтических сборников В. А. Карпова, связанных с категорией локативности, – мотив дома и мотив дороги. Красной нитью они проходят через разные циклы стихотворений: *От дверей бежит дорога. / Все дороги – от порога. / Первый шаг... Как это много! / Это – целая дорога!* [3, с. 16]. Не случайно второй сборник поэта называется «Дао». В авторском предисловии к нему автор пишет о неразрывной связи этих двух понятий: «Жизнь – длинная дорога, Не всегда она торная, гладкая, с километровыми столбами и указателями. Но всегда – от дома. И по-китайски этот длинный путь называется коротко – дао» [4, с. 5]. В стихотворении, открывающем сборник, поэт продолжает расшифровывать эту метафору: *Дао – это клеймо и печать / принадлежности к родине, к роду. / Это – дань ощущать в себе стыд, /*

если жить тебе стало не просто. / Дао – это посты и кресты, / и родные до боли погосты. / Это – даль, это – глазу простор, / это – воля, а значит, и доля... / Дао – это печали росток, / если родине-матери больно. / Этот путь – до предела прямой, / поворотами не изломан... / Дао – это дорога домой. / Даже если ты дома... [4, с. 9]. Таково жизненное и философское кредо Карпова-поэта, Карпова-ученого, Карпова-человека.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.
2. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
3. Карпов, В. А. Амальгама : стихотворения / В. А. Карпов. – Минск : РИП «Петит», 2000. – 192 с.
4. Карпов, В. А. Дао : стихотворения / В. А. Карпов. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2008. – 188 с.
5. Норман, Б. Ю. Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта / Б. Ю. Норман – Берлин, 2020. – 158 с.
6. Федосеева, Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Н. Федосеева. – Тамбов, 2013. – 43 с.
7. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Эдиториал УРСС, 2011. – 440 с.
8. Конюшкевич, М. И. Категоризация пространства в русской и белорусской картинах мира [Электронный ресурс] / М. И. Конюшкевич. – Режим доступа: <https://elib.grsu.by/katalog/168106-372950.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2023.

Dolbik Alena

Belarusian State University
e-mail: dolbikee@gmail.com

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FIELD OF LOCATIVITY IN V. A. KARPOV'S POETRY

Using the example of the poetry collections «Amalgam» and «Tao» by the Doctor of Philology, Professor V. A. Karpov, the article characterizes the functional-semantic field of locativity, describes the means of transmitting the semantics of space, interaction with the functional-semantic field of temporality, reveals the culturological component of lexemes with locative semantics.

Keywords: functional grammar, functional-semantic field, locativity, spatial relations, syntaxeme-locative, poetry by V. A. Karpov.

Н. А. Снігірова

ДА ПРАБЛЕМЫ КАНКРЭТЫЗАЦЫІ ПРАСТОРАВАЙ КАТЭГОРЫІ ПАЎЗМЕЖЖА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОЎНАЙ ПРАКТЫЦЫ

Осмысливается специфика конкретизации понятийного содержания пространственной категории порубежья. Опыт наблюдения за особенностями функционирования в белорусской языковой стихии существительного *паўзмежжа*, не зафиксированного в словарях, но имеющего четкую мотивацию и широко используемого в научных текстах, позволяет высказать гипотезу о происхождении явления: от синтаксемы – к лексеме.

Ключевые слова: порубежье, наименование, предлог, синтаксема, контаминация.

Паняцэвы змест прасторавай катэгорыі парубежжа ў беларускай моўнай практыцы рэалізуецца ў шэрагу сэнсава блізкіх слоў *пагранічча*, *памежжа*, *сумежжа*, *прымежжа*, *паўзмежжа*, што стварае праблемнае поле для навуковых дыскусій. Можна меркаваць, што прысутнасць у моўнай стыхіі такой колькасці вызначэнняў не толькі падкрэслівае ўнікальнасць з'явы беларускага этнамоўнага парубежжа, але і перадае, раскрывае сутнасць гэтага феномена – у асобных адмысловых найменнях знаходзіць адлюстраванне спецыфіка яго канкрэтызацыі.

Асаблівую цікавасць выклікае слова *паўзмежжа*, якое не трапіла на старонкі слоўнікаў і выкарыстоўваецца менш актыўна на фоне больш шырокага распаўсюджання лексем *памежжа*, *сумежжа*, *пагранічча*, *парубежжа*, *прымежжа*. З мэтай асэнсавання семантыка-прагматычнага патэнцыялу дадзенай моўнай адзінкі неабходна ахарактарызаваць адметнасць яе семантычнай структуры, вызначыўшы складнікі, якія прадстаўляюць сэнсавы аб'ём, і прасачыць ужыванне на матэрыяле зафіксаваных кантэкстаў з розных тыпаў дыскурсу.

Семантычны аб'ём адпрыназоўнікава-суфіксальных канструкцый з падоўжанымі зычнымі -жж- (параўн.: *бездарожжа*, *бязбожжа*, *бязмежжа*, *замежжа*, *замужжа*, *падарожжа*, *падножжа*, *прылужжа*, *узбярэжжа*, *узмежжа*...), як правіла, арыентуецца на змест зыходных адзінак. *Паўзмежжа* – вытворнае слова, значэнне якога суадносіцца з уяўленнямі аб прасторы і матывуецца спалучэннем прыназоўніка *паўз* з назоўнікам *мяжа*. Вытворнай базай для лексемы *паўзмежжа* можна прызнаць аснову слова *мяжа*, семантыка якога сінтэзавала ў сабе замацаванае ў традыцыйнай культуры ўспрыняцце разнастайных сэнсаў і іх адценняў: 'вузкая палоска неўзаранай зямлі

паміж двума палеткамі»; ‘прыродная або ўмоўная лінія падзелу паміж асобнымі ўчасткамі, уладаннямі»; ‘пагранічная лінія паміж сумежнымі дзяржавамі; граніца»; ‘аб чым-н., што дзеліць, аддзяляе адно ад другога»; ‘норма, рубеж чаго-н. дазволенага, магчымага’ [1].

Прыназоўнік *паўз* у беларускай мове ўжываецца «пры назвах мясцін, прадметаў, уздоўж або непадалёку ад якіх што-небудзь размяшчаецца ці рухаецца» [2, с. 97; 3, с. 567], адпаведна, спалучэнні прыназоўніка *паўз* з залежным назоўнікам у вінавальным склоне выражаюць прасторавыя адносіны [2, с. 97]. Словазлучэнні з прыназоўнікам *паўз* сустракаюцца ў сярэднебеларускіх і заходнепалескіх гаворках (*Усягды ягады паўз балота растуць; Пойдзя паўз рэчку* [4, с. 457]; *У нашой хаці два слоны поўз вокны стояць* [5, с. 208]), асабліва характэрны яны для паўднёваўсходняй часткі Беларусі [6, к. 221]. Сінтаксічныя канструкцыі з прыназоўнікам *паўз* шырока выкарыстоўваюцца ў літаратурнай беларускай мове для абазначэння месца рэалізацыі дзеяння або знаходжання на блізкай адлегласці ад якога-н. аб’екта. Такія словазлучэнні «акрамя значэння працякання дзеяння паблізу чаго-небудзь, могуць мець адценне накіраванасці дзеяння» [7, с. 107]. Параўн. канструкцыі гэтай семантыкі, ужытыя пісьменнікамі: *Эскадрыны драгунаў былі раскватараваны паўз рубеж на заставах, паміж якімі ішла ў лясістых месцах шырокая прасека* (К. Каганец); *Пракопаў загончык паўз граніцу маёнтка...* (Я. Дыла); *Толькі ўвечары, і то паўз акаліцы, сустракаліся людзі і шэптам дзяліліся аб сваіх думках, навінах, патрэбах* (Я. Нёманскі); *Аганка скоса і злосна зыркае на мяне, калі я з сваёю партнёрышай іду па кругу паўз яе* (М. Сяднёў); *Ішоў [Бухча] не дарогаю, а напрамік, сцежкаю, паўз высокую мяжу* (К. Чорны); *Бацька паволі ідзе назад дваром з вуліцы паўз вокны* (К. Чорны); *Алік ішоў паўз лес* (І. Гурскі); *Паўз дарогу спеюць жыты, і наводшыбе, стаўшы на ўзгорку, не дамахнуўшы аднойчы крылом, застыў вятрак* (Я. Скрыган); *Ганна неспадзеўкі здрыганулася: паўз плот хтосьці ішоў* (І. Мележ); *Паўз чыгунку цягнуўся лес* (Л. Гаўрылькін); *Наш маршрут ляжаў паўз Орыу* (М. Гроднёў) [8].

Як паказалі даследаванні М. І. Канюшкевіч, прыназоўнік *паўз* можа выступаць у наступных функцыях: «несупрастаравыга лакатыва», сінанімічнага прыназоўніку *каля* (*Паўз леску ў Марфы была расадніца, накрытая парваным брэднем, Марфа павярнула туды, каб паглядзець высадкі* (І. Чыгрынаў), *Паўз нас наплавамі ляжала сенажаць* (Я. Скрыган)) [9, с. 432]; «лакатыва адносна прадольнага локума», г. зн. сіноніма прыназоўніка *ўздоўж*: *Як натыкнуліся мурашкі з абодвух бакоў*

на перашкоду, якая засланіла шлях, так і забегалі ўстрывожаныя **паўз яе** (І. Чыгрынаў), *Пакуль ён мінаў **паўз канава** балота, на дварэ звечарэла* (І. Чыгрынаў) [9, с. 432]; «несупрасторавага транзітыва» – сіноніма прыназоўніка **міма** (*Ля ўвахода заўсёды стаяла дужа каларытная жанчына-білецёрка... – чамусьці ўся Орша называла яе Фаня Калчак. І прайсці паўз Фаню непрыкметным мала каму шанцавала* (Н. Кучкоўская), *Але крочу 433 далей паўз Грэзу* (М. Пазнякоў), *Адсюль, з Пажэжына, як сведчаць гісторыкі, ішоў Сувораў са сваім войскам паўз той Цар-дуб* (Я. Пархута), *Сонца ўжо не толькі высока паднялося над зямлёй, але трохі збочыла на ўсходзе, каб паплысці па небе паўз вёску і ўвечары... схавацца за возерам* (І. Чыгрынаў), *Бяссонаў адступіўся, прапусціў машыну паўз сябе* (І. Мележ), *Уніз вялі сходы, паўз якія праязджаў Алесь* (У. Караткевіч), *Заплюшчыць вочы, праязджаючы паўз дом, дзе памёр Пушкін* (У. Караткевіч)) [9, с. 432–433]; «супрасторавага лакатыва» – у якасці сіноніма прыназоўніка **ўздоўж на** (*Тут, **паўз берагу ракі**, На спаборніцтва з ярашамі Селі чуйна рыбакі* (Я. Колас)) і «супрасторавага транзітыва» – сіноніма прыназоўніка **ўздоўж па** (*Калі хопіць часу ... – спусцімся «за вадою» **паўз усю Прыпяць** у межжах Беларусі* (В. Ждановіч)) [9, с. 433], а таксама «рэлята ўключэння» (*Усялякі зрээ гісторыі культуры – ці то штодзённасць, ці мудрагелістыя структуры спецыяльных інфармацыйных плыняў – **паўз усё іншае** мае ў сабе схаваныя прычыты і сэнсы патэнцыйнага цяперашняга* (Культура, 30.01.94)) [9, с. 433].

Трэба заўважыць, што ў мове класікаў беларускай літаратуры адзначаецца некалькі адметных лакатываў і транзітываў, пераважна кантамінацыйнага характару, пабудаваных на аснове прыназоўніка **паўз**: **паўзбок**, **паўзверх**, **паўзвыш**, **паўздоўж**, што канстатуе высокую запатрабаванасць гэтага прыназоўніка для ўтварэння падобнай структуры. Параўн.: *Гутарка яўна не клеілася. Чалавек ужо не забягаў наперад, а ішоў **паўзбок** і, засопшыся, скупа адказваў на пытанні...* (М. Лынькоў); *Міхаіла Іванавіч адзеўся цяплай, абуў боты з доўгімі халявамі, глыбей насунуў на вушы цёплую шапку, а **паўзверх** адзежы закруціў ёмкую вяроўку* (Я. Колас); *Адсюль, знізу, агнеў вёскі не відаць, але, уважліва прыледзеўшыся, можна ўбачыць іх слабыя водбліскі **паўзверх** цёмнай лавы дрэў* (І. Навуменка); *У чайной сядзелі звычайныя палешукі. Бабулі з «крэндзелем» на галаве і ў белых фартухах **паўзверх** вышываных сукняў, вусатыя меднатварыя дзядзькі* (У. Караткевіч); *Толькі кінула вокам **паўзвыш** брамы, праверыла лічбу і павярнула ў двор* (Ц. Гартны); *Рады стромкіх таполяў, як вартаўнікі, стаялі высокаю шарэнгаю **паўздоўж***

чатырох сцен агароджы (Я. Колас); *Грышка стаў прыслухоўцаца лепі і ўглядацца паўздоўж чыгункі* (М. Чарот); *Дзяўчына-сялянка ішла паўздоўж зялёных платоў* (У. Караткевіч) [8]. Прыведзеныя ілюстрацыі пацвярджаюць ізафункцыянальнасць прыназоўніка *паўз* і карэлююць на структурна-семантычным узроўні з найменнем *паўмежжа*.

Пошук наўных кантэкстаў з гэтым словам засведчыў усяго каля ста прыкладаў яго ўжывання ў тэкстах мастацкага, публіцыстычнага (эсэістыка і сучасныя СМІ, інтэрнет-рэсурсы), навуковага і навукова-папулярнага зместу (артыкулы, падручнікі, дапаможнікі з розных прадметных галін ведаў). Тэматычная прыналежнасць меркаванняў аб *паўмежжы* абумоўлена дзвюма асноўнымі тэндэнцыям. Па-першае, *паўмежжа* разумеецца як мяжа ў значэнні ‘вузкая палоска неўзаранай зямлі паміж двума палеткамі’: адно з найбольш ранніх пацвярджэнняў выкарыстання лексемы ў такім значэнні знаходзіцца ў рамане Цішкі Гартнага «Сокі цаліны» – *Прайшоўшы апошні раз бараною паўмежжа, Зося не заўважыла, як скончыла скароджанне* [10]. Параўн.: *узмежжа* ‘неўзараная зямля паміж палеткамі’ *А ў сад зайдзі узмежжам да рабін – гараць, ірдзеюць на марозе* (А. Пысін); *узмежак* ‘край мяжы; мяжа’ *«На ўзмежжах палеткаў чырванеюць буйныя ягады шытышыны»* (Я. Брыль) [11]. Па-другое, *паўмежжа* суадносіцца з умоўнай лініяй падзелу паміж уладаннямі, сумежнымі дзяржавамі, граніцай паміж імі: *На паўмежжы з крывічамі і радзімічамі часта сустракаюцца ўпрыгожванні балцакага тыпу – вітыя шыўныя грыўні, зааморфныя бранзалеты, ланцужкі, бразготкі, бляшкі* [12, с. 116]; *Полацкая дзяржава была тады [у канцы XI – пач. XII ст.] зацікаўлена ў засяленні Браслаўшчыны, каб замацаваць за сабой землі на паўмежжы з прыбалтыйскімі княствамі* [13]; *Каменныя рубілы і сякеры з адтулінамі ў народзе атрымалі назвы Перуновы стрэлы, Грамавыя стрэлы, Крамнёвыя стрэлы, Стрэлы Перуна, Перуноўкі, Грамніцы, Чортавы пальцы, Чортавы пазуры (пазуркі), а на паўмежжы з Літвой – Перкуна кулька і г. д.* [14 с. 125].

У творах мастацкай літаратуры і публіцыстыкі слова *паўмежжа* прадстаўлена адзінкавымі прыкладамі ўжывання, сярод якіх – назва эсэ К. Чыжэўскага – «Голас іншага: з перспектывы *паўмежжа*», надрукаванага ў перакладзе В. Булгакава ў часопісе «Крыніца» [15, с. 57–67]. *Паўмежжа* трапляе таксама ў загаловкі навуковых артыкулаў: «Развіццё этнаканфесійнай сітуацыі на беларуска-польскім *паўмежжы* ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя» [16, с. 11–16].

Навуковыя і навукова-папулярныя працы пераважна гістарычнай і мовазнаўчай тэматыкі ўтрымліваюць найбольшую колькасць прыкладаў выкарыстання наймення *паўзмежжа*. Параўн.: *Тэрыторыя сучаснага беларуска-латышка-літоўскага паўзмежжа ў к. I – пач. II тыс. з’яўлялася кантактнай зонай крывічоў і ўсходне-прыбалтыйскіх плямёнаў...* [17, с. 138]; *Безумоўна, на польска-беларускім этнічным паўзмежжы існаваў моцны стэрэатып атаясамлівання польскасці з каталіцызмам* [18, с. 194]; *Супраць ужывання моўнага крытэрыя пры вызначэнні нацыянальнасці насельніцтва на беларуска-польскім паўзмежжы на рубяжы XIX–XX ст. выступаюць многія польскія гісторыкі і дэмографы...* [19, с. 115]; *супрацоўніцтва на паўзмежжы* [20, с. 146]; *На адрозненне ад Станкевіча, ён [Юрка Віцьбіч] лічыў, што абагачэнне беларускай літаратурнай мовы не павінна ісці “на лініі фабрыкацыі ва ўласнай мовазнаўчай лабараторыі наватвораў або на лініі засмечвання яе слоўнікам пэўнага самотнага засценка, што знаходзіцца на нашых этнаграфічных паўзмежжах”* [21, с. 351; 22, с. 18].

Акрамя таго, *паўзмежжа* акрэсліваецца як філасофская і сацыялагічная катэгорыя і рэалізуецца ў якасці слова-паняцця адпаведных галін ведаў: *На паўзмежжы фармуецца беларуская суб’ектыўнасць і беларуская суб’ектнасць, на паўзмежжы – міжшляхецкай і народнай культурай – упершыню паўстае беларускае культурнае Я...* [23, с. 68].

Назіранні над функцыянаваннем моўнай адзінкі *паўзмежжа* і прыведзеныя вышэй ілюстрацыі яе ўжывання сведчаць аб экспансіі дадзенага слова ў сучасную навуку і культуру. Гэты працэс актывізаваўся ў інтэлектуальным асяроддзі Беларусі з канца XX ст., вынікам чаго стала пашырэнне функцый слова ў мове і фарміраванне абстрактнага паняцця *паўзмежжа*, якое, валодаючы своеасаблівым культурным шлейфам, выкарыстоўваецца для пабудовы тэорый і выяўляе патэнцыял для пераўтварэння ў сінонім імя адпаведнай паняццённай катэгорыі – *парубежжа*. Увасабленне архетыпа *парубежжа* ў лексічнай адзінцы *паўзмежжа* дэтэрмінавана лёсам матывавальнага слова *мяжа*, якое на працягу доўгага часу знаходзіцца ў фокусе сацыяльнай увагі. Найменне *паўзмежжа* ўяўляе сабой вынік кантамінацыі структурна-семантычных варыянтаў *узмежжа* і *памежжа* і функцыянуе ў якасці іх патэнцыяльнага аналага. Такая канструкцыя дазваляе расшырыць сэнсавы аб’ём вытворнага слова,

дасягнуць яго большай канкрэтызацыі. Відавочна, што слова *паўзмежжа* можа тлумачыцца як тэрыторыя, месца, размешчанае ўздоўж ці побач з мяжой, і прастора ўздоўж лініі, якая адрознівае і аддзяляе адно ад іншага (пры гэтым лінія і прастора могуць быць толькі абстрактнымі, разумецца ў самым шырокім сэнсе).

Як падаецца, актыўнаму замацаванню ў жывой мове добраматываваных слоў спрыяе іх выразная структура і ўласцівае ім лёгкае, звычайнае вымаўленне, мілагучнае гукаспалучэнне. Заканамерныя для беларускай мовы лексічныя адзінкі *паўзмежжа*, *памежжа*, *сумежжа*, *узмежжа* выяўляюць арганічную сувязь з утваральным словам *мяжа* і таму ўспрымаюцца натуральна. Такія намінацыі маюць трывалыя карані ў лексічнай сістэме беларускай мовы, што таксама спрыяе іх умацаванню ў моўнай практыцы.

З улікам вышэйвыкладзенага можна меркаваць, што з'яўленне новага адпрыназоўнікава-суфіксальнага кампазіта *паўзмежжа* ў беларускай моўнай стыхіі адлюстроўвае заканамернасць абазначэнняў прасторавай сумежнасці, знаходжання ў непасрэднай блізкасці ад мяжы (параўн.: *памежжа*, *сумежжа*, *пагранічча*, *парубежжа*, *прымежжа*...). Дадзены факт указвае на тое, што слова *паўзмежжа* мае сістэмны характар утварэння: ад сінтаксемы (*паў мяжу*) да аднаслоўнай лексемы. Аб'ём і змест гэтага наймення семантычна сумяшчальны з многімі з'явамі, што ў сваю чаргу стварае магчымасць выкарыстання ў многіх галінах ведаў, у дачыненні да розных фактаў і сітуацый, г. зн. не толькі на ўзроўні аказіянальнага ўжывання.

Спіс літаратуры

1. Verbum: анлайнавы слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://verbum.by/tsbm/miazha>. – Дата доступу: 15.04.2023.
2. Шуба, П. П. Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў / П. П. Шуба. – Мінск : Народная асвета, 1993. – 168 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
4. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]; пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 3 : М – П / Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – 1982. – 536 с.
5. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
6. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1963. – Ч. 1. – 338 с. з карт.

7. Беларуская граматыка : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – Ч. 2. Сінтаксіс. – 327 с.
8. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorpus.info/index.html>. – Дата доступу: 14.04.2023.
9. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2010. – Ч. 2. Дыяпазон М – П. – 619 с.
10. Беларуская электронная бібліятэка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Ciska_Hartny/Soki_caliny.html. – Дата доступу: 14.04.2023.
11. Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://slounik.org/146476.html>. – Дата доступу: 14.04.2023.
12. Цуба, М. В. Краязнаўства : курс лекцый : у 2 ч. / М. В. Цуба. – Пінск : ПалесДУ, 2012. – Ч. 1. – С. 116.
13. Дучыц, Л. У. Курганы Браслаўшчыны [Электронны рэсурс] / Л. У. Дучыц. – Рэжым доступу: <http://sosnyrest.narod.ru/kurgany.htm>. – Дата доступу: 15.04.2023.
14. Дучыц, Л. У. Археалагічныя артэфакты ў міфалагічным успрыманні беларусаў / Л. У. Дучыц // Гісторыя і археалогія гарадзішча Маскавічы : зб. навук. арт. / пад рэд. А. Я. Тараса. – Рыга : Выданне Інстытута беларускай гісторыі і культуры, 2013. – 386 с.
15. Чыжэўскі, К. Голас іншага: з перспектывы паўзмежжа / К. Чыжэўскі ; пер. з польск. В. Булгакаў // Крыніца. – 1997. – № 8 (34). – С. 57–67.
16. Церашковіч, П. Развіццё этнаканфесійнай сітуацыі на беларуска-польскім паўзмежжы ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя / П. Церашковіч // *Język a tożsamość na pograniczu kultur. Prace Katedry Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku*, t. 1. / pod red. Elżbiety Smułkowej i Anny Engelking. – Białystok : Katedra Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku. – 2000. – 257 s.
17. Дучыц, Л. У. Маскавічы (агульная характэрныстыка) / Л. У. Дучыц // Гісторыя і археалогія гарадзішча Маскавічы : зб. навук. арт. / пад рэд. А. Я. Тараса. – Рыга : Выданне Інстытута беларускай гісторыі і культуры, 2013. – 386 с.
18. Гісторыя Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст. у дакументах і матэрыялах. Хрэстаматыя / уклад., навуковы рэд. А. Ф. Смалянчук. – Вільня : ЕГУ, 2007. – 302 с.
19. Соркіна, І. Насельніцтва Гародні паводле апублікаваных матэрыялаў Першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расейскай імперыі 1897 г. / І. Соркіна // *Гарадзенскі палімпсест. XII–XX стст. : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Горадня, 7 ліст. 2008 г.)* / пад рэд. А. Ф. Смалянчука, Н. У. Сліж. – Горадня – Беласток, 2008. – С. 112–135.
20. Прыгодзіч, М. Р. Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў / М. Р. Прыгодзіч, А. А. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2010. – 184 с.
21. Запрудскі, С. Неюбілейныя думкі з нагоды юбілейных выданняў мовазнаўчай спадчыны / С. Запрудскі // Беларускі гістарычны агляд. – 2003. – Т. 10, сш. 1–2 (18–19). – С. 319–352.
22. Дзе-ка, А. Юрка Віцьбіч / А. Дзе-ка // *Спадчына*. – 1995. – № 1 (109). – С. 18.
23. Бабкоў, І. Этыка памежжа: транскультурнасць як беларускі досвед / І. Бабкоў // *Анталогія сучаснага беларускага мыслення*. – СПб. : Невский простор, 2003. – С. 64–77.

Snigiriova Natalia

Center of Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: nataliasnigiriova@gmail.com

ON THE PROBLEM OF CONCRETIZATION OF THE SPATIAL CATEGORY OF *THE BORDERLANDS* IN BELARUSIAN LANGUAGE PRACTICE

The article is devoted to understanding the specifics of concretization of the conceptual content of the spatial category of the frontier. The experience of observing the peculiarities of the functioning of the noun *паўзмежжа* in the Belarusian language element, which is not fixed in dictionaries, but has a clear motivation and is widely used in scientific texts, allows us to express a hypothesis about the origin of the phenomenon: from syntaxeme to lexeme.

Keywords: borderland, name, preposition, syntaxeme, contamination.

УДК 811.161.1'373.612.2'42+811.161.3'373.612.2'42

С. Б. Кураш

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ: КРИТЕРИЙ КРЕАТИВНОСТИ (ИНТЕНСИВНОСТИ) И ЕГО КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА

Для объективизации наблюдений над особенностями метафорики русских и белорусских поэтов нами был вычислен индекс интенсивности (креативности) метафорического континуума текстов белорусской и русской поэзии, которым оценивается степень отклонения метафорики от традиционно-поэтической, архетипической, в сторону креативной, неологической, кенотипической. Полученные количественные данные и их статистическая обработка подтверждают положение о более выраженной тенденции к кенометафорике у русских поэтов и предпочтении традиционно-поэтической образности у белорусских авторов.

Ключевые слова: метафора, архетип, кенотип, русский и белорусский поэтический дискурс, креативность.

Метафорическое взаимодействие в поэтическом дискурсе – это не просто интеракция двух или более денотативных сфер, но и нередко факт взаимодействия различных языков, литератур, культур.

Русская поэзия по сравнению с белорусской – поэзия более широких пространственных координат; белорусские поэты стремятся к локализации своего пространства в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, иначе говоря, локализуют свое пространство в пределах родины, причём чаще всего именно «малой

родины» вплоть до непосредственно окружающего пространства (дом, семья, двор и т. п.), на что уже не раз обращали внимание исследователи, и в частности, М. И. Конюшкевич, которая, ссылаясь на Г. Гачева, Н. Б. Левонтину и А. Д. Шмелёва, приходит к выводу, что белоруса характеризует «внимание к стихиям света, земли, воды. Отсутствует пространственность (типа русских воля, высота, даль и под., ...воздушность, ...бесконечность. Земля для белоруса и есть его пространство, ограниченное, обработанное его руками, ставшая его собственностью и любовью. А огонь и вода – две противоположные стихии, которые и в его сознании полярны: вода – привычная тактильная реалья, огонь же – символ мечты, жар-птицы, тепла и света» [1, с. 171]. Для создания концепта «малая родина» наиболее характерны антропоморфные и зооморфные метафоры, которые в значительной части восходят к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам (типа «жизнь – сеяние», «жизнь – цветение», «смерть – увядание» и т. п.). См. подробнее: [2].

Вместе с тем, для словесно-образной репрезентации новых социальных реалий чрезвычайно характерны метафорические построения, основанные на так называемых кенотипах [3, с. 388–392]. Это и обусловило эволюцию метафорики последнего столетия в сторону её «социализации», «технологизации» и пр., ср.: «В целом социальные метафоры, задействованные в концептуализации внутреннего мира человека, в процессе развития русской лингвокультуры значительно увеличивают свою частотность...» [4, с. 34]; «Частотность артефактных метафор в новое время значительно возрастает в художественном дискурсе именно за счет оформления и интенсивного развития метафор механизма...» [4, с. 35–36].

Подобного рода метафорика характерна и для русского, и для белорусского поэтических дискурсов. Ср.: *Ад духоўнай меліярацыі / Задыхаецца родная мова* (М. Маляўка); *І ўжо не птушкі гэта, / І ўжо баімся іх, / Бо кожная – ракета / На крыльцах трапяткіх. / Як з ядзернай пляцоўкі, / З палетка збажыны / Зярыят боегалоўкі / Нясуць у свет яны* (М. Маляўка); *Прыроды вечны рухавік / Працуе летам і зімою* (А. Грачанікаў); *Аўтобус – / інтэрнат на колах. / Тут упрытык сусед з суседам, / Пінжак з сукенкай упрытык* (П. Макаль); *На вачах – / праносяцца вякі. / ...Атамны. / ...Касмічны. / ...Электронны. / Тут вякі, / нібы таварнякі / у трывожным грукіце / над стромаю* (М. Арочка); *В*

*бетонно-электрическом раю, / подбив итог находкам и потерям, / скорей
впустите в комнату свою / смышлёного и ласкового зверя* (В. Костров).

Вместе с тем в качестве идиостилевых доминант метафорические построения такого типа характеризуют в большей мере русских поэтов рубежа XX–XXI веков: Р. Рождественского, А. Вознесенского, Л. Мартынова, Б. Слуцкого, Е. Евтушенко, И. Бродского и др., ср.: *Вот небо-скрёб, / как градусник, стеклянен. / И лифт внутри его – / как ртутный столбик* (Р. Рождественский); *Рву кожуру с планеты, / сметаю пыль и тлен, / Спускаюсь / в глубь / предмета, / Как в метрополитен* (А. Вознесенский) и т. п.

Для объективизации наблюдений над некоторыми особенностями метафорики русских и белорусских поэтов нами был вычислен **индекс интенсивности (креативности)** метафорического континуума текстов белорусской и русской поэзии. Данным индексом мы оцениваем степень отклонения метафорики от традиционно-поэтической, архетипической, языковой («стёртой») в сторону креативной (индивидуализированной), неологической, кенотипической.

Методика расчёта данного индекса базируется на подходах, применённых к исследованию русской политической метафоры А. Н. Барановым, в свою очередь использовавшим опыт исследования Хр. Де Ландсхер [5, с. 219–222].

Исследованный корпус составил примерно 200 текстов на каждом из языков (в объёме примерно по 10000–12000 словоупотреблений).

Для выявления количественных показателей русскоязычная и белорусскоязычная выборки (тексты русских и белорусских поэтов преимущественно второй половины XX – начала XXI вв.) были разбиты на 10 примерно равных частей каждая (1000–1200 словоупотреблений), причём предпочтение отдавалось именно числу строк и словоупотреблений, а не полным текстам, чтобы обеспечить равный объём выборок. Каждая из 10 частей формировалась в случайном порядке. В качестве примеров отбирались только развёрнутые фрагментообразующие метафорические контексты и тексты-метафоры.

Для вычисления индекса интенсивности (креативности) поэтической метафорики $M_{(интенс.)}$ мы использовали следующую формулу:

$$M_{(интенс.)} = \frac{(1 \cdot A + 2 \cdot I + 3 \cdot K)}{nM},$$

где A – количество традиционно-поэтических (архетипических) метафор, I – количество индивидуально-авторских метафор, не относящихся явно ни к архетипам, ни к кенотипам, K – количество метафор, основанных на кенотипах (дентотативные сферы «техника», «космос», «наука» и др.), nM – общее количество примеров. Таким образом, чем ближе коэффициент $M_{(\text{интенс.})}$ будет к 1, тем более метафорика будет традиционной, архетипической; чем ближе к 3 – тем более «креативной», неологической, кенотипической.

Решающим фактором отнесения тех или иных метафор к A , I , K мы определяем степень «семантического разрыва» между «левым» (A) и «правым» (B) элементами метафоры: чем она выше, тем образ более неожиданный, новационный, «несерийный» и тем больше оснований причислить его к группе I или K .

Поясним это подробнее.

Метафорическим построениям, отнесённым нами к группе K , свойственны следующие особенности: «левый» и «правый» элементы по отдельности и/или их «сталкивание» в одном словесном образе не относятся к традиционно-поэтическим; явно ощущается эффект неожиданности, новизны тропа, ср.: *В век варварства и атома / мы – акушеры нового* (А. Вознесенский); *Пульт вен и пульсов всё смешал, всё спутал. / В двух полушарий холм или проём / пытался вникнуть грамотей – компьютер* (Б. Ахмадулина); *Ей с нейтронным топором, / как погром антисемитский, / снится / атомный погром* (Е. Евтушенко); *Инвалиды – асколки вайны / У кары галаўнога мозга / Планеты* (Р. Барадудлін); *Водзіць упоцемку хмельнагалова / Рэха прыглухлае / шахты каханья* (Р. Барадудлін).

Троп строится на неолексемах (в том числе окказиональных) и/или кенотипических образах, ср.: *Вот небоскрёб, / как градусник, стеклянен. / И лифт внутри его – / как ртутный столбик* (Р. Рождественский); *На сутнасці Зямля – прыродны касмалёт. (...) Мы ўжо ад нараджэння касманаўты. / Мы сталая каманда карабля, / Касмічнага, блакітнага, як ранне* (Э. Зарыцкі); *Развярэдлівы трывогапад / На планеце днюе і начуе...* (Н. Мацяш).

В случае наличия в составе метафорической конструкции, наряду с кенообразами, традиционно-поэтических словесных образов, выбор, как и в случае с пространственными метафорами, был обусловлен характером «правого» (B) элемента, т. е. той реалией, сквозь призму

которой создаётся метафорический образ. Ср.: *І ў антрацытавым калосці / над кожным зернем – асцюкі.. / Нямаля поту пралілося / ля той, канвеернай, ракі* (І. Лагвіновіч). Данный пример мы относим к группе индивидуально-авторских метафор, не относящихся явно ни к архетипам, ни к кенотипам (*група І*), т. е. в качестве метафорически осмысляемой денотативной сферы здесь выступает тема добычи угля (артефактная сфера), а в качестве метафорической «призмы» – традиционные для белорусской поэзии образы (*калоссе, зерне, рака*); в эту же группу мы относили примеры, которые иллюстрируют имплицитную архетипичность метафорического образа наподобие: *На вачах – / праносяцца вякі. / ...Атамны. / ...Касмічы. / ...Электронны. / Тут вякі, / нібы таварнякі / у трывожным грукце / над стромаю* (М. Арочка); *На стагоддзяў дрогкім фэртоне / Я не першы пасажыр такі* (Н. Гальпяровіч). За относительно новыми реалиями здесь угадывается архетипическое уподобление жизни движению по дороге. Подобная метафорическая образность характерна и для текстов-метафор.

В качестве типичных примеров, отнесённых в группу *А*, (т. е. к традиционной метафорике, «приглушённой» образности) приведём следующие: *Пусть душа, словно озеро, плещет / У порога подземных ворот / И багровые листья трепещут, / Не касаясь поверхности вод* (Н. Заболоцкий); *Внутри меня осенняя пора. / Внутри меня прозрачно прохладно, / и мне печально и, но не безотрадно, / и полон я смиренья и добра* (Е. Евтушенко); *Без краю Коласа палі. / Калоссем дум звяняць...* (С. Законнікаў); *Поле сяўбы – поле бою, / Што адраджаецца кожнай вясной* (П. Макаль).

Результаты подсчётов приведены в нижеследующей таблице.

Таблица 1 – Исходные (абсолютные) количественные данные

Русскоязычный материал	Белорусскоязычный материал
$A = 23$	$A = 102$
$I = 169$	$I = 115$
$K = 83$	$K = 18$
$nM = 275$	$nM = 235$
$M_{\text{(интенси.)}} = (9 + 158 + 101) : 275 = 2,22$	$M_{\text{(интенси.)}} = (102 + 230 + 54) : 235 = 1,64$

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n}}$$

Далее вычислялись исходные количественные данные для их статистической обработки с целью проверки возможной погрешности (интервала разброса значений) вследствие возможной статистической ошибки и/или достаточности/недостаточности выборки [6; 7]. В качестве исходных количественных данных для последующей статистической обработки были определены следующие: k – количество выборок (во всех случаях $k = 10$); x^i – выборочная частота явления, т. е. количество примеров на каждую переменную (A, I, K) в каждой из 10 выборок; \bar{x} – средняя частота явления; разность $(x^i - \bar{x})$ характеризует отклонение выборочной частоты от средней, при этом направление отклонения (в сторону положительного либо отрицательного числа) значения не имеет; $\sum (x^i - \bar{x})^2 / k$ – дисперсия (мера разброса величины относительно её математического ожидания).

$$L = \frac{t\sigma}{\sqrt{k}}$$

1. Определение среднего квадратичного отклонения.

Каждый из анализируемых корпусов был разделен на 10 примерно равных по объёму выборок с целью вычисления средней частоты встречаемого явления и отклонения от средней частоты.

2. Определение вероятной ошибки в определении средней частоты.

Исходные количественные данные и результаты статистической обработки индекса интенсивности (креативности) по приведённым выше формулам приведены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Количественные данные для статистической обработки индекса интенсивности (креативности) $M_{\text{интенс.}}$ (для русскоязычного материала)

Выборка (k)	A			I			K		
	x^i	$x^i - \bar{x}$	$(x^i - \bar{x})^2$	x^i	$x^i - \bar{x}$	$(x^i - \bar{x})^2$	x^i	$x^i - \bar{x}$	$(x^i - \bar{x})^2$
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	3	0,7	0,49	18	1,1	1,21	9	0,7	0,49
2	3	0,7	0,49	16	-0,9	0,81	10	1,7	2,89
3	2	-0,3	0,09	15	-1,9	3,61	8	-0,3	0,09
4	3	0,7	0,49	18	1,1	1,21	8	-0,3	0,09
5	2	-0,3	0,09	18	1,1	1,21	8	-0,3	0,09
6	2	-0,3	0,09	17	0,1	0,01	7	-1,3	1,69

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
7	1	-1,3	1,69	16	-0,9	0,81	7	-1,3	1,69
8	3	0,7	0,49	17	0,1	0,01	8	-0,3	0,09
9	2	-0,3	0,09	16	-0,9	0,81	9	0,7	0,49
10	2	-0,3	0,09	18	-1,1	1,21	9	0,7	0,49
Всего	23			169			83		
Σ			4,1			10,17			8,1
x	2,3			16,9			8,3		
$\frac{\Sigma(x^i - \bar{x})^2}{k}$			1,6			10,34			6,6

Таблица 3 – Количественные данные для статистической обработки индекса интенсивности (креативности) $M_{\text{интенс.}}$ (для белорусскоязычного материала)

Выборка (k)	А			I			К		
	x^i	$x^i - x$	$(x^i - x)^2$	x^i	$x^i - x$	$(x^i - x)^2$	x^i	$x^i - x$	$(x^i - x)^2$
1	12	1,8	3,24	13	1,5	2,25	2	0,2	0,04
2	10	-0,2	0,04	10	-1,5	2,25	2	0,2	0,04
3	9	-1,2	1,44	13	1,5	2,25	2	0,2	0,04
4	11	0,8	0,64	11	-0,5	0,25	1	-0,8	0,64
5	10	-0,2	0,04	11	-0,5	0,25	2	0,2	0,04
6	11	0,8	0,64	13	1,5	2,25	2	0,2	0,04
7	9	-1,2	1,44	10	-1,5	2,25	2	0,2	0,04
8	9	-1,2	1,44	11	-0,5	0,25	1	-0,8	0,64
9	11	0,8	0,64	10	-1,5	2,25	2	0,2	0,04
10	10	-0,2	0,04	13	1,5	2,25	2	0,2	0,04
Всего	102			115			18		
Σ			9,6			16,5			1,6
x	10,2			11,5			1,8		
$\frac{\Sigma(x^i - \bar{x})^2}{k}$			9,2			27,2			0,26

По приведённым выше формулам вычисления величин σ , L , $L_{\text{отн}}$, $k_{\text{мин}}$ получены показатели, приведённые в таблицах 4 и 5.

Таблица 4 – Среднеквадратичное отклонение, вероятная ошибка при определении средней частоты, минимальное количество выборок (для русскоязычного материала)

Показатель	A	I	K
δ	1,26	3,22	2,57
L	0,9	2,3	1,8
$L_{отн}$	0,39 (39 %)	0,14 (14 %)	0,22 (22 %)
$k_{мин}$	8	8	8

Таблица 5 – Среднеквадратичное отклонение, вероятная ошибка при определении средней частоты, минимальное количество выборок (для белорусскоязычного материала)

Показатель	A	I	K
δ	3	5,2	0,5
L	2,15	3,7	0,36
$L_{отн}$	0,21 (21 %)	0,32 (32 %)	0,19 (19 %)
$k_{мин}$	8	8	8

С учётом полученных данных ($L_{отн}$) формула вычисления индекса интенсивности (креативности) $M_{интенс.}$ для русскоязычного материала принимает следующий вид:

$$M_{интенс.}^{мин-макс} = \frac{[(1 \cdot (A \pm 0,39A)) + (2 \cdot (I \pm 0,14I)) + (3 \cdot (K \pm 0,22K))]}{nM}$$

При подстановке числовых данных на место переменных имеем:

$$M_{интенс.}^{мин-макс} = \frac{(23 \pm 9) + 2(169 \pm 23,7) + 3(83 \pm 1,6)}{275} = 1,81 \approx 2,62.$$

С учётом полученных данных ($L_{отн}$) формула вычисления индекса интенсивности (креативности) для белорусскоязычного материала принимает следующий вид:

$$M_{интенс.}^{мин-макс} = \frac{[(1 \cdot (A \pm 0,19A)) + (2 \cdot (I \pm 0,32I)) + (3 \cdot (K \pm 0,19K))]}{nM}$$

При подстановке числовых данных на место переменных имеем:

$$M_{\text{интенс.}}^{\text{мин-макс}} = \frac{(102 \pm 21, 4) + 2(115 \pm 36, 8) + 3(18 \pm 3, 4)}{235} = 1, 20 \approx 2, 09.$$

Таким образом, полученные количественные данные и их статистическая обработка подтверждают высказанное ранее положение о более выраженной тенденции к кенометафорике у русских и поэтов и предпочтении традиционно-поэтической (в том числе метафорической) образности у белорусских авторов.

Интенсивность поэтической метафорики во многом связана с активацией креативной (моделирующей) функции метафоры, т. е. функции создания новых концептов, что более актуально для выхода в не охваченные человеческим разумом границы.

Идиостилии, ориентированные на максимально широкую пространственность, чаще всего метафоричны в большей степени по сравнению с идиостилиями локальных пространств, т. е. степень интенсивности (креативности) метафорики прямо коррелирует со степенью её пространственности, которая, как уже отмечалось выше, также доминирует в русском поэтическом дискурсе [8].

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках : моногр. / М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.
2. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО «МГПУ им. И. П. Шамякина», 2020. – 322 с.
3. Эпштейн, М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков / М. Н. Эпштейн. – М. : Сов. писатель, 1988. – 416 с.
4. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре : XI–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Кондратьева ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 46 с.
5. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
6. Головин, Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1971. – 189 с.
7. Носенко, И. А. Начала статистики для лингвистов : учеб. пособие / И. А. Носенко. – М. : Высш. шк., 1981. – 157 с.

8. Кураш, С. Б. Пространственная метафорика русской и белорусской поэзии: от эмпирики к подсчётам / С. Б. Кураш // Scientific discussion. – Praha, 2022. – Vol. 1. – № 63. – С. 13–19.

Kurash Sergei

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

e-mail: s.kurash0611@gmail.com

METAPHORICAL CONTINUUM OF RUSSIAN AND BELARUSIAN
POETRY: CRITERION OF CREATIVITY (INTENSITY) AND ITS
QUANTITATIVE ASSESSMENT

Russian and Belarusian poets' metaphorical features were objectified by calculating the index of intensity (creativity) of the metaphorical continuum of the texts of Belarusian and Russian poetry. This index evaluates the degree of deviation of metaphors from the traditional poetic, archetypal, towards the creative, neological, kenotypic. The obtained quantitative data and their statistical processing confirm the position about a more pronounced tendency to kenometaphors among Russians and poets and a preference for traditional poetic imagery among Belarusian authors.

Keywords: metaphor, archetype, kenotype, Russian and Belarusian poetic discourse, creativity.

РАЗДЕЛ 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

САПАСТАЎЛЯЛЬНАЯ ЛІНГВІСТЫКА. САЦЫЯЛІНГВІСТЫКА

«Тожественными можно назвать только такие соответствия, в которых все признаки имеют знак “изо”: изоморфны, изосемичны, изофункциональны, изостилистичны. Как показывает накопленный научный опыт и наши наблюдения, “изо”-корреляции даже между такими близкими языками, как русский и белорусский, крайне редки. И чем больше признаков, по которым устанавливается межъязыковая соотнесенность экспликаторов (к нашему списку из четырех признаков – форма, значение, функция, стилистическая принадлежность и маркированность – можно добавить сочетаемостные возможности экспликаторов в синтагме, высказывании и тексте, степень употребительности, количественный состав в каждом микрополе и в ФСП сравнения в целом, инвентарь средств, которыми располагает каждый из экспликаторов и т. д.), тем больше различительных нюансов выявляется между языками, тем отчетливее проступает их своеобразие» (М. И. Конюшкевич, 1996).

«Беларуская мова як сістэма, як пасіўная граматыка захоўваецца ў сьвядомасці білінгва на ўзроўні падсвядомасці, падтрымліваецца сістэмай рускай мовы і мала паддаецца ўздзеянню з боку апошняй» (М. І. Канюшкевіч, 2003).

И. С. Ровдо

ЧЕЛНОЧНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ МИКРОСИСТЕМ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

Предлагается способом челночного перевода формировать лексические микро-системы двух сопоставляемых языков. Суть этого способа заключается в последовательном двунаправленном выявлении соответствия слову, которое необходимо перевести. Количество шагов такой трансформации зависит от сохранения или утраты соответствующими друг другу словами интегральной семы и близости / отдалённости дифференциальных сем, набор которых в разных языках иногда совпадает, иногда различается. Этот метод может применяться для любой пары языков.

Ключевые слова: челночный перевод, русский язык, белорусский язык, лексико-семантическая группа, синонимический ряд, доминантное слово, интегральная сема, дифференциальная сема.

«Сходное и различное... Вот чем занят наш разум и что отлито в языке в виде слов, словосочетаний, предложений и даже текстов» [1, с. 3]. Это сходное и различное на уровне лексики выявляется путем сопоставления как отдельных микросистем (лексико-семантических групп, семантических полей, функционально-семантических классов и др.), так и отдельных слов. Однако какие бы микросистемы ни сопоставлялись, все равно неизбежным является сопоставление на уровне слов и в пределах этих системных объединений.

Коммуникация на двух языках в ономасиологическом и семасиологическом направлениях представляет собой процесс, связанный с порождением и декодированием текста. Человек, говорящий на одном языке, порождает текст, иначе говоря, выбирает необходимые лексико-грамматические формы для выражения определенного содержания, а тот, кто его слушает, декодирует этот текст, т. е. наполняет порожденную форму соответствующим ей содержанием. Коммуникативная функция языка во многом и обуславливает сопоставление лексики по форме и содержанию.

Тожественных (эквивалентных) лексических единиц по форме и значению не так и много даже в близкородственных языках. В подобных случаях мы имеем дело скорее со сходством и различием, чем с тождеством. Так, слова далеко не всегда совпадают по форме в случаях, когда оба языка используют идентичную графическую систему (к примеру, кириллическую), в которой при тождестве звуков может быть различие

букв (к примеру, рус. *и* – бел. *i*). Влияет на письменную форму и разница в ведущих принципах орфографии: морфологический – в русском языке, фонетический – в белорусском. Поэтому говорить о межъязыковой лексической эквивалентности на уровне слов, представляющих собой единство формы и содержания, можно лишь с определенными оговорками, к примеру, с учетом наличия закономерных соответствий, существующих в системных отношениях двух контактирующих языков. Так, в устной форме речи таким закономерным соответствием будет произношение мягкого [ч'] в русском языке и твердого [ч] – в белорусском, взрывного [г] в русском языке и фрикативного [γ] – в белорусском. В письменной форме речи русской букве *и* всегда будет соответствовать белорусская *i*. В устной и письменной формах речи окончанию *-ий (-ый)* соответствует *-і (-ы)*: рус. *синий, новый* – бел. *сіні, новы* и т. п. В целом речь идет о закономерных графических, фонетических, акцентологических, морфологических, словообразовательных, орфографических или комбинированных соответствиях в системных отношениях русского и белорусского языков.

Говорить о тождестве семантики лексических единиц двух языков можно также с определенными оговорками. Переводные словари не всегда фиксируют такое тождество, поскольку слова, кроме интегральных сем, содержат и дифференциальные.

Проверить полное или частичное межъязыковое семантическое тождество лексических единиц помогает челночный перевод [2, с. 132], [3, с. 12], суть которого заключается в последовательном двунаправленном выявлении соответствия слову, которое необходимо перевести. Количество шагов такой трансформации зависит от сохранения или утраты соответствующими друг другу словами интегральной семы и близости / отдалённости дифференциальных сем, набор которых в разных языках иногда совпадает, иногда различается. Источником материала для такого метода выявления семантического тождества лексических единиц являются переводные словари. Этот метод может применяться для любой пары языков. В частности, для русского и белорусского схематически он представлен следующим образом:

Наиболее точно соответствующей друг другу является специальная лексика, относящаяся во многих случаях к интернациональной: рус. *телефон* – бел. *тэлефон*, рус. *филология* – бел. *філалогія*, рус. *аффикс* –

бел. *афікс*, рус. *местоимение* – бел. *займеннік*, рус. *морфема* – бел. *марфема*, рус. *увертюра* – бел. *уверцюра* и др. Для подтверждения данного факта достаточно двух шагов перевода, т. е. от русского языка к белорусскому, затем в обратном направлении:

рус. *телефон* → бел. *тэлефон*
 рус. *телефон* ←

Точно соответствующими друг другу могут быть и общеупотребительные слова. К примеру, рус. *дремать* – бел. *драмаць*:

рус. *дремать* → бел. *драмаць*
 рус. *дремать* ←

Если слово переводится двумя абсолютными синонимами, то результат мы получаем тот же, только вследствие поочередного перевода каждого из этих синонимов. Например, рус. *карандаш* – бел. *карандаш, аловак*:

рус. *карандаш* → бел. *карандаш, аловак*
 рус. *карандаш* ←
 рус. *карандаш* ←

Двух шагов перевода может быть достаточно и в случаях, когда исходное слово имеет несколько значений. К примеру, в каждом из значений слово *щека* (1. ‘часть лица от скулы до нижней челюсти’, 2. ‘боковая поверхность какого-л. устройства’) соответствует белорусскому *щчака*:

рус. *щека* → бел. 1. *щчака*; 2. *щчака*
 рус. *щека* ←
 рус. *щека* ←

Если исходным словом является стилистически окрашенное, то при обратном переводе мы получаем, как правило, общеупотребительное, нейтральное. Точность межъязыкового соответствия в таком случае подтверждается тремя шагами перевода. Первый шаг отражает семантическую эквивалентность (при разнице стилистической), второй и третий – семантическую и стилистическую:

Рус. *лани́та* (уст.) → бел. *щчака*
 Рус. *щека* ← бел. *щчака*
 Рус. *щека* → бел. *щчака*

В рассмотренных случаях семный состав слов совпадает, что и подтверждает челночный перевод с минимумом шагов. Но так бывает далеко не всегда. Рассмотрим двунаправленный перевод с исходным словом *учёба*, которое переводится на белорусский язык синонимами *навучанне* и *вучоба*. Обратный перевод этих слов на русский язык приводит к следующим результатам: бел. *навучанне* – рус. 1. *учение, обучение*; 2. *назидание, поучение, наставление, нравоучение*; бел. *вучоба* – рус. *учёба*. Как видим, первый из синонимов (*навучанне*) включил в орбиту перевода новые слова (*учение, обучение; назидание, поучение, наставление, нравоучение*), которые в соответствии с методом челночного перевода требуют указания коррелятов в белорусском языке. Второй синоним (*вучоба*) стал соответствием исходного слова (*учёба*) и, таким образом, исключил из дальнейших шагов перевода эти слова.

Чтобы наглядно представить данную межъязыковую трансформацию, отразим ее в таблице 1, где слова для перевода указаны полужирным курсивом, переведенные, требующие обратного перевода, – курсивом; слова, не требующие перевода (поскольку уже были переведены), – обычным шрифтом.

Таблица 1 – Модель межъязыковой трансформации

<p>1. <i>Учеба</i> – навучанне, вучоба</p>	<p>2. <i>Навучанне</i> – 1. <i>учение, обучение</i>; 2. <i>назидание, поучение, наставление, нравоучение</i>. <i>Вучоба</i> – учёба.</p>
<p>3. <i>Учение</i> – 1. (<i>действие</i>) <i>вучэнне, навучанне</i>; 2. (<i>наука</i>) <i>вучэнне</i>. <i>Обучение</i> – навучанне, вучэнне, абучэнне. <i>Назидание</i> – навучанне, павучанне; (<i>наставление</i>) <i>настаўленне</i>; (<i>наука</i>) <i>навука</i>. <i>Почуение</i> – павучанне, навучанне, навука. <i>Наставление</i> – 1. (<i>действие</i>) <i>павучанне; навука</i>; 2. (<i>поучение</i>) <i>настаўленне, павучанне, навука</i>; (<i>указание, совет</i>) <i>указанне, парада</i>; 3. (<i>руководство, инструкция</i>) <i>настаўленне, інструкцыя</i>. <i>Нравоучение</i> – (<i>мораль</i>) <i>мараль</i>; (<i>наставление</i>) <i>навучанне, павучанне</i>; (<i>нотация</i>) <i>натацыя</i>.</p>	<p>4. <i>Вучэнне</i> – 1. (<i>действие</i>) <i>учение; обучение</i>; 2. (<i>наука, теория</i>) <i>учение</i>. <i>Абучэнне</i> – обучение. <i>Павучанне</i> – 1. <i>поучение, назидание; наставление</i>. 2. <i>нравоучение</i>. <i>Навука</i> – 1. <i>наука</i>; 2. (<i>нравоучение</i>) <i>назидание, поучение, наставление</i>. <i>Настаўленне</i> – (<i>инструкция</i>) <i>наставление; руководство</i>. <i>Указанне</i> – <i>указание; предначертание</i>. <i>Парада</i> – <i>совет</i>. <i>Інструкцыя</i> – <i>инструкция</i>. <i>Мараль</i> – 1. (<i>совокупность норм поведения</i>) <i>мораль, нравственность</i>; 2. (<i>нравственный вывод</i>) <i>мораль</i>; 3. <i>разг. (наставление) мораль, нравоучение</i>. <i>Натацыя</i> – <i>нравоучение, нотация</i>.</p>

<p>5. Наука – наука. Руководство – 1. <i>кіраўніцтва</i>; 2. (<i>посobie</i>) <i>дапаможнік</i>; (<i>наставленне</i>) <i>настаўленне</i>; (<i>інструкцыя</i>) <i>інструкцыя</i>. Указанне – 1. (<i>дзеіствие</i>) <i>паказванне</i>, <i>называнне</i>; 2. (<i>інструкцыя</i>, <i>наставленне</i>) <i>указанне</i>. Прадначертанне – 1. <i>прадвызначэнне</i>; <i>вызначэнне наперад</i>; (<i>предписание</i>) <i>прадпісанне</i>; (<i>план</i>) <i>план</i>; (<i>указанне</i>) <i>указанне</i>; 2. (<i>судьбы</i>) <i>наканаванне</i>. Совет – <i>парада</i>; <i>рада</i>. Інструкцыя – <i>інструкцыя</i>. Мараль – <i>мараль</i>. Нравственность – <i>маральнасць</i>; <i>мараль</i>. Натацыя – <i>натацыя</i>.</p>	<p>6. Кіраўніцтва – 1. (<i>дзеіствие</i>) <i>руководство</i>; 2. (<i>учреждение</i>) <i>управление</i>; 3. <i>собр.</i> (<i>руководители</i>) <i>руководство</i>. Дапаможнік – <i>посobie</i>. Паказванне – 1. <i>показывание</i>; 2. <i>показывание</i>, <i>указывание</i>; 3. <i>изображение</i>, <i>показывание</i>, <i>отражение</i>. 4. <i>предъявление</i>, <i>показывание</i>. Называнне – <i>называние</i>; <i>именование</i>. Прадвызначэнне – 1. (<i>дзеіствие</i>) <i>предрешение</i>, <i>предопределение</i>; 2. <i>предопределение</i>, <i>предначертание</i>. Прадпісанне – <i>предписание</i>. План – <i>план</i>. Наканаванне – <i>предопределение</i>, <i>судьба</i>. Рада – 1. <i>совет</i>; 2. <i>совет</i>, <i>совещание</i>. Маральнасць – <i>моральность</i>; <i>нравственность</i>.</p>
--	---

Таким образом, в таблице представлено шесть блоков перевода, каждый из которых обозначен цифрами от 1 до 6. В каждом блоке – один шаг перевода. Материал таблицы – поле русско-белорусских (белорусско-русских) лексических соответствий в виде межъязыковой лексико-семантической группы (слова ЛСГ выделены полужирным шрифтом), состоящей из русской и белорусской частей, включающих и синонимические ряды.

Главным, доминантным, словом русской части ЛСГ является синтаксический дериват *учеба*. Это наиболее частотное в употреблении слово и имеет наиболее обобщенный характер семантики, содержащей интегральную сему, которая и скрепляет весь состав ЛСГ. Поскольку челночный перевод начинается именно с этого деривата, он является доминантным и для всего межъязыкового лексико-семантического пространства данной ЛСГ. В белорусской части ЛСГ в качестве доминантных выступают два слова – *навучанне* и *вучоба*, что вполне допустимо, т. к. обе лексемы и по частотности употребления, и по особенностям семантики близки, хотя переводной словарь на первое место ставит существительное *навучанне*. Именно оно стало самым частотным в переводах на белорусский язык.

В последнем блоке большая часть белорусских и русских слов являются переходными к иной ЛСГ, поэтому челночный перевод на этом завершается. Постепенное удаление от доминантных слов и переход к смежным ЛСГ свидетельствует о нежесткости границ таких микросистем.

Переводя (и фактически сопоставляя) слова методом челночного перевода, мы в конечном счете выходим на формирование и сопоставление лексических микросистем – ЛСГ и синонимических рядов. Такой способ формирования данных системных образований дает возможность наглядно представить общее и различное в форме и содержании в отдельных фрагментах сопоставляемых языков. «Семантическое пространство членится в языках примерно одинаково, поскольку объективно существующий мир является единым. Однако особенности плана содержания и плана выражения языковых единиц характерны для каждого языка. Специфичное видение мира народом и выделение им определенных признаков в процессе номинации того или иного понятия обуславливают соответствующий набор семантических компонентов в значении слова. Количество актуальных значений межъязыковых соответствий, за которыми стоит одно и то же понятие, и иерархия этих значений также могут отличаться; именно эти расхождения ведут к формированию различных языковых картин мира. Таким образом, каждый язык обладает своей собственной семантической структурой, отличающейся от других языков. Исходя из этого можно говорить о национальной специфике лексической семантики» [4, с. 13].

Эта специфика обнаруживается и в сопоставлении ЛСГ, которые могут концентрироваться не только в идеографических (семантических) словарях в качестве готового продукта, но и в переводных при использовании метода челночного перевода.

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках : моногр. / М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.
2. Ровдо, И. С. Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования / И. С. Ровдо // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства : дакл. V міжнарод. навук. канф. / пад агульн. рэд. Г. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. – Віцебск : Выд-ва ВДУ імя П. М. Машэрава, 2000. – С. 132–137.
3. Ровдо, И. С. О тождестве и сходстве в близкородственных языках / И. С. Ровдо // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ : материалы VIII междунар. науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ. – С. 8–14.
4. Русско-белорусский системный семантический словарь : в 2 т. Т. 1 / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания им. Якуба Коласа ; сост.: Н. В. Лавринович [и др.] ; науч. ред.: А. А. Лукашанец, О. М. Николаева. – Минск : Беларус. навука, 2023. – 1103 с.

Rovdo Ivan
Belarusian State University
e-mail: RovdoIS@mail.ru

CIRCULAR TRANSLATION AS A WAY TO FORMING LEXICAL MICROSYSTEMS IN COMPARABLE LANGUAGES

The article proposes the method of back-and-forth translation to form lexical microsystems of two compared languages. The essence of this method lies in the sequential bidirectional identifying a match of the word to be translated. The number of steps of such a transformation depends on the retention or loss of the corresponding to each other words integral seme and the proximity / remoteness of differential semes, the set of which is sometimes the same, sometimes different in different languages. This method can be applied to any pair of languages.

Keywords: back-and-forth translation, the Russian language, the Belarusian language, lexico-semantic group, synonymic series, dominant word, integral seme, differential seme.

УДК 811.111'25

З. А. Харытончык

ДЭМІНУТЫВЫ Ё ТЭКСТАХ БЕЛАРУСКАГА ДЗІЦЯЧАГА ФАЛЬКЛОРУ І ІХ ПЕРАКЛАДАХ НА АНГЛІЙСКУЮ МОВУ

Аналізуюцца спосабы перакладу дэмінітываў з беларускай на англійскую мову. На матэрыяле тэкстаў беларускага дзіцячага фальклору і іх перакладаў на англійскую мову выяўлены дзве галоўныя стратэгіі: замена перакладчыкамі вытворных дэмінітывных форм на іх нейтральныя зыходныя адзінкі, ужыванне характэрных для англійскай мовы *little, sweet, dear* для перадачы значэнняў памяншальнасці і ласкавасці. Гэтыя стратэгіі адпавядаюць агульным тэндэнцыям перакладу дэмінітывнасці ў рускіх і беларускіх тэкстах на іншыя славянскія і германскія мовы і прыводзяць у выніку да значнай страты ў тэксце перакладу эмацыянальнага фону, характэрнага для тэкста арыгіналу.

Ключавыя словы: дзіцячы фальклор, дэмінітывнасць, пераклад, беларуская мова, англійская мова, эмацыянальнасць.

Сярод фальклорных тэкстаў у іх багатай сукупнасці асобнае месца займае дзіцячы, альбо «матчыны», фальклор, які ўключае калыханкі, забаўлянкі, лічылкі, заклічкі і г. д. Гэты дзейсны сродак выхавання, праз які дзеці атрымліваюць свае першыя веды аб навакольным асяроддзі і культуры свайго народа, знаёмяцца з хатнімі жывёламі, птушкамі, з'явамі прыроды, увасабляе, як вызначаюць навукоўцы, асноўныя прынцыпы народнай педагогікі і адыгрывае выключную ролю ў працэсах фізічнага, псіхалагічнага, эмацыянальнага, інтэлектуальнага развіцця дзіцяці.

Яркай рысай дзіцячага фальклору, у тым ліку і на беларускай мове, з'яўляецца актыўнае ўжыванне ў тэкстах дэмінітываў – слоў з семантыкай памяншальнасці, ласкавасці, пяшчотнасці і шэрагам іншых эматыўных значэнняў. Сведкамі вялікай запатрабаванасці дэмінітываў выступаюць шматлікія іх ўжыванні ў беларускіх калыханках, забаўлянках, песнях і лічылках у нядаўным выданні «Хадзі, сонейка, да нас...» (з народнапэтычнай спадчыны) [1], укладальнікі якога А. І. Лакотка, Т. І. Кухаронак, А. Г. Алфёрава стварылі яскравую калекцыю тыповых твораў дзіцячага фальклору, найбольш распаўсюджаных, як падкрэсліваюць аўтары ідэі, у традыцыйнай беларускай сям'і, з ілюстрацыямі і перакладамі на англійскую і кітайскую мовы.

Як сведчыць аналіз выдання, разам з найбольш колькаснымі разрадамі дэмінітываў: уласнымі іменамі (*Мікалайка, Міхаська, Манечка, Марылька, Танечка, Іванька, Данілка, Валюшка, Янка, Захарка* і інш.), назвамі асоб (*дзетка, дзетачка, дзяцінка, дзіцятка, малютка, малютачка, дзевачка, дзевачка-прыпевачка, сыночак, бабулька, хлопчык, маладзічка, удоўка, паночак, кавалёк*) і заанімамі (*каток, коцік, каточак, кошачка, сабачка, ваўчок, авечачкі, конік, конічак, лашадка, кароўка, курка, курачка, курапатачкі, верабейка, сарочанька, соўка, зайька, зайчык, петушок, мышка, рыбка*), у даследаваных тэкстах ужываюцца назвы частак цела (*вочкі, ножкі, ручкі, вусікі, лапкі, хвосцік, грабяшок, дзюбка*), будынкаў і іх частак (*хатка, хацінка, аконца, палаткі*), адзення і абутку (*штонікі, чаравічкі, чабатык, паясок, паясочак*), музыкальных інструментаў (*скрыпачка*). Сустрэкаюцца ў гэтых тэкстах і назвы рэчываў і страў (*вадзічка, саломка, мядочак, млечка, бражка, сыракавішка, боршчык, кашка, хлебка, блінцы, піражок, гарошак*), раслін (*ёлка, траўка, грушка, ліпка, быліначка*), прасторавага асяроддзя і метэаралагічных з'яў (*сонейка, рэчачка, лясок, небка, воблачка, дожджык*) і некаторыя іншыя. Запатрабаваны ў даследаваных тэкстах і дэмінітывныя формы прыметнікаў (*шарусенькі, бялосенькі, малосенькі, сізенькі, шэранькі, доўгенькі, тоўсценькія*) і прыслоўяў (*цепленька*).

Невыпадкова таму, паводле назіранняў М. Д. Ваеўкавай над блізкароднаснай рускай мовай, што дэмінітывы – найбольш часта ужываемыя пласты мовы, асабліва ў вуснай гаворцы [2, с. 40], і дзеці засвойваюць іх ужо ў самым раннім узросце [3].

Галоўная мэта нашага даследавання заключаецца, аднак, у раскрыцці магчымасцей выражэння памяншальных і эматыўных сэнсаў,

звязаных з характэрнымі для беларускага дзіцячага фальклору дэмінітуўнымі адзінкамі, на англійскай мове. Прапанаваны ў дадзеным выданні пераклад на англійскую мову, у якой катэгорыя дэмінітуўнасці, разам з іншымі граматычнымі катэгорыямі, істотна адрозніваецца ад адпаведнай у беларускай мове, дазваляе паспяхова вырашыць пастаўленую задачу.

На падставе параўнання беларускіх дэмінітуваў у тэкстах арыгіналу і карэлятыўных форм у перакладах на англійскую мову становяцца відавочнымі дзве галоўныя стратэгіі перакладчыкаў.

Па-першае, яны, дзе гэта толькі магчыма, стараюцца перадаць значэнні памяншальнасці, ласкавасці, пяшчоты з дапамогай сродкаў англійскай мовы. З гэтай мэтай у перакладах ужываюцца *little, small* ‘маленькі’ – адзін з найбольш распаўсюджаных сродкаў дэмінітуўнасці ў англійскай мове, часта ў сукупнасці з памяншальна-ласкавай па сваёй семантыцы лексічнай адзінкай тыпу *baby, kitty*. Напрыклад, *сыночак – little son, дзетачка маленькая – small child, мышка – little mouse, зайка – little rabbit, ножанькі – little feet, дзіцятка – our little baby, коце шэры – little (small) kitty*. Ласкавасць і пяшчота ў англійскім тэксце перадаецца таксама з дапамогай лексем *sweetie* ‘мілы, салодкі’, *dear* ‘дарагі’, як можна бачыць на прыкладах перакладу слоў *дзевачка – our dear girl, дзіцяці – our dear kid* альбо фраз *Сні, сыночак міленькі – Sleep, my baby, sleep, my son, sleep my sweetie, my dear one, баю-баю-бай – hush, my little, hush my sweet*. Адметную ролю адыгрываюць у перакладах дэмінітуваў на англійскую мову займеннікі *my, our (my child, our baby, our dear one, our boy, our child, our Tonya)*, з дапамогай якіх ствараецца атмасфера цёплых мацярынскіх пачуццяў, пяшчоты, спакою і адсутнасці для дзіцяці небяспекі, яго абароненасці матчынымі клопатамі і ласкай. Для перадачы дэмінітуўнай формы прыслоўя ў выразу *каб нам было цепленька* перакладчык ужывае паўтор – *we get warm, warm*.

Трэба, аднак, падкрэсліць, што такіх выпадкаў перакладаў, якія найбольш набліжаюцца да эквівалентных па сваім зместу беларускіх дэмінітуваў, у даследаваных тэкстах вельмі мала. Характэрнай для іх на англійскай мове з’яўляецца другая стратэгія. Гэта стратэгія замены вытворных дэмінітуўных форм беларускай мовы іх нейтральнымі зыходнымі адзінкамі, у якіх адсутнічаюць значэнні памяншальнасці і эматыўнасці, альбо захавання незнаемых носьбітам англійскай мовы дэмінітуўных форм уласных імёнаў, альбо наогул апушчэнне дэмінітуваў. Так, перакладчыкі не маглі знайсці ў англійскай мове

адпаведных форм беларускім дэмінітуўным уласным імёнам і таму захавалі шляхам транслітарацыі ў большасці выпадкаў беларускія дэмінітуўныя формы *Mikhas'ka, Manechka, Ivan'ka, Vas'ka, Mashka, Yurka, Yanka, Maryl'ka, Zakharka*. Разам з тым у тэкстах перакладу назіраюцца выпадкі замены дэмінітуваў-уласных імёнаў на іх першасныя формы *Mikhalay, Tanya, our Tonya, our Danil* і нават страты ўласнага імя ў выніку яго замены намінальным словам, што мае месца ў перакладзе *Ясенкі* як *three sons* ‘тры сыны’.

Стратэгія замены дэмінітуваў – адзінак, вытворных, як падкрэслівалася раней, па сваёй структуры, іх зыходнымі лексемамі найбольш яркава праяўляецца ў перакладах вышэй азначаных намінальных класаў назоўнікаў. Прывядзем у якасці прыкладу пераклад наступнай лічылкі:

*Петушок, петушок,
Залаты грабяшок!
На саломцы спаў,
Ён рана ўстаў,
Па вадзічку пайшоў,
Маладзічку знайшоў.
Маладзічка добра
Яму штонікі дала.
Ён і тья не знасіў
І другія напросіў.*

*Rooster, rooster
Golden comb!
Slept on the straw,
Woke up at dawn,
Went to bring water,
Met someone's daughter.
The girl too kind, stopped to chat,
She gifted him a pair of slacks.
He did not wear out the pair,
Still, he asked for another
And thought it fair.*

Відавочна, што ўсім дэмінітувам ў беларускім тэксце дадзенай лічылкі адпавядаюць англійскія адзінкі, рэферэнцыяльна тоесныя беларускім, але без дэмінітуўных сэнсаў, што значна памяншае, на наш погляд, яе эмацыянальнасць, нягледзячы на імкненне перакладчыка захаваць рытм. Падобным чынам, а таксама часам з дапамогай агульных па свайму зместу гіперонімаў тыпу *грушка – tree*, перакладаюцца дэмінітувы *мышка(i) – mouse (mice)*, *каток, коцік – cat*, *рыбка – fish*, *конічак – horse*, *воцкі – eyes*, *лапкі – paws*, *мядочак – honey*, *кашка – porridge*, *млечка – milk*, *сыракашка – curdled milk*, *піражок – cake/bun*, *хацінка – home*, *масток – bridge*, *ліпка – linden tree*, *дарожанька – street*, *шэранькі – grey* і г. д. у другіх тэкстах выдання.

На падставе зробленых назіранняў можна з упэўненасцю заключыць, што вывады, зробленыя на матэрыяле перакладаў дэмінітуваў з

рускай, балгарскай, сербскай, кітайскай і іншых моў (гл. падрабязней [4]), аб адсутнасці сродкаў адэкватнай перадачы дэмінітываў на англійскую мову і значнага паніжэння эмацыянальнасці перакладу ў параўнанні з арыгінальным тэкстам поўнасю распаўсюджваюцца на беларускія дзіцячыя фальклорныя тэксты.

Сказанае, аднак, ніякім чынам не азначае, што ў выніку складанасці і цяжкасці перакладу тэкстаў, насычаных дэмінітыўнымі адзінкамі, як на англійскую, так і іншыя мовы яны павінны быць выключаны з перакладчыцкай практыкі. Беларускі дзіцячы фальклор як носбіт нацыянальнага светапогляду нясе ў сваіх калыханках, забаўлянках, песнях, заклічках, лічылках не толькі веды аб навакольным асяроддзі, але і прыклад народнай мудрасці і дабрыні, пяшчоты і любові і таму выклікае і будзе заўсёды выклікаць значны інтарэс у перакладчыкаў.

Спіс літаратуры

1. Хадзі, сонейка, да нас... (з народнапэтычнай спадчыны) / уклад.: А. І. Лакотка, Т. І. Кухаронак, А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларус. навука, 2019. – 183 с.
2. Воейкова, М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления / М. Д. Воейкова // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 38–56.
3. Kazakovskaya, V. V. Child nominal derivation and parental input: evidence from morphology-rich Russian / V. V. Kazakovskaya // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). – 2019. – № 7 (1). – P. 121–129.
4. Харитончик, З. А. О переводе русских диминутивов на китайский язык / З. А. Харитончик, Ли Ян // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2022. – № 4 (119). – С. 107–117.

Kharitonchik Zinaida
Minsk State Linguistic University
e-mail: zkharitonchik@mail.ru

DEMINUTIVES IN THE TEXTS OF BELARUSIAN FOLKLORE FOR CHILDREN AND THEIR TRANSLATIONS INTO ENGLISH

The article is centred on the analysis of ways of translating diminutives from Belarusian into English. On the basis of Belarusian children's folklore texts and their translations into English two major tendencies which the translators follow have been revealed: substitution of derived diminutive forms by their neutral underlying bases, the use in English of the words *little*, *sweet*, *dear* to render the meanings of diminutiveness and endearment. These strategies correlate in principle with the general tendencies of translating diminutives in Russian and Belarusian texts into other Slavic and Germanic languages and result in considerable loss in the translation of emotionality of the original text.

Keywords: children's folklore texts, diminutiveness, translation, Belarusian, English, emotionality.

О. А. Фелькина
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЁМ
КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ БЕЛОРУССКО-РУССКИХ КОРПУСОВ)

Семантика качественных прилагательных из разных языков может казаться тождественной, однако при художественном переводе оказывается, что эквиваленты всего лишь контекстуальны. В статье анализируется национально-культурное своеобразие нескольких белорусских прилагательных (*ціхмяны, самотны, спраўны*) на основе сопоставления их с аналогами в русских переводах. Источником материала послужил белорусско-русский параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: семантический объём, параллельный корпус, эквивалентность перевода.

Теория перевода в XX веке стала самостоятельной лингвистической дисциплиной. Благодаря трудам Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, А. В. Федорова был разработан понятийный аппарат переводоведения, выявлены основные проблемы перевода и обозначены пути их решения. Однако в этой науке до сих пор остаются дискуссионными такие важнейшие вопросы, как понятие эквивалентности перевода, проблема полной / неполной переводимости и др. Интерес к переводам не ослабевает, поскольку растёт объём межкультурной коммуникации, и перевод – не только средство общения носителей разных языков, но и своего рода призма, состоящая из культурных и языковых особенностей языков оригинала и перевода. Нюансы передачи текста на другой язык демонстрируют и различия в грамматических системах, и лексические несоответствия, и даже специфику мировоззрения носителей обоих языков.

Многие слова языка оригинала и языка перевода, обладающие сходным значением и во многих контекстах вполне эквивалентные, все же вызывают у переводчиков затруднения из-за различий в значимости, из-за того, что своим звучанием или сочетаемостью вызывают у носителей разных культур неодинаковые ассоциации. Под значимостью «понимается зависимость значения знака от значений других знаков, как бы отбирающих у него часть обозначаемого. Так, значение слова “собака” определяется не только тем, что оно называет определенный класс домашних животных, но и значением слова “пес”... Поэтому другом

человека оказывается не пес, а собака» [1, с. 41]. Проблемы перевода связаны и с полисемией: «система значений слова в одном языке, как правило, не совпадает полностью с системой значений слов в другом языке», поэтому «наиболее распространенным случаем при сопоставлении лексических единиц двух языков является частичное соответствие, при котором одному слову в исходном соответствует не один, а несколько семантических эквивалентов в языке перевода» [2, с. 77]. Отметим, что и в исходном языке слово, выбранное автором текста, может быть не единственным выразителем определенного смысла, у него могут быть синонимы и даже лексические дублеты. Л. С. Бархударов предложил методику анализа лексических соответствий на основе изучения не пар слов, а целых лексических групп. На первом этапе проводится сопоставление лексических групп по двуязычным словарям и выявляются совпадения и расхождения в переводах слов со сходной семантикой. Затем определяется значение каждого слова по толковым словарям, а далее следует «прослеживать их значение в реальном речевом употреблении в контексте (напр., по материалам художественной литературы)» [2, с. 92].

В нашем исследовании частично использовалась методика Л. С. Бархударова: анализировались способы перевода 3 белорусских прилагательных на русский язык по материалам параллельного корпуса Национального корпуса русского языка [3] (далее – НКРЯ), рассматривались словарные статьи переводных и толковых словарей [4–7].

Прилагательное *ціхмяны* в толковом словаре определяется через синонимы *паслухмяны, пакорлівы, лагодны* [7, с. 732]. Белорусско-русские словари дают четыре соответствия: *тихий, кроткий, смиренный, смиренный* [4; 5, с. 310]. В русско-белорусском словаре слово *ціхмяны* можно найти только в словарной статье *смирный*, другие соответствия прилагательного *смирный* – *ціхі, спакойны* [6, т. 3, с. 384]. В белорусском толковом словаре таких синонимов к *ціхмяны* нет. Прилагательное *смирный* в русско-белорусском словаре отсутствует, но есть производное от него наречие *смирно*, и к нему приведено соответствие *ціхмяна* [6, т. 3, с. 384]. К слову *тихий* этот словарь не дает ни соответствия *ціхмяны*, ни его синонимов из толкового словаря [6, т. 3, с. 522]. Синонимы *пакорлівы, лагодны* встретились как соответствия к *кроткий*, но само слово *ціхмяны* отсутствует [6, т. 1, с. 690]. Сопоставив эти данные, можно сделать вывод, что наиболее близкие эквиваленты к *ціхмяны* – *смирный, смиренный* и *кроткий*.

В белорусско-русском параллельном подкорпусе НКРЯ прилагательное *ціхмяны* встретилось 17 раз в 13 документах. Из соответствий, предлагаемых авторами белорусско-русского словаря, чаще всего используется *смиранный* (3 раза). В одном случае такой перевод вызван определяемым словом – *авечкі*, поскольку в русском языке есть устойчивое выражение *смиранный овца*: ...*Канопліч ...не забыўся, як гэтыя ціхмяныя авечкі нядаўна па валасіне выдзіралі яму бараду. – ...Канопліч, не забывышы, как гэты смиранныя авечкі яшчэ недавно па валоску вырывалі яму бороду.* [Л. Дайнека. Меч князя Вячкі; пер. Г. Шаранговича, Г. Попова]. Соответствие *тихий* тоже встретилось 3 раза, но в одном примере оно лишь дополняет перевод *спокойный*: *Сын Сяргей нішто хлопец быў, ціхмяны – не ў маці... – Сын Сергей рос неплохим парнем, спокойным, тихим – не в мать...* [І. Шамякін. Вазьму твой боль; пер. Т. Шамякиной]. Соответствие *кроткий* встретилось в переводах один раз, соответствие *смирный* не зафиксировано, хотя лексикографы считают его ближайшим эквивалентом. Учитывая то, что в трех случаях переводчики просто пропустили прилагательное *ціхмяны*, словарные эквиваленты были выбраны в половине случаев (7 из 14), причем в одном примере словарный эквивалент дополняет прилагательное *спокойный*.

Последнее прилагательное встретилось в переводах трижды, в том числе в примере, когда признак *ціхмяны* в исходном тексте приписывался не человеку: *У пушчы... зразаў у кошык смарчкі. Гэта было ціхмянае, добрае паляванне – В пушце... срезал в лукошко сморчки. Это была спокойная, добрая охота* [У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім; пер. В. Щедриной]. Судя по данным словарей, *ціхмяны* и *спокойный* связаны через прилагательное *смирный*, к которому приводится эквивалент *спокойны*, и совсем не пересекаются с *ціхмяны* слова *робкий*, *застенчивый* и *скромный*, использованные переводчиками по одному разу.

Наконец, в одном переводе вместо характеристики состояния персонажа называется причина этого состояния: *Адтуль вялікі князь выйшаў задумлівы, ціхмяны, маўкліва сеў на каня... – Оттуда великий князь вышел задумчивый, точно погруженный в себя, молча сел на коня...* [Л. Дайнека. След ваўкалака; пер. Г. Шаранговича, Г. Попова].

Словарная дефиниция прилагательного *самотны* включает два значения: 1. ‘які жыве ў адзіноце, адасоблена’; 2. ‘сумны, журботны’ [7, с. 584]. Белорусско-русские словари соответственно предлагают две группы эквивалентов: 1. *грустный, тоскливый, унылый*; 2. *уединенный* [4; 5, с. 248]. В русско-белорусском словаре соответствие *самотны*

есть только для слова *уединенный* [6, т. 3, с. 592]. К другим эквивалентам из белорусско-русского словаря приводятся в качестве соответствий лишь синонимы прилагательного *самотны* из толкового словаря: к *грустный* – *сумны*, *журботны* [6, т. 1, с. 336], к *тоскливый* и *унылый* – *сумны* [6, т. 3, с. 534, 615].

Кроме того, соответствие *самотны* можно найти в словарной статье *одинокий* [6, т. 2, с. 325]. И, по материалам НКРЯ, переводчики чаще всего выбирали именно эквивалент *одинокий* (42 из 72), идет ли речь о людях или о неодушевленных предметах (ночь, береза, хата, обелиск и др.).

Из словарных эквивалентов наиболее часто переводчики использовали *тоскливый* (5), единично встретились также однокоренные слова *тоскующий*, *истосковавшийся* и *тоска: самотныя вочы – полные неумной тоски глаза* [В. Быкаў. Альпійская балада; пер. М. Горбачёва]. Эквивалент *грустный* использован в двух случаях.

Хотя прилагательные *грустный* и *печальный* синонимичны, русско-белорусский словарь не фиксирует для последнего соответствие *самотны*. Но переводчики использовали эквивалент *печальный* в 3 контекстах. Встретились также переводы *безотрадный* (год), *тягостный* (ожидание), *скорбный* (глаза) и дважды *щемящий* (неизвестность, тоска).

Эквиваленты *унылый* и *уединенный* не встретились. Зафиксировано соответствие *пустынный: самотную бязмежнасць – пустынную бескрайность* [Я. Брыль. Ніжня Байдуны; пер. Д. Ковалева]. В 11 случаях переводчики опустили прилагательное *самотны*.

Прилагательное *спраўны*, по данным толкового словаря, имеет четыре значения: 1. ‘без пашкоджанняў, прыгодны да карыстання’; 2. ‘які знаходзіцца ў добрым стане, добры’; 3. ‘старанны, добрасумленны’ (гаспадар); 4. ‘удалы, кемлівы’ (хлопец) [7, с. 620]. Соответственно в белорусско-русских словарях приводится четыре группы соответствий: 1. *исправный*; 2. *ловкий, расторопный*; 3. *удобный*; 4. *видный; представительный* [5, с. 263]; 1. *исправный*; 2. *исправный, старательный*; 3. *ловкий, расторопный*; 4. *видный собой; представительный* [4]. В русско-белорусском словаре соответствие *спраўны* приводится только к *исправный* [6, т. 1, с. 586]; к остальным шести эквивалентам этого белорусского прилагательного, названным в белорусско-русских словарях, такое соответствие отсутствует. Только в словарной статье *расторопный* есть прилагательное *кемлівы*, встречающееся в дефиниции слова *спраўны* толкового словаря [6, т. 3, с. 522]. Кроме того, в русско-белорусском словаре *спраўны* можно обнаружить в словарной статье

справный в первом значении – ‘исправный’. Второе значение – ‘зажиточный’ – выходит за рамки семантики белорусского прилагательного.

В белорусских художественных текстах НКРЯ прилагательное *спраўны* встретилось 59 раз, в 6 случаях переводчики пропустили это слово, столько же раз использован эквивалент *справный*. Четыре таких примера обнаруживаются в автопереводах В. Быкова, определяемыми словами были в основном неодушевленные существительные (*бой* как качество оружия, *боты*, *будыніна*). Л. Дайнеко использовал определение *спраўны* по отношению к хозяйству: *Усё было дагледжанае, спраўнае... – Все было ухоженное, справное...* [Л. Дайнека. След ваўкалака; пер. Г. Шаранговича, Г. Попова]. Только в одном контексте у В. Быкова определение *спраўны* относится к людям: *Чацьвёра. Спраўных такіх. У скуранках. І з наганам – Четверо. Справных таких. В скуранках, с наганом* [В. Быкаў. Ваўчыная яма; автоперевод]. Как характеристику человека использует данное прилагательное и переводчик М. Горбачев: *Грыбок сказаў, што Міканор, няўрокам кажучы, спраўны вельмі з выгляду – непаяна, мабыць, на службе было – Грыбок сказаў, што Міканор, чтоб не сглазить, справный с виду, не плохо, видно, на службе было* [И. Мележ. Людзі на балоце; пер. М. Горбачева]. На первый взгляд кажется, что переводчики ошиблись вследствие белорусско-русской интерференции, ведь и русско-белорусский словарь, и толковые словари русского языка приводят только одно значение, относящееся к человеку, – ‘состоятельный, зажиточный’. Однако в НКРЯ у русскоязычных авторов в оригинальных текстах можно найти прилагательное *справный* как характеристику внешности мужчины и девушки (В. Астафьев), как определение к словам *солдат* (В. Гиляровский, В. Катаев), *парень* (Н. Островский), *малый* (Ю. Нагибин), *спина* (П. Проскурин), *девочка* (М. Анчаров) и т. д. Таким образом, и для русского *справный* выявляются значения ‘видный’, ‘старательный’.

Словом *исправный* белорусское *спраўны* переведено 23 раза, в 21 случае определяемые слова – неодушевленные существительные (*электрачайнік*, *бомба*, *кулямёт*, *жорны*, *чыгуначная лінія* и др.). Но есть и случаи перевода прилагательного *спраўны* в аналогичном значении другими словами (9 примеров): *Агарод быў вялікі і спраўны – Огород был большой и аккуратный* [В. Быкаў. Бліндаж; пер. В. Стрелко]; *за высокім спраўным парканам – за аккуратным высоким забором* [В. Быкаў. Знак бяды; автоперевод]; *дом... – яшчэ які спраўны – дом был еще какой досмотренный* [У. Някляеў. Лабух; пер. Д. Подберезского, Евы Эн]; *Спраўныя танкі – Уцелевшие танки* [И. Чыгрынаў.

Апраўданне крыві; пер. И. Сергеевой]; *Добры мост, **спраўны** мост – Хороший мост, **добротный*** [М. Лынькоў. Векапомныя дні; пер. Е. Мозолькова]; ***спраўных** чыгунак – **действующих** железных дорог* [А. Адамовіч, Я. Брыль, У. Калеснік. Я з вогеннай вёскі...; пер. Д. Ковалева]; *катэдж сапраўды быў **спраўны** – весьма **приличное** двухэтажное строение* [В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік; автоперевод]; *бомба... не дужа **спраўная**, з бракам – бомба... **не очень чтобы** – с браком* [В. Быкаў. Знак бяды; автоперевод]. Как определение к существительному *зубы* прилагательное *спраўны* переведено словом *здоровый* [В. Быкаў. Жураўліны крык; пер. В. Рудова]. Прилагательные *аккуратный, досмотренный, добротный, приличный, действующий, здоровый*, причастие *уцелевший* в переводных словарях не упоминаются как эквиваленты к белорусскому *спраўны*, однако контекстуально ему эквивалентны.

Дважды в переводах выбрано соответствие *исправный*, когда речь идет о людях (переводчик один и тот же): *прымак, звычайны, нават не вельмі **спраўны** – примак, обычный, даже не очень **исправный*** [Я. Брыль. Ніжня Байдуні; пер. Д. Ковалева]; ***Спраўнаму** муляру – **Исправному** каменщику* [А. Адамовіч, Я. Брыль, У. Калеснік. Я з вогеннай вёскі...; пер. Д. Ковалева].

Словарный эквивалент *ловкий* встретился только дважды: *Яна была і **спраўная**, і працавітая... – Она была и **ловкая** и **работящая**...* [Я. Брыль. Галя; пер. А. Г. Островского]; *...эта вы, баб'ё, такога **спраўнага** хлопца ўпусцілі – это вы, бабье, такого **ловкого** парня упустили* [Г. Далідовіч. Жывы покліч; пер. М. Немкевича]. В остальных 9 случаях для характеристики человека переводчики используют прилагательные *складный* (о девушке), *ладный* (о девушке), *миловидный* (о молодежи), *дельный* (командир), *деловой* (о семейной паре), *работящий* (мужик), *неплохой* (парень) и даже *уверенный*: *...Азевіч уздзеў на нагу бот і адразу адчуў сябе зусім **спраўным** – Азевич натянул сапог и сразу почувствовал себя **увереннее*** [В. Быкаў. Сцюжа; автоперевод]. Наиболее неудачным представляется перевод *управный*: *І вырас ён дужым і **спраўным**... – И вырос он сильным и **управным**...* [А. Адамовіч, Я. Брыль, У. Калеснік. Я з вогеннай вёскі...; пер. Д. Ковалева]. Такое прилагательное в НКРЯ зафиксировано только в 8 текстах, и единственный текст XX века – роман В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев» (1934–1945), где *управный* встречается в стилизованных репликах персонажей.

По отношению к животным определение *спраўны* встретилось 4 раза: дважды оно переведено прилагательным *хороший*, по одному разу

сочетанием *в порядке* и словом *послушный*: *Клопікаў ... глядзеў на Вейса тым чакальным і лагодным позіркам, якім глядзяць на гаспадара добрыя спраўныя сабакі – Клопиков ... смотрел на Вейса тем выжидательно-просящим взглядом, каким смотрят обычно на хозяина хорошие, послушные собаки* [М. Лынькоў. Векапомныя дні; пер. Е. Мозолькова].

На основе проделанного анализа можно сделать следующие выводы. Качественные прилагательные обычно многозначны и могут приобретать новые оттенки значения в художественных текстах. Так, у прилагательного *спраўны* на основе общего значения ‘такой, как нужно’ в сочетании с существительным *собака* появляется контекстуальное значение ‘послушный’, в сочетании с *зубы* – ‘здоровый’, что позволяет признать эквивалентными соответствующие переводы. Иногда переводчики используют метонимию, называя следствие вместо причины (*адчуў сябе спраўным – почувствовал себя увереннее*) или наоборот (*ціхмяны – точно погруженный в себя*). Не все соответствия, подобранные переводчиками, можно считать эквивалентными. В частности, недопустимо переводить общеупотребительное белорусское *спраўны* устаревшим прилагательным *управный*. Переводные словари недостаточно полны: так, для прилагательного *самотны* отсутствует самый частотный эквивалент *одинокий*, для *ціхмяны* – регулярное переводческое соответствие *спокойный*. Можно поставить под сомнение эквивалентность некоторых словарных соответствий (*самотны – унылый, уединенный; спраўны – удобный*); отсутствует корреляция между переводными словарями: словарные эквиваленты из белорусско-русского словаря в русско-белорусском не упоминаются и наоборот. На материале художественных переводов лексикографические труды могут быть существенно улучшены.

Список литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 07.02.2020.
4. Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. / пад рэд. А. Лукашанца ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – 4-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2012. – 3 т.
5. Грабчыкаў, С. М. Беларуска-рускі слоўнік / С. М. Грабчыкаў. – 3-е выд., дап. і перапрац. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 349 с.
6. Русско-белорусский словарь: около 110 000 слов : в 3 т. / АН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Я. Коласа. – 5-е изд., испр. – Минск : БелЭН, 1994.

7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

Felkina Olga

Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: felkina@yandex.ru

SEMANTIC VOLUME OF QUALITATIVE ADJECTIVES
AND THE PROBLEM OF TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL
OF PARALLEL BELARUSIAN-RUSSIAN CORPORA)

The semantics of qualitative adjectives from different languages may seem identical, but in literary translation it turns out that the equivalents are only contextual. The article analyzes the national and cultural identity of several Belarusian adjectives (*ціхмяны, самотны, спраўны*, etc.) based on their comparison with their counterparts in Russian translations. The source of the material was the Belarusian-Russian parallel subcorpus of the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: semantic scope, parallel corpus, translation equivalence.

УДК 882.6.035–3=8.2

Н. В. Якавенка

**КАМУНІКАТЫЎНА-ПРАГМАТЫЧНЫ АСПЕКТ
ПРАЗАІЧНАГА БЕЛАРУСКА-РУСКАГА МАСТАЦКАГА
ПЕРАКЛАДУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ М. БАГДАНОВІЧА,
Я. БРЫЛЯ, У. КАРАТКЕВІЧА)**

На матэрыяле перакладу апавяданняў «Апокрыф» Максіма Багдановіча, «Маці» Янкі Брыля і рамана «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» Уладзіміра Караткевіча на рускую мову раскрываецца спецыфіка свядомых і несвядомых аўтарскіх і перакладчыцкіх інтэрпрэтацый, што прыводзіць да змен у моўнай рэпрэзентацыі мастацкіх вобразаў і, адпаведна, да змен камунікатыўна-прагматычнага складніка. Асаблівая ўвага надаецца перакладчыцкім прыёмам, якія садзейнічаюць узнікненню адрозных ад аўтарскіх прагматычных эфектаў шляхам замены моўна-выяўленчых сродкаў і трансфармацыі культурна-эстэтычнага зместу мастацкага тэксту.

Ключавыя словы: мастацкі пераклад, камунікатыўна-прагматычны аспект, М. Багдановіч, Я. Брыль, У. Караткевіч.

Мастацкі пераклад патрабуе адначасовай вернасці арыгіналу і адпаведнасці культурным нормам іншамоўнага асяроддзя, з якой на якую мову не перакладаўся бы літаратурны тэкст, у тым ліку з беларускай на блізкароднасную рускую. Праца з улікам гэтых няпростых патрабаванняў звязана з перакладчыцкай увагай да

прагматычнага патэнцыялу аўтарскага тэксту, а значыць да яго лінгвакультурных і эстэтычных характарыстык, у якіх выяўляецца спецыфіка мастацкай камунікацыі. Прагматычная ўстаноўка перакладчыка, як правіла, прадугледжвае дасягненне адпаведнай арыгіналу камунікатыўнай скіраванасці. Пры гэтым «абавязковым этапам перакладной камунікацыі з’яўляецца этап аналізу тэксту арыгіналу перакладчыкам. <...> мэтай такога аналізу з’яўляецца высвятленне, для чаго быў створаны тэкст, якая была камунікатыўная інтэнцыя стваральніка тэксту, якую патрэбу гэты тэкст задавальняе, гэта значыць якую дамінантную функцыю ён выконвае» [1, с. 191]. Зразумела, што для дасягнення адэкватнага камунікатыўнага эфекту дамінантныя функцыі перакладнага і зыходнага (арыгінальнага, аўтарскага) тэкстаў павінны супадаць.

Максім Багдановіч пераклаў з беларускай на рускую мову ўласнае апавяданне «Апокрыф» пад назвай «Притча о васильках» у 1913 г. Першая публікацыя гэтага рускамоўнага варыянту апавядання адбылася праз год у «Северной газете» (Яраслаўль, 1914 г., 2 студзеня, № 1).

Дамінантнай камунікатыўнай функцыяй «Апокрыфа» з’яўляецца данясенне да чытача філасофскай думкі, вобразна сфармуляванай аўтарам наступным чынам: «*Я же кажу вам: добра быць коласам; але шчаслівы той, каму дадзена быць васільком. Бо нашто каласы, калі няма васількоў?*» [2, т. 2, с. 52].

Аўтапераклад: «*Я же говорю вам: хорошо быть колосом; но счастлив тот, кому пришлось стать васильком. Потому что к чему колосья, когда нет васильков?*» [2, т. 2, с. 59].

«Той, каму дадзена быць васільком» і «тот, кому пришлось стать васильком» – фразы з рознай канатацыяй: мастаком (васільком) сапраўды толькі «дадзена быць», і той, каму гэта дадзена, «мастак ад Бога», сапраўдны творца; ці сапраўдны мастак той, каму «давялося стаць» па неабходнасці, бо не было іншага выйсця – пытанне. Аднак ці перашкаджае гэта акалічнасць належным чынам ацаніць усю глыбіню і вобразнасць філасофскай думкі? Не, таму што аўтар і перакладчык у адной асобе, добра ўсведамляючы сваю прагматычную мэту, дакладна перадаў дамінанту: «Нашто каласы, калі няма васількоў?» – значыць навошта матэрыяльнае, карыснае, калі няма прыгожага, высока духоўнага, навошта сейбіт, калі няма мастака.

Аўтарызаваны (г. зн. прагледжаны і ўхвалены аўтарам) беларуска-рускі пераклад апавядання Янкі Брыля «Маці» выканаў у 1960-х гадах расійскі перакладчык У. Астроўскі.

«Брыль-гуманіст прызнае толькі адзін маштаб – маштаб чалавечай асобы, жыцця, якое даецца адзін раз. Ён упэўнены: мараль падтрымліваецца не дзяржаўным ладам, не ідэалогіяй. Яе аснова – агульналюдская, прыродная, толькі яна можа прывесці чалавека да подзвігу любові і самаахвярнасці. Праўда, ад слоў “подзвіг”, “гераізм” Я. Брыль прыныпова адмаўляецца» [3, с. 496]. Сказанае характарызуе дамінантную функцыю арыгінала, закладзеную ў наступным невялікім урыўку: *«Маці не ведала, хто яна. Не думала аб тым, што не з адным толькі жахам глядзелі на іх паход сустрэчныя, – што вобраз яе засядзе ў сэрцы многіх мужчын горкім, няўмольным дакорам, што вочы і рукі яе ўспамінаць будуць нават дужыя людзі, выганяючы з душы апошні страх перад начной партызанскай атакай»* [4, с. 175].

«Маці не ведала, хто яна» – значыць не ведала, што яна гераіня, не ведала, што яе ўчынак (накарміла ваеннапалонных уцекачоў і за гэта была разам з імі пакараная), прадыхтаваны чалавечнасцю і простымі мацярынскімі пачуццямі, з’яўляецца подзвігам; не ведала, што для змагароў яна адначасова стане напамінам пра іх родных маці, вытокамі сілы для змагання і сімвалам спакутаванай Маці-Радзімы, якую трэба абараняць, як бы цяжка і страшна не было.

Пераклад А. Астроўскага: *«Мать не думала о себе. Она не знала, что не только с ужасом глядят на ее путь встречные, что образ ее останется в сердце многих мужчин горьким, неумолимым укором, что глаза и руки ее вспоминать будут даже сильные люди, прогоняя из души последний страх перед ночной партизанской атакой»* [5, с. 10].

Фразу «Маці не ведала, хто яна» можна перакласці дакладна – «Мать не знала, кто она», аднак А. Астроўскі перадаў яе сэнсава блізкай, але не тоеснай фразай «Мать не думала о себе», што значыць не баялася за сваё жыццё, не думала, як урагавацца. Любы пераклад, і аўтары-заваны ў тым ліку, абумоўлены не толькі разуменнем прагматычнага патэнцыялу зыходнага тэксту, але і паэтыкай самога перакладчыка, адпаведна з «рэсурсамі» якой ён і прапануе аўтару і чытачу створаны ім пераклад. Аўтар, як і чытач, давярае перакладчыку і можа пагадзіцца з яго бачаннем твора, калі гэта не цягне за сабой змястоўнай і сюжэтнай неадпаведнасці арыгіналу. Адзначаная трансфармацыя не закранула дамінантнага культурна-эстэтычнага зместу мастацкага тэксту і яго прагматычнага патэнцыялу – гераіня твора ў любым выпадку застаецца прыкладам для іншых людзей, напамінам кожнаму з іх пра родную маці, сімвалам Маці-Радзімы і натхняе на змаганне з ворагам.

У перакладзе на рускую мову раман Уладзіміра Караткевіча «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» доўгі час існаваў толькі ў скарачаным варыянце – рабіўся Навумам Кіслікам у 1966 г. з машынапіснага арыгінальнага тэксту для часопіса «Нёман». У 2006 г. Санкт-пецярбургскі Гандлёва-выдавецкі дом «Амфора» без згоды спадкаемцы У. Караткевіча, яго пляменніцы Алены Сінкевіч, выпусціў твор у перакладзе на рускую, створаным Аляксандрам Сурніным. Перастварэнне А. Сурніна выклікала шырокую дыскусію ў беларускай перыёдыцы: чытачка Т. Раманюк, перакладазнаўцы П. Жаўняровіч, М. Кенька і пісьменніца-перакладчыца Л. Рублеўская выступілі ў перыядычным друку з заўвагамі і каментарамі.

Так, Т. Раманюк, якая, паводле яе слоў, з’яўляецца не філолагам, а інжынерам па адукацыі, знайшла ў перакладзе А. Сурніна «звыш за 200 грубых памылак, пачынаючы ад абсалютна неадэкватнага перакладу асобных слоў, пропускаў слоў, сказаў і цэлых абзацаў, канчаючы ўвядзеннем у Караткевічаў тэкст рускай “матерціны” (у той час, калі ў беларускай мове мату няма)» [6].

Філолаг, перакладазнаўца і перакладчык Пятро Жаўняровіч у артыкулах «Няўдалае прыямленне “Хрыста” ў Санкт-Пецярбурзе» [7] і «“Хрыстос прыземліўся в...” Санкт-Пецярбурге. Неудачно» [8] даў вялікі шэраг заўваг, большасць з якіх з’яўляюцца вынікам няправільнага падбору лексічных сродкаў. Напрыклад: «С. 7, 33, 118, 606 і інш. – скачет как шальной, шальные глаза, шальной порыв, шальной топот. У аўтарскім тэксце паўсюль – шалены. Эпітэт шальной ня можа адносіцца да расейскіх лексемаў порыв, топот (т. 4, с. 699), як у беларускай мове шалены да парыву, пошчаку. Тут шалены неабходна было перакласьці яростный, неукротимый і пад.» [7, с. 284]. Вынікам крытычнага стаўлення да перакладу А. Сурніна стала новае перастварэнне рамана на рускую мову, ажыццёўленае самім П. Жаўняровічам.

Прааналізуем невялікі ўрывак з арыгінала і рускамоўных перакладаў рамана У. Караткевіча «Хрыстос прыямліўся ў Гародні». Арыгінал: «Святліца ягоная была ў верхнім жытле гасцеўні на Старым рынку, невялікая, з белымі голымі сценамі, з дожкам, з кілімам на падлозе, з нізенькай падстаўкай для кніг. І слабы свяцільнік асвятляў яе. І ён радаваўся, што ў ягоны пакой асобны ўваход, па вонкавых сходах.

Са смяцэннем у душы прыступіў ён да справы. Ён, можа, і ўцёк бы, але апосталы ўчыстую разбасячыліся. Нават Фаму толькі што мучыў гонар, а так ён быў задаволены. Нават Раввуні, які ўсё жыццё надрываў жыўот, радаваўся спакою і сытасці» [9, с. 168–169].

Пераклад А. Сурніна: «Светлица его была в верхнем этаже постоялого двора на Старом рынке, небольшая, с белеными голыми стенами, с ложем, с ковром на полу, с низенькой подставкой для книг. И слабый светильник рассеивал мрак. И он радовался тому, что в его покой имеется отдельный вход, к которому ведёт наружная лестница.

Со смятением в душе приступил он к делу. Он, может, и сбежал бы, но апостолы вчистую рассобачились. Даже Фому только что мучила честь, а так он был доволен. Даже Раввуні, всю жизнь надрывававший живот, радовался покою и сытости» [10, с. 205].

Пераклад П. Жаўняровіча: «Светлица его была в верхнем жилье заезжего дома на старом рынке, небольшая, с белыми голыми стенами, с кроватью, с ковром на полу, с низенькой подставкой для книг. И слабый светильник освещал жилище. И он радовался, что в его комнату отдельный вход, по внешним ступеням.

Со смятением в душе приступил он к делу. Он, может, и убежал бы, но апостолы вчистую обнаглели. Даже Фому только и мучило достоинство, а так он был удовлетворён. Даже Раввуні, всю жизнь надры-вавший живот, радовался спокойствию и сытости» [11, с. 184–185].

Цяжка сказаць, што канкрэтна мела на ўвазе Т. Раманюк, калі гаварыла пра неадэкватнасць перакладу А. Сурніна. Хутчэй за ўсё, яна выкарыстоўвала гэта паняцце як сінонім слову «неадпаведнасць» ці «недакладнасць», але заўвагі чытачкі датычаць не макра-, а мікраструктуры твора – падбору сінтаксічных канструкцый і лексічных сродкаў, што супадае з заўвагамі П. Жаўняровіча. Аднак прыведзены для прыкладу ўрывак пераствораны на рускую мову адэкватна абодвума перакладчыкамі: захоўваюцца змест, вобразная сістэма і форма арыгінала. Адэкватнасць перадачы аўтарскага тэксту была дасягнута з дапамогай падбору блізкіх да арыгінала і падобных паміж сабой эквівалентаў.

Так, аўтарскае слова «ложак» А. Сурніным перакладзена як «ложе», а П. Жаўняровічам як «кровать», што па сутнасці адно і тое, толькі ў варыянце расійскага перакладчыка эквівалент мае іншую, «высокую» канатацыю. Да такога падбору адпаведніка яго, хутчэй за ўсё, падштурхнула выкарыстанне аўтарам слова «светліца» замест «пакой» («комната»). Не мае прынцыповай розніцы ўжыванне ў перакладах адпаведнікаў слову «спакой» – «покой» (А. Сурнін) / «спокойствие» (П. Жаўняровіч), словазлучэнню «мучыў гонар» – «мучила честь» (А. Сурнін) / «мучило достоинство» (П. Жаўняровіч). Таксама і аўтарскае выказванне пра «ўваход па вонкавых сходах» адпаведна арыгіналу

перададзена з дапамогай розных, але змястоўна аднолькавых апісанняў, кожнае з якіх не канфліктуе з аўтарскім тэкстам і мае аднолькавы прагматычны патэнцыял: «вход, к котарому ведёт наружная лестница» (А. Сурнін) па сутнасці тое самае, што «вход по внешним ступеням» (П. Жаўняровіч). Таксама У. Караткевіч піша, што апосталы «ўчыстую разбасячыліся». Па-руску гэты выраз можна перадаць дакладна – «вчистую разбасячились», але пера-кладчыкі падабралі іншыя эквіваленты: А. Сурнін выкарыстаў грубаваты, але дапушчальны ў кантэксце твора адпаведнік «вчистую рассобачились», а П. Жаўняровіч перадаў сутнасць аўтарскага выказвання з дапамогай словазлучэння «вчистую обнаглели».

Міхась Кенька ў артыкуле «Спрэчкі вакол перакладу» адзначыў наконт перастварэння Аляксандра Сурніна: «Я не схільны ацэньваць яго катэгарычна адмоўна. Калі ўзняцца вышэй памылак, хай сабе і шматлікіх, то хіба яны вызначаюць сабой успрыманне рамана? Змест у цэлым перададзены, чытач можа пранікнуцца ім, суперажываць, атрымаць уяўленне пра тое, што хацеў сказаць гэтым творам аўтар» [12]. Рэзкая крытыка перастварэння А. Сурніна выклікана асаблівай чытацкай прыхільнасцю да творчасці У. Караткевіча, што справядліва заўважыла Людміла Рублеўская ў артыкуле «Убытки при избытке». Письменница-перекладчыца падкрэсліла: падобныя спрэчкі выкліканы абсалютызацыяй постаці аўтара ў сістэме «чытач – аўтар» [13].

Безумоўна, Пятро Жаўняровіч вельмі крытычна паставіўся да перастварэння свайго расійскага калегі ў выніку абсалютызацыі асобы пісьменніка, выкліканай любоўю да яго творчасці. Але ж і Аляксандр Сурнін у пасляслоўі да створанага ім перакладу выявіў прыхільнасць да творчай асобы У. Караткевіча і разуменне свайёй вялікай перакладчыцкай адказнасці перад гэтым аўтарам і яго чытачамі: «Владимир Короткевич не рядовой писатель, это Творец, обогативший мировую литературу произведениями на родном языке. <...> Думаю, можно представить, какую сложную и ответственную задачу я поставил перед собой, взявшись за перевод “Христа”, а когда я сам это осознал, было поздно – процесс пошел», – гаворыць перакладчык і далей распавядае як пасля падарожжа па шляху Юрася Братчыка вырашыў перакладаць раман і якую задачу перад сабой паставіў: «Работая над романом, я старался сохранить музыку живого белорусского языка, которым Владимир Семенович, нужно заметить, владел в совершенстве, <...> но насколько хорошо это получилось – судить уже не мне» [10, с. 619–620].

Зацікаўленасць перакладчыка творам і асобай яго аўтара не заўсёды станоўча ўплывае на гісторыю рэцэнцыі і інтэрпрэтацыі перакладнога

тэксту, таму што «адрозненні паміж камунікантамі, паміж атрымальнікамі тэксту арыгінала і атрымальнікамі тэксту перакладу з'яўляюцца тым істотным фактарам, які вызначае з'яўленне ў працэсе перакладу сур'ёзных прагматычных праблем» [1, с. 199], выкліканых несупадзеннем «камунікатыўных каштоўнасцей» (Г. Йегер). У выпадку з перакладам рамана У. Караткевіча «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» гэта несупадзенне мела цяжкія наступствы: праведзеная на працягу 2006–2008 гг. публічная дыскусія ў СМІ пра якасць рускамоўнага перакладу, выкананага А. Сурніным, пасадзейнічала рашэнню расійскага выдавецтва аб спыненні распаўсюджвання гэтага перакладу, недасканалы з пункту погляду беларускіх чытачоў-білінгваў, а таксама адмове ад яго наступнага перавыдання.

Спіс літаратуры

1. Сдобников, В. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход : учеб. для студ. лингв. вузов / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. – М. : Изд. дом ВКН, 2019. – 512 с.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992–1993. – Т. 1 : Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 725 с.; Т. 2 : Мастацкая проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 600 с.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2003. – Т. 1 : 1901–1920. – 582 с.
4. Брыль, Я. Збор твораў : у 4 т. – Мінск : Беларусь, 1967. – Т. 1 : Апавяданні розных гадоў / Я. Брыль. – 442 с.
5. Брыль, Я. В глухую полночь : рассказы / Я. Брыль ; авториз. перев. с бел. А. Островского. – М. : Воениздат, 1969. – 184 с.
6. Раманюк, Т. І. Вынікі двухмоўя / Т. І. Раманюк // Наша слова. – 2006. – 19 ліп. – С. 2.
7. Жаўняровіч, П. Няўдалае прыязменне «Хрыста» ў Санкт-Пецярбурзе / П. Жаўняровіч // Дзеяслоў. – 2006. – № 6 (25). – С. 278–287.
8. Жовнерович, П. «Хрыстос прыземлілся в ...» Санкт-Пецярбурге неудачно / П. Жовнерович // Литературная газета. – 2006. – 25–31 окт. – С. 3.
9. Караткевіч, У. С. Збор твораў у 8 т. Т. 6: Хрыстос прыязміўся ў Гародні (Евангелле ад Іуды) : раман / У. С. Караткевіч ; уклад. Н. С. Кучкоўскай ; рэд. І. А. Брыль ; камент. А. Л. Вераб'я. – Мінск, 1990. – 492 с.
10. Короткевич, В. Хрыстос прыземлілся в Гродно: Евангелие от Иуды : роман / В. Короткевич ; пер. с бел. и послесл. А. Сурнина. – СПб. : Амфора, 2006. – 621 с.
11. Короткевич, В. Хрыстос прыземлілся в Гродне (Евангелие от Иуды) : роман / В. Короткевич ; пер. с бел. яз. и коммент. П. Жолнеровича ; предисловие А. Бутевича. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 542 с.
12. Кенька, М. П. Спрэчкі вакол перакладу / М. П. Кенька // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 20 крас. – С. 6.
13. Рублевская, Л. Убытки при избытке / Л. Рублевская // СБ. Беларусь сегодня. – 2006. – 13 сент. – С. 8.

Yakavenka Natalya
Center of Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: natayakavenka@tut.by

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT OF PROSE BELARUSIAN-
RUSSIAN LITERARY TRANSLATION (BASED ON THE WORKS
OF M. BAH DANOVICH, Y. BRYL, U. KARATKEVICH)

On the material of translation «The Apocrypha» by Maksim Bahdanovich, «The Mother» by Yanka Bryl and the novel «Christ landed in Harodnia» by Uladimir Karatkevich into Russian the specific of conscious and unconscious interpretation of the author and translator, which leads to a change in the language representation of artistic images and respectively to a change in communicative and pragmatic component is analysed in the article. Special attention has been paid to the methods of translation which contribute to the production of different from the author's pragmatic effects due to the replacement of linguistic and image means and transformation of the cultural and aesthetic work of fiction content.

Keywords: artistic translation, communicative and pragmatic aspect, M. Bahdanovich, Y. Bryl, U. Karatkevich.

УДК 81'26:811.161.3

Л. В. Рычкова

**ФУНКЦИОНАЛ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАЛИТРЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

На материале данных социолингвистического опроса 1043 учащихся десятых и одиннадцатых классов средних школ г. Лида определена лингвистическая палитра старшекласников и функционал в ней белорусского языка. Под лингвистической палитрой понимается спектр тех языков, которые респонденты хотели бы изучать, считают престижными и важными для себя. Исследование выполнено в рамках НИР А67-21, финансируемой по Государственной программе научных исследований на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Белорусский язык и литература».

Ключевые слова: социолингвистический опрос, лингвистическая палитра, языковые предпочтения старшекласников, белорусский язык.

В белорусском исторически многоязычном социуме традиционным является интерес к изучению языков. В этой связи актуальной представляется проблема изучения языковых предпочтений молодежи и ее отношения к белорусскому языку, учитывая тот факт, что он является титульным языком белорусской нации и одним из государственных языков Республики Беларусь.

Первый язык человек не выбирает. Он осваивает тот идиом, на котором говорят с ним во младенчестве и в раннем детстве, то есть на первом этапе социализации. В процессе дальнейшей социализации на выбор языка(ов) оказывают значительное влияние сложившиеся в социуме стереотипы, среди которых, как мы уже отмечали в одной из публикаций, центральную роль играют стереотипы отношения к языкам. Такие, «ориентированные на язык», стереотипы многовекторны, поскольку они могут быть когнитивными, то есть связанными с пониманием языков и верой в них; аффективными, поскольку могут отражать чувства, которые вызывают языки; наконец, они могут обуславливаться факторами, связанными с речевым поведением. Отношение к языкам, соответственно, проявляется в их оценке, в выборе языков в конкретных ситуациях, в желании изучать определенные языки и в причинах, мотивирующих их выбор [1], что, в свою очередь, может способствовать наличию или отсутствию мотивации к изучению определенного(ых) языка(ов), а также к обучению на определенном языке.

На кафедре перевода и межкультурной коммуникации Гродненского государственного университета имени Янки Купалы реализуется научный проект (НИР А67-21), целью которого является изучение языковых предпочтений молодежи Гродненщины и факторов, потенциально влияющих на формирование таких предпочтений. Исследование выполняется в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Белорусский язык и литература».

В основу данной статьи, целью которой является выявление функционала белорусского языка в лингвистической палитре молодежи, положены данные, полученные весной 2022 года путем онлайн-анкетирования старшеклассников, обучающихся в десятых и одиннадцатых классах учреждений среднего образования города Лида, с использованием специально разработанного в рамках НИР опросника, включающего «открытые» вопросы. Таким образом, была выявлена реальная лингвистическая палитра респондентов, так как их выбор не был ограничен перечнем языков, изначально заданных в анкетно-опроснике. Как известно, обработка ответов респондентов на «открытые» вопросы вручную весьма затруднительна. К тому же, свободная форма ответов не позволяет напрямую вести количественные подсчеты, поскольку тексты ответов могут иметь высокую степень

вариативности. В связи с этим в рамках магистерского исследования была разработана мониторинговая социолингвистическая база данных, снабженная возможностью автоматической обработки текстов ответов на открытые вопросы анкеты [2]. Снабженная дружественным интерфейсом, база позволяет исследователям получать интересующие их данные, в том числе для определенных категорий респондентов и конкретных локаций [3]. С использованием возможностей этой базы данных были обработаны 1043 анкеты, полученные от лидских старшеклассников, с целью выявления как лингвистической палитры респондентов, так и функционала в ней белорусского языка.

Под лингвистической палитрой в данной статье понимается спектр тех языков, которые респонденты хотели бы изучать, считают престижными и важными для себя. Соответственно, были обработаны ответы на такие вопросы анкеты, как: 1) «Какие языки Вы бы хотели изучать?»; 2) «Какие языки Вы считаете престижными?»; 3) «Какие языки Вы считаете важными для себя?». Ответы на второй и третий вопрос предусматривали указание пяти языков с учетом их ранжирования по шкале от одного (самый престижный / важный) до пяти. Респондентов также просили указать причины такого ранжирования.

В ответах на первый вопрос респондентами было отмечено 37 языков. Назовем те из них, которые были упомянуты не менее чем в 10 анкетах (таких языков оказалось 14, среди них русский и белорусский языки), указав в скобках количество респондентов, назвавших каждый язык: английский (362); французский (195); немецкий (135); китайский (119); испанский (111); японский (97); польский (88); русский (83); итальянский (75); корейский (55); белорусский (36); турецкий (15); арабский (14); украинский (14). Отметим, что ни один из респондентов, отвечая на данный вопрос анкеты, не ограничился только одним языком. Полученные данные показали, что 5 первых мест заняли иностранные языки, которые рекомендованы для изучения на уровне среднего образования в Республике Беларусь. Белорусский язык упомянут респондентами всего 36 раз, причем наблюдается орфографическая вариативность ответов, которая отсутствует при указании иных языков.

Данные, полученные при обработке ответов респондентов на второй и третий вопросы, представлены соответственно в таблицах 1 и 2 ниже.

В таблицах 1 и 2 в столбцах указано количество респондентов, отдавших каждому языку соответствующее место в рейтинге. В последнем столбце представлен общий коэффициент престижности / важности каждого языка. Последовательность языков в первом столбце соответ-

ствуется тому, как по количеству назвавших их респондентов они распределены по итогам обработки ответов на вопрос анкеты «Какие языки Вы бы хотели изучать?», то есть на первый вопрос. Перечень языков в таблицах дополнен литовским и шведским языками, т. к. коэффициент престижности / важности этих языков больше единицы.

Таблица 1 – Степень престижности языков

Языки	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	Коэффициент престижности
английский	436	135	77	11	9	516.87
французский	8	46	92	97	75	51.0
немецкий	16	65	90	85	86	67.76
китайский	29	106	92	83	53	101.23
испанский	7	46	46	75	62	41.31
японский	4	8	29	39	27	14.68
польский	7	34	55	61	28	35.94
русский	162	178	97	72	41	270.51
итальянский	1	9	17	34	47	10.14
корейский	–	2	7	20	17	3.14
белорусский	31	61	58	33	43	72.9
турецкий	–	1	5	6	4	1.62
арабский	3	4	7	10	21	6.76
украинский	5	5	9	19	7	9.85
литовский	1	1	1	1	1	1.72
шведский	–	–	3	–	1	1.07

«Низкое» положение белорусского (и русского) языка в ответах на первый вопрос не является абсолютно объективным показателем, хотя и требующим внимания, поскольку и белорусский, и русский языки изучаются всеми школьниками. Гораздо более показательными, с точки зрения функционала, являются коэффициенты престижности и важности языков.

По степени престижности белорусский язык оказался на четвертом месте, уступив не только английскому (который респонденты посчитали наиболее престижным) и русскому языкам, но и китайскому языку, оказавшемуся на третьем месте в рейтинге. В первую десятку по престижности вошли также такие языки, как немецкий, французский,

испанский, польский, литовский, итальянский (здесь и ниже языки перечисляются в порядке убывания значений коэффициентов).

Таблица 2 – Степень важности языков для респондентов

Языки	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	Коэффициент важности
английский	297	170	95	21	4	398.74
французский	3	16	59	86	72	25.02
немецкий	9	35	72	83	51	42.38
китайский	11	31	63	68	50	40.25
испанский	3	22	27	50	57	21.06
японский	5	9	26	35	29	15.53
польский	13	43	57	52	31	46.43
русский	230	194	68	32	21	339.84
итальянский	1	7	15	36	34	8.78
корейский	–	6	14	26	19	6.58
белорусский	52	79	81	50	35	107.38
турецкий	–	2	4	4	4	1.87
арабский	1	–	5	6	4	3.23
украинский	3	8	13	14	9	9.83
литовский	1	1	3	3	3	2.15
шведский	–	1	5	1	4	1.41

Наиболее важными для себя респонденты посчитали три языка: английский, русский и белорусский. Помимо них, в первую десятку вошли такие языки, как польский, немецкий, китайский, французский, испанский, японский, украинский.

Среди причин, которые назвали респонденты, считающие белорусский язык престижным, наиболее частыми были ответы (*мой родной язык* (варианты ответов (здесь и далее в вариантах ответов сохранена орфография и пунктуация оригинала): *родной язык он очень красивый и чтоб я могла разговаривать на нём свободно и писать / мой родной язык, самый прекрасный*); *государственный язык*; *народный / (наш) национальный язык* (варианты ответов: *язык моей страны / язык страны в которой я родился и вырос / язык страны, в которой родился, также является разговорным / язык моей родины, много кто рождён и разговаривают на белорусском, считая его родным*). Респондентами также отмечается историческая ценность и красота белорусского языка (варианты ответов: *важный исторически; красивый*

язык и мне очень нравится / тоже очень богат и красив). Весьма показательным считаем ответ одного из респондентов, который хотел бы, чтобы белорусский язык был престижным: *хотелось бы белорусский, вообще никому не нужен*.

Важность белорусского языка респонденты в большинстве случаев также обусловили тем, что белорусский язык – это родной / государственный / официальный язык. Приведем примеры вариантов ответов: *один из языков Беларуси; моя родина – Беларусь; национальный язык моей страны; язык государства, каждый гражданин РБ обязан знать этот язык; эта моя родная мова; родной язык. забывать его нельзя; родной язык, необходимо помнить его; очень красивый и богатый, самый важный для граждан нашей страны; потому что он для меня родной; потому что я живу в Беларуси; живу в Беларуси и стыдно не знать нац. язык; официальный язык наших предков и государственный язык РБ; уникальная культура; эмоциональная ценность для меня; просто нужно знать и помнить; я живу тут и должна знать свой язык*.

Проведенное исследование показало, что белорусский язык подавляющим большинством старшеклассников не оценивается как престижный: его коэффициент престижности составляет лишь 72,9, то есть значительно ниже 100, в то время как коэффициент престижности китайского языка уже выше этого показателя. На это, без сомнения, оказывает влияние тот факт, что употребление белорусского языка в стране не является мотивированным политически и/или экономически. В то же время гораздо большее количество респондентов посчитало белорусский язык важным для себя (коэффициент важности – 107,38). Эти данные подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что в Беларуси сложилась ситуация, когда оценка важности белорусского языка мотивируется исключительно социальной позицией определенной группы общества [1, с. 300].

Даже небольшой список приведенных выше вариантов ответов респондентов на вопрос о важности языков (третий вопрос) наглядно демонстрирует тот факт, что в лингвистической палитре старшеклассников белорусскому языку отводится роль культурного и исторического наследия, которое «нужно знать и помнить»; важен также его функционал как государственного языка; реже отмечается его эмоциональная и эстетическая ценность.

Несколько настораживает явно прослеживающаяся в ответах респондентов модальность долженствования: *должна / обязан / нужно /*

необходимо // знать и/или помнить; стыдно не знать; забывать нельзя. Язык не должен оцениваться как нечто обогатительное. Для повышения его оценки в лингвистической палитре с точки зрения важности представляется целесообразным делать упор на уникальность белорусского языка как отражение системы ценностей белорусского народа, его мировидения, на удивительную фактологичность и эстетические характеристики.

Список литературы

1. Рычкова, Л. В. Роля сацыяльных стэрэатыпаў у захаванні моўнай разнастайнасці ва ўмовах глабалізацыі / Л. В. Рычкова // Міжкультурны дыялог у Беларусі: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё ва ўмовах глабалізацыі : па матэрыялах Міжнар. навук.-практ. канф. 10–12 снеж. 2003 г., Мінск. – Мінск : ЮНЭСКА, 2004. – С. 298–301.

2. Сурмач, А. А. Автоматическая обработка ответов на открытые вопросы электронной социолингвистической анкеты / А. А. Сурмач // Сб. науч. ст. по материалам XXIII междунар. студ. науч. конф. «Социально-гуманитарные науки». – Гродно : ГГАУ, 2022. – С. 298–301.

3. Сурмач, А. А. Специфика построения запросов к социолингвистической базе данных / А. А. Сурмач // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : материалы Международного научного культурно-образовательного форума, Челябинск, 6–8 апреля 2022 г. / под ред. Т. Ф. Семьян, Т. Е. Абрамзон, Л. А. Нефедовой. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2022. – Т. IV : Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. – С. 577–579.

Rychkova Liudmila
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: rychkova@grsu.by

THE FUNCTIONALITY OF THE BELARUSIAN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC PALETTE OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Based on the data obtained by sociolinguistic questioning of 1043 pupils studying in the 10th and 11th classes of secondary schools in the city of Lida the linguistic palette of the respondents and functionality of the Belarusian language in it have been defined. The linguistic palette is understood as the range of those languages that the respondents would like to learn, consider prestigious and important for themselves. The study was carried out as a part of the research project A67-21, funded under the State Research Program «Society and Human Security of the Belarusian State», subprogram «Belarusian Language and Literature» for 2021–2025 years.

Keywords: sociolinguistic survey, linguistic palette, language preferences of high school students, Belarusian language.

И. И. Минчук

**ДВУЯЗЫЧНОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО:
БЕЛОРУССКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ
В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА**

Выявлены способы введения белорусских единиц в тексты на русском языке, размещенные в телеграм-каналах районных газет Гродненской области. Установлено, что белорусский язык регулярно используется редакциями в пространстве мессенджера, публикации могут включать отдельные единицы: от слова до микротекста. Белорусизмы используются в оформлении канала (название, рубрикация, хештеги) и в тексте публикаций. Белорусские вкрапления заключаются в кавычки или подаются без них, могут быть оформлены по правилам белорусского языка и представлены в русской орфографии.

Ключевые слова: районные СМИ, медиатекст, новые медиа, мессенджер, белорусский язык, русский язык, билингвизм.

Вопрос о функционировании русского и белорусского языков в Республике Беларусь – один из принципиально важных в работах профессора М. И. Конюшкевич. В сложный период становления белорусской государственности в 1994 г. М. И. Конюшкевич выступила с программной статьей «Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков» [1], в которой обосновала важность сохранения двуязычия в белорусском социуме. В своей статье М. И. Конюшкевич подчеркивает естественность двух языков в коммуникативных практиках белорусов, а также отмечает, что «сосуществование, контактирование и взаимодействие названных [русского и белорусского. – И. М.] языков в политической, экономической и культурной жизни республики неизбежно будет влиять на интеграционные процессы в обеих языковых системах» [1, с. 220].

В работе «Двуязычное медиапространство. Статья первая. Белорусизмы в русскоязычных текстах белорусских СМИ», опубликованной в международном научном журнале «Медиалингвистика», описывая факторы включения элементов белорусского языка в медиатексты на русском языке, М. И. Конюшкевич очерчивает круг важных исследовательских вопросов в отношении функционирования белорусского и русского языков в массмедиа, в том числе – выявление способов включения иноязычного элемента в медиадискурс, установление доли и частотности каждого из иноязычных включений – русизмов в белорусском медиадискурсе или белорусизмов в русском [2, с. 60]. Предметом исследования в настоящей публикации стали способы введения бело-

русских единиц в пространство телеграм-каналов районных газет Гродненской области.

Специфике языковой ситуации в Республике Беларусь посвящено внушительное количество научных работ (см. работы А. Е. Супруна, А. Е. Михневича, П. П. Шубы, А. А. Гируцкого, С. Н. Запрудского, А. А. Лукашанца, Н. Б. Мечковской, М. И. Конюшкевич, Т. Р. Рамзы, Т. Н. Волюнец и др.). Исследователи определяют белорусскую языковую ситуацию как несбалансированное близкородственное белорусско-русское двуязычие, в котором русский язык занимает более сильную коммуникативную позицию [3; 4]. При этом белорусы, используя в коммуникации русский и белорусский языки, регулярно для решения своих задач обращаются к переключению кодов [5; 6; 7].

Контактное двуязычие порождает проблему интерференции («те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [8, с. 22]), которая наблюдается не только в устной речи белорусов, что находит свое выражение в феномене трясанки, но и в письменных текстах.

В то же время ученые приходят к выводу, что в письменной речи – в первую очередь в художественном и публицистическом тексте – переключение языковых кодов (русского и белорусского языков) чаще является процессом осознанным, преднамеренным, преследующим определенные коммуникативно-прагматические цели – трансференцией. «При употреблении в русскоязычном тексте равноуровневых элементов белорусского языка (от лексемы до микротекста) обычно актуализируется их прагматический компонент значения “оценочная характеристика” и уже сам факт языкового переключения оказывается эмотивно окрашенным» [5, с. 14]. Анализируя тексты белорусских СМИ, М. И. Конюшкевич отмечает, что «включение элементов белорусского языка в русскоязычный газетный текст ориентировано: а) на точность представления белорусских реалий (белорусский ономастикон), б) на демонстрацию национальной идентичности или ее стилизацию, в) на приращение смыслов, создание различных коннотаций, достижение комических, пейоративных или мелиоративных эффектов» [2, с. 67].

Взаимодействие русского и белорусского языков в текстах районных средств массовой информации является важной исследовательской проблемой, в том числе потому, что «именно местные периодические издания и их электронные эквиваленты в интернете сегодня являются примерами активного и разнообразного использования бело-

русского языка, сохранения и трансляции традиционной культуры, в определенном смысле противостояния унификации современного информационного пространства (перевод наш. – *И. М.*)» [9, с. 281]. И если вопрос о взаимодействии белорусского и русского языков в пространстве районных газет и их сайтов поднимался неоднократно, то указанная проблема на площадках аккаунтов в социальных сетях и мессенджера Telegram затрагивалась лишь в отдельных публикациях (см., например, [10]).

В Гродненской области функционируют 17 районных газет, каждая из которых имеет представительство в интернет-пространстве: сайт, аккаунты в социальных сетях, а с 2018 г. районные издания начали освоение новой площадки для коммуникации – мессенджера Telegram. В ходе анализа публикаций в телеграм-каналах районных газет Гродненщины за 2018–2023 гг. установлено, что все каналы ведутся на русском языке. В то же время в пространстве каждого канала в большей или меньшей степени используется белорусский язык. Не ставя своей задачей системное изучение доли публикаций на белорусском языке, отметим, что процент их незначителен. Например, островецкая районная газета в телеграм-канале «Островецкая правда» в июле 2023 г. разместила 684 публикации, 62 из них (8,8 %) выполнены на белорусском языке, щучинская районная газета в телеграм-канале «Газета Дзянніца» – 432 публикации, 19 из них (4,4 %) – на белорусском языке, вороновская районная газета в телеграм-канале «Vogannews» – 1104 публикации, 16 из них (1,4 %) – на белорусском языке.

Как показал анализ материала, белорусские единицы могут занимать разные позиции в пространстве телеграм-каналов районных газет: использоваться в оформлении канала (паратекст) или же вводиться в текст публикаций.

1. Представим единицы на белорусском языке в оформлении телеграм-каналов районных газет Гродненской области.

1.1. Названия 5 из 17 каналов районных газет выполнены на белорусском языке: «*Ашмянскі веснік*» – канал газеты Опшмянского района, «*Зара над Нёманам*» – канал газеты Мостовского района, «*Газета Дзянніца*» – канал газеты Щучинского района, «*Новае жыццё*» – канал газеты Новогрудского района, «*О! “Праца”!*» – канал газеты Зельвенского района. Информация о канале, как правило, подается на русском языке. Например, в описании телеграм-канала «*Газета Дзянніца*» дана следующая информация: *Свежие новости Щучина и Щучинского района, новости Беларуси.*

1.2. Белорусский язык может использоваться в постоянных рубриках телеграм-каналов районных газет. Например, в телеграм-канале «Островская правда» ведется ежедневная рубрика *Звезда (прогноз надвор'я, курсы валют, кошт паліва)*; в телеграм-канале «ВОЛКОВЫСК NEWS» – рубрика *Слова пра мову* и др.

1.3. В интернет-коммуникации характер кодовых переключений имеет свою специфику, дополняется кодами веб-коммуникации в виде никнеймов, названий сайтов, хештегов и пр. Каждая из этих позиций может быть представлена на белорусском языке. В анализируемом материале нам встретились именно хештеги на белорусском. Так, публикация в телеграм-канале «ВОЛКОВЫСК NEWS» *Фотофакт. Волковычане приняли участие в областном фестивале «Дожинки-2022» в Берестовицком районе* дополнена восемью хештегами, три из которых – на белорусском языке: *#volkovysknews #нашчас #волковыскныяс #новости #volkovysk #волковыск #дожинки2022 #дожинкиберестовица*. В телеграм-канале «О! “Праца”!» зельвенской районной газеты каждая публикация сопровождается хештегами в виде официального и регионального названий районного центра: *#Зэльва #Зэльва*.

2. Представим единицы на белорусском языке в текстах публикаций в телеграм-каналах районных газет Гродненской области.

2.1. В самих публикациях в телеграм-каналах районных газет Гродненской области белорусский язык может быть представлен в виде микротекстов (одного или нескольких предложений) на белорусском языке. Это, как правило, относительно самостоятельные фрагменты: заголовки, цитаты, отсылки к другим текстам, размещенным вне конкретной публикации. Например, в обзоре субботнего номера газеты «Наш час» в телеграм-канале волковысской районной газеты «ВОЛКОВЫСК NEWS», наряду с новостями на русском языке анонсируется публикация на белорусском:

Читайте в субботнем номере районной газеты «Наш час» за 10 сентября 2022 года:

«Так далеко, так близко» История деревни Сугаки, расположенной на стыке Волковысского и Мостовского районов.

«Агрофишки получили оценку» Накануне «Дожинок» оригинальные композиции из соломы украсили поля сельхозпредприятий района...

«Ад пакалення ікс да пакалення альфа. Сучасныя дзеці вельмі мабільныя» Пра адметныя рысы новага пакалення паразмаўлялі з настаўніцай Святланай Харытонік і яе вучаніцай Дар'ей Карвацкай (ВОЛКОВЫСК NEWS, 09.09.2022).

2.2. В тексты публикаций на русском языке в телеграм-каналах районных газет вводятся сочетания слов на белорусском языке. Одно из наиболее характерных включений на белорусском языке – онимы (названия предприятий и организаций, агроусадеб, торговых точек, творческих коллективов, различных мероприятий. *Воспитанники детского сада № 5 стали участниками фольклорного музыкального праздника «Гуканне вясны»* (Островецкая правда, 22.03.2023); *Конкурс красоты, выступление концертного оркестра имени М. Финберга, легендарная битва томатами и многое другое. Что ждет гостей «Гіеўскага памідора» в этом году* (Ивьевский край / ivueneews.by, 08.08.2023).

Реже в тексты публикаций в телеграм-каналах районных газет вводятся фразеологизмы, афоризмы, пословицы и поговорки на белорусском языке: *Беларусьфильм скоро представит зрителям фильм «На другом берегу». Рассказываем, о чем он. Печальная, но не безнадёжная. 1925 год, Западная Беларусь – колония панской Польши. «Глубинный народ» не сдаётся. Ленга, в которой и борьба за право «людзьмі звацца», и победная любовь* (ВОЛКОВЫСК NEWS, 07.08.2023).

2.3. Белорусский язык в русскоязычных текстах публикаций районных газет в пространстве телеграм-каналов может быть представлен единичными вкраплениями на белорусском языке: *Купалле в самом разгаре. Мечта каждого – найти заветную папараць-кветку. Чтобы сделать это, нужно пройти квест. Кое-кому это уже удалось* (Новости Лиды | LIDANEWS, 09.07.2023).

Белорусскоязычные вкрапления вводятся в текст публикаций разными способами:

1) без кавычек на белорусском языке: *Бульба, несмотря на природные катаклизмы, дала плюс. И это радует. За две недели уборки накопили 486 тонн. Урожайность выше прошлогодней: с гектара берем по 300 центнеров клубней* (Ивьевский край / ivueneews.by, 15.09.2021);

2) в кавычках на белорусском языке: *В Волковыске искали «папараць-кветку», водили русалочки хорыводы и выбрали «Мисс Купальская ночь»* (ВОЛКОВЫСК NEWS, 07.07.2019). *Прямо сейчас у стен Лидского замка лидчане празднуют районный праздник «Купалле»* (Новости Лиды | LIDANEWS, 08.07.2023);

3) без кавычек по орфографическим правилам русского языка: *Вот такой красавец отправится завтра на Дожинки в Скидель!* (Voranneews, 24.09.2021); *Посмотреть было на что: библиотека с*

потрясающими муралами на входе, отдел народных ремёсел с мастер-классом по соломоплетению и вырезанию **вытинанок**, кинотеатр и тренажерный зал (Островецкая правда, 30.11.2022); Ребята играли, разучивали народные танцы, исполняли **песни-веснянки** (Островецкая правда, 22.03.2023);

4) в кавычках по орфографическим правилам русского языка: *На областных «Дожинках» от Ивьевского района награждаются пять человек* (Ивьевский край / ivyenews.by, 01.10.2022).

Таким образом, в телеграм-каналах районных газет Гродненской области, как и в пространстве самих районов, белорусский язык используется, однако имеет, скорее, символическое значение. Тем не менее, редакции районных изданий выполняют свою роль в реализации государственного двуязычия, публикуя материалы на белорусском языке, вводя различные белорусскоязычные единицы – слова, словосочетания, предложения – в тексты на русском языке. Следует подчеркнуть, что белорусскоязычные единицы используются не только в текстах публикаций, но и в паратексте телеграм-каналов при оформлении самих интернет-площадок: в названиях, в рубрикации, в позиции хештегов. В условиях государственного двуязычия чрезвычайно важно сохранить практику использования двух государственных языков в пространстве массмедиа – и в печатных изданиях, и на интернет-площадках (на сайтах, в аккаунтах в социальных сетях, каналах в мессенджерах), т. к. язык СМИ не только является своеобразным зеркалом языковой ситуации в обществе, но и диктует моду на языковые предпочтения социума.

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков / М. И. Конюшкевич // Язык в контексте общественного развития = Language in the Context of Social Development. – М., 1994. – С. 213–221.

2. Конюшкевич, М. И. Двуязычное медиaprостранство. Статья первая. Белорусизмы в русскоязычных текстах белорусских СМИ / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. – 2016. – Вып. 4 (14). – С. 59–67.

3. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання / А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 396 с.

4. Мечковская, Н. Б. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? [Электронный ресурс] / Н. Б. Мечковская // Неприкосновенный запас. – № 6. – 2011. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/6/pochemu-v-postsovetskoj-belarusi-vse-menshe-govoryat-na-belorusskom-yazyke.html?ysc lid=lkapx137ky308282771>. – Дата доступа: 11.12.2022.

5. Вольнец, Т. Н. О межтекстовом взаимодействии русского и белорусского языков / Т. Н. Вольнец // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы X междунар. науч. конф., посвящ. 95-лет. образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурыский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 12–16.
6. Десюкевич, О. И. Идиомы в белорусском интернет-пространстве: прагматика языковых вкраплений / О. И. Десюкевич // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст : матэрыялы канф., БДУ, 22–23 лют. 2017 г. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 48–54.
7. Пивоварчик, Т. А. LOL-трасянка: на каком языке шутят белорусские сетевые сообщества? / Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 87–99.
8. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев : Вищ. шк., 1979. – 263 с.
9. Пиваварчык, Т. А. Беларуская мова на старонках раённых газет ва ўмовах беларуска-рускага медыйнага білінгвізму / Т. А. Пиваварчык // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця : матэрыялы міжнарод. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / пад рэд. Л. А. Ліхадзіеўскай [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 280–284.
10. Салей, К. М. Ситуация мультилингвизма в аккаунтах белорусских районных СМИ в мессенджере Telegram / К. М. Салей // Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 22-й междунар. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей (15–17 марта 2023 г.) / под ред. А. А. Малышева. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2023. – С. 81–83.

Minchuk Inna

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: i.minchuk@grsu.by

BILINGUAL MEDIA SPACE: BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN TELEGRAM CHANNELS OF REGIONAL MEDIA

The ways of introducing Belarusian units into the texts in Russian, posted in the telegram channels of the regional newspapers of the Grodno region, are revealed. It has been established that the Belarusian language is regularly used by editors in the space of the messenger, publications may include individual units: from a word to a microtext. Belarusian units are used in the design of the channel (title, heading, hashtags) and in the text of publications. Belarusian inclusions are enclosed in quotation marks or served without them, can be formatted according to the rules of the Belarusian language and presented in Russian spelling.

Keywords: regional media, media text, new media, messenger, Belarusian language, Russian language, bilingualism.

РАЗДЕЛ 5. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЭТНАЛИНГВИСТЫКА. ЛИНГВАКУЛЬТУРАЛОГИЯ

«...Мову мы ўсе (і вучні, і настаўнікі, і вучоныя) вывучаем, каб ведаць сябе. Хто мы такія, дзеля чаго прыйшлі ў гэты свет, хто нам даў такое шчасце бачыць і ўсведамляць сябе і ўсё, што навокал, адчуваць, размаўляць і не знаходзіць слоў ад захаплення ці болю. Хто нам даў такі цуд – Мову?! Нейкіх паўсотні гукаў, камбінацыі з якіх адкрываюць нам сусветы, не даюць адчуць самоту, забяспечваюць нашы ўзаемныя ў прасторы і ў часе. Што гэта за феномен, які чалавек спасцігае за першыя чатыры-пяць гадоў, а потым яму не хапае жыцця, а чалавецтву тысячагоддзяў, каб раскрыць яго таямніцу?» (М. І. Канюшкевіч, 2003).

«Мова як сістэма катэгорый адлюстравання і культура як сукупнасць элітарных духоўных дасягненняў узыходзяць да адзінага ўніверсальнага кода мыслення. Асноўнае месца ў гэтым кодзе займаюць семіятычныя апазіцыі: жыццё / смерць, мужчына / жанчына, верх / ніз, агонь / вада, свой / чужы, бачны / нябачны, здароўе / хвароба і г. д. Самі апазіцыі з'яўляюцца ўніверсаліямі, але іх вербалізацыя сродкамі той ці іншай мовы мае сваю спецыфіку: адна і тая ж апазіцыя ў розных народаў і ў розных мовах можа выяўляцца неаднолькава, бо яе важнасць, значнасць для кожнага народа розная» (М. І. Канюшкевіч, 1999).

В. А. Маслова

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ**

Анализируются языковые факты, в которых переплетены культурные знания, являющиеся объектом исследования лингвокультурологии, и когнитивные знания о мире. В статье показан крен лингвокультурологии к когнитивистике. Это актуальные проблемы взаимодействия лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, картина мира, образ мира.

Статья посвящается доктору филологических наук, профессору Марии Иосифовне Конюшкевич, известному белорусскому лингвисту, внесшему значительный вклад в развитие синтаксиса, как системно-структурного, так и функционального, а также в развитие белорусской медиалингвистики. Особо нужно выделить поистине подвижническую деятельность Марии Иосифовны – организацию и проведение Карских чтений – международного научного форума, который стал брендом Гродненского университета. Здоровья Вам, дорогая Мария Иосифовна, и сил для новых свершений, новых книг.

Цель данной статьи – установить, в пределах какого горизонта мы смотрим на проблемы взаимодействия языка, культуры, человека, его сознания и знания о мире, ибо, как утверждал Сервантес, «всякая высота открывает новые горизонты».

Язык, как известно, является главным инструментом не только в коммуникации, но и в познании. Отсюда возникновение когнитивной лингвистики, цель которой – познать не только окружающий, но и вымышленный мир, а также внутренний мир человека, определить границы наших знаний и установить, насколько достоверно или недостоверно данное знание.

В последнее время значительно вырос интерес к изучению сознания. При этом все чаще пишут о том, что реально исследовать можно только языковое сознание, т. е. вербализуемую часть сознания [1; 2 и др.]. Более того, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурология тоже приходит к выводу, что невозможно исследовать фундаментальные вопросы взаимодействия феноменов языка и культуры без обращения к человеку и его языковому сознанию.

Было установлено, что соединение знака со смыслом задает ту основу, на которой создается элементарная единица знания, а из этих единиц

формируется языковое сознание и строятся наши знания о мире, наша картина мира, отображенная в языке. Для данных единиц знания ученые используют различные термины – лингвокультуремы (В. В. Воробьев), культуремы (В. Г. Гак), логоэпистемы (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), информемы (В. В. Морковкин), концепт (Ю. С. Степанов) и др.

Сейчас лингвокультурология имеет очень большое поле проблем для исследований. Это уже не просто проблемы взаимодействия языка и культуры, а 1) исследование языковой картины мира; 2) концептуализация одного и того же фрагмента мира в разных лингвокультурах; 3) выдвигание на первый план специальных терминов – «концепт» и «языковое сознание», «языковая личность» и их активное исследование; 4) изучение функционирования концептов в языке с учетом лингвокогнитивных аспектов; 5) концептосфера художественного дискурса; 6) концептосфера научного дискурса – составление словарей лингвокультурологических терминов. Как видим, это разные когнитивные области гуманитарного знания, т. е. современная лингво-культурология реализует интегральный подход к языку.

Решение названных проблем привело к накоплению большого количества информации как теоретического, так и прикладного характера, которая позволяет говорить о сформированности нескольких направлений: теоретической (общей) лингвокультурологии (В. В. Воробьев, В. Н. Телия, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова и др.), философской лингвокультурологии (Ю. С. Степанов, А. В. Кравченко и др.), сравнительно-сопоставительной лингвокультурологии (Ж. Ж. Капенова, З. К. Темиргазина и др.), прикладной лингвокультурологии – лексикографической и методической (В. М. Шаклеин, В. В. Воробьев, В. П. Синячкин), аксиологической лингвокультурологии (З. К. Темиргазина), лингвокультурологии поликультурного пространства (У. М. Бахтиреева), экспериментальной лингвокультурологии (В. П. Синячкин), синергетической лингвокультурологии.

Общей чертой названных направлений и проблем в рамках современной лингвокультурологии является крен в когнитивистику. Попробуем разобраться, насколько это необходимо лингвокультурологии, или же это просто мода на когнитивные исследования.

Мы живем в мире собственных ментальных схем, поэтому все лингвокультурные реалии являются в то же время лингвоментальными, т. е. существуют в единстве их языковых и культурных содержаний и рассматриваются сквозь призму когнитивного анализа их формирования и функционирования, т. е. учитываются особенности сознания человека.

И лингвокультурология, и когнитивная лингвистика должны установить, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах и понятиях мир, как из них формирует образ мира русского человека. Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и языковая личность строит высказывание в соответствии с этой картиной. Например, высказывание *Ему больше не больно*, в котором наречие *больше*, имеющее качественное значение, вдруг начинает обозначать время – ‘после того, что произошло, он не чувствует боли’. Даже в близкой к русской белорусской лингвокультуре используется наречие с временным значением – *цяпер*. Таких примеров гораздо больше, чем кажется на первый взгляд: *уйти в себя, выйти из себя, прийти в себя* – казалось бы, одно и то же возвратное местоимение *себя* и глагол движения *идти*, но они обозначают разные состояния языковой личности. Как объяснить, что ответ на вопрос *Водку пить будешь?* – ***А то нет!*** – означает согласие при полном отрицании, а еще здесь завуалированный вопрос и эксплицитное восклицание. Еще пример: *На какой стадии твоя диссертация?* – *На стадии отчаяния*. Здесь к общеупотребительному значению ‘ступень в развития чего-либо’ добавляется неожиданная оценка эмоционального состояния. Такие смыслы в разных вариациях широко распространены в русской языковой картине мира. Вероятно, это возможно потому, что русское слово как раз так функционирует, обогащаясь, – через семантическое включение и транспозиции. В европейских языках, например, французском, часто теряется автономия слова в пользу синтагмы. Поэтому А. Вежицкая называла многие русские высказывания «неправильными». Видимо, поэтому концепты русской лингвокультуры как фиксаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Совершенно справедливо М. И. Конюшкевич утверждала, что «неутомимость и неутомимость нашего разума в процессе категоризации мира проявляется во всех подсистемах языка, в том числе и в подсистеме служебных слов, в частности, предлога, который, образуя синтаксему, является ее формантом (разумеется, вместе с флексией зависимого существительного)» [3, с. 5].

Для нас особый интерес представляет синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение

языка и культуры, поскольку язык не только описывает готовый мир, но и по-своему творит его. Итак, лингвокультурологию можно рассматривать с позиций синергетики, потому что современная лингвокультурология – наука комплексная, т. к. предполагает объединение не только языка, культуры, но и человека и его сознания. А мировосприятие теснейшим образом связано с миропознанием, которым и занимается когнитивная лингвистика. Такое объединение по сути трех-четырёх систем знаний должны обогатить друг друга, дать целостное восприятие мира и человека через язык с помощью сознания. И это закономерно, потому что ни одна из названных систем знания не самодостаточна и, согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Поэтому синергетическое мировидение обладает большим междисциплинарным и прикладным потенциалом. Если бы мы хорошо читали и верили своим национальным гениям, то пришли бы к такому заключению раньше Лакоффа и Джонсона. Так, В. И. Вернадский еще в прошлом веке сказал, что настала пора исследовать мир по проблемам, а не по наукам.

Язык, равно как и культура с ее традициями и обычаями, управляет поведением человека. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, имеет свой способ его концептуализации. Например, с точки зрения лингвокультурологии, есть относительно простые и сложные оппозиции, при исследовании которых необходим синергетический подход. Такова оппозиция «значение – смысл». Смысл в синергетике рассматривается «как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [4, с. 34]. Поэтому одна и та же языковая единица, помещенная в разные контексты (системы), может получить самые различные смыслы, которые порождаются, с одной стороны, контекстами, а с другой – культурной семантикой самих этих единиц. Так, фразеологизм *души не чаять* в значении ‘очень сильно, безгранично любить’, это как бы эталон любви, ее предел. Но из опыта мы знаем, что безграничная любовь делает человека уязвимым, зависимым от того, какая душа у объекта любви (ср. этимологическую связь между *чаять* и *чуть*). Казалось бы, контекст может навести и придать фразеологизму и отрицательную, и положительную оценку. Но, как справедливо отмечает М. Л. Ковшова, эта оценочность не зависит от контекста, т. к. сам контекст «обусловлен культурной семантикой фразеологизма» [2, с. 132]. Примером могут служить также пословицы и поговорки, афоризмы с амбивалентными смыслами: *Народная мудрость гласит: после выхода на пенсию в доме*

можно свистеть сколько угодно. Здесь зашифровано народное русское поверье: свистеть в доме нельзя, т. к. не будет денег. Помогает понять данное предложение и социальный опыт выживания на небольшую пенсию. Следовательно, необходимо придавать особое значение взаимодействию языка, социального опыта и культуры. В этих случаях порождается пространство новых диффузных смыслов, которые усложняют понимание языковой единицы и создают более глубокое ее видение, что и формирует в результате пространство культуры.

Единицы языка, к примеру фразеологизмы, как бы навязывают своим носителям особое видение мира, ситуации, хранят старый уклад жизни, обряды и верования. Например, сведения о быте русского народа (*красный угол, печки-лавочки*), об этикетном поведении (*садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку*), о традициях и обычаях (*из полы в полу, вывести на чистую воду*) и т. д.

Языковая картина мира каждого народа отображает не только современную ментальность нации, но и включает в себя фольклорные, мифологические, архетипические элементы. Именно здесь хранятся те прескрипции, установки и ценности, руководствуясь которыми человек становится национально-ориентированной личностью. При функционировании моно разграничить даже очень близкие в научной классификации объекты, например, *ноги* и *колени* как точки опоры человека: во фразеологических единицах *встать на ноги* – «обрести самостоятельность, независимость» и *встать на колени* – «выражать свою покорность» – колени, как часть ног, противопоставлены ногам, так как в составе фразеологизма **колени** приобретают квазисимвольное значение ‘вид недопустимой опоры’, в отличие от значения **ноги** – ‘вид необходимой опоры’ (см. об этом в работах В. Н. Телия).

Язык культуры, служащий для выражения смыслов, – это символы, эталоны, стереотипы и т. д. Тогда сама культура – это пространство культурных смыслов, ценностей, вырабатываемых человеком и процессе миропонимания, и кодов, называющих эти культурные смыслы. Без привлечения культурных знаний многие тексты остались бы непонятными. Например: *Среднестатистический студент – это Змей Горыныч, но наоборот – голова одна, а хвоста три.* Наиболее яркие тексты культуры – фразеологизмы, пословицы, поговорки, тосты, анекдоты – хранят и транслируют нам запечатленные в них установки и ценности народа. Что дает для лингвокультурологии привлечение данных когнитивной лингвистики?

Язык хранит многие важные для человека знания, которые в обществе утрачены либо упрощены из-за узко позитивистского воззрения на мир. Слово – барометр правильности нашей жизни. Слова меняются под влиянием наших воззрений на мир. Так, *кураж*, заимствованное из французского языка, использовалось в русской лингвокультуре только с негативной коннотацией – *пьяный кураж* – и по значению приближалось к *разгуду*. Теперь оно все чаще используется в позитивном смысле – как *состояние подъема* (ранее такое допускалось только в специальном языке – у циркачей). Следовательно, слово не только формирует наше сознание, но и само набирает глубину или мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Это такие общечеловеческие ценности, как *душа, вера, надежда, любовь, грех, спасение, милосердие, благодать, совесть, честь, долг, смирение* и др. См. об этом подробнее в [5].

Таким образом, наше миропонимание в значительной степени находится в плену у языковой картины мира. А при анализе языковых фактов нужно учитывать не только внутриязыковой контекст (правила текстообразования), но и языковую ситуацию, формирующуюся каждый раз заново с учетом опыта, фоновых знаний, пресуппозиций и ассерций, о чем писал еще Л. Витгенштейн при создании теории языковой игры. При этом узуально закрепленные коммуникативные возможности слова расширяются в неожиданную сторону. Например: *Вы же совсем не попадаете в ноты! – Так я и не целюсь*. Фраза *Только промахнувшись, понимаешь, как ты попал* делается понятной только с учетом знания целого ряда ситуаций и с привлечением опыта языковой личности. Семантика глагола *попасть* претерпевает изменения вплоть до семантической метаморфозы из-за разнообразия ассоциативных связей, которые возникают обычно на значимые явления мира.

Я его плохо знаю с хорошей стороны – игра антиномичными связями, выявляющими коммуникативный потенциал слова. Как правило, в таких случаях активно используется потенциальная ситуативная и культурная семантика.

Под влиянием новых знаний изменилась не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, в которой ранее языковое знание понималось как довольно самостоятельный модуль ментальности человека. Теперь, оказывается, что многое зависит от языковой личности

(и говорящего, и слушающего), в сознании обнаруживается много непонятого и необъяснимого с позиции когнитологии. *И нечего раньше времени (раньше какого времени?) огород городить.* Ложная поверхностная семантика усиливает очевидность глубинных знаний.

Еще пример из поэтического текста, т. к. поэзия обладает суггестивной силой, ей противопоказана однозначность понимания и интерпретации, в ней есть намек на нечто необычное, тайное, загадочное, гипнотизирует читателя игрой – глубинной игрой смыслов, возникающих при сближении казалось бы несочетаемых слов в стихотворении. О. Мандельштам «*Может быть, это точка безумия:*

*Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя –
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.
Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнова
Собирает в единый пучок.
Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом... (15 марта 1937).*

О. Мандельштам вводит нас в мир особого состояния: кристаллы (от греч. «лёд») – это твердые вещества, имеющие первородную форму многогранников. В русской лингвокультуре это символ чистоты, упорядоченности. Кристаллы пространственно одинаковы, но имеют разные расстояния между частицами, образующими узлы решётки. Эти узлы поэт называет *узлы жизни*, вероятно, по ассоциации со свойствами атомов в узлах быть связанными попарно. Кристалл обладает первородной чистотой, отсюда *соборы кристаллов сверхжизненных*, но здесь на первый план выходят иные смыслы – совесть, будучи узлом жизни, подобна *сверхжизненному кристаллу*, т. е. в кристалле высвечивается еще и нравственная сущность.

Что же прибавила современная лингвокультурология к уже существующим знаниям о языке и культуре?

Посмотрим на проблему со стороны существования природы и человека в ней. Это важнейший параметр при сопоставлении культур. Собранный нами материал позволил подтвердить выдвинутую филосо-

фами (А. А. Брудным и другими) гипотезу: отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу. С точки зрения синергетического подхода, жизнь общества и жизнь природы едины. Н. Бердяев писал, что русское мироощущение ближе к «духам природы», оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего выражения. У французов, например, природное начало слабее, т. к. они имеют более древнюю культуру.

Поэтому многочисленные исследования зоонимов, фитонимов в ономастике, казалось бы, безнадежно устарели, а лингвокультурология позволяет посмотреть на них с иной стороны – с позиций процесса концептуализации культуры.

Дело в том, что язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает и формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре, порождая новые неожиданные метафоры, строящие **русскую картину мира**: *скатерть-самобранка, блюдечко с голубой каемочкой; жареный петух – русская птица счастья; перешагнуть грабли – русская удача*. Как видим, язык – это не просто набор форм, но и своеобразная классификационная система, выделяющая и организующая элементы опыта.

Есть еще несколько актуальных проблем, решить которые может лингвокультурология. Одна из них – понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формируется языковая картина мира. Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией, которая уже сегодня готова дать список важнейших (ключевых) концептов лингвокультуры, составляющих концептосферу человека, его образ мира. Подобное исследование создается в Беларуси для установления образа мира белоруса [6].

Культура многогранна, даже голографична. Она поворачивается к исследователям разными сторонами, поэтому носитель каждой культуры видит свое в одном и том же явлении мира. Это разные смысловые слои, они диффузны, не имеют четких границ, постоянно проникают один в другой. Поэтому концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой реализуемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Все это фиксирует и исследует лингвокультурология.

Список литературы

1. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование : XIII междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл., Москва, 1–3 июня 2000 г. / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 3–4.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : УРСС, 2012. – 341 с.
3. Конюшкевич, М. И. Отношения в мире – отношения в языке (о двух векторах субъектной доминанции) // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. Ч. 1 / редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2011. – С. 5–11.
4. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 406 с.
5. Иванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Белоруссии / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2022. – 404 с.
6. Пивавар, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К. С. Пивавар. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 155 с.

Maslova Valentina
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: mvavit@tut.by

MODERN LINGUOCULTUROLOGY:
PROBLEMS OF INTERACTION WITH COGNITIVE LINGUISTICS

The article is devoted to the analysis of linguistic facts in which cultural knowledge, which is the object of research in linguoculturology, and cognitive knowledge about the world are intertwined. The article shows the direction of linguoculturology towards cognitive science. These are current problems of interaction between linguoculturology and cognitive linguistics.

Keywords: linguoculturology, cognitive linguistics, picture of the world, image of the world.

УДК 811.161'42:398.3(=161)

В. И. Коваль

**ЛЮБОВНЫЕ ПРИСУШКИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН:
ВЕРБАЛЬНАЯ И АКЦИОНАЛЬНАЯ МАГИЯ**

Рассматриваются восточнославянские присушки – магические приемы, имеющие целью вызвать чувство любви у какого-то конкретного лица. В качестве источников используются работы по этнографии, мифологии и этнолингвистике XIX – нач. XX вв. Обращается внимание на выражение словесной формулы присушки-интенции, выражающей намерение субъекта «зарядить» объект заговора или за-

клинания сильным, «неотвязным» любовным чувством. Описываются конкретные магические действия, производящиеся одновременно с произнесением магической формулы.

Ключевые слова: акциональная магия, вербальная магия, сакральная лексика, любовные заговоры, магическая формула.

Среди различных магических приемов, направленных на вызывание любовного чувства, особое место занимают так называемые присушки, имеющие целью вызвать у какого-то конкретного лица чувство любви, которое определяется как ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’ [1, с. 509]. Рассмотрим основные проявления любовной магии, под которой понимается «совокупность «привораживающих» и «отвораживающих» приемов – как чисто акциональных, так и сопровождаемых произнесением заговоров» [2, с. 154].

1. Акциональная любовная магия заключается в выполнении определенного действия с использованием предмета, наделяемого сакральными свойствами. Подобные действия, очевидно, считались «самодостаточными», не требующими какого-то словесного сопровождения, хотя потенциально оно, конечно, могло иметь место. Типичным образцом подобных магических действий является ситуация, связанная с супругой великого князя московского Василия III (начало XVI века), которая, желая излечиться от бесплодия и вызвать к себе любовь мужа, обратилась за помощью к знахарке, использовавшей «наговорную» воду: «Ворожея осмотрела ей брюхо и сказывала, что детей у нее не будет. Потом наговорила в рукомойнике воду и советовала Соломонии той водой умываться, чтобы любил ее муж, а когда понесут к великому князю сорочку, чехол или порты, и в то время она бы, омочив свои пальцы в рукомойнике, охватывала ими белье. Соломония последовала наставлению и действительно смачивала наговорною водою мужнино белье и платье» [3, с. 615].

Приведем еще несколько аналогичных примеров:

1.1. В 1635 году в кармане придворной мастерицы-золотошвейки Чашниковой случайно обнаружили «корень неведомо какой». Под пытками «мастерица призналась, что этот корень ей дала жёнка Танька для того, чтобы муж Чашниковой был добрее и перестал ее бить. Позвали на суд вышеназванную Таньку, которая сказала, что корень этот называется *обратим* и располагает мужа к жене любовью» [4, с. 230].

1.2. В 1734 году нижегородская крестьянка Авдотья Борисова рассказала на допросе о своей любви к сыну сельского писаря Степану Борисову: «Тому года с три незнамо с чего стало ей жаль тоя деревни крестьянина Степана Борисова, и всегда б на него, Степана, она смотре-

ла, а когда его не видит, то бывала ей великая по нем тоска. И когда случалось видать того Степана наедине, говаривала она ему, Степану, что ей бывает по нем великая тоска, а от чего – не знает. Он же, Степан, говорил, чтобы она, Авдотья, жила с ним блудно, то-де тоски такой уже не будет. А она, Авдотья, ему говорила, что того делать она боится, чтоб не очреватить, понеже она до него, Степана, ни с кем блуда не чинивала» [5, с. 177].

1.3. В 1762 году воронежский однодворец Илларион Черкешенинов наговорил с «шепотом наговор» и поднес его женке Пелагее, чтобы Пелагея полюбила его. В результате «после того только что дошел он домой, Пелагея при свекре своем Иване Коробеве стала необычайно тосковать и твердить об Илларионе, из чего свекор Коробов заключил, что в ней произошла порча и что испортил ее Илларион» [5, с. 175].

1.4. В украинской традиции влюбленные девушки использовали для привораживания парней оставленный ими на земле след: «Ворожба по следу довольно обычна в Малоросии, и в народных песнях она занимает видно место. Так, в одной песне парубок, полюбив девушку, подозревает, что она дала ему приворотного зелья. Девушка отвечает ему: *Ой я ж тобі, мой миленькій, зілля не давала, / Слідок брала, к сердцю клала, що вірно кохала*. В другой песне девушка говорит парубку, что она его действительно приворожила таким образом: *Я із-нід тебе землю брала, / До сердця клала, тебе чаровала*. Результаты чарования оказались такими, что парубок не мог жить без очаровавшей его дивчины, и «вечера ему не мила, и робота не мила» [6, с. 584].

2. Второй тип любовных присушек иллюстрирует вербальная магия, представленная соответствующими заговорными текстами, в которых, напротив, почти отсутствуют какие-либо сопровождающие действия субъекта заговора: кинесика заговаривающего проявляется лишь в его эмоциональном речевом акте.

Заговорный текст такого типа может быть «развернут» на основе общезыковой метафоры «огонь в печи → сильное любовное чувство»: рус. *Есть в чистом поле печь медная, накладено в нее дров дубовых; как от тех дров дубовых сколь часто разгорается, так бы разгорелось у рабы Божьей (имя), по мне, рабу Божью (имя), двадцать четыре часа денных и ночных, на нову месяце и на ветху месяце, во вся межженные дни, не могла бы она, раба Божья (имя), без меня ни жить, ни быть. Всем моим словам ключ и замок, аминь, аминь, аминь* [4, с. 309]; бел. *Пад усходняй стараной стаяць тры печы: печка медная, печка жалезная, печка кірпічная. Як яны распаліся, разажгліся ад неба да зямлі,*

так бы разжыгала ў рабы Божай (імя) к рабу божаму (імя) лёгкае, пячонае і кроў гарачу: не можна бы ёй ні жыць, ні быць, ні есці, ні піць, ні спаць, ні ляжаць, усё мяне на ўме трымаць [7, с. 370].

Тексты заговоров (в том числе – любовных) дают богатый материал для иллюстрации двоеверия, о чем в свое время писал академик В. Ф. Миллер: «Известно, что наши заговоры представляют дикое смешение имен Бога, Богородицы и святых с именами мифических сил, олицетворений природы и нечистых духов» [8, с. 84].

Так, в следующем заговоре присутствует прямое обращение заговаривающего к Богу, и эта особенность формально сближает языческий по своей природе текст с христианской молитвой. К Богу в этом случае обращаются как к посреднику, который может вложить «огненную искру» (любовь) в тело и в душу любимой (желанной) девушки (женщины): *Упокой, Господи, душу, в теле живущую, у рабы твоя (имя). Боли ее сердце, гори ее совесть, терпи ее ярая кровь, ярая плоть, легкое, печень, мозги. Мозжитесь ее кости, томитесь ее мысли и день, и ночь, и в глухую полночь, и в ясный полдень, и в каждый час, и в каждую минуту обо мне, раб Божиим (имя). Вложи ей, Господи, огненную искру в сердце, в легкие, в печень, в пот и в кровь, в кости, в жилы, в мозг, в мысли, в слух, в зрение, обоняние и в осязание, в волосы, в руки, в ноги – тоску и сухоту, и муку; жалость, печаль и заботу и попечение обо мне, рабе Божиим (имя)* [9, с. 17–18].

С другой стороны, исполнитель любовного заговорного текста, стремясь добиться расположения девушки или женщины, может напрямую обращаться за помощью к верховному воплощению зла и к нечистым духам вообще: *рус. Гой еси ты, государь Сатана! Прошли на помощь ко мне, рабу твоему (имя), часть бесов и дьяволов – Зеследер, Парластон, Коржан, Ардун, Купалолока, с огнями горящими и пламенем палящим, и с ключами кипучими, и чтоб они шли к рабице-девице (имя) или молодежи (имя) и зажгали бы они по моему молодецкому слову ее душу, и тело, и буйную голову* [8, с. 84]; *бел. У чыстым полі стаіць тры бесі. Першы бес Сава, другі бес Шаптун, трэці бес Калдун. Пайду я к тым бесям набліжы, пакланюся паніжы. Вы, трыдзеваць бесі, паслужыця мне, як служылі Граду-цару. Ідзіце вы на сёлах, на гарадах, на вёсках і збірайце ўсякую нуду і ўсякую сухату з пціц і звярэй і з усякіх людзей, і занясіце вы ету нуду, усякую сухату малайцу (имя) ў ясныя вочы, у чорныя бровы, у румяны твар, у рацівае сэрца, у сонную печань, у гаручую кроў, у трыдзеваць жылы, у адну жылу станавую і падпятную, у семдзесят адзін сустаў. Штоб ён не мог ні жыць, ні быць, ні днём па сонцы, ні*

ноччу на місяці без мяне, красныя дзявіцы (імя). Штоб ён не мог ні з кім належацца, ні ў мяккай пасцелі адсыпацца, ні прэсным малаком нахлябацца, ні ў парнай бані парыцца [7, с. 371].

Более сложным вариантом этого типа присушек является заговор, предполагающий направление внутренней энергетики сакрального текста на какой-либо предмет, который в дальнейшем (после произнесения заговора) должен быть съеденным (выпитым) тем, кто является объектом заговора. Происходит, таким образом, своеобразная «подпитка», «зарядка» и – соответственно – сакрализация самого обычного предмета. К заговорному тексту при этом прилагается что-то вроде краткой «инструкции»-предписания, причем вначале описывается определенное (алогичное на уровне здравого смысла) действие, а в конце – его такое же алогичное завершение.

Один из подобных заговоров имеет название, которое указывает на средство передачи присушки – «Наговор на пряник», и сопровождается следующими предписаниями: «Истопи баню жарко и войди в нее. Когда взопреешь, возьми чистую тряпицу, сотри пот и выжми тряпку на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор: *На море на океане, на острове Буяне, стояло древо; на том дереве сидело семьдесят, как одна птица. Эти птицы ципали ветви, эти ветви бросали на землю; эти ветви подбирали бесы и приносили к Сатане Сатановичу. Уж ты худ бес! Кланяюсь я (имя) тебе и поклоняюсь, послужи мне службу и сделай дружбу: зажги сердце (имя) по мне (имя) и зажги все печенья и легки, все суставы по мне (имя). Будь мое слово крепко, крепче трех булатов во веки! Вели девице пряник съесть» [4, с. 305].*

3. Третий тип любовных присушек представлен описаниями, в которых определенное магическое действие сопровождается использованием устойчивой магической формулы, построенной по принципу подобия: «как – так» / «так – как» / «сколь – столь». Например, следующий заговор-присушка отличается от предыдущего рядом особенностей: отсутствием «сатанинской» ориентации, использованием общеизвестного символа любовных отношений – сросшихся растений, а также совершенно несъедобного вещества – растворенного в воде высушенного мха: «Нужно пойти в лес и найти такой корень, из которого растут дуб и береза вместе; взять из первого и со второй по щепотке мха, положить на левую руку и сказать: *Щоб ти мене так трімався, як той дуб берези*, и это повторяется три раза. Возвратившись домой, мох высушивают и, стерев в порошок, дают выпить парню» [10, с. 136].

Приведенный выше «Наговор на пряник» обращает на себя внимание из-за использования в любовной магии в качестве магического «приворотного» средства человеческого пота, который воспринимается как «субстанция, воплощающая жизненную силу, плотскую, телесную природу человека. <...> Выступая в качестве эквивалента физической сущности человека, пот используется в любовной магии как сильное приворотное средство, способное внушить страсть к тому, чей пот использован в ворожбе. <...> Знахарка в бане натирала тело невесты солью со словами: *Как пот на моем теле сохнет, так пусть и душа его (имя жениха) по мне сохнет*. Затем эту соль добавляли в пирог, предназначенный для жениха» [11, с. 218].

В последней магической формуле обращает на себя внимание использование глагола *сохнуть*, употребленного как в прямом, так и в переносном значениях: ‘становиться сухим, теряя влагу’; ‘страдать от любви к кому-либо’ [1, с. 1242–1243]. Очевидно, что именно на этом «обыгрывании» семантики глагола *сохнуть* основана внутренняя форма термина *присушка* (*присуха*), который обычно понимается как магическое воздействие на человека с целью возникновения у него эмоционального и духовного влечения к другому человеку. Сравн.: «Для присухи мужчины из светлого веника берется пруток, который кладут на пороге двери, в которую войдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнут через прут, то он убирается в такое место, где его никто не может видеть. Потом прут берут и кладут в жарко натопленной бане на полók, приговаривая: *Как сохнет этот прут, так пускай сохнет по мне раб Божий такой-то*» [4, с. 313].

В древнерусской былине «Добрыня и Маринка» злая колдунья Марина Игнатьевна, стремясь приворожить богатыря Добрыню, предпринимает более радикальные магические действия, сопровождаемые приговором: она сжигает в печи взятые из-под его ног следы, произнося при этом текст присушки: «И в те поры Марине за беду стало, / Брала она следы горячие молодецкие, / Набирала Марина беремя дров, / А беремя дров белодубовых, / Клала дровца в печку муравленую / Со темя следы горячими, / Разжигает дрова палящатым огнем, / И сама она дровам приговаривает: / *Сколь жарко дрова разгораятся / Со темя следы молодецкими, / Разгоралось бы сердце молодецкое / Как у молода Добрынюшки Никитьевича*». Закономерным следствием Марининой присушки стало тяжелое душевное состояние богатыря: «Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест, / Со полуночи Никитичу не уснетса, / Он белого свету дожидаетса» [12, с. 293].

Совершенно очевидно, что различные формы «привораживания», «присушивания» по понятным причинам не могут не получать негативной морально-этической оценки: «Концепция, отразившаяся в любовной магии, предстает, несомненно, как кощунственная и антихристианская. Вместо неземного чувства, приобщающего человека к Богу, мы видим здесь низменную страсть, приносящую боль и протекающую подобно болезни. <...> Если брачный союз основан на свободном волеизъявлении, то цель любовной магии – принудить человека, подавить его волю. Любовная страсть насыщается в заговорах как некая сверхчеловеческая сила, несущая другому человеку зло и разрушение. Это, как правило, не любовь, а тоска, кручина, сухота, да и требуют в заговорах не взаимного чувства, а того, чтобы кипело, горело, болело сердце у рабы Божией или раба Божия, чтобы они тосковали и горевали» [13, с. 65].

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Топорков, А. Л. Любовная магия / А. Л. Топорков // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М. : Междунар. отношения, 2004. – С. 154–158.
3. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов А. Афанасьева. – Т. 3. – М. : Издание К. Солдатенкова, 1869. – 840 с.
4. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.
5. Смилянская, Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : Индик, 2003. – 464 с.
6. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. – 1889. – Т. XXVII. – С. 582–603.
7. Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
8. Миллер, В. Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры / В. Ф. Миллер // Русская мысль. – 1896. – № 7. – С. 66–89.
9. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : Тип. Майкова, 1869. – 164 с.
10. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. – Т. 1. – СПб., 1872. – 252 с.
11. Левкиевская, Е. Е. Пот / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 4. – М. : Междунар. отношения, 2009. – С. 218–219.

12. Былины / вступ. ст., подготов. текста и примеч. Б. Н. Путилова ; ред. Д. С. Лихачев. – М. : Сов. Писатель, 1957. – 485 с.

13. Топорков, А. Л. Русские любовные заговоры XIX века / А. Л. Топорков // Эротика и порнография в русской культуре : сб. ст. / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. – М. : Ладомир, 1999. – С. 54–71.

Koval Vladimir
Francisk Skoryna State University of Gomel
e-mail: vlad-kov@mail.ru

LOVE SPELLS AMONG OF THE EASTERN SLAVS: VERBAL AND ACTION MAGIC

The article discusses East Slavic prisushki – magical techniques aimed at evoking a feeling of love in a particular person. Works on ethnography, mythology and ethnolinguistics of the XIX – early XX centuries are used as sources. Attention is drawn to the expression of the verbal formula of the prisushki-intention, expressing the intention of the subject to «charge» the object of a conspiracy or spell with a strong, «persistent» love feeling. The specific magical actions performed simultaneously with the pronouncing of the magic formula are described.

Keywords: action magic, verbal magic, sacred vocabulary, love spells, magic formula.

УДК 811.161.1

А. В. Никитевич ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО. ОБ АКТУАЛЬНОМ В ПОРОЙ ЗАБЫТОМ И, КАЗАЛОСЬ БЫ, ОТ НАС УШЕДШЕМ...

Рассматриваются различные вопросы, связанные с характеристикой структурно-семантических особенностей диалектных слов в русском языке: специфика внутренней формы слова, взаимосвязь с другими родственными словами, особенности мотивировки названия, участие в развертывании различных фрагментов словообразовательных гнезд, а также словарные определения как результат взаимодействия лексикографа и информанта. Обращается внимание на актуальность семантики некоторых диалектных слов для подсистемы современного русского литературного языка.

Ключевые слова: диалектное слово, фрагменты словообразовательных гнезд.

Диалектное слово для многих представляется уже фактом истории, чем-то экзотическим, в крайнем случае лишь источником информации о тех или иных элементах быта, культуры прошедшей эпохи. И хотя особенности диалектного словообразования приводят к появлению очень интересных и семантически совершенно разноплановых по отношению к исходной производящей основе единиц [1, с. 5], вряд ли кому-нибудь из

нас придет в голову связывать язык говора с тем, что мы относим к инновациям в области языка, каких-то его подсистем, прежде всего лексики.

Однако что значит «новое»? Существенна ли для новой единицы, нового слова такая характеристика, как *актуальность* представляемого, то, что является важным для носителя языка (говорящего) в данный конкретный момент речи? С позиций психолингвистики неологизмом считается языковая единица, не встречавшаяся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка. Таким образом, акцент делается на субъективной, индивидуальной новизне неологизма. Рассмотрим, к примеру, слово *разнакомиться*. Допустим, что носитель языка X впервые встретил это слово в языке XIX века: *Она с Natalie разнакомилась за ее любовь ко мне, за дружбу к ней всех наших* [2, т. 1, с. 292]. И ему это слово показалось новым в его индивидуальном восприятии русской речи. Однако этот глагол есть и у А. Н. Тихонова [3], и в [4, т. 12, с. 331] в значении 'прекращать с кем-либо свое знакомство'. С другой стороны, в системе русского литературного языка отсутствует такое слово, как *раззавидоваться* 'захотеть что-либо сделать, глядя на других' [5, с. 1042].

Резюмируя рассмотренные факты (прежде всего факты!), мы бы хотели с позиции читателя охарактеризовать точку зрения автора на неологизмы и разного рода инновации. Скорее всего, речь идет о *когнитивно-прагматическом подходе к новообразованиям*, во всяком случае, о принятии таковых с этих позиций. Понятно, что язык в своем развитии лингвиста не спрашивает, но кто, если не мы, должны хоть как-то заботиться об экологии языка.

О связи синхронии и диахронии в языке уже говорилось немало и говорилось многими, в частности, о том, что далеко не всегда подобную грань возможно установить. Это становится особенно очевидным, когда речь заходит о такой комплексной единице системы словообразования, как словообразовательное гнездо. Так, при рассмотрении диалектных слов не изолированно, а в составе фрагментов словообразовательных гнезд приходится говорить не только о фрагментах гнезд *собственно диалектных*, но и фрагментах *синтезированного типа*, когда в составе фрагмента объединены единицы разных подсистем русского языка (говоры / литературный язык). Словообразовательное гнездо, в отличие от слова, предложения, не является единицей языка. Это не только объект, но и «*модель*» как «*результат*» *работы лингвиста*, позволяющая нам лучше понимать те или иные закономерности системы словообразования. Поэтому в «*моделировании*» фрагментов гнезд нет ничего удивительного, и этим объясняется тот факт, что есть разные словообра-

зовательные словари – А. Н. Тихонова, И. А. Ширшова [6]. Хорошо известно, к примеру, что в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова для соединения некоторых звеньев в составе гнезд использованы историзмы, диалектные слова, т. е. уже там был осуществлен своеобразный синтез этих двух подсистем. К примеру, в данном лексикографическом источнике приводится следующая словообразовательная цепочка: *пластун – пластунский – по-пластунски* [3, т. 1, с. 760].

Пластун 1. ‘Казак особой пехотной команды или части Черноморского и Кубанского казачьих войск, комплектовавшихся в XIX – начале XX вв. из числа охотников-разведчиков, которые специализировались на сторожевой службе в камышах и плавнях Кубани’. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров. (Л. Толстой. Севастополь в декабре 1854). 2. ‘Разведчик, передвигающийся ползком’ [4, т. 9, с. 1329–1330]. В данном случае исходное звено словообразовательной цепочки является словом-историзмом, о существовании которого мало кто знает. Фактически для современных носителей языка самым актуальным и хорошо известным словом является наречие *по-пластунски*.

Ни для кого уже не секрет, что «при многообразии некоторой группы родственных слов в литературном языке в русских народных говорах обнаруживаются слова, представляющие “позиции”, семантически отсутствующие в хорошо известной обычному пользователю системе русского литературного языка» [7, с. 30]. Так, в составе словообразовательного гнезда глагола *дремать* [3, т. 1, с. 316] приведен с десяток префиксальных производных глаголов, подавляющее большинство из которых в той или иной мере модифицируют проявление данного действия. Ср.: *вздремнуть, задремать, подремать, передремать* и под.

Однако любопытно, что диалектный глагол *раздрематься* характеризуется прямо противоположным значением, причем совершенно очевидна актуальность и когнитивная значимость данной семантики. Ср.: *раздрематься* ‘перестать хотеть спать, разгуляться’.

В словообразовательном гнезде слова *смех* в глагольном блоке есть глагол *пересмеяться* [3, т. 2, с. 129]. В БАС дана интерпретация глагола *пересмеиваться*: ‘1. Разг. Переглядываясь, подавая друг другу знаки, негромко или исподтишка смеяться’. Когда адмирал появлялся на базаре, торговки обыкновенно *пересмеивались*. Станюк. Грозн. адмирал [4, т. 9, с. 894]. Отмечен также и глагол *пересмехнуться* [4, т. 9, с. 895].

Любопытна, в этой связи, интерпретация, судя по всему, аналогичного по семантике диалектного глагола *разсмехнуться* 'Поделиться смехом'. *Между собой они разсмехнулись* [8, с. 776] Обратим внимание также на семантику следующего глагола: *погориться* 'поделиться горем' [9, т. 27, с. 308].

Хорошо известно, что отдельные внешние и внутренние характеристики наименований лица в силу вполне объяснимых причин в диалектной лексике представлены чрезвычайно многообразно и детализированно [10, с. 159] и в каждую отдельную эпоху могут поражать либо внутренней формой, либо семантикой однословной номинации.

Ряд производных наименований лица соответствуют семантической модели «тот, кто ~». Рассмотрим некоторые примеры.

Заболта (заболтень) 'человек, любящий, привыкший шататься попустому'. Кирил. Новг., 1849.

Среди возможных признаков, характеризующих лицо, есть и такой, как «привычка шататься / слоняться без дела, праздно проводить время и т. д.». Хотя, вероятно, существует очень много наименований лица, в различной степени включающих подобную семантику или предполагающих ее наличие, диалектное слово *заболта* (или *заболтень*) обладает вполне конкретной и достаточно точной мотивацией благодаря производящей единице, глаголу *болтаться*. В [4], правда, также как просторечное, отмечено существительное *шатун* '2. Тот, кто любит шататься (в 4-м значении)' [4, т. 17, с. 300]. Вероятно, русский лите-ратурный язык не имеет производного наименования лица с подобным, точным указанием на ключевой для семантики рассматриваемых слов признак.

Жубря 'тот, кто медленно жует из-за отсутствия зубов'. Ты какой беззубый жубря. Великоуст. Яроsl., 1847.

Скоролуп 'тот, кто быстро ест'. Даль.

Наличие в формулах толкований диалектных наименований лица таких дополнительных при характеристике действия компонентов, как «медленно», «быстро», невольно заставляет обращаться к соответствующим номинациям в русском литературном языке. Знаем ли мы примеры подобных толкований в традиционной лексикографии? Хотя совершенно очевидна актуальность таких характеристик, как «делать что-либо быстро или медленно».

В традиционной лексикографии, безусловно, такие толкования есть. Ср.:

Навалать '2. Сделать что-либо быстро, небрежно, кое-как'. Ну, ты и навалал в тетрадке, точно двойку завтра схватишь [11, с. 342].

Однако специфика разговорной экспрессивной речи такова, что актуальные смыслы семантики слова (*сделать быстро, сделать небрежно, сделать кое-как*) никак не связаны с его внутренней формой (ср. *навалать*). Сравним также: *наворачивать* ‘Шутл. разг.-сниж. С аппетитом, торопливо поглощать какую-л. еду (обычно в большом кол-ве)’ [11, с. 344].

В большом академическом словаре отмечено хорошо известное слово *загорелый* ‘потемневший, посмуглевший под действием солнца’ [4, т. 4, с. 367]. В [12, т. 1, с. 510] слово *загорелый* толкуется как ‘смуглый от загара’. В этой связи интересна дефиниция к диалектному слову *загарливый* ‘хорошо, легко загорающий на солнце’. У меня, молодой, личенько загарливое. Сарат., Соболевский [9, т. 9, с. 355]. Значение диалектного слова *загарливый*, безусловно, отличается от семантики хорошо нам известного прилагательного (или субстантива) *загорелый*. При этом совершенно очевидна актуальность, когнитивная значимость дефиниции ‘хорошо, легко загорающий на солнце’.

Среди производных единиц, образованных от слова конкретной части речи, следует особо отметить диалектные слова, так или иначе связанные (лексически, значением корневой морфемы, либо словообразовательно мотивированные) с именами числительными [13, с. 5]. Например:

Одинок 1. ‘человек, живущий одиноко, в одиночестве’. Пск., Осташк. Твер., 1855. Твер. 2. ‘единственный сын в семье’. Южн., Зап., Даль.

Двоеданец ‘раскольник’. «В Сибири раскольники называются и зовут сами себя двоеданцами, потому что до 1862 г. платили двойную подать». Даль.

Третить 1. ‘тесать (бревно) с одной стороны, убирая одну треть толщины’. Вельск. Арх., 1954. 2. ‘тесать (бревно) с трех сторон’. Бревно для настила третить пошли. Вельск. Арх., 1954.

Пятерить ‘казнить, разрубая на пять частей’. Пугача самого казнили, пятерили. Чай пятерили, иль бо на кол посадили. Р. Урал, 1976 [9, т. 33, с. 220].

Помимо слов с различными словообразовательными значениями и единиц отдельных лексико-грамматических классов, заслуживает внимания и анализ производных единиц, имеющих в своем составе вполне определенную морфему, например, префикс *недо-* (подробно об этом см. в [14, с. 129–135]). Так, в русских народных говорах можно от-

метить большое количество достаточно своеобразных слов с данным префиксом.

Ср.: *Недовлада* ‘состояние человека, потерявшего власть’. Даль [без указ. места].

Недовык ‘отсутствие или недостаточность навыка в чем-либо’. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Дело не спорится от недовыку*. Даль [без указ. места].

Недолыга ‘человек, не умеющий (хорошо) лгать’. Даль [без указ. места].

Недосуля ‘человек, легко дающий, но не выполняющий обещаний’. Новорж. Пск., 1910 [9, т. 21, с. 33]. Ср.: *посулить*.

Всегда вызывает большой интерес «проекция» основ различных частей речи в глагол. В говорах немало примеров, обращающих на себя внимание как словообразовательной структурой, так и представляемой семантикой. Прежде всего можно рассмотреть глаголы, образованные от производящих основ, не имеющих в системе литературного языка «глагольного продолжения». Ср.:

Жаворонить 1. ‘высоко поднявшись, порхать на месте, как жаворонок (о птице)’. Даль [без указ. места]. 2. ‘смотреть вверх’. Слов. Акад. 1897. Кадн. Волог., 1898 [9, т. 9, с. 55].

Забрючить ‘заправить (рубашку, майку и т. п.) в брюки’. *Забрючь* рубашку, ходишь разгильдяем. Чапаев. Урал, 1964 [9, т. 9, с. 278].

Размалиневеть ‘раскраснеться от повышенной температуры’.

Разбосякаться ‘снять с себя обувь, разуться’.

Словообразование есть система, система порождения единиц, и всегда интересно рассмотрение производного слова не изолированно, а в составе того или иного фрагмента словообразовательного гнезда. Так, в составе словообразовательного гнезда глагола *гулять*, по данным словаря А. Н. Тихонова [3, т. 1, с. 263–264], приводится 48 (!) глаголов с достаточно широким «спектром» значений, с учетом имеющей место лексической омонимией! Приведем некоторые из них:

Гуляться ‘Разг. О наличии желания, настроения гулять’ [12, т. 1, с. 357].

Выгуливаться (выгуляться) ‘В простореч. Поправляться на свежем воздухе после истощения сил или болезни (о человеке)’ [4, т. 2, с. 1001].

Догуливаться (догуляться) ‘В просторечии. Неумеренной гульбой, гулянием навлекать на себя что-либо неприятное’ [4, т. 3, с. 884].

Загулять II ‘начать гулять, совершать прогулки’

Нагуливать (нагулять) 1. ‘кормяся, приобретать тучность, увеличивать вес’. О животных; 2. ‘откармливать скот на пастбище’; 3. ‘гуляя, получать, приобретать что-либо’. Нагулять аппетит. 4. ‘Простореч. Гуляя, проводить какое-либо время; нагуляться (в 1-м знач.)’

Нагуливаться (нагуляться) 1. ‘вдоволь, много погулять’; 2. ‘увеличиваться в весе, становиться тучным, жирным’; 3. ‘Страд. к нагуливать (во 2-м знач.)’ [4, т. 7, с. 127].

Погулять ‘гулять некоторое время’.

Погуливать ‘Разг. Гулять не торопясь, не спеша; гулять понемногу или время от времени’ [4, т. 10, с. 207].

Разгуливать (разгулять) 1. ‘неторопливо ходить, прохаживаться для отдыха, развлечения’; 2. ‘Разг. Развлекать прогулкой, заставляя рассеяться, забыть что-либо тягостное, неприятное’; 3. ‘Разг. Разгонять, рассеивать чей-либо сон, дремоту, не давать кому-либо уснуть’ [4, т. 12, с. 258–259].

Любопытно, что среди многообразия приведенных в словаре глаголов такой формы, как *разгулить*, нет! Хотя значение передается и отмеченным в БАС как разговорное глаголом *разгуливать (разгулять)*. Однако сравним в говорах:

Разгулить ‘не дать вовремя заснуть’. Разгулил девчонку-то, теперь ее не укладешь [9, т. 33, с. 317].

Складывается такое впечатление, что «тот, кто» создавал глагол *разгулить*, прекрасно знал о существовании имеющих место 48 глаголах с этим корнем!

В составе глагольной «составляющей» словообразовательного гнезда прилагательного *великий* приводится ряд производных единиц от глагола *величать* 1. ‘почтительно называть кого- или что-либо важным или значительным именем’; 2. ‘Устар. Прославлять, превозносить похвалами’ [4, т. 2, с. 150]. Ср. [3, т. 1, с. 148]:

Величаться 1. ‘В простореч. Называться по отчеству’; 2. ‘В простореч. Хвалиться, превозноситься, важничать’ [4, т. 2, с. 150].

Завеличать ‘Разг. Начать величать, почитать’.

Завеличаться ‘Разг. Начать величаться, важничать’ [4, т. 4, с. 281].

Повеличать 1. ‘Устар. и народно-поэт. Почествовать кого-либо величальными песнями, припевами’; 2. ‘Устар. и простореч. Назвать по отчеству’.

Повеличаться ‘Простореч. Поважничать, похвалиться’ [4, т. 10, с. 70–71].

Навеличивать ‘Обл. Величать’.

Провеличать ‘Устар. и разг. Произвести величание кому-, чему-либо; прославить’ [4, т. 11, с. 953].

Любопытно, что диалектный глагол *завеличать* выражает очень специфическое значение, по сравнению с префиксальными «вариациями» в литературном языке. Ср.:

Завеличать ‘утомить продолжительным величанием’. Пск., Слов. Акад., 1899.

В словообразовательном гнезде существительного *вдова* отмечены следующие глаголы:

Вдоветь ‘жить безбрачно после смерти одного из супругов’.

Вдовствовать ‘то же, что и вдоветь’ [4, т. 2, с. 98].

Завдоветь ‘Простореч. То же, что овдоветь, сделаться вдовцом, вдовой’ [4, т. 4, с. 278].

Овдоветь ‘стать вдовцом или вдовой’ [4, т. 8, с. 591].

Повдоветь ‘побыть некоторое время вдовой, вдовцом’ [4, т. 8, с. 65].

На этом фоне ничем не выделяется диалектный глагол *завдоветь* ‘Овдоветь’. Он молодой завдовел. Мещов. Калуж., 1892. Орл. Однако обращает на себя внимание его «оппонент» – глагол *завдовить* ‘Сделать вдовой’. Завдовила ты, служба [казачья], молодых молодущек. Дон., Соболевский. Среди глаголов в русском литературном языке единица с подобным значением не отмечена.

Для дериватолога всегда будет очень привлекательной задача собрать все смыслы, получившие выражение в различных подсистемах языка (диалекты, социолекты, близкородственные языки), и описать по сферам (наименования лица, обозначения пространства, действий и т. д.). И, возможно, таким путем можно увидеть хотя бы некоторые «точки расширения» когнитивного пространства языка и понять, как осваивается языком та или иная сфера человеческой деятельности.

Список литературы

1. Никитевич, А. В. Очерки по диалектному словообразованию : моногр. / А. В. Никитевич. – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 126 с.
2. Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. – М. : Худож. лит., 1988. – Ч. 1. – 671 с.
3. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950 – 1965. – Т. 1–17.

5. Михалева, Т. В. Словарь говоров на территории республики Мордовия / Т. В. Михалева. – Ч. 1. – М. : Наука, 2013. – 672 с.
6. Ширшов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / И. А. Ширшов. – М. : АСТ, 2004. – 1024 с.
7. Никитевич, А. В. Русская народная культура в зеркале словообразования / А. В. Никитевич // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – № 13. – С. 30–42.
8. Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. – 1021 с.
9. Словарь русских народных говоров. – М. – СПб. : Изд-во Акад. наук СССР, Ин-т лингв. исслед. РАН, 1965–2021. – Вып. 1–52.
10. Никитевич, А. В. Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А. В. Никитевич / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. / 2017 г. : в 2 ч / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 153–160.
11. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.
13. Никитевич, А. В. Магия числа и деривация в русских народных говорах : моногр. / А. В. Никитевич ; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – 171 с.
14. Никитевич, А. В. О деривационном потенциале отдельных морфем в русских народных говорах. Префикс *недо-* / А. В. Никитевич // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. – 2022. – № 1 (59). – С. 129–135.

Nikitevich Alexey
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: anikit@inbox.ru

DIALECT VOCABULARY.
ABOUT THE ACTUAL IN THE SOMETIMES FORGOTTEN
AND, IT WOULD SEEM, GONE FROM US...

The article deals with various issues related to characterizing the structural and semantic features of the dialectal words in the Russian language: the specificity of the internal form of the word, the relationship with other related words, the peculiarities of the motivation of the name, the participation in the deployment of various fragments of derivational nests, and dictionary definitions as a result of the interaction between a lexicographer and an informant. Attention is drawn to the relevance of the semantics of some dialectal words for the subsystem of the modern Russian literary language.

Keywords: dialectal word, fragments of derivational nests.

УДК 811.161.3

Т. Р. Рамза

МІЛЫ ТОЙ КУТОК, ДЗЕ РЭЗАНЫ ПУПОК: ПРА ЗНАЧЭННЕ СЛОВА КУТ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Рассматриваются лексические и контекстуальные значения слова *кут* (*куток*) в белорусском языке. На примерах из Белорусского N-корпуса выявлены узуальные значения лексемы *кут*, не зафиксированные в академических толковых словарях. Констатируется, что определенные значения ('деревня', 'отчизна', 'тайник') обусловлены этимологией слова *кут*, которое соотносится с прославянским *kŕlati* 'закрываць, хаваць; берагчы'; иные значения, как 'часть', 'много' детерминируются контекстом и сочетаемостью самой лексемы.

Ключевые слова: кут, куток, лексема, словарное значение, контекстуальное значение.

Dedicatio.

Падаецца вельмі сімвалічным, што 2023 год – год 100-гадовага юбілею выдання паэмы «Новая зямля» – супаў з 80-гадовым юбілеем сапраўднага першапраходца-наватара ў беларускай філалагічнай навуцы Марыі Іосіфаўны Канюшкевіч. Бяру на сябе смеласць канстатаваць, што гэтая таленавітая, працавітая, мужная, апантаная, прынцыповая жан-чына сваімі піянерскімі даследаваннямі ўзрушыла неруш беларускай мовазнаўчай навукі і стварыла для яе «новы грунт», «новую зямлю». Не замоўчваючы і не ігнаруючы напрацоўкі папярэднікаў, не адмаўляючыся ад «бацькоўскай спадчыны», а толькі ўзвышаючы яе, Марыя Іосіфаўна смела, нястомна, мэтакіравана гаціць шлях да «новай» беларускай лінгвістычнай навукі. У сваіх рэвалюцыйных і інавацыйных падыходах у даследаванні феномену беларускай мовы (катэгорыі параўнання або катэгорыі прыназоўніка ці катэгорыі злучніка і пад.), яна зыходзіць з прызнання полевай структуры Мовы і «граматыкі адносінаў», дэманструючы бязмежны патэнцыял беларускай мовы. Віват Прафесару!

Слоўнікавае значэнне лексемы *кут*.

Зварот да лексікаграфічных дадзеных беларускай мовы дазваляе казаць, што на працягу паўтара стагоддзя (1870–2022) значэнне лексемы *кут* змянялася. Для параўнання былі ўзяты слоўнік І. Насовіча, тлумачальныя, дыялектныя, перакладныя слоўнікі, «Слоўнік мовы “Нашай Нівы”», а таксама гістарычны і этымалагічны слоўнікі. Пры суаднясенні слоўнікавых дэфініцый (гл. Табліцу 1) відаць, што толькі адно значэнне дублюецца ў названых у табліцы выданнях – кут як 'унутраны вугал'.

Лагічнай падаецца змена значэння лексемы ў XX ст. у параўнанні з XIX ст.: ад ‘арэндаваны кавалак зямлі з жыллом і неабходнымі прыладамі’ (І. Насовіч) да ‘часткі пакоя, якую здаюць кватарантам у наймы’ (ТСБМ); ад ‘прытулак’ (І. Насовіч) да ‘месца жыхарства, жыллё, прыстанак (ТСБМ). Між тым нечакана¹ выглядае прапанаванае ўкладальнікамі «Слоўніка мовы “Нашай Нівы”» пераноснае значэнне лексемы *кут* як ‘клад, скарбонка’ [1, с. 442], што ілюструецца такім прыкладам: *..гэтыя выганы, гэта не пачыненыя ешчэ куты багацьця: мейсцамі лежаць глыбокіе залежы торфу; мейсцамі цягнуцца глыбокіе ямы і ровы, паўнюсенькіе тлустаго шлямю* (Ш. Ядвігін). Можна выказаць меркаванне, што аўтарскае спалучэнне *не пачыненыя ешчэ куты багацьця* абумоўлена фраземай *непачаты кут (край, вугал) чаго*, што азначае ‘вельмі многа, у вялікай колькасці’ [2, с. 526]. Нават калі дапусціць, што лексема *кут* можа мець значэнне ‘клад, скарбонка’, то гэтаму перашкаджае яе спалучальнасць: нельга замяніць *куты багацьця* = *багатыя куты* на **клады багацьця* ці **скарбонкі багацьця* (гэта фактычна плеаназм).

Табліца 1 – Значэнні слова *кут* у беларускіх слоўніках

<p>Слоўнік І. Насовіча 1870</p>	<p>1. Уголь внутри избы. 2. Передний уголь в избе под образами. 3. Арендуемый участок земли, съ хозяйственным жильем и обзаведением; хуторь. 4. Приютъ. [3, с. 261].</p>
<p>ТСБМ 1977–1984</p>	<p>1. Месца, дзе сыходзяцца ўнутраныя бакі прадмета; частка памяшкання, прастора паміж дзвюма сценамі. // Самае пачэснае месца за сталом на покуці. 2. Частка пакоя, якая здаецца ў наймы. 3. Жыллё, прыстанак, месца жыхарства (звычайна ў спалучэннях «свой кут», «мець кут» і пад.). 4. перан. Мясцовасць, звычайна глухая, далёкая. [4, с. 763].</p>
<p>ТСБЛМ 2016; 2022</p>	<p>1. Месца, дзе сыходзяцца ўнутраныя бакі прадмета; частка памяшкання, прастора паміж дзвюма сценамі. 2. Частка пакоя, якую здаюць кватарантам у наймы. 4. перан. Мясцовасць, звычайна глухая. [5, с. 309; 6, с. 387].</p>

¹ Яшчэ больш нечаканай з’яўляецца адсутнасць у акадэмічных Тлумачальных слоўніках літаратурнай беларускай мовы (2016 і 2022) 3-га значэння слова *кут*, якое зафіксавана ў 5-томавым ТСБМ ‘жыллё, прыстанак, месца жыхарства (звычайна ў спалучэннях «свой кут», «мець кут» і пад.)’. Відаць, гэта толькі недагляд укладальнікаў, бо захоўваецца нумарацыя значэнняў (гл. табліцу 1).

Гістарычны слоўнік 1997	1. Кут (месца, дзе сходзяцца ўнутраныя бакі сцен памяшкання). 2. Плошча, якая клінападобна вылучаецца з асноўнага масіву. 3. Мясцовасць; правінцыя. 4. Глухое, зацішнае месца, закутак. [7, с. 251–252].
Слоўнік мовы Нашай Нівы 2007	1. Частка памяшкання, прастора паміж дзвюма сценамі. // Самае пачэснае месца за сталом на покуці. 2. Жыллё. // <i>У словазлучэнні</i> : родны кут – абжытае месца, малая радзіма. 3. Мясцовасць, край // Глухое, аддаленае месца // Паселішча ў глухой, аддаленай ад культурных цэнтраў, мясцовасці. 4. Перан. Клад, скарбонка. [1, с. 442].

Значэнне назоўніка *кут* амбівалентнае: з аднаго боку, гэта ‘самае пачэснае месца ў хаце’ і, адначасова, ‘глухое месца’ ці ‘глухая мясціна’; з другога боку, гэта ‘свая хата’ і ‘чужая хата’. Яго дваістасць пацвярджаецца і народнымі ўяўленнямі пра кут як частку хаты на дыяганалі «кут ↔ печ, якая адным канцом (покуць) паказвае на святло, усход, Божы бок, а другім (печ) – на захад, цемру і да т. п.» [8, с. 527]. Дададзім, што хата ў народнай аксіялогіі беларусаў «сімвал найвялікшай каштоўнасці: “Свая хатка як родная матка»» [тамсама], невыпадкова таму і адно з устойлівых выслоўяў *жыць на куце (кутам)* азначае ‘жыць у чужой хаце, не мець сваёй хаты’ [9, с. 590].

Нягледзячы на амбівалентнасць значэнняў слова *кут*, зафіксаваныя ў тлумачальных і дыялектных слоўніках фраземы, прыказкі і прымаўкі з гэтай адзінкай у пераважнай большасці маюць адмоўную афарбоўку, параўн.: *мядзведжы кут (куток)* ‘пра аддаленае, маланаселенае, глухое месца’ [4, с. 763]; *цялячы кут* ‘закутак, схованка’ [7, с. 251–252]; *кутам сядзець* ‘займаць кут у чужой хаце’ [10, с. 209]; *жыць на куце* ‘жыць у чужой хаце’ [9, с. 590]; *загнаць у кут* ‘ставіць у бязвыхаднае становішча’, *аціраць куткі* ‘отлыніваць (уклоняцца ад работы)’; *калі худ, не лезь на кут* ‘знай сверчок свой шесток’; *хадзіць з кута ў кут* [11, с. 249]; *паставіць у куток, прыціснуць (прыперці і г.д.) у кут каго* [12, с. 581] і ў той жа час: *сядзець на куце* ‘сідеть в красном углу (на почетном месте)’, *зацішны куток* ‘тихий (укромный) уголок’, *родны кут* ‘родной уголок’ [11, с. 249]; *Мілы той куток, дзе рэзаны пупок* ‘радзіма’ [9, с. 591]; *родны кут* ‘абжытае месца, малая радзіма’ [1, с. 442].

У лексікаграфічным выданні М. І. Канюшкewіч лексема *кут / куток* у сваіх прыназоўнікава-склонавых формах (вінавальны і месны) фік-

суща як аналаг прыназоўніка: *у кут / куток чаго, у кутку / куце чаго* і разглядаецца ў якасці кампанента сінтаксемы, неабходнага для выражэння адносін паміж прадметам і яго прызнакам, – эксплікатара «пры намінацыях унутранага выгляду збудаванняў» [13, с. 192]. У дэфініцыі актуалізавана тая інфармацыя, якая нярэдка не ўлічваецца сучаснымі аўтарамі прыгожага пісьменства: яны выкарыстоўваюць гэтую сінтаксему ў якасці назвы для вонкавага выступу: *Янук кінуўся за кут гумна* (К. Акула); *...і толькі важкі, перахоплены аборкай пачак, аніяк не жадае гарэць. Нарэшце, ён навалі чарнее з аднаго кута, полымя дабіраецца да літары «А», потым да маленькага, сіняй фарбай намаляванага літарыка, і нечакана ўспыхвае зыркім слупом...* (В. Мудроў). Такое ўжыванне прэрэчыць логіцы і семантыцы: *кут* абазначае не вонкавы выступ – ‘рог’ (*на рагу чаго?*), а, наадварот, унутраны вугал (*у куце або на куце*). На гэта звярнулі ўвагу ўжо першыя ўкладальнікі слоўнікаў: так, у «Беларуска-расійскім слоўніку» (1925) даюцца наступныя адпаведнікі беларускім словам: *вугал* – угол (внешний), *кут* – 1) угол в избе; 2) передний угол (ср. покуць); 3) угол (мат.); *рог* – рог, угол; мыс [14, с. 154]. У «Расійска-беларускім слоўніку» (1928) лексема *угол* мае тры беларускія адпаведнікі: *кут, вугал, рог*; спалучэнні *на углу, угол леса, улицы* (и т. п.) перадаюцца як *на рагу, рог вулицы, лесу* (і г. д.); *а имеет свой угол* як *мець свой кут* [15, с. 638].

Такім чынам, лексема *кут* у пэўных сваіх значэннях можа супадаць са значэннямі слоў *рог* і *вугал*, але не тоесныя гэтым словам цалкам. У XX ст. пад уплывам сацыяльна-эканамічных фактараў страцілася значэнне ‘арэндаваны кавалак зямлі, з гаспадарчым жыллём і нажыткам’, якое было адным з асноўных у XIX – пач. XX ст. Думаецца, варта разумець і тое, што спалучэнне *родны (свой) кут* у пач. XX ст. і ў цяперашні час абазначае не тоесныя паняцці: ‘абжытае месца’, дзе ты нарадзіўся, дзе прайшло тваё маленства і ‘бацькоўская ўласная хата’, дзе ты вырас. Цікавы той факт, што ў ніводным тлумачальным слоўніку, акрамя «Слоўніка мовы “Нашай Нівы”», не зафіксавана спалучэнне *родны кут* са значэннем ‘Бацькаўшчына, малая радзіма’. Менавіта Якубам «Коласам даецца формула патрыятызму, любові да радзімы, выражаная ў трох словах: “Мой родны кут”» (М. Лужанін) [16]². І хаця ў «Новай зямлі» паэт, будучы за кратамі, перадусім услаўляе родны кут як абжытае месца, месца свайго дзяцінства, але «вобраз уласнай хаты выводзіцца на

² Тут і далей усе ілюстрацыйныя прыклады даюцца з Беларускага N-корпусу.

ўзровень шырокага абагульнення, на ўзровень паэтычнага сімвалу Бацькаўшчыны, а жыццё герояў ва ўласным доме, на ўласнай сядзібе становіць сабою ажыццяўленне велічнага ідэалу пісьменніка-патрыёта – ідэалу паўнакроўнага жыцця народа ў сваім родным краі» [17, с. 9].

Кантэкстуальнае значэнне лексемы кут.

У мастацкіх паэтычных і праявічых тэкстах значэнне слова *кут* мае цэлы спектр сваіх кантэкстуальных сэнсаў, якія так ці інакш абумоўліваюцца асноўнымі семамі. Назавём сярод іх найбольш пашыраныя: ‘вёска / вытокі’, ‘Беларусь / Радзіма’, ‘патайнік / схованка’, ‘частка’, ‘шмат’.

Кут = ‘вёска, вытокі’

Сема ‘малой радзімы’ актуалізуецца кожным паэтам і пісьменнікам, хто нарадзіўся і вырас у вёсцы. Некалькі прыкладаў: *А я б хацеў, каб год мой новы // Вярнуў мяне ў мой родны кут, // На Нёман светлы, ў лес хваёвы, // У твая вёскі, дзе наш люд* (Я. Колас); *О вёсачка мая, мой кут намолены...* (С. Давідовіч); *Як скарачаецца шлях мой у вёску!* – *Нібыта вецер на крылах нясе. <...> // Сэрцу збалеламу ёсць на прыкмеце // Белабярэзавы кут* (Я. Янішчыц); – *Здаецца мне: будуць хутка // ўсе з горада ехаць сюды, // у вёску, да роднага кута, // як ехалі вы ў гарады...* (Я. Хвалеі) і інш.

Значэнне ‘радзіма’ перадаецца і праз народныя выслоўі: *міл той куток, дзе рэзалі пупок / мілы той куток, дзе рэзаны пупок / дораг той куток, дзе адразалі пупок.*

Бацькаўшчына, родная зямля, свой кут – пытанне пытанняў для беларусаў, боль іх душы, незагойная рана. Адны <...> лічылі «роднай» толькі тую зямлю, якая з’яўляецца іх уласнасцю, другія <...> перакананыя: Радзіма – паняцце не толькі фізічнае, але і духоўнае, яно ўключае ў сябе заміланне да прыроды, любоў да працы на сваёй зямлі, чуласць да бліжняга, каханне да любай жанчыны, адданасць звычаям продкаў і родным магілам (М. Тычына).

Кут / куток = ‘Радзіма, Беларусь’

У ХХІ ст. Беларусь стала ўрбанізаванай краінаю, абсалютна пераважная колькасць насельніцтва якой жыве ў гарадах, аднак яна не перастае асацыявацца з нескранутай прыродаю, вясковымі ладам жыцця. І, відаць, таму лексема *кут* наўпрост экстрапалюецца на ўсю краіну, а не толькі на месца нараджэння і дзяцінства. Праілюструем гэта радкамі Б. Жанчака з верша «Родны куток»:

Дзе цёпла і ўтульна, // дзе тата і мама, // дзе казкі і гульні, // дзе я гэтаксама, // дзе ясныя вёсны, // дзе светлыя зімы, // куток той завецца // маёю радзімай.

Дзе сцезжкі Купалы, // дзе ичасная доля, // дзе роднаму слову // не здраджу ніколі, // дзе ясныя вёсны, // дзе яркія зімы, // куток той завецца // маёю Радзімай.

Этымалагічна такое суаднясенне слова *кут* з Бацькаўшчынай ці Радзімай цалкам зразумелае, паколькі «прасл. *koťъ* ‘вугал, закрытая прастора’ генетычна суадносіцца з прасл. *koťati* ‘закрываць, хаваць’» [18, с. 173], а гэта значыць, што (*свой / родны*) *кут* укрывае і беражэ кожнага, хто там нарадзіўся.

Кут = ‘патайнік / схованка’

Этымалогія слова *кут* дазваляе патлумачыць і значэнне назвы твора Я. Купалы «З кутка жаданняў» як ‘месца скрытага, таёмнага, глыбока асабістага’. Гэтае значэнне наўпрост звязана з лексічным значэннем слова *кут* як покуці (‘самае пачэснае месца ў хаце’). «На *кут*, на дзяду садзілі маладую. На *кут* клалі і перад апошняй дарогай, бо мярэц таксама гоць на гэтым сцэце, як і жывы. Адсюль і праклён – “*Каб цябе на кут абмылі!*”» [19, с. 102].

Кут = ‘частка’

У кантэксце лексема *кут* можа набываць значэнне, якое не выводзіцца з этымалогіі слова, а абумоўліваецца выключна яго спалучальнасцю, напр., ‘частка’: *Гэткім чынам выгарэў вялікі кут гораду побач Віленскай вуліцы на захад ад галоўнага рынку* (К. Акула); *Яна [раслінка] была такая маленькая, такая нязначная, што ніхто нават не пазіраў на яе і не цешыўся ёю, нягледзячы на тое, што гэтае маленькае стварэнне выяўляла сабою асобны кут жыцця, разумна і замыславата зроблены* (Я. Колас); *Як ён пахараішэў, раскрыўся для мяне яшчэ адным кутком свае душы, мой малады далёкі друг!..* (Я. Брыль); *Я прыслухаўся да самога сябе і ўзяўся, куток за кутком, вычышчаць павучынне начнага страху* (У. Арлоў) і інш.

Кут = ‘шмат’

У выбраным фактычным матэрыяле сустрэлася нечаканае, але вельмі цікавае спалучэнне ў вершы Я. Купалы «Мая хата з краю»: *Родзе шнур, як там ні сей, // Адны недахваткі; // Кут нявучаных дзяцей, // Хлеба ўжо астаткі* (Я. Купала). Можна выказаць меркаванне, што тут слова *кут* мае значэнне ‘многа’ і абумоўлена яно фразеалагізмам *непачаты кут* (*край, вугал*) *чаго* = ‘вельмі многа, у вялікай колькасці’ [2, с. 526].

Падсумоўваючы, канстатуем, што ў мастацка-літаратурным дыскурсе слова *кут*, асабліва ў спалучэннях з прыметнікамі *мой, родны* замацавалася ў значэнні ‘радзіма’, прычым ужо не толькі як ‘месца нараджэння і сталення’, але і як ‘Радзіма’ = краіна Беларусь. Перша-ступенную ролю ў пашырэнні і замацаванні значэння ‘абжытае месца’/‘малая радзіма’ адыграла паэма Я. Коласа «Новая зямля», якая ўваходзіць у жыццё кожнага беларуса са школьнай парты. Значэнне ж ‘Радзіма / краіна Беларусь’ актуалізуецца апошнімі дзесяцігоддзямі. Правамерна дапусціць, што гэтыя значэнні будуць зафіксаваныя ў наступным (поўным) выданні Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы.

Спіс літаратуры

1. Слоўнік мовы «Нашай Нівы» (1906–1915) : у 5 т. / пад рэд. В. П. Лемцюгова. – Мінск, 2007. – Т. 2: Д–Н. – 624 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск, 1993. – Т. 1. – 590 с.
3. Носович, И. Словарь белорусского наречия / И. Носович. – СПб., 1870. – 755 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 765 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск, 2016. – 968 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск, 2022. – Т. 2 : А–Н. – 487 с.
7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / рэд. А. М. Булыка. – Мінск, 1997. – Вып. 16 : Корж – Лесничанка. – 359 с.
8. Валодзіна, Т. Хата / Т. Валодзіна // Беларуская міфалогія : эцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 527–528.
9. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск, 1980. – Т. 2 : Д–Л. – 728 с.
10. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі : у 2 т. / пад рэд. Е. С. Мяцельскай – Мінск, 1990. – Т. 1 : А – П. – 287 с.
11. Беларуская-рускі слоўнік : у 3 т. / пад рэд. А. І. Падлужнага. – Мінск, 2003. – Т. 2 : З – П. – 1120 с.
12. Русско-белорусский словарь : в 3 т. / под ред. Я. Колоса, К. Крапиви, П. Глебки. – Минск, 1993. – Т. 1 : А – Л. – 735 с.
13. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна, 2008. – Ч. 1. Дыяпазон А – Л. – 492 с.
14. Байкоў, М. Беларуская-расійскі слоўнік / М. Байкоў, С. Некрашэвіч. – Менск, 1925. – 356 с.
15. Некрашэвіч, С. Расійска-беларускі слоўнік / С. Некрашэвіч, М. Байкоў. – Менск, 1928. – 728 с.
16. БНк = Беларускі N-корпус Электронны рэсурс. – Рэжым доступу: <https://bnkorus.info>. – Дата доступу: 01.04.2023.

17. Мушыньскі, М. Несмяротная кніга / М. Мушыньскі // Новая зямля : паэма / Я. Колас ; агул. рэд., паслясл. Я. Янушкевіча ; прадм. М. Мушыньскага. – Мінск, 2002. – С. 5–12.

18. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск, 1989. – Вып. 5 : Каяць – Ліпянка. – 320 с.

19. Барадулін, Р. Кут / Р. Барадулін // Слоўнік Свабоды: XX стагодзьдзе ў беларускай мове / пад агул. рэд. Ю. Бушыякова. – Мінск, 2012. – С. 102.

Ramza Tatsiana
Belarusian State University of Minsk
e-mail: Ramza@bsu.by

*THE NATIVE LAND (KUTOK) IS THE ONE WHERE THE NAVEL WAS CUT:
THE PURPOSE OF THE WORD KUT IN THE BELARUSIAN LANGUAGE*

The lexical and contextual meanings of the word *kut* (*kutok*) in the Belarusian language are considered. Using examples from the Belarusian n-corpus, the usual meanings of the lexeme *kut*, which are not recorded in academic explanatory dictionaries, are revealed. It is stated that certain meanings ('village', 'homeland', 'hiding place') are determined primarily by the etymology of the word *kut*, which correlates with the Pro-Slavic *kotati* 'close, hide; save'; other meanings, like 'part', 'many' are determined by the context and compatibility of the lexeme itself.

Keywords: кут, куток, lexeme, dictionary meaning, contextual meaning.

УДК 811.161.1'42'371:398.92

Е. В. Ничипорчик, И. Г. Гомонова
НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК...
(ОТ БИБЛЕЙСКОГО КОНТЕКСТА К СОВРЕМЕННЫМ
УПОТРЕБЛЕНИЯМ КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ)

Анализируется употребление крылатого выражения «*Не хлебом единым жив человек*» в современной публицистике. Определяется семантическая и структурная специфика выражения, его ценностная значимость. Обращается внимание на своеобразии проявления интертекстуальности при функционировании выражения в речи, разнообразии способов включения интертекстымы в речь. Выявляется характер отношения современников к ключевой идее библеизма.

Ключевые слова: крылатое выражение, публицистика, текст, прецедентность, контекст, смысл, структура.

Отрицательная частица *не*, с которой начинается крылатое выражение «*Не хлебом единым жив человек*», свидетельствует о наличии в пресуппозиции контрастирующего мнения. Действительно, согласно библейскому тексту (Евангелию от Матфея), именно в таком ключе,

«взлакав» (возжелав пищи после сорока дней и сорока ночей голодания), Иисус отвечает на предложение дьявола воспользоваться Божьим даром и превратить камни, лежащие под ногами, в хлебы. Иисус отказывается демонстрировать искусителю свое родство с Богом для удовлетворения чувства голода и говорит дьяволу-искусителю о более высокой значимости, в сравнении с чревоугодием, Божьего слова, питающего душу: «Написано: “Не хлебом единым жив человек, а всяким словом, исходящим из уст Божьих”» (в переводе Международной Библейской лиги [1]. Возражая дьяволу-искусителю, Иисус ссылается на Писание, создавая таким образом для нас – вторичных адресатов – «текст в тексте» с еще одной линией пресуппозиций, отсылающих к идее необходимости следовать нравочению: нельзя потакать своим желаниям, если знаешь, что, отказавшись от соблазна, можно достичь высшего блага, дойти до сути, стать примером.

Как видим, знание вертикального контекста прецедентной единицы позволяет вскрыть ее дополнительные смыслы, дойти до сути, а значит, подойти к пониманию причин, почему выражение «*Не хлебом единым жив человек*» питает и ныне сознание человека, характеризуется высокой востребованностью.

О живительной силе анализируемого выражения можно судить, например, по высокой частотности его фиксации в текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2], востребованности в современной публицистике, включении его во множество словарей крылатых слов и выражений [3, с. 441; 4, с. 105; 5, с. 226–228; 6, с. 472; 7, с. 84–85 и мн. др.]. Правда, библейское по своему происхождению выражение «*Не хлебом единым жив человек*» обрывает сегодня новыми коннотациями, разнообразно переинтерпретируется, но неизменно сохраняет связь с прежним, «претекстовым» смыслом, убеждающим в нецелесообразности игнорирования гармоничного соединения в человеке телесного и духовного начал. Цель нашей работы состоит в определении своеобразия новой жизни старого выражения в современной публицистике.

Первое и самое важное наблюдение заключается в том, что первоначальная идея, заложенная в высказывании, не утрачивает своей актуальности и сегодня. В публицистике отмечается значительное количество контекстов, в которых обращение к библейскому выражению служит подчеркиванию мысли о том, что человеку (приведем словарное определение значения выражения) «следует заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей, ибо он не

может обойтись без духовного начала: для него духовные потребности не менее важны, чем материальные» [7, с. 84]:

– *Наши православные устремления станут основой интеграционных процессов на постсоветском пространстве, – заверил гостей белорусский лидер. – Никакие границы не в силах разделить то духовное единство, которое произрастает из наших корней. Глубочайший кризис духовности наступил, когда промышленность и технологии сделали невероятный скачок, и сейчас стало понятно, что **не хлебом единым жив человек**. Беларусь будет тихим, спокойным домом, где православие будет развиваться* (Е. Чинкова. Лукашенко – Патриарху: «Беларусь будет тихим домом для православия» // Комсомольская правда, 2013.07);

*Предприниматели согласились, думают, выбирают объекты, куда вкладывать свои деньги. Конечно, русский человек хочет, чтобы у него на столе был мясной суп, чтоб над головой был кров. Но ведь **не хлебом единым жив человек**. Помимо хлеба насущного, человек хочет возвышенных переживаний, хочет чувствовать над собой необъятное русское небо* (Хлеб земной и небесный // Известия, 2016.01);

*Я живу в Башкирии, и чаще всего приходится заниматься именно башкирским костюмом – самым распространенным в регионе. Но я интересуюсь и другими народными культурами: где бы ни бывала, всегда стараюсь посетить этнографический музей и проникнуться красотой местного костюма. Ведь **не хлебом единым жив человек** – душа просит красоты («Очень боюсь замерзнуть!» // lenta.ru, 2019.11).*

Поражает многообразие всего того, что представляет нематериальные ценности современника в фокусировке публициста: человек стремится приобщиться к культуре во всех ее проявлениях, будь то духовная культура, культура первооткрывателя либо мыслителя, культура спортивной жизни, эстетика обыденного дня. Многие зафиксированные в НКРЯ контексты употребления библейского выражения «*Не хлебом единым жив человек*» подтверждают мысль известного белорусского ученого В. А. Масловой о том, что духовной код в современной лингвокультуре существует в двух ипостасях – сакральной и светской – и дифференциация их представляется не только трудной, но и, возможно, не столь важной, если мы желаем представить картину мира как нечто целостное и в то же время до бесконечности дискретное [8, с. 62–65]:

В 12 лет Папанин пошёл работать учеником на завод, где изготавливались навигационные приборы для кораблей и судов Черноморского флота. Любимым чтивом были книги о Магеллане, Колумбе, Миклухо-Маклае, Семёнове-Тян-Шанском, Пржевальском. Иван размышлял о

том, что заставляло их, рискуя жизнью, пускаться в неизведанные моря и земли. **«Не хлебом единым жив человек**, – уже тогда понял Папа-Папанин. – *Есть что-то сильнее и хлеба, и денег, и славы, и карьеры. Не жажда ли тайны, вернее, раскрытия тайны вела этих людей? Жажда познания, жажда служения людям, науке, прогрессу?»* (Товарищу Папанину – ледоколу и человеку // Парламентская газета, 2019.11);

*Я очень люблю футбол, очень рад за ребят из «Локомотива», которые преодолели этот барьер и вышли в следующий круг. Но, конечно, для страны важнее сейчас бюджет. И Государственная дума тоже будет обсуждать в первую очередь бюджет. Тем не менее **не хлебом единым жив человек**. Поэтому и то и другое в принципе очень важно. Любовь к футболу, которую можно сравнить с любовью к театру, вообще свойственна многим людям, занятым серьезными делами* (Победа // Известия, 2001.09);

*Я хотела бы рассказать об удивительных и прекрасных цветах – сеньполиях (узамбарские фиалки). Вы скажете, что не до цветов в наше трудное время, но **не хлебом единым...*** (Узамбарские фиалки в России // Аргументы и факты, 1999.06)

Примечательно и то, что во многих случаях библейское выражение встраивается как аргумент к авторитету и в возражение аргументам ображаемого оппонента, об этом свидетельствуют такие метаоператоры, как *ведь, но, но ведь, однако, тем не менее* и др. Доказательством глубокой укорененности в сознании носителей языка выражения **«Не хлебом единым жив человек»** является частотное использование выражения в редуцированном виде: пользователь крылатого выражения убежден, что адресат верно «дешифрует» мысль. Определенно утраченной и не укоренной в памяти носителей культуры оказалась только вторая часть фразы Иисуса из Евангелия – о «всяком слове, исходящем из уст Божьих». Но с учетом того, что и без этой части акцент на скрытой оппозиции материального и духовного уже есть (объективируется он сочетанием отрицательной частицы с пищевым кодом), крылатое выражение воспринимается как логически завершенная единица.

Употребляется библейское выражение в современной публицистике и с такими метаоператорами, которые используются для акцентирования внимания на прецедентности высказывания. И в этом случае тоже наблюдается разнообразие: крылатое выражение квалифицируется как библеизм, изречение философов, пословица, поговорка, народная мудрость и др.:

*Хотя Грузия живет «очень трудно», отметил Стуруа, **«библейское изречение о том, что не хлебом единым жив человек»**, оправдывается*

ежедневно и каждый вечер в их театре анилаг (Грузинский театр имени Шота Руставели гастролирует в Москве // РИА Новости, 2002.04);

*– На первый взгляд, темы марафона и всемирной выставки – «Накормить планету. Энергия для жизни» – достаточно далекие темы, но стоит вспомнить библейскую поговорку «**не хлебом единым жив человек**». Мы считаем, что все взаимосвязано, и нашу позицию разделили коллеги из Италии, – сказал Климов по телефону РИА Новости (На ЭКСПО в Милане представили II панъевропейский фестивальный марафон // РИА Новости, 2015.05);*

*И тут замечаете: на обочине голосует небесное создание с ногами, чисто условно прикрытыми мини-юбкой и берущими начало чуть ли не от самого подбородка. В ту же секунду вы понимаете, насколько правы великие философы, утверждавшие, что **не хлебом единым жив человек** (Ловушка для простаков. Берегитесь красивых ног // Аргументы и факты, 1994.05);*

*Глядишь, так и молодежь за книгами потянется... Но это дела грядущие. А на сегодняшний день «Комсомольская правда» предлагает вам уникальный сборник классической литературы «Бриллиантовая коллекция». Читайте с нами, ведь как верно гласит народная мудрость: «**Не хлебом единым жив человек!**» (Александр Андрущенко. Бриллиантовая библиотека: Классика от «Комсомолки» // Комсомольская правда, 2006.04);*

О поговорке «не хлебом единым» в хозяйстве тоже не забывают. И завершают строительство животноводческого комплекса – в рамках республиканской программы «500 молочных ферм» (Земледельцы 17 районов Башкортостана завершили сев зерновых // Vesti.ru, 2012.05).

Наиболее креативными являются такие употребления крылатого выражения, при которых говорящий прибегает к его структурным преобразованиям. Достаточно часто наблюдается замена компонента человек, при этом нередко отмечается и буквализация значения выражения:

*На случай пожара в поселок заранее, до паводка, пригнали из соседнего села пожарную машину с двумя мотопомпами. Благо, с водой здесь проблем нет. Лодка с продуктами причаливает к берегу. **Не хлебом единым живет Атазик** – в местный магазин привозят все, от колбас до фруктов (Паводок превратил нижегородское село Атазик в «остров» // Vesti.ru, 2013.04);*

*300 фунтов в неделю – неплохая прибавка к пенсии, которая редко превышает 900 фунтов в месяц. **Но не хлебом единым жив джентль-***

мен. Англичане катаются через пролив и для покупки промышленных товаров (За колбасой через Ла-Манш // Известия, 2002.09);

Но, как говорится, не хлебом единым живет Магнитка. Хоккейный клуб «Металлург», президентом которого является Виктор Филиппович, дважды становился чемпионом Евролиги, а в августе этого года выиграл европейский Суперкубок, переиграв в финале сильную швейцарскую команду «Амбри-Пиотта» (Славин Рэм. Магнитка готова принять // Труд-7, 2000.11).

Многочисленными являются контексты и с заменой компонента *хлеб*, а также с заменой сразу двух субстантивных компонентов:

Хотела закончить колонку оптимистически, мол, не Трампом единым жив человек (С. Тарошина. О личном вкладе в искусство. Шекспир, Пушкин, Булгаков под сенью Трампа // Новая газета, 2017.01);

Не книгой единой жив человек – церемонию торжественного открытия II Московского книжного фестиваля «Красная площадь» сопроводит классическая музыка (Столичный уикенд: выбор «Известий» // Известия, 2016.06);

Но не музыкой единой живет посетитель «Анабука» (Московский уикенд: выбор «Известий» // Известия, 2016.05);

Однако не политикой единой живы российские пользователи соцсетей. (Вот такие булки с маком // lenta.ru, 2015.08);

Однако не спортом единым живет телевидение, и наука, история и искусство ничуть не меньше интересуют зрителей телеканала «Россия 1». (Премьеры на «России 1»: от подвига «Геркулеса» до ошибки реформатора // Vesti.ru, 2014.02);

Но, образно говоря, не туризмом единым жив пожилой человек (Беседовал Роман Уколов. «Эти люди не будут сидеть на диванах» // lenta.ru, 2015.01).

Как видим, при замене ключевого компонента *хлеб* в семантике выражения сохраняется только идея дуальности чего-либо. В данном случае крылатое выражение претерпевает такую метаморфозу, которая, по сути, подготавливает появление фразеосхемы со свободным замещением двух компонентов *не X единым жив/живет Y*. Одной из причин активного использования данной структуры в речи является все еще живая ее связь с исходной прецедентной единицей. Однако не исключено, что с течением времени эта связь может быть утрачена и то, что сегодня квалифицируется как игра с формой и смыслом крылатого выражения, впоследствии станет, согласно терминологии М. В. Копотева и Т. И. Стексовой, не исключением из правила, а собственно правилом [9].

Симптомы такого возможного состояния в системе можно увидеть в том, что уже сегодня связь крылатого выражения с Библией для части носителей культуры оказывается утраченной. Проиллюстрируем этот факт: *«Я вот слушала выступление своего коллеги, и вспомнились мне слова Булата Окуджавы: “Не хлебом единым жив человек”», – сказала председатель комитета по вопросам семьи, женщин и детей Тамара Плетнева (КПРФ), комментируя принятые поправки в договор об антикризисном фонде Евразийского экономического сообщества. После выступления депутата от КПРФ взял слово Милонов. «Я хотел внести коррективу. Мы в парламенте России не можем говорить неправду. Эти слова – “не хлебом единым” – принадлежат не Окуджаве, а Иисусу Христу», – заявил парламентарий (Милонов одернул коммунистку за приписанную Окуджаве цитату из Библии // lenta.ru, 2016.12).*

Впрочем, как мы знаем, утрата связи крылатого выражения с первоисточником – это достаточно распространенное для судьбы крылатых выражений явление. В то же время преобладание в настоящее время контекстов со словарными вариантами крылатого выражения *«Не хлебом единым жив человек»* над контекстами с его трансформами позволяет прийти к выводу, что заложенная в содержании данного выражения мысль относится к числу непреходящих идей.

Список литературы

1. Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bible.by/wbtc/40/4/#4>. – Дата доступа: 20.04.2023.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 20.04.2023.
3. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Худ. лит., 1960. – 752 с.
4. Берков, В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов / В. П. Берков. – М. : Русский язык, 1980. – 176 с.
5. Грановская, Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: около 400 имен; более 300 крылатых выражений / Л. М. Грановская. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – 287 с.
6. Серов, В. В. Крылатые слова : энцикл. / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 880 с.
7. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : около 5000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокниенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Frndt-Universitet, 2009. – Т. II. Н – Я. – 737 с.
8. Иванов, Е. Е. Наследие Библии культурах в языках и культурах народов России и Беларуси : моногр. / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В.М. Мокниенко. – М. : РУДН, 2022. – 406 с.

9. Копотев, М. В. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. – М. : Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 168 с.

Nichiporchik Elena
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: evnich@gmail.com

Gomonova Inna
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: inna-gomonova@mail.ru

MAN SHALL NOT LIVE BY BREAD ALONE...
(FROM BIBLICAL CONTEXT TO MODERN USES
OF THE POPULAR EXPRESSION)

The article analyzes the use of the popular expression *Ne hlebom jedinym ziv chelovek* in modern journalism. The semantic and structural specificity of the expression, its value significance is determined. Attention is drawn to the peculiarity of the manifestation of intertextuality in the functioning of expression in speech, the variety of ways to include intertextuality in speech. The nature of the attitude of contemporaries to the key idea of bibleism is revealed.

Keywords: popular expression, journalism, text, precedent, context, meaning, structure.

УДК 811.161.3'373

М. А. Даніловіч

**ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЫ,
УТВОРАНЫЯ СПАСАБАМ КАНТАМІНАЦЫІ**

Аналізуецца ўтварэнне фразеалагізмаў беларускай дыялектнай мовы спосабам кантамінацыі. Устанаўліваюцца структурна-граматычныя, кампанентна-лексічныя і семантычныя фактары збліжэння фразеалагізмаў пры іх аб'яднанні. Паказаны разнавіднасці аплікацыйнай і лінейнай кантамінацыі фразеалагізмаў, віды сувязі пры іх спалучэнні.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кантамінацыя, аплікацыя, структура, лексічны кампанент, семантыка, лінейная кантамінацыя, рэдукцыя, сінтаксічная сувязь.

У беларускім мовазнаўстве на з'яву фразеалагічнай кантамінацыі ўпершыню звярнуў увагу Ф. Янкоўскі на прыкладзе аб'яднання двух фразеалагізмаў *у свет і куды вочы глядзяць* – *у свет вочы* [1, с. 241–242]. Больш грунтоўна пытанне кантамінацыі беларускіх фразеалагізмаў разгледзеў І. Я. Лепешаў у некалькіх сваіх працах [2, с. 120–128],

[3, с. 223–225], [4, с. 26–27]. Па выніках яго даследаванняў можна заключыць, што ў беларускай літаратурнай мове фразеалагізмаў, утвораных спосабам кантамінацыі, няшмат, у адзначаных працах аўтар прыводзіць усяго каля дзясятка прыкладаў. У беларускай дыялектнай мове кантамінаваных фразеалагізмаў, паводле нашых назіранняў, значна больш. Пра іх утварэнне і пойдзе гаворка далей.

Кантамінацыя фразеалагізмаў – гэта іх зліццё, узаемапрапінкненне на аснове падабенства, у выніку чаго ствараецца новая адзінка. Напрыклад, два фразеалагізмы *мераць на свой аршын* і *на свой капыл*, аб’яднаўшыся сваімі часткамі, спарадзілі трэці фразеалагізм *мераць на свой капыл*.

Фразеалагічная кантамінацыя звычайна бывае двух тыпаў: а) аплікацыйная; б) лінейная. Сутнасць першага тыпу заключаецца ў тым, што адбываецца аплікацыя – накладанне аднаго фразеалагізма на другі, і гэта прыводзіць да перакрываванага ўзаемадзяння кампанентаў абодвух фразеалагізмаў.

Так, на Гродзеншчыне бытуе фразеалагізм *дацца ў косці* каму ‘вельмі моцна, нязносна надакучыць каму-н.’ (ФСГГ). Узнік ён скрыжаваннем фразеалагізмаў *дацца ў знакі* ‘аказаць сваё ўздзеянне на каго-н., стаць адчувальным, непрыемным, даймаючы каго-н. і надоўга запаміныючыся’ і *ўесціся ў косці* ‘ўздзейнічаючы на каго-н., станавіцца адчувальным, непрыемным, нязносным і гэтымі рысамі надоўга запамінальным’. З прыклада відаць, што пры накладанні захоўваюцца і ўступаюць у лексічна-граматычную сувязь першы кампанент першага і другі кампанент другога фразеалагізмаў, астатнія кампаненты скасоўваюцца.

Кантамінацыйнае збліжэнне фразеалагізмаў, магчымасць і здольнасць іх «адшукваць» адзін аднаго для ўзаемадзяння адбываецца на падставе падабенства. Яны могуць быць падобныя структурна-граматычнымі, кампанентна-лексічнымі і семантычнымі рысамі.

Структурна-граматычнае падабенства найлепш дэманструецца двухкампанентнымі фразеалагізмамі аднатыповай структуры. Тут найбольш выразна бачна, якія кампаненты захаваліся, а якія страціліся. Пакажам гэта на прыкладзе мадэлі “дзяслоў+назоўнік”: *гарадзіць кашалі* ‘гаварыць недарэчнае’ (СПСБ-2) < *гарадзіць плот* + *плесці кашалі*; *звесці з панталыку* каго ‘заблытаць, падмануць, ашукаць каго-н.’ (СГВ, ФСГГ) < *звесці з тропу* + *збіць з панталыку*; *лясы галіць* ‘балбатаць, пустаасловіць, пляткарыць’ (Стэц.-1967, ФСГГ) < *тачыць лясы* + *галіць*

зубы; намыліць каршэль каму ‘пабіць каго-н.’ (СГЦБ) < *намыліць шыю + даць у каршэль*; *намыліць хвост* каму ‘пабіць, пакараць, сурова расправіцца з кім-н.’ (СБНФ, ФСГГ) < *намыліць шыю + накруціць хвост*. А вось іншая мадэль – “назоўнік + назоўнік са злучнікам *ні–ні*”: *ні вала ні кала ў каго, дзе ‘зусім нічога няма’ (Fed.). < ні вала ні асла (ні каня) + ні кала ні двара.*

Сустракаюцца выпадкі аплікавання фразеалагізмаў, што адрозніваюцца структурай, маюць неаднолькавую мадэль. Пры іх гібрыдызацыі можа адбывацца карэкціроўка граматычнай формы кампанентаў, выкліканая патрабаваннем спалучальнасці: *аж вушы трашчаць* ‘са смакам, з вялікім апетытам, з задавальненнем (есці)’ (Fed.) < *аж вушы трасуцца + аж за вушамі трашчыць; да чортавай гібелі* каго, чаго ‘вельмі многа’ (Янк. ДС-3) < *да чорта + да гібелі.*

Кампанентна-лексічнае падабенства фразеалагізмаў заключаецца ў тым, што яны супадаюць адным, радзей двума лексічнымі кампанентамі. Па гэтай прымеце адбываецца іх сутыкненне ва ўжыванні, што служыць глебай для ўтварэння новай адзінкі. Напрыклад, у фразеалагізмах *цара помніць* ‘даўнейшы, створаны, зроблены вельмі даўно і які захаваўся да цяперашняга часу’ і *за царом Гарохам* ‘вельмі даўно’ агульным выступае назоўнік *цар*. Пры іх кантамінацыйным спалучэнні адбылося накладанне і лексічнае сцяжэнне аднолькавых кампанентаў, у выніку чаго ўзнік фразеалагізм *цара Гароха помніць* (ФСГГ).

Яшчэ падобныя прыклады: *даваць галаву на калодку* ‘браць на сябе поўную адказнасць за што-н., з поўнай адказнасцю паручыцца за што-н.’ (ЗНФ, ФСГГ) < *даваць галаву на адрэз + класці галаву на калодку; з белага свету* ‘аднекуль здалёк, невядома адкуль’ (ФСГГ) < *з усяго свету + белы свет; ледзьве шоры цягнуць* ‘быць вельмі слабым, знясіленым’ (ФСГГ) < *ледзьве ногі цягнуць + цягнуць шоры; не нашага бога брат* ‘паганы, подлы, дрэнны чалавек’ (Ройз.) < *не нашага бога + наш брат; нос на квінту спусціць* ‘даходзіць да моцнага адчаю, маркоціцца, сумаваць’ (Fed.) < *вешаць нос на квінту + спусціць нос; плесці смаляныя кашалі* ‘гаварыць абы-што, выдумваць’ (Fed.) < *плесці кашалі + плесці смалянога дуба; толькі багатаму на смерць насылаць* каго ‘цяжка дачакацца каго-н., каму даручылі што-н. зрабіць’ (ЗНФ) < *толькі па смерць насылаць + як багатаму на смерць.*

Прычынай кантамінацыі выступае і семантычнае збліжэнне. У зыходнай пары фразеалагізмы могуць мець ідэнтычныя, сінанімічныя ці блізкія значэнні, што правакуе іх да змешвання ва ўжыванні. Так, фразеалагізмам *ад гарышка паўвяшка* і *ад зямлі не адрос* уласціва значэнне

‘малога росту, недаростак’. Гэта самае значэнне перадалося і ўтворанаму на іх аснове фразеалагізму *ад гарыка не адрас* (ФСГГ). У фразеалагізмаў *сабак ганяць* ‘хадзіць дзе-н. без справы, без сур’ёзнага занятку’ і *цялятам (каровам, быкам, валам) хвасты круціць* ‘займацца выпасам жывёлы, быць прафесійна звязаным з жывёлагадоўляй; рабіць тое, што не патрабуе ўмення, кемлівасці’ значэнні не сінанімічныя, але яны сэнсава блізкія, лагічна сумяшчальныя, што дало магчымасць сутыкнуць гэтыя адзінкі для ўтварэння фразеалагізма *сабакам хвасты круціць* ‘хадзіць дзе-н., сноўдацца, без справы, лайдачыць’ (СДФГ, ФСГГ).

Структурна-гараматычны, кампанентна-лексічны і семантычны фактары развіцця кантамінацыі фразеалагізмаў паказаны тут з пэўнай доляй умоўнасці, адасоблена, ізалявана. А на практыцы яны часцей спрацоўваюць комплексна, камбінавана, што можна прасачыць на папярэдніх прыкладах.

У кантамінацыйным працэсе зрэдку ўдзельнічаюць не два, а тры фразеалагізмы. Вынікам такога ўзаемадзеяння стаў фразеалагізм *у белы свет як у капейку* (паехаць, пайсці) ‘у невядомым напрамку, невядома куды’ (СМН) < *у свет* + *белы свет* + *у свет як у капейку*.

Пры аплікацыйнай кантамінацыі могуць злівацца і выключацца не асобныя кампаненты, а толькі іх часткі. Дыялектны фразеалагізм *лезці смаліцай у вочы* ‘назойліва прыставаць, дакучаць’ створаны накладаннем двух сінанімічных фразеалагізмаў *лезці смалой у вочы* і *лезці сляпіцай у вочы*, пры якім скрыжоўваюцца фрагменты слоў *смал-ой* і *сляп-іцай*: *Смаліцаю леза ў вочы, ні аччаніцца ад яго!* Савічы Зэльв. (СНМЗ). Яшчэ прыклад: *тыл-ылы біць* + *лын-ды біць* = *тылды біць* (Янк., 1979).

Сутнасць лінейнага тыпу кантамінацыі заключаецца ў нанізванні двух фразеалагізмаў і дапаўненні аднаго другім. Класічным прыкладам рэалізацыі гэтага тыпу, што прыводзіцца ў літаратуры па фразеалогіі, выступае фразеалагізм *у свет вочы* (БФ), які ўтварыўся з выразаў *у свет* + *куды вочы глядзяць* – ‘у няпэўным напрамку, не выбіраючы дарогі, абы-куды, невядома куды’. Абодва фразеалагізмы ўжываюцца са словамі-суправаджальнікамі *ісці, пайсці*. Пры аб’яднанні фразеалагізмаў першы з іх захаваў свой лексічны склад, а ад другога застаўся толькі кампанент *вочы*.

Лінейная кантамінацыя можа суправаджацца такімі з’явамі, як: а) нанізванне з рэдукцыяй; б) нанізванне з рэдукцыяй паўторнага кампанента; в) спалучэнне без рэдукцыі.

Нанізованне з рэдукцыяй – аб’яднанне з апушчэннем аднаго ці больш кампанентаў: *пайсці прахам-пропадам* ‘прапасці, згінуць, змарнавацца’ (СНМ) < *пайсці прахам* ‘пацярпець крах, няўдачу; канчаткова разбурыцца, разваліцца’ + *пропадзі пропадам* ‘выказванне моцнага раздражнення, злосці з прычыны чаго-н.’; *цалаваць рукі і ногі* каму ‘быць вельмі ўдзячным, адчуваць вялікую ласку да каго-н.’ (СБНФ) < *цалаваць рукі* + *лізаць ногі*.

Найбольш пашырана разнавіднасць нанізвання з рэдукцыяй паўторнага кампанента. Шэраг фразеалагізмаў мае ў сваім складзе аднолькавы лексічны кампанент. Пры кантамінацыі ён не паўтараецца, а выкарыстоўваецца толькі адзін раз і выступае аб’яднальным сродкам, які знітоўвае два фразеалагізмы ў цэласнае кантамінацыйнае ўтварэнне: *не весці ні вухам ні рылам* ‘ніяк не рэагаваць, не звяртаць ніякай увагі, зусім не прыслухоўвацца да чыёй-н. думкі’ < *і вухам не весці* + *рылам не весці* (ФСГГ); *пайсці пылам ды дымам* ‘прапасці, змарнавацца, страціцца’ < *як пыл пайсці* + *як дым пайсці* (СПЗБ-4); *хай Бог крые-ратуе* ‘выказванне папярэджання ад чаго-н. непажаданага’ < *хай Бог крые* + *хай Бог ратуе* (ДМГ); *як чорт падсмалены* ‘вельмі хутка (бегчы)’ < *як чорт* + *як падсмалены* (СГВ); *выйсці замуж за варону да Пясэцкага* ‘памерці’ (НКАМ) < *выйсці замуж за варону* + *выйсці за Пясэцкага*; *вялікая шышка на голым месцы* ‘той, хто нясе сябе высока, незаслужана важнічае’ (СМН) < *вялікая шышка* + *шышка на голым месцы*; *з горам з бядою папалам* ‘з вялікай цяжкасцю, ледзь-ледзь’ (Янк. ДС-3) < *з горам з бядою* + *з горам папалам*; *змяшаць з граззю з балотам* каго ‘ўсяляк прыніжаць, груба ляць, абвінавачваць каго-н.’ (Fed.) < *змяшаць з граззю* + *змяшаць з балотам*; *малоць языком не падсяваючы* ‘гаварыць глупства, пустасловіць’ (СМН) < *малоць языком* + *малоць не падсяваючы*; *ні макулінкі ні расінкі ў роце не было* ‘зусім галодны, зусім не піўшы, не еўшы (працяглы час)’ (БФ) < *ні макулінкі не было ў роце* + *і расінкі ў роце не было*; *пайсці да Бога з дымам* ‘гарэць, знішчацца пажарам’ (Fed.) < *пайсці да Бога* + *пайсці з дымам*; *ударыць у званы як у бубен* ‘настойліва перадаваць весткі, звяртаючы ўвагу на тое, што выклікае неспакой, трывогу’ (Fed.) < *ударыць у званы* + *як у бубен біць*.

Спалучэнне без рэдукцыі заснавана на здольнасці фразеалагізмаў уступаць у сінтаксічную сувязь не толькі са словамі, але і з іншымі фразеалагізмамі. Выбар такіх фразеалагізмаў дыктуецца маўленчай сітуацыяй. У працэсе прадукавання сінтагмы падбіраюцца сэнсава сумяшчальныя фразеалагізмы для ўтварэння непаўтаральнага, індывідуальнага

міжфразеалагічнага спалучэння, напрыклад: *Дзеці ў нас усе працавітыя былі, з маці ад зары да зары сьпіны гнулі*. Пётрымаўшчына Ёўеў.

У гаворках сітуацыйнае «счапленне» двух фразеалагізмаў можа атрымаць рэгулярны характар: іх маўленчае спалучэнне паступова замацоўваецца ў мове і набывае ўзуальны, слоўнікавы статус. Так, спосабам складання двух фразеалагізмаў *на моц* і *на сілу* ўтварыўся фразеалагізм *на моц на сілу (на сілу на моц)* ‘з вялікімі цяжкасцямі’, які фіксуецца даведнікамі М. Федароўскага і Ф. Янкоўскага (Fed., БФ). Такім самым чынам узнік фразеалагізм *рэзаць душу паліць сэрца* каму ‘моцна трывожыць, хваляваць, мучыць каго-н.’ (СДФГ).

Аб’ядноўваюцца паміж сабой фразеалагізмы з дапамогай падпарадкавальнай ці злучальнай сувязі. Пры падпарадкаванні адзін фразеалагізм (дзеяслоўны) выступае галоўным кампанентам фразеаспалучэння і да яго прымыкае другі фразеалагізм (прыслоўны): *змераць вачыма ад пят да галавы* (Fed.). У якасці прымыкальнай часткі звычайна фігуруе кампаратыўны фразеалагізм, што пачынаецца злучнікам як: *выдупіць вочы як баран на новыя вароты* (СМН), *малоць языком як сабака хвостом* (СНМ), *малоць языком як цяля хвостом* (Fed.), *надуць лупы як кот на крупы* (СДФГ), *даць духу як заяц кабылі, выскаліць зубы як сабака на высеўкі (на пятніцу, на мяса), лезці ў вочы як муха ў спасаўку, вытрашчыць очы як яшчарка на дзеці, вытрашчыць очы як патароча, вытрашчыць (вырачыць) очы як вол на разніка* (Fed.).

Пры злучальнай сувязі фразеалагізмы аб’ядноўваюцца злучнікам ці без яго. Пераважаюць спалучальныя (*і, ды, да*) і супраціўныя (*а, але, ды*) злучнікі: *свет не бачыў і людзі не чулі* (ЗНФ), *чортава семя і воўкава племя* (Ройз.), *валасы дубам сталі да ушы звялі, папоўско (папово) око а воўчо горло* (Fed.), *ні цёпла ні холадна а так сабе* (В), *горло шырока ды кішка тонка* (ППФВ, СНМ), *рукі залатыя але горла смалёное* (ППФВ).

Бяззлучнікавая сувязь аб’ядноўвае аднафункцыянальныя сінтаксічныя часткі, не звязаныя адносінамі дэтэрмінацыі, і выяўляе пералічальнае значэнне. Другая частка выступае структурным дублікатам папярэдняй: *голы як біч востры як меч* (СГВ, ПП, Fed.), *без агню пачы без нажа рэзаць* (Fed.), *ні ў пень ні ў калоду ні ў плот ні ў агарод* (В, ППФВ), *кату на пята раку на вусы* (Ройз.), *соль у вочы перац у нос* (СДФГ).

Незамкнёная сінтаксічная структура спалучэнняў дазваляе разгортаваць іх у больш складаныя, трохчленныя адзінкі: *кату на пята пчала на крыле сабаку на хвост* (Янк. ДС-3), *соль у вочы галавешка ў зубы рог паміж ног* (СПЗБ), *соль у вочы дзяркач у зубы таўкач у плечы* (СДФГ).

Утварэнне бінарных фразеалагічных спалучэнняў тлумачыцца імкненнем умацніць вобразнасць і экспрэсію выказвання. Пры гэтым паміж фразеалагізмамі ўсталёўваюцца пэўныя семантычныя адносіны. Сярод іх можна адзначыць асноўныя: 1) адбываецца арыфметычная сума значэнняў двух фразеалагізмаў: *змераць вачыма* ‘ўважліва агледзець, нібы ацэньваючы’ + *ад пят да галавы* ‘з усіх бакоў, поўнасцю, цалкам’ = *змераць вачыма ад пят да галавы* ‘ўважліва агледзець, нібы ацэньваючы, з усіх бакоў, поўнасцю, цалкам’; 2) значэнне другога фразеалагізма выконвае ўзмацняльную функцыю ў дачыненні да першага і дадае бінарнай фразеалагічнай канструкцыі сему ‘вельмі, надта, надзвычай, празмерна’: *малоць языком* ‘гаварыць пустое’ + *як сабака хвостом* ‘празмерна’ = *малоць языком як сабака хвостом* ‘празмерна гаварыць пустое’; 3) у фразеалагізмах з аднолькавымі значэннямі адбываецца накладанне гэтых значэнняў, і ў выніку бінарнае фразеалагічнае спалучэнне застаецца семантычна тоесным кожнай са сваіх частак: *ні ў пень ні ў калоду* ‘зусім недарэчна, неўпапад, не так, як трэба (сказаць)’ + *ні ў плот ні ў агарод* ‘тс’ = *ні ў пень ні ў калоду ні ў плот ні ў агарод* ‘тс’; 4) паміж фразеалагізмамі выяўляюцца семантычныя адносіны супрацьпастаўлення: *рукі залатыя* ‘хто-н. вельмі ўмелы і здольны ў сваёй справе’ + *горла смяляное* ‘хто-н. любіць вельмі часта і многа выпіць’ = *рукі залатыя але горла смяляное* ‘хто-н. вельмі ўмелы і здольны ў сваёй справе, але, на жаль, схільны да выпіўкі’.

І аплікацыйная, і лінейная кантамінацыя прыводзіць да ўзнікнення трэцяга фразеалагізма не адразу. У маўленні змешванне, спалучэнне фразеалагізмаў адбываецца часта, але новы фразеалагізм узнікае толькі тады, калі працэс аб’яднання набывае паўтаральны, рэгулярны характар і гібріднае ўтварэнне пачынае ўспрымацца як асобная, самастойная адзінка.

Спіс скарачэнняў

БФ – Янкоўскі Ф. Беларуская фразеалогія: фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне. – Мінск, 1968; ДМГ – Дыялектная мова Гродзеншчыны: хрэстаматыя / аўт.-склад. М. А. Даніловіч, Н. К. Памецька. – Гродна, 2007; ЗНФ – Лепешаў І. Я. З народнай фразеалогіі: дыферэнц. слоўнік. – Мінск, 1991; В – Выслоўі / склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата. – Мінск, 1979; НКМ – Народныя казкі-байкі, апавяданні і мудраслоўі. – Мінск, 1983; ПП – Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. – Мінск, 1976; ППФВ – Сцяшковіч Т. Ф. Прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, выслоўі народных гаворак Гродзенскай вобласці. – Гродна, 1968; Ройз. – Ройзензон Л. И., Баляснікова А. В., Шугурова З. А. Словарь белорусской диалектной фразеологии деревни Гребени (Лельчицкого района Гомельской области) // Труды Самаркандского ун-та. – Вып. 272: Вопросы фразеологии. – № 8. – 1975. –

С. 67–81; СБНФ – Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. – Мінск, 1972; СГВ – Сцяшковіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. – Мінск, 1983; СГЦБ – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. – Т. 1. – Мінск, 1990; СМН – Ліцвінка В. Д., Царанкоў Л. А. Слова міма не ляціць: беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. – Мінск, 1985; СДФГ – Даніловіч М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны. – Гродна, 2000; СНМ – Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну. – Гродна, 1993; СМЗ – Сцяцко П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. – Гродна, 2005; СПЗБ-1-5 – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск, 1979 – 1986; Стэц.-1967 – Стэцка П. Народная фразеалогія // Польша. – 1967. – № 2. – С. 249–252; ФСГГ – Даніловіч М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны. – Гродна, 2020; Янк. ДС-3 – Янкоўскі Ф. Дыялектны слоўнік. Вып. 3. – Мінск, 1970; Янк., 1979 – Янкоўскі Ф., Тамашэвіч Т., Аляхновіч М. Яшчэ з народнай фразеалогіі // Слова, фразеалагізм і кантэкст: зб. арт. – Мінск, 1979. – С. 42–57; Fed. – Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. – Т. 4. – Warszawa, 1935.

Скарочаныя назвы адміністрацыйна-тэрытарыяльных раёнаў: *Ари.* – Аршанскі, *Астр.* – Астравецкі, *Бар.* – Баранавіцкі, *Бераст.* – Бераставіцкі, *Віл.* – Вілейскі, *Воран.* – Воранаўскі, *Гродз.* – Гродзенскі, *Зэльв.* – Зэльвенскі, *Іўеў.* – Іўеўскі, *Карэл.* – Карэліцкі, *Лід.* – Лідскі, *Любан.* – Любанскі, *Маст.* – Маслоўскі, *Навагр.* – Наваградскі, *Свісл.* – Свіслацкі, *Сл.* – Слонімска, *Стаўб.* – Стаўбцоўскі, *Трак.* – Тракайскі, *Шчуч.* – Шчучынскі.

Спіс літаратуры

1. Янкоўскі, Ф. Беларуская мова / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 336 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія ў творах Кандрата Крапівы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 152 с.
3. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
4. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

Danilovich Nikolai
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: damial@inbox.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE BELARUSIAN DIALECT FORMED BY THE METHOD OF CONTAMINATION

The article analyses Belarusian dialectal phraseological units formed by the way of blending. Structural-grammatical, component-lexical and semantic factors of phraseological units approaching in the process of their combination are elicited. The varieties of application and line blending of phraseological units, the types of their connection are presented.

Keywords: phraseological unit, contamination, application, structure, lexical component, semantics, linear contamination, reduction, syntactic connection.

Т. В. Сивова

**ЦВЕТ РЖИ В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ
ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА**

Представлены результаты носящего полидискурсивный характер исследования, посвященного реконструкции на материале колористических дескрипций ржи сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Выявлен количественный и качественный состав терминов цвета, значимых в визуализации растения (25 основных единиц); описан функциональный потенциал колористических дескрипций ржи (онтологическая, изобразительно-выразительная, хронологическая и др. функции), охарактеризована степень активности дескрипций в продуцировании терминов цвета.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, языковая картина мира, концептосфера.

Научно-исследовательский потенциал лингвистики цвета как научного направления современного языкознания [1; 2] закономерно получает реализацию в исследованиях белорусских лингвистов, среди которых Ю. М. Бабич (Ю. М. Бабіч), И. В. Калита (І. Каліта), М. И. Коношкевич (М. І. Канюшкевіч), С. М. Лясович (С. М. Лясовіч), М. В. Разладова (М. У. Разладава), И. А. Струц (І. А. Струц) и др. Так, Ю. М. Бабич, обращаясь к художественному дискурсу, ставит целью диссертационного исследования «поўнае апісанне семантычных палёў “Колер” і “Святло” ў творах Я. Коласа, вызначэнне асаблівасцей выкарыстання аўтарам колеравай і светлавой лексікі» [3, с. 2]. И. А. Струц на материале белорусской поэзии первой трети XX в. (М. Багдановіч, Канстанцыя Буйло, Цішка Гартны, Пятро Глебка, У. Дубоўка, Алесь Звонак, Якуб Колас, Янка Купала, Максім Лужанін, Міхась Чарот и др.) определяет «лінгвістычны статус, спосабы ўвасаблення, мастацкамоўныя прыёмы стварэння і законы функцыянавання колеравобраза і колерасімвала» [4, с. 1]. Существенная часть полученных И. А. Струц данных представлена в виде «Лінгвапаэтычнага слоўніка колеравобразаў мовы беларускай паэзіі першай трэці XX стагоддзя» [5].

Вызывает научно-исследовательский интерес изучение цветовой концептосферы флористического пространства языка. Лингво-культурологический потенциал темы актуализируется в исследованиях М. И. Коношкевич, которая на примере колористической дескрипции василька доказывает: «синий цвет в белорусском лингвокультурологическом и языковом сознании связан прежде всего с концептом *васілька / волошки*, когнитивная структура которого имеет двойственную природу и значи-

тельно расширена и обогащена за счет важнейших для белоруса понятий (*радзіма, Беларусь, край, беларуская дзяўчына, беларус, нацыянальны герой, мова, хлеб, адзенне, чысціня, шчасце*), что позволяет утверждать, что национальная цветовая картина белорусского сознания, наряду с белым, красным и зеленым цветами, включает еще и синий цвет» [6, с. 284]. Исследования Т. В. Сивовой посвящены реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства прозы К. Г. Паустовского [7; 8], шире – в русле носящего полидискурсивный характер исследования, позволяющего создать целостное представление о колористической визуализации того или иного растения, – реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства русского языка [9; 10].

Целью данной статьи является осуществляемая на материале лексикографических источников, данных направленного ассоциативного эксперимента, прозы К. Г. Паустовского, признанного мастера художественного слова, данных НКРЯ (основной, поэтический корпус), рекламных текстов реконструкция на примере колористических дескрипций ржи сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Задачи исследования: 1) установление количественного и качественного состава терминов цвета, значимых в визуализации растения; выявление доминант цвета и спектра уникальных цветовых определений; 2) описание функционального потенциала колористических дескрипций ржи; 3) определение степени активности данных дескрипций в продуцировании терминов цвета.

Цвет ржи. Лексикографическая репрезентация (зеленый; черный; ржаной).* Доступные нам толковые словари фиксируют в дефинициях слова *рожь* преимущественно термин цвета *черный* (актуализируется не растительный, а кулинарный код): *рожь* ‘хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука для выпечки черного хлеба’; ‘зерна этого злака’; только мн. разг. ‘поле или всходы такого злака’ [11, с. 728]; *рожь* ‘хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку черного хлеба’; ‘зерна этого злака’; ‘ржаное поле, всходы ржи’ [12, с. 726]; *рожь* ‘хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку черного хлеба’; собир. ‘зерна, мука этого злака’ [13]; *рожь* ‘хлебный колосовой злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку черного хлеба’, ‘зерно такого злака’ собир. [14, т. 1, с. 536]; *рожь* ‘хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука для выпечки черного хлеба’; ‘зерна такого злака’ [15]. Термин цвета *зеленый*,

актуализирующий собственно растительный код, фиксируется лишь в иллюстративной зоне словарной статьи: *рожь* мн. ‘поле, засеянное рожью’ (обл.). *Ржи зазеленели, заколосились* [14, т. 2, с. 26]. Словарь фиксирует также созданный на основе колористической дескрипции растения и маркирующий соматический код термин цвета *ржаной*: *Ржаные волосы* ‘цвета спелой ржи, золотисто-желтые’ [14, т. 1, с. 536]; *ржаной* ‘имеющий цвет соломы или зерен ржи’; ‘золотисто-желтый’ [15].

Цвет ржи. Ассоциативный эксперимент (желтый). Выявлению актуального колористического представления о ржи способствуют результаты проведенного нами в феврале – апреле 2022 г. направленного ассоциативного эксперимента, в ходе которого респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «рожь». В эксперименте приняли участие 770 респондентов (студенты, обучающиеся на 12 факультетах ГрГУ имени Янки Купалы; пол: 384 жен., 386 муж.; возраст: 17–24).

Статистка. Всего цветовых реакций на стимул «рожь»: 670, различных цветовых реакций: 40, одиночных: 21, отказов: 100. *Результаты*: желтый 432: 203 (ж), 229 (м); золотой 45: 28 (ж), 17 (м); коричневый 39: 24 (ж), 15 (м); золотистый 38: 19 (ж), 19 (м); бежевый 26: 22 (ж), 4 (м); зеленый 9: 4 (ж), 5 (м); оранжевый 9: 3 (ж), 6 (м); белый 8: 4 (ж), 4 (м); светло-коричневый 8: 6 (ж), 2 (м); светло-желтый 6: 3 (ж), 3 (м); пшеничный 5: 5 (ж); желто-коричневый 4: 2 (ж), 2 (м); темно-желтый 4: 2 (ж), 2 (м); золотисто-желтый 3: 1 (ж), 2 (м); охра 3: 3 (ж); ржаной 3: 1 (ж), 2 (м); серый 3: 1 (ж), 2 (м); желтоватый 2: 1 (ж), 1 (м); телесный 2: 2 (ж); бежевый, золотистый 1: 1 (ж); бежевый, коричневый 1: 1 (ж); бежевый, светло-коричневый 1: 1 (м); бледно-желтый 1: 1 (м); бледно-зеленый 1: 1 (м); бурый 1: 1 (м); грязно-желтый 1: 1 (ж); желто-зеленый 1: 1 (м); желто-оранжевый 1: 1 (м); желтый, золотистый 1: 1 (м); золотой, желтый 1: 1 (м); коричнево-желтый 1: 1 (м); песочный 1: 1 (ж); песочный, зеленый 1: 1 (ж); пыльно-желтый 1: 1 (ж); рыжий 1: 1 (м); светло-бежевый 1: 1 (ж); светло-желтый, бежевый 1: 1 (м); светло-коричневый, бежевый 1: 1 (ж); темный желтый 1: 1 (ж); черный 1: 1 (м). Таким образом, в колористической визуализации ржи значимы 16 терминов цвета (в алфавитном порядке): *бежевый, белый, бурый, желтый, зеленый, золотистый / золотой, коричневый, оранжевый, охра, песочный, пшеничный, ржаной, рыжий, серый, телесный, черный*.

Желтый, доминанта цвета, транслирует значимую для респондентов информацию о фазе вегетации растения. Ср. с данными других словарей. С «Русским ассоциативным словарем»: а) прямой поиск –

«цветовые» реакции на стимул «рожь»: золотая 7, желтая 3, зеленая 2, золотистая 1, золотистый 1, золото 1, светлая 1 [16, т. 1, с. 560]; б) обратный поиск – цветовой стимул, вызвавший реакцию «рожь»: золотистый 2 [16, т. 2, с. 735]; с «Русским региональным ассоциативным словарем»: золотая 3, желтый 1 [17, с. 679], в которых доминанты цвета (*золотой*) свидетельствуют о поэтизации растения.

Одиночные реакции также представляют исследовательский интерес, например, с точки зрения сопоставления языковой картины мира «наивного» носителя языка и художественной картины мира, возможного влияния последней. Ср.: бурый 1 (м) (НАЭ) и *буреть* ‘становиться серо-коричневым, бурым’. <...> Цвет созревающей ржи. *Рожь буреет* (М. Пришвин) [18, с. 73].

Выявленные колористические дескрипции ржи специфичны 1) актуализацией свидетельствующей о стремлении респондентов, с одной стороны, точно передать цветовой представлении о растении, с другой – свое эстетическое восприятие ржи широкой оттеночной палитры, реализуемой рядом модификаций (*бледно-желтый, грязно-желтый, желтоватый, желто-зеленый, золотисто-желтый, пыльно-желтый, светло-бежевый, темно-желтый, темный желтый*); использованием в этих целях цепочек цвета, некоторых последовательностей терминов цвета [19]: а) *бежевый, золотистый; песочный, зеленый*; б) *бежевый, светло-коричневый; светло-желтый, бежевый* и др.; 2) фиксации фаз вегетации растения (*желтый, зеленый, песочный*); 3) регистрацией прототипичности цвета ржи: *ржаной* 3 (ср. со словарями).

Цвет ржи. Авторский художественный дискурс. Проза К. Г. Паустовского (желтый, черный). Согласно созданному на основе Собрания сочинений [20] корпусу контекстов, содержащих колористическую дескрипцию растения, значимыми в визуализации ржи являются термины цвета *желтый* 2, *черный* 2, *золотой* 1, а также лексемы с корнем -цвет- (*разноцветный*), со зн. ‘свет’, ‘тьма’ (*свет, тусклый*), со зн. ‘быть в цвету’.

Функциональный потенциал цветowych описаний растения реализуется не столько в онтологической функции, сколько в изобразительно-выразительной (посредством актуализации ряда значимых черт цветописы К. Г. Паустовского [21]): а) в создании эффекта многоцветности: *открывались поля зрелой ржи, гречихи и пшеницы. Они лежали разноцветными* платами, плавно подымаясь к последнему пределу земли, теряясь во мгле [20, т. 6, с. 587]; б) в актуализации светового признака: *на границе между тусклыми волнами овса и ржи стоял на меже узло-*

ватый вяз [20, т. 6, с. 589]; в) в создании эффекта отражения: *забытый край с серыми, как будто пришибленными к земле деревушками и бесконечными ржаными полями. По ним непрерывно, до ряби в глазах, бежали волны тусклого света, – спелая рожь отражала белесое солнце* [20, т. 8, с. 379].

Шире – в хронотопической функции, манифестирующей закономерную связь темпоральной и пространственной составляющей. Так, колористические дескрипции ржи принимаю участие в создании 1) цветового пространственного измерения: а) пространства страны: *Рязанские земли хлебные, желтые от ржаных полей, кудрявые от яблоневых садов* [20, т. 3, с. 606]; б) пространства творчества: *Ржаные поля, как бы видимые до этого через слюду, сухо шелестели и золотились вокруг. И я понял, что это и была та лермонтовская желтеющая нива, которая помогла ему постигнуть земное счастье* [20, т. 8, с. 380]; 2) цветового темпорального измерения: а) ТК «Время суток»: *В ее свете Татьяна Андреевна увидела с краю дороги черную нескошенную рожь. Месяц запутался в лесной чаще. Ночь надвигалась со всех сторон тьмой, глухоманью* [20, т. 2, с. 461]; б) ТК «Длительный период времени»: *С невольным уважением прикасаешься даже к черным, как уголь, зернам ржи, насыпанным в амфору тысячи лет назад, или к позеленевшим рыболовным крючкам скифов* [20, т. 2, с. 70]; в) ТК «Период вегетации»: *смотреть оттуда на приветливую землю с ее лесами, просеками, полянами, цветущей рожью, поблескивавшим тихой воды и пестрыми стадами* [20, т. 6, с. 482]. Изобразительно-выразительные возможности дескрипций, получившие реализацию в прозе К. Паустовского, обуславливают наше обращение к еще более широкому языковому материалу.

Цвет ржи. Национальный корпус русского языка. Колористические дескрипции ржи фиксируются в текстах произведений В. Арро, Ю. Буйды, И. Бунина, И. Грековой, И. Панаева, К. Паустовского, Ю. Петкевича, Б. Пильняка, Д. Рубиной, В. Скрипкина, И. Тургенева. Спектр значимых в колористической визуализации растения терминов цвета включает 7 единиц: *золотой* 4 (*золотистый, золото, золотой*); *желтый* 1 (*желтый*), *зеленый* 1 (*зеленеть*), *седой* 1 (*седой*), *серый* 1 (*серый*), *сизый* 1 (*сизый*), *черный* 1 (*черный*); расширяется лекс. со зн. 'степень зрелости' 4 (*полуспелый, спелый*), со зн. 'свет' 1 (*сиять*). В контексте: *кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!* (И. Тургенев

Живые мощи, 1874). Цветообозначения обнаруживают сочетаемость преимущественно с фитонимом *рожь*, также с лекс. *поле*, *дорога*.

Функциональный потенциал колористических дескрипций ржи реализуется в онтологической функции, осложненной темпоральным маркером: *огромное поле, желтое и пустое, видно, только сжали рожь, на меже лежат редкие колоски* (М. Кучерская Современный патерик, 2004); в изобразительно-выразительной: *Любо было смотреть на полосатую степь, засеянную хлебами: рожь сияла, как золото, а подымалась в рост человеческий* (И. Панаев Раздел имения, 1850); шире – в хронотопической. В конструировании как пространственного колористического измерения произведения: *с невысоких сизых ржей, простиравшихся на сколько глаз хватит, дул сладкий ветерок* (И. Бунин Грамматика любви, 1915); *Ветер летел по ржи, прокладывая седую дорогу* (А. Проханов Господин Гексоген, 2001); пространства человека (соматический код): *Вот только глаза, они могли быть глазами европейской женщины, если б не этот опасный разрез да оханки черной ржи вместо ресниц* (В. Скрипкин Тинга, 2002); так и темпорального измерения: <исчезало ощущение времени> ... *во все времена в этот день на этих волнистых полях стояла полуспелая рожь, на взгорках встречаясь с небом, горели в ней голубые розетки васильков* (В. Арро Дом прибежища, 2002), существенная взаимосвязь которых лежит в основе цветового хронотопа произведения [21].

НКРЯ фиксирует функционирование образованных на основе колористической дескрипции ржи терминов цвета (сфера денотации: внешность, волосы): (цв.) *поспелой ржи*, (цв.) *спелой ржи*: *притащил в залу дворового мальчика с волосами цвета поспелой ржи* (И. Панаев Раздел имения, 1850); *Каждую неделю новый цвет <волос>: то спелой ржи, то красного дерева...* (И. Грекова Летом в городе, 1962); *стрижка цвета спелой ржи свободно распадалась на как бы небрежные густые пряди; элегантная женщина со стильной прической цвета спелой ржи* (Д. Рубина Русская канарейка, 2014) [22].

Цвет ржи. Поэтический корпус НКРЯ. Колористические описания ржи фиксируются в текстах поэтических произведений ряда авторов, среди которых Андрей Белый, О. Берггольц, С. Городецкий, С. Есенин, Н. Клюев, Б. Лившиц, Вс. Рождественский, Д. Самойлов, В. Шаламов и др. Спектр значимых в репрезентации растения терминов цвета шире по сравнению с выявленным на материале основного корпуса НКРЯ. Он включает 9 единиц: *золотой* 10 (*злато, златой, золотистый, золотиться, золото, золотой*); *желтый* 3 (*желтый*), *зеленый* 3 (*зеленый*);

молочный 2 (молоко, молочный), рыжий 2 (рыжий); белесый 1 (белесый), розовый 1 (розовый), синий 1 (синий), соломенный 'светло-желтый' 1 (соломенный); а также лекс. со зн. 'свет' / 'тьма' 5 (мерцать, светить, свететь, сиянье; тусклый), со зн. 'степень зрелости' 2 (не-спелый, спелый) / 'быть в цвету' 1; с корнем -крас- 1 (окрасить). В контекстах: *На дорожку маленького сада Золотая набегает рожь* (А. Головина Боже мой, печалиться не надо, 1935); *Пойманный тополем ветер качался над рожью белесой* (Вс. Рождественский Шопен, 1932). Термины цвета коррелируют преимущественно с фитонимом *рожь*, также с лекс. *вал, гумно, даль, зерно, колос*; (образн.) *волос, ермолка, конница, лик, молва* и др. В контексте: *Золотой ржаной молвою В знойный полдень про шумишь* (С. Городецкий Дикая ворон, 1911) [22].

Функционал колористических дескрипций растения в поэтическом тексте также актуализируется не столько в онтологической функции: *Я знала поля безбрежные С волнистою желтою рожью* (М. Вега Разговор, 1969); сколько, что закономерно, в изобразительно-выразительной: *Синей конницей скачет рожь, Обгоняя леса и села? Нет, не рожь! Скачет по полю стужа* (С. Есенин Кобыльи корабли, 1919); *И глядишь и не видишь – то ли зыбится рожь, То ли желтые полчища пляшущих скелетов* (С. Есенин Пугачев, 1921); *Так же ль он в полях своих прилежно Цедит молоко соломенное ржи?* (С. Есенин Пугачев, 1921). В дескрипциях ржи находит отражение световая составляющая (более того, рожь становится источником света): *Ты светишь августом и рожью* (С. Есенин Гори, звезда моя, 1925); ассоциативная: *Все побои ржи в припек окрасив, Грубость жнущих сжав в духмяный сок* (С. Есенин Песнь о хлебе, 1921) [22]. Колористические дескрипции растения значимы в создании цветового хронотопа поэтического текста. Они конструируют пространственное колористическое измерение текста: *А все еще в дугах цветут цветы И ветер движет золотою рожью...* (Е. Кузьмина-Караваева Уже и солнца шар..., 1928); пространство человека (соматический код): *Эти волосы взял я у ржи, Если хочешь, на палец вяжи* (С. Есенин Шаганэ ты моя, Шаганэ!..., 1924); также в пересечении с вестигальным: *скирды ржаные в зеленых ермолках откинули в небо протяжную тень* (О. Берггольц Курганы, 1925). Значимы в создании темпорального колористического измерения: ТК «Период вегетации»: *и рожь, по малости рыжа, чуть-чуть лохмата и волниста* (С. Петров День убегает ото дня..., 1940); *Где рожь была святыней от веков, Ее на корм, зеленую, косили* (А. Твардовский А ты самих послушай хлеборобов..., 1965); *Вплотную рожь к задворкам подступала*

С молочным, только налитым, зерном... (А. Твардовский Гость, 1933); **И первый снег, и рожь в цвету** (А. Твардовский Дом у дороги, 1942); ТК «Время суток»: **поет сверчок О том, как ликом розовым Окапал рожь восток** (С. Есенин Преображение, 1917) [22].

ПК НКРЯ фиксирует широкое функционирование термина цвета *ржаной* 'имеющий цвет соломы или зерен ржи', 'золотисто-желтый' [15], расширяющего сферу денотации от отмеченной словарями 1) человек (волосы): *Синих жилок букет васильками / Трепещет В этом поле вечернем ржаного виска* (В. Шершеневич Инструментовка образом, 1918); *не заплетет ржаные косы* (Д. Бурлюк Картина Бориса Григорьева, 1923); *чуб ржаной* (Д. Самойлов Зрелость, 1956); а также *кос ржано-кудрявых руно* (Л. Семенов В божнице, 1904) до 2) природные явления: *поют о солнцах ржаных* (Н. Клюев Брезг самоварной решетки..., 1919); 3) артефакты (здания): *над ржаную папахую хаты* (В. Катаев Март, 1921) [22]. Ср. с зафиксированной в «Материалах к словарю метафор и сравнений ...» сферой человек: а) внешность (волосы, кожа: *золотисто-каштановый, золотистый, как рожь, рожь, смуглый*): Ср. <...> и длинные, золотисто-каштановые *волосы*, похожие на поле поспевшей ржи, когда оно волнуется в бурю перед грозой... (Чехов 1886), *У Яусты волосы – как рожь* (Замятин 1916); Ср. с прил. *золотистые*: *Вихри-кудри сама расчешу – Золотистее ржи, мягче льна* (Город. 1906); Мтф. *Проходит тихая эстонка, В чьих косах – рожь, лен и луна* (Сев. 1918) [23, с. 178]; Ср. с прил. *смуглая, высокая*: *Словно рожь, она смугла, высока!* (Фокина 1970) [23, с. 93]; б) состояние (похмелье: *золотой*): **ПОХМЕЛЬЕ – рожь**. Ср. с прил. *золотое*: *В сердце легкая дрожь Золотого похмелья, Золотого, как рожь* (Гум. 1914) [23, с. 216].

Цвет ржи. Колористический диапазон, актуализируемый в дескрипциях растения, согласно проведенному нами исследованию, включает 23 основных термина цвета (в алфавитном порядке): *бежевый, белесый, белый, бурый, желтый, зеленый, золотой / золотистый, коричневый, молочный, оранжевый, охра, песочный, пшеничный, ржаной, розовый, рыжий, седой, серый, сизый, синий, соломенный, телесный, черный*, расширяется цветовыми композитами, лекс. со зн. 'свет', 'тьма', 'степень зрелости', 'быть в цвету'. Вместе с тем наше исследование, ставящее целью создание по возможности полной версии описания сегмента цветовой концептосферы флористического пространства языка, требует продолжения, поскольку выявленный нами состав терминов цвета все же не является исчерпывающе полным, о чем свидетельствуют данные «Словаря цвета», отмечающего в дескрипциях растения цвето-

обозначение *красный (красноватый)* [18, с. 239] и композиты *ржаво-коричневый* [18, с. 418], *серебристо-зеленый* [18, с. 471]; а также наблюдения В. Г. Кульпиной, которая фиксирует термин цвета *голубой*: «рожь в стихотворном творчестве может представлять как 'голубая'. Ср. пример: Голубела рожь. / Играли дети. / Обмирали птицы в вираже. / И как будто тихо на планете, / Но тревожно что-то на душе (Мал., с. 22)», делая вывод о том, что данный термин цвета «скорее играет роль эпитета, чем реального цветообозначения реального объекта, ибо в русскоязычном ареале то, что дорого и сердцу близко, люди склонны наделять определением *голубой / синий*» [1, с. 300]. Исследовательский интерес представляет и требующее отдельного рассмотрения межъязыковое сопоставление цветовых концептосфер флористического пространства русского и белорусского языков. Так, Белорусский N-корпус фиксирует термин цвета *серебряный* в дескрипции ржи: *Да ніў родных, калосьсям ярка маляваных, // Залочаных пшаніцай, жытам пасрабраных* (Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч) [24].

При сопоставлении списочных состав выявленных нами терминов цвета, значимых в визуализации растения (словари № 1, НАЭ № 2, НКРЯ № 3, ПК НКРЯ № 4), обнаруживается область их пересечения в точке цвета *зеленый* (№ 1, 2, 3, 4), а также *желтый, золотой* (№ 2, 3, 4), *черный* (1, 2, 3); в двух списках фиксируются термины цвета *рыжий* (2, 4) и *серый* (2, 3). Единичные случаи актуализации ряда терминов цвета (и цветовых композитов) отмечены в списке № 2 (НАЭ): *грязно-желтый, желто-зеленый, желто-оранжевый, коричнево-желтый, пыльно-желтый, темный желтый*; № 3 (НКРЯ): *седой, сизый*; № 4 (ПК НКРЯ): *белесый, розовый, синий, соломенный*. В количественном отношении доминируют: в списке № 2 (НАЭ) термин цвета *желтый*, далее по ранжиру – *золотой*; в списке № 3 (НКРЯ) *золотой*; в списке № 4 (ПК НКРЯ) также *золотой*, что свидетельствует о художественной поэтизации восприятия растения.

Значимым для нашего исследования является установление факта широкого функционирования свидетельствующих о прототипичности цвета ржи терминов цвета, фиксируемых как в словарях русского языка [14; 15], так и в словарях цветообозначений [18; 25]. См. «Словарь цвета»: *ржаной* 'цвета ржи, коричневато-желтеющий, темно-русый'; *рожь* 'цвета спелой ржи, светло-русый' [18, с. 421]; а также *ржановолосый* 'с волосами цвета ржи, желтовато-коричневатого цвета' [18, с. 420]. См. «Каталог названий цвета»: *спелая рожь* [25, с. 139], *ржаной, зерна ржи* [25, с. 196], *цветы ржи* [25, с. 199], а также *ржаной хлеб* [25,

с. 138]. Активность процесса продуцирования новых терминов цвета на основе колористической дескрипции ржи обуславливает наше обращение к современному рекламному дискурсу, к интернет-сервису Авито, предназначенному для размещения рекламных объявлений, авторами которых являются как копирайтеры, так и носители обыденного языкового сознания.

Цвет ржи. Рекламный дискурс (ржаной цвет, цв. золотистого ржаного поля, цв. ржаного хлеба, цв. ржаное золото, цв. спелой ржи, цвет ржи). Аксиологический потенциал колористических дескрипций растения, обусловленные художественным мастерством писателей авторские цветовые «приращения», прототипичность цвета ржи детерминируют активность процесса создания и функционирования в рекламном тексте новых терминов цвета, основанных на колористической дескрипции растения. Языковой материал данного исследования свидетельствует о функционировании в рекламном пространстве нередко маркированных оценочностью (*благородный, насыщенный*) 6 терминов цвета, два из которых – *цв. золотистого ржаного поля, цв. ржаное золото* – не фиксируются в доступных нам словарях. Помимо расширения списочного состава зафиксированных лексикографией терминов цвета, обнаруживаем и расширение сферы их денотации: изначально в словарях – человек (волосы). В рекламном же тексте – артефакты: 1) одежда, обувь (доминирует): *Ботинки от Timberland, цвет ржаной* [26]; *Кроссовки Ecco. Станьте ближе к природе благодаря оттенкам: от глубоких ягодных нот до насыщенного цвета спелой ржи и меда* [27]; *Ветровка мужская Leita, благородный цвет спелой ржи с кофейными элементами* [28]; *Повседневный сарафан в цветах ржаного хлеба* [29]; 2) ювелирные изделия [рекламный текст фиксирует сам процесс создания цветообозначения]: *Основной тон дымчатого кварца – буровато-серый, неопределенный. Его можно сравнить с цветом далекого ржаного поля в пасмурную погоду* [30]; *Раухтопаз, чистый прозрачный камень цвета золотистого ржаного поля* [31]; в меньшей мере 3) предметы интерьера: *Ваза из стекла цвета ржи* [32]; *Тюль, цвет ржаное золото* [33]; 4) ремонт и строительство: *Угол наружный Docke Fells, цвет ржаной* [34].

Основные результаты исследования.

1. Выявлен включающий 25 основных единиц реестр значимых в визуализации ржи терминов цвета. Описано расширение цветового спектра композитами различной модификации, передающими тонкую дифференциацию цветового признака (16 единиц), а также лексемами со

значением 'свет' / 'тьма', 'степень зрелости', 'быть в цвету'. Установлены доминанты цвета, эксплицирующие цветовой стандарт восприятия растения: *желтый* (НАЭ), *золотой* (НКРЯ, ПК НКРЯ). Выявлен спектр единичных цветовых определений растения, манифестирующих индивидуальную цветовую ЯКМ носителя языка / мастера художественного слова (свыше 20 единиц). Установлен факт активного функционирования в текстах различных дискурсов термина цвета *ржаной*.

2. Описана специфика создания и функционирования колористических дескрипций ржи. В создании цветовых описаний растения проявляется, с одной стороны, стремление носителя языка как можно более точно передать цветовое впечатление, с другой – эстетическое восприятие ржи, реализуемое изобразительно-выразительными средствами языка. Значимы в цветовых дескрипциях растения световая, темпоральная, ассоциативная составляющая. Функциональный потенциал колористических описаний реализуется не столько в онтологической, сколько в изобразительно-выразительной функции и в хронотопической, манифестирующей закономерную связь цветового темпорального измерения (ТК «Время суток», «Длительный период времени», «Период вегетации»; отсутствие времени) и цветового пространственного измерения текста (пространство страны, человека, творчества).

3. Установлен актуальный состав образованных на основе колористической дескрипции ржи терминов цвета (10 единиц: *ржаной цвет*; *рожь / цв. ржи*; *спелая рожь / цв. спелой ржи / цв. поспелой ржи*; *цв. ржаное золото*; *зерна ржи*; *цветы ржи*; *ржаной хлеб*; *цв. золотистого ржаного поля*; а также *ржановолосый*; *ржано-кудрый*), два из которых не фиксируются в доступных нам словарях цветообозначений (*цв. золотистого ржаного поля*, *цв. ржаное золото*). Констатируется расширение сферы денотации терминов цвета: от лексикографически закрепленной сферы Человек (внешность, состояние) до сферы Природные явления (солнце), Артефакты (одежда, обувь, ювелирные изделия, предметы интерьера, ремонт и строительство).

Аксиологический потенциал колористических дескрипций растения, изобразительно-выразительные возможности языка обуславливают как константное расширение спектра значимых в описании ржи терминов цвета (художественный дискурс), так и пополнение списка образованных на основе цветовой дескрипции растения, возможно опосредованных лучшими образцами художественной литературы, новых терминов цвета (рекламный дискурс), инвентаризация которых, лексикографирование, выявление специфики современного функционирования

представляется значимой задачей в свете описания цветовой концептосферы флористического пространства языка.

Список литературы

1. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М., 2001. – 470 с.
2. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер / В. Г. Кульпина. – М., 2019. – 288 с.
3. Бабіч, Ю. М. Семантычныя палі «Колер» і «Святло» ў мове твораў Якуба Коласа : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ю. М. Бабіч ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 1999. – 17 с.
4. Струц, І. А. Лексіка колераабзначэння ў мове беларускай паэзіі першай трэці XX стагоддзя: семантыка, вобразнасць, сімволіка : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / І. А. Струц ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2017. – 25 с.
5. Струц, І. А. Лінгвапаэтычны слоўнік колеравобразаў мовы беларускай паэзіі першай трэці XX стагоддзя : у 3 ч. / І. А. Струц. – Мінск, 2015. – Ч. 1 : Колераобраз прасторы. 2015. – 220 с.
6. Конюшкевич, М. И. Триада или тетрада? (к вопросу о белорусской цветовой картине мира) / М. И. Конюшкевич // Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці : зб. навук. прац. – Гродна, 2003. – С. 280–285.
7. Сивова, Т. В. Концептосфера цвета флористического пространства прозы К. Г. Паустовского / Т. В. Сивова // Международная научная конференция Российского общества цвета : сб. ст. – Смоленск, 2021. – С. 97–101.
8. Сивова, Т. В. Цвет крапивы в цветовой концептосфере флористического пространства прозы К. Г. Паустовского (на фоне цветовой концептосферы русского языка) / Т. В. Сивова // Русская словесность. – 2023. – № 3. – С. 16–24.
9. Сивова, Т. В. Цвет шиповника в цветовой концептосфере русского языка: от стереотипного цвета к продающему цвету *неоновый зеленый шиповник* / Т. В. Сивова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – Т. 20, № 3 (54). – С. 215–220.
10. Сивова, Т. В. Цвет крыжовника в цветовой концептосфере русского языка: от лексикографического к рекламному дискурсу / Т. В. Сивова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2023. – Вып. 2 (36). – С. 420–431.
11. БАС – Большой академический словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. А. С. Герд. – М., СПб, 2014. – Т. 23. Расплав – Розниться. – Режим доступа: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/373>. – Дата доступа: 16.06.2023.
12. МАС – Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1999. – Т. 3 : П–Р. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/17/ma372618.htm>. – Дата доступа: 16.06.2023.
13. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000. – 1536 с. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа: 16.06.2023.
14. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2002. – Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – М., 2002. – 807 с.; Т. 2 : Имена

существительные с конкретным значением. Все, создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. – М., 2002. – 762 с.

15. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/rozh.html>. – Дата доступа: 16.06.2023.

16. РАС – Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / редкол.: Ю. Н. Караулов [и др.]. – М., 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции. – 784 с.; Т. 2 : От реакции к стимулу. – 992 с.

17. СИБАС 2 – Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток : в 2 т. / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. – Новосибирск, 2022. – Т. 1 : От стимула к реакции. – 920 с.

18. Харченко, В. К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов / В. К. Харченко. – Белгород, 2021. – 656 с.

19. Сивова, Т. В. Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского (на материале автобиографической повести «Повесть о жизни») / Т. В. Сивова // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения : сб. ст. – М., 2007. – Вып. 3. – С. 546–552.

20. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. / К. Г. Паустовский. – М., 1981–1986. – Т. 2 : Роман и повести. – 1981. – 615 с.; Т. 3 : Повести. – 1982. – 687 с.; Т. 6 : Рассказы. – 1983. – 623 с.; Т. 8 : Пьесы. Теория капитана Гернета. Статьи и выступления. – 1984. – 447 с.

21. Сивова, Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. В. Сивова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 29 с.

22. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 17.03.2021.

23. Кожевникова, Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3 : «Растения» / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова ; отв. ред. Л. Л. Шестакова. – М., 2015. – 448 с.

24. Беларускі Н-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorus.info/korpus.html>. – Дата доступа: 28.09.2022.

25. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М., 2005. – 216 с.

26. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/botinki_timberland_2503107945?slocation=107620. – Дата доступа: 15.09.2022.

27. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/lesnoy_gorodok/odezhda_obuv_aksessuary/37_r_novye_krossovki_essco_ath-1fw_2983797626?slocation=621540. – Дата доступа: 24.06.2023.

28. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/magnitogorsk/odezhda_obuv_aksessuary/novaya_s_etiketkoy_vetrovka_muzhskaya_razmer_58_2934228949?slocation=621540. – Дата доступа: 24.06.2023.

29. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/kalyazin/odezhda_obuv_aksessuary/platya_i_dirndli_bavarskie_vintazhnoe_vintazh_retro_3184670583?slocation=621540. – Дата доступа: 24.06.2023.

30. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/pyatigorsk/chasy_i_ukrasheniya/nabor_s_rauhtopazom_i_tsitrinami_2863586816. – Дата доступа: 24.06.2023.

31. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/sochi/chasy_i_ukrasheniya/koltso_s_rauhtopazom_serebryanoe_2417005432. – Дата доступа: 24.06.2023.

32. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/moskva/mebel_i_interer/vaza_2417046492. – Дата доступа: 15.09.2022.

33. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/moskva/mebel_i_interer/tyul_premium_barhat_vstavki_2511170979?location=107620. – Дата доступа: 15.09.2022.

34. Avito. Сайт частных объявлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.avito.ru/sankt-peterburg/remont_i_stroitelstvo/ugol_naruzhnyy_docke_fells_2572050729. – Дата доступа: 15.09.2022.

Sivova Tatyana
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: sitavi@tut.by

THE COLOR OF RYE IN THE COLOR CONCEPTOSPHERE OF THE FLORISTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article presents the results of a polydiscursive research devoted to the reconstruction of the segment of the floral space of Russian colour conceptsphere on the basis of rye coloristic descriptions. The author reveals quantitative and qualitative composition of colour terms significant in plant visualization (25 basic units), describes the functional potential of rye coloristic descriptions (ontological, expressive, chronotopical), describes their activity in colour terms production.

Keywords: linguistics of colour, colour term, phytonym, linguistic picture of the world, conceptsphere.

УДК 811.161.3:398.61

К. Л. Хазанова

ДЭМІНУТЫВЫ Ё МОВЕ ЗАГАДАК ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

Формы с уменьшительно-ласкательными аффиксами в дискурсе загадок Гомельщины имеют положительную оценочность и впечатляют обилием и разнообразием суффиксов субъективной оценки. В текстах белорусских загадок диминутивы имеют коннотативную нагрузку, отражая эмоционально-экспрессивную сторону высказывания и являясь формальным выражением отношения говорящего к реалиям, а также обнаруживают достаточно ощутимый диминутивный компонент, что обусловлено особенностями загадок как фольклорного жанра, где каждый компонент информа-

ционного и коннотативного содержания направлен на отгадывание. По морфологическим признакам среди диминутивов выделяются имена существительные и прилагательные.

Ключевые слова: загадка, диминутив, суффикс, субстантив, прилагательное.

Фальклор беларусаў прапануе велізарную колькасць загадак, цікавых і па змесце, і па мове, што абумовіла пастаянную ўвагу да гэтага фальклорнага жанру [1; 2]. У мове загадак слухнае спалучэнне разнастайных сродкаў выяўленчай выразнасці стварае непаўторную паэтычную прыгажосць названага малога жанру фальклору. Рэгіянальны беларускі фальклор характарызуецца моўнымі адметнасцямі, што адрозніваюць мясцовыя тэксты ад тэкстаў іншых рэгіёнаў, а таксама выяўляе агульна-нацыянальныя асаблівасці, уласцівыя беларускаму фальклору ў цэлым. Для больш паслядоўнага і поўнага этналінгвістычнага даследавання мовы беларускага фальклору мэтазгодна звярнуцца да навуковага вывучэння мовы фальклору Гомельшчыны [3; 4].

Цікавы моўны матэрыял маюць фальклорныя творы, выяўленыя выкладчыкамі і студэнтамі філалагічнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны падчас фальклорных і дыялекталагічных практык і палявых экспедыцый і рупліва захаваныя ў фальклорным архіве кафедры рускай і сусветнай літаратуры Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны. Гэты архіў стаў адной з крыніц фактычнага матэрыялу дадзенага даследавання.

Характэрная ўласцівасць мовы беларускіх загадак – багацце памяншальна-ласкальных формаў як матэрыяльна выяўленых ідэнтыфікатараў эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці тэкстаў.

У загадках, зафіксаваных на тэрыторыі Гомельскай вобласці, эмацыянальна-экспрэсіўныя стылістычныя якасці тэксту таксама знаходзяць граматычнае выражэнне ў адпаведнай афіксацыі выкарыстаных у творы лексем.

Памяншальна-ласкальныя формы, ўжытыя ў тэкстах загадак Гомельскага рэгіёна, паводле марфалагічнага выражэння ў пераважнай большасці з'яўляюцца назоўнікамі. Прычыны пашыранага выкарыстання субстантыўных дэмінутываў у мове загадак захаваныя ў прыродзе гэтых твораў, што навуковая традыцыя традыцыйна адносіць да малых фальклорных жанраў. Нагадаем, што “ўтойванне загадкай пэўных рэалій абумоўлівае надзвычайны сімволіка-алегарычны змест народных загадак і іх іншасказальнасць. Кожны названы загадкай вобраз

абавязкова называе іншую рэалію, а ўмовы і прынцыпы падабенства, выкарыстання стваральнікамі твора, мусіць раскрыць у падтэкставым багаці адгавальнік” [1, с. 342]. У загадцы рэаліі ўмела захаваныя майстрамі народнага слова за іншыя рэаліі, якія і называюцца з дапамогай назоўнікаў.

Паводле лексіка-семантычнай дыферэнцыяцыі дэмінітуўных субстантываў у мове загадак Гомельскага рэгіёна адразу ўвага звяртаецца на найменні асоб. Неабходна заўважыць, што назвы асоб увогуле дастаткова частыя ў мове беларускіх загадак, “што абумоўлена старажытным атаясамліваннем у народным уяўленні свету чалавека і навакольнага свету” [1, с. 342]. Пры гэтым асобы ў мове загадак выкарыстоўваюцца “для метафарычнага абазначэння і ўтойвання ў тэксце загадкі разнастайных з’яў, прыродных рэалій, прадметаў побыту і гаспадаркі, але зусім не людзей” [1, с. 342]. Чалавек натуральна заўсёды ўяўляўся аўтарам загадак поўнасьцю зразумелым і ясным, добра вядомым па ўсіх параметрах. І з’явы, загаданыя ў тэксце, часта не да канца зразумелыя, праз узгаданне чалавека, наймення пэўных складнікаў жыцця чалавека, паводзін, рыс характару, здаваліся больш асэнсаванымі і ўсвядомленымі.

У тэкстах загадак адзначаюцца дэмінітуўныя назвы асоб, што дыферэнцуюць паводле ўзросту: *Ва ўсіх дзетак адзенне з манетак* (рыба). У беларускіх загадках увогуле і загадках, выяўленых на Гомельшчыне, у прыватнасці фіксуецца дэмінітуў, што ласкава называе сталага мужчыну: *Гарбаты дзядок усё поле аббегаў* (серп). Варта заўважыць, што загадкі звяртаюцца да прыведзенага наймення і без памяншальнай афіксацыі: *Сядзіць дзед, у сто шуб адзет, хто яго раздзявае, той слёзы пралівае* (цыбуля). Ужыванне субстантыва з суфіксам *-ок-* (*дзядок*) адлюстроўвае чуліва-замілаваныя адносіны да загаданага ў тэксце прадмета, бо серп як прылада гаспадарчай працы здаўна займаў значнае месца ў жыццядзейнасці і дапамагаў зжаць больш ўраджаю.

Дэмінітуўныя найменні асоб перадаюць трапяткія адносіны не толькі да загаданай з’явы, але і да саміх гэтых асоб, што іншасказальна захавалі іншыя з’явы: *Дзве жнейкі цераз мяжу жнуць, адна другой не бачыць* (вочы). У прыведзеным творы суфікс *-к-* выконвае памяншальна-ласкальную функцыю і выражае павагу народа як да жанчын, што жнуць, так і да органу зроку чалавека.

Сустракаюцца ў мове загадак дэмінітуўныя антрапонімы: *Лезу, лезу на горку, памацаю Хаўдорку* (адчыняць юшку ў пячы); *У Андрушкі сем кажушкоў, а душа голая* (капуста) [5, с. 178]; *Маленькі Данілка ў пельцы ўтаніўся* (гузік і іголка) [5, с. 178].

Мова загадак звяртаецца да выкарыстання дэмінітуваў, што называюць органы цела чалавека: *Круць, верць, пад чарапачкам смерць (човен)*. Часцей у такіх выпадках памяншальныя формы ўжываюцца для назвы невялікіх памераў атрыбутаў загаданай рэаліі: *Два вочкі, чатыры шапкі і пуза гладка* (жаба); *Сядзіць і сядзіць Насця ў прыжмурку, А вы, хлопцы, знайце, за вусікі цягайце* (морква).

Дэмінітуўную форму маюць у загадках Гомельскага рэгіёна найменні зааморфных вобразаў. *З высокай дарогі глядзіць бычок крутарогі* (месяц); *Па чорнай паляне нябачны пастух белыя баранчыкі ганяе* (неба, вецер, хмары) [5, с. 174]. Найменні жывёл, птушка, рыб уяўляюць сабой даволі колькасную лексіка-семантычную групу ў мове малых фальклорных жанраў. “Жывёлы ўзгадваюцца ў значнай колькасці беларускіх правербіальных выразаў” [6, с. 327] і называюцца ў многіх беларускіх загадках. У мове загадак, выяўленых у Гомельскім рэгіёне, найменні жывёл ужываюцца часта ў дэмінітуўных формах: *Сівыя галубчыкі на падзямеллю скачуць* (лемяшы); *На хляве два дубкі* (рогі ў каровы); *Белыя кветачкі ўвечар квітнеюць, а ранкам вянуць* (зоркі) [5, с. 174]. Некаторыя з дэмінітуваў зааморфных назваў выкарыстоўваюцца з мэтай рыфмоўкі: *Бегла ліска каля лесу блізка: ні яе дагнаць, ні след пазнаць* (маланка) [5, с. 174]; *Бегла шчучка на полю хутка, куды яна гляне, там трава вяне* (каса) [5, с. 176].

Дэмінітуўнае ўтварэнне не магло абмінуць назвы разнастайных прадметаў гаспадаркі і дамашняга побыту: *У маленькім гаршчочку каша салодкая* (арэх); *Ні вакон, ні дзвярэй, поўна хатка людзей* (гарбуз). Асобныя з такіх лексем ужываюцца ў некалькіх тэкстах, прысвечаным розным рэаліям: *Поўна бочачка круп, а наверху струп* (мачынка); *Маленькія бочачкі, ды поўныя золата* (вочы); *Поўна бочачка круп, а на версе – струп* (мак).

У разгледжаных загадках памяншальна-ласкальныя суфіксы маюць назвы прыродных стыхій і рэалій: *За гарой за крамяной сіні агеньчык гарыць* (лён) [5, с. 178]; *Нясе белыя каменьчыкі* (курыца).

У мове загадак Гомельшчыны памяншальна-ласкальныя субстантывы ўжываюцца паслядоўна і праяўляюць лексіка-семантычную разнастайнасць. Можна сказаць, што дэмінітывы становяцца характэрнай уласцівасцю мовы загадак рэгіёна, што выяўляецца ў наяўнасці ў

многіх тэкстах некалькіх памяншальна-ласкальных назоўнікавых формаў: *Поўна бочачка віна, а замочачка няма* (яйка); *Палачка ў руцэ, нітачка ў вадзе* (вудачка); *Нос пятачком, хвост кручком, нічога не баліць, а ўсё стогне* (парася).

Дэмінітуўныя субстантывы з аднолькавымі суфіксамі ў значнай частцы тэкстаў загадак зарыфмаваныя паміж сабой: *Доўгі насок, тоненькі галасок* (камар); *Прыблягала кісанька, срэбраная пысанька* (месяц) [5, с. 174]; *Ішлі чарнічкі на вечарнічкі, як ляглі спаць, дык і цяпер стаяць* (цэгла ў хаце) [5, с. 176]. Такі прыём садзейнічае эмацыянальнасці тэксту, перадаючы замілавальныя адносіны да адпаведнай з’явы, а таксама палягчае запамінальнасць твора, што спрыяе павышанай устойлівасці функцыянавання загадак як фальклорнага жанру: *Чатыры цыганачкі ільюць у адну баначку* (карова) [5, с. 176]; *У чубатых дочак па сямсот сарочак, па сямсот спаднічак, а без чаравічак* (куры) [5, с. 176].

Пры гэтым такія ўтварэнні не заўсёды маюць аднолькавыя дэмінітуўныя ўтварэнні. У некаторых загадках ужываюцца назоўнікі з рознымі памяншальна-ласкальнымі суфіксамі: *Чырвоная шапачка, белы пенюшок* (маліна) [5, с. 174]; *Маленькі канёк за морам бываў. Спераду – шыльца, ззаду – вільца, на грудзях – белы рушнічок* (ластаўка) [5, с. 174]. Ужыванне дэмінітываў у гэтым выпадку з’яўляецца своеасаблівай падказкай адгадвальнікам, якая сведчыць пра невялічкі памер загаданай рэаліі.

У асобных тэкстах ужываецца больш за дзве дэмінітуўныя назоўнікавыя формы: *Бегла свінка, залатая спінка, ільняны хвосцік* (ігла, нітка) [5, с. 178]; *Бягуць бягунчыкі, а за імі катунчыкі* нясуць *рагацінку, колюць махнацінку. Ішлі плотнікі-бестапорнікі, зрублілі гарніцу без такойніцы* (касілка, граблі, людзі стог скідаюць) [5, с. 175].

У загадках адзначаюцца формы з непрадуктыўнымі суфіксамі: *Пад печайку на ламачайку скача таратайка* (язык і зубы) [5, с. 178]. Ужыванне такіх утварэнняў стварае экспрэсіўнасць мовы фальклорнага твора.

Часам у мове даследаваных загадак спалучаюцца розныя формы з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі, не толькі выкарыстоўваецца памяншальна-ласкальная афіксацыя, але і ўжываюцца формы з суфіксамі павелічэння: *Дуб-дубавік, дванаццаць галінак, на кожнай галіне па чатыры гняздзіны, у кожнай гняздзіне па сем птушанят, кожнае мае сваё імя. Хто адгадае, што за сям’я?* (год, месяц, тыдзень, дзень) [5, с. 174].

Варта адзначыць, што ў мове загадак сустракаюцца субстантыўныя ўтварэнні, што паводле паходжання з'яўляюцца наватворамі. Асабліваю выразнасцю стварае спалучэнне ў тэксце падобных наватвораў з дэмінітыўным субстантывам: *За белым бярэзнічкам талалайка грае* (язык).

Акрамя назоўнікавых дэмінітываў, у мове загадак Гомельшчыны пашыраныя прыметнікі з памяншальна-ласкавымі суфіксамі. Часцей такія прыметнікі ўжываюцца ў спалучэнні з дэмінітыўнымі назоўнікамі: *Шэранькі хлопчык на двару скача* (верабей) [5, с. 174]; *Вокі чорненькія, зубкі востранькія* (мышы) [5, с. 174]; *Сінькая шубка ўвесь свет пакрыла* (неба).

Адметнасцю мовы даследаваных загадак з'яўляецца ўжыванне некалькіх дэмінітыўных прыметнікаў у функцыі назоўнікаў: *Маленька-крывенька, а ўсё поле звае* (серп); *Маленькая, сухенькая, а ўсіх адзяе* (лён). Звычайна субстантываваныя дэмінітыўныя прыметнікі выкарыстоўваюцца ў загадках пра рэаліі, малыя па памерах: *Крывенькае, сляпенькае, усё поле аббяжыць, а прыбяжыць – пад лаўкаю ляжыць* (серп) [5, с. 176]; *Маленькі, кругленькі, за хвост не падняць* (клубок нітак) [5, с. 178].

Разгледжаны фактычны матэрыял яскрава паказвае, што формы з памяншальна-ласкавымі афіксамі ў дыскурсе загадак Гомельскага рэгіёна пераважна маюць станоўчую ацэнчасць і ўраджаюць багаццем і разнастайнасцю суфіксаў суб'ектыўнай ацэнкі. У тэкстах беларускіх загадак дэмінітывы валодаюць канататыўным цяжарам, адлюстроўваючы эмацыянальна-экспрэсіўны бок выказвання і служачы фармальным выяўленнем адносінаў гаворачага да названых рэалій, а таксама выяўляюць даволі адчувальны памяншальны складнік, што абумоўлена адметнасцямі загадак як фальклорнага жанру, дзе кожны кампанент інфармацыйнага і канататыўнага зместу накіраваны на забеспячэнне паспяховасці адгадвання. Паводле марфалагічнай характарыстыкі сярод дэмінітываў вызначаюцца назоўнікі і прыметнікі. Дэмінітывы спрыяюць эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці беларускага дыскурсу загадак.

Спіс літаратуры

1. Хазанова, К. Л. Метафарызацыя найменняў асоб у беларускіх народных загадках / К. Л. Хазанова // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі.

Вып. 28 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2020. – С. 342–347.

2. Хазанова, К. Л. Уласныя найменні ў беларускіх загадках / К. Л. Хазанова // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2020. – № 4 (121). Гуманитарные науки. – С. 141–146.

3. Хазанова, К. Л. Лексіка пасіўнага ўжытку ў беларускіх народных загадках (на прыкладзе загадках Гомельшчыны) / К. Л. Хазанова // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. : сб. ст. Материалы междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 28 марта 2020 г.) / под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркина. – Брянск : ООО «Аверс», 2020. – С. 266–273.

4. Хазанова, К. Л. Стылістыка азначальных канструкцый у загадках Гомельшчыны / К. Л. Хазанова // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2022. – № 1 (130). Гуманитарные науки. – С. 159–162.

5. Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры: Гомельская вобласць / уклад. В. А. Захарава і інш. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

6. Хазанова, К. Л. Зааморфныя вобразы ў беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанова // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 26 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2019. – С. 327–332.

Khazanava Katsiaryna
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: hazanova@gsu.by

DEMINUTIVES IN THE LANGUAGE OF GOMEL REGION'S RIDDLES

Forms with diminutive affixes in the discourse of the riddles of the Gomel region have a positive evaluativeness and impress with the abundance and variety of subjective evaluation suffixes. In the texts of Belarusian riddles, diminutives have a connotative load, reflecting the emotional and expressive side of the statement and being a formal expression of the speaker's attitude to reality, and also reveal a rather tangible diminutive component, which is due to the peculiarities of riddles as a folklore genre, where each component of the informational and connotative content is aimed at guessing. According to morphological features, nouns and adjectives are distinguished among diminutives.

Keywords: riddle, diminutive, suffix, substantive, adjective.

РАЗДЕЛ 6.
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ТЕКСТА И ДИСКУРСА

СЕМАНТЫКА І ПРАГМАТЫКА
ТЭКСТУ І ДЫСКУРСУ

«Мы гаворым тэкстамі. І толькі ў тэксце, ў камунікацыі моўная адзінка прадстае перад даследчыкам як рэальны аб’ект» (М. І. Канюш-кевіч, 2020).

«В свете современной дискурсивной парадигмы становится очевидным, что и простое предложение не является коммуникативно достаточным, ибо как высказывание оно включено в конкретные условия коммуникации, имеет текстовую природу и только в коммуникации определяется степень его коммуникативной достаточности. Поэтому если даже самостоятельные в структурном отношении предложения коммуникативно недостаточны, то предикативные части сложного предложения тем более зависят от коммуникативной цели всего сложного высказывания, которое, кстати, тоже коммуникативно недостаточно, ибо зависит от текста в целом – от задач и намерений говорящего и от жанрово-стилистических характеристик текста» (М. И. Конюшкевич, 2023).

И. П. Кудреватых
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
КАК УСЛОВИЕ ЕГО АССОЦИИРОВАНИЯ

Актуальность исследования художественного текста определяется его социальной значимостью: текст – это, прежде всего, средство коммуникации в сложных условиях современной жизни, в эпоху размытости нравственных ориентиров. С другой стороны, художественный текст – своеобразный код, отражающий коммуникативную деятельность писателя. На материале художественного языка В. Токаревой, Т. Толстой, И. Шкляревского и А. Тарковского с позиции теории текстовых ассоциаций устанавливается прагматический потенциал использованных авторами языковых средств, участвующих в тексто- и смыслоорганизации.

Ключевые слова: художественный текст, текстовые ассоциации, синтаксическое значение, имплицитность, прагматика, видовременная оппозиция.

В связи с интенсивным развитием коммуникативной стилистики исследование художественного текста приобретает ярко выраженную антропоцентрическую и коммуникативно-деятельностную направленность на изучение его структуры, семантики и прагматики в их комплексной соотнесенности, на постижение его смысловой организации, а главное – на достижение коммуникативного эффекта. Все это характеризует исследование художественного целого как актуальное с позиции теории текстовых ассоциаций и в целом – с позиции смыслового развертывания текста. В связи с этим анализ синтаксических значений коммуникативно-грамматических категорий дает возможность установить прагматический потенциал использованных писателем языковых средств.

Ассоциативное развертывание смысла художественного текста позволяет читателю осмыслить языковые возможности автора. Как отмечает Ю. М. Лотман, «все новые и новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [1, с. 90]. С точки зрения современных исследователей художественного произведения, изучение текстовых ассоциаций стимулируется лексическими средствами, однако грамматические возможности языковой системы не меньше, чем лексические, способны вызывать богатейшие ассоциации. До сих пор

актуально звучат слова Р. А. Будагова о степени развития грамматических средств языка в разные исторические эпохи: «...“сдвиги” в грамматике русского языка... тесно связаны со “сдвигами” в культуре общества, с огромными успехами отечественной художественной литературы, науки и т. д. В этом же плане движение самой грамматики определенной эпохи выступает как движение социальное. Грамматика развивалась и совершенствовалась вместе с развитием языка, вместе с развитием культуры общества <...> в определенные эпохи грамматика может быть социально более показательна, чем лексика» [2, с. 48–49].

Вопросы комплексного исследования художественного текста как взаимозависимость системно-структурного и функционального подходов к анализу его смысловой организации, т. е. коммуникативно-прагматический потенциал, позволяющий выстраивать ряды ассоциаций, рассмотрим на материале художественного языка В. Токаревой, Т. Толстой, И. Шкляревского и А. Тарковского.

В. Токарева переплетает различные временные значения в рамках одного предложения, что создает впечатление многозначности и смысловой глубины. Причем значение грамматической формы глагола в зависимости от ситуации характеризуется и различным семантико-стилистическим потенциалом. В результате синтаксические значения глагольных форм, приобретая художественные характеристики, теряют общезыковое значение, например: *Все это напоминает о бренности существования. Пришли. Пожили. Потом время сдуло. Следующий...* («Счастливый конец»); *Можно успокоиться, оглядеться, оценить то, что есть. То, что было* («Не сотвори»); *Жизнь с алкоголиком – как война. Передвижение по обстреливаемой местности. Пробежишь несколько метров – упадешь. Снова подхватишься, пробежишь – упадешь. И никогда не знаешь, что будет завтра. И даже сегодня вечером* («Пять фигур на постаменте»).

Глагольное время то конкретизируется, то абстрагируется в именных формах. Позиция субъекта оказывается стертой, поскольку именная парцелляция переводит конкретный субъект в абстрактный, создавая эффект вневременности и внепространственности, например: *Она была – если можно так выразиться – не в ее вкусе. Более того. Вернее, менее того; Вошли в маленький кабинет. Стол. Сейф. Пыль. Для художников – ничего особенного* («Сентиментальное путешествие»). В произведениях В. Токаревой оппозиция прошедшее / настоящее (будущее), с одной стороны, становится грамматическим выражением семантического пространства одиночества лирического героя, а с другой – выполняет струк-

турно-текстовые функции, способствуя установлению временной и пространственной перспективы, установлению ассоциативных связей между частями текста. Художественное время В. Токаревой полностью подчиняет себе грамматическое, нелокализованное во времени. В результате наблюдается сдвиг временного значения: настоящее постоянное парцелляции и присоединения становится языковой особенностью произведений писателя, например: *Твоего Северного приюта нет. Но для тех, кому двадцать, он, наверно, есть* («Северный приют»); *На десятом этаже Алёна остановилась. Еще один лестничный марш, еще одно усилие, и она сможет отгородиться от мира. От людей и облаков. От автобусов и собак* («Тайна Земли»); *Нам было по двадцать пять лет. Оба – любопытны к жизни, оба не свободны, но в какую-то минуту об этом можно и забыть. Просто выпить вина любви. Опьянеть, а потом протрезветь и жить дальше с хмельным воспоминанием. Или без него* («Маша и Феликс»).

Идиостиль Т. Толстой – это структурно-текстовые функции видовременных форм, устанавливающих глубинные связи между событиями, их повествовательно-описательная направленность. Основная временная форма рассказов – настоящее длительное актуальное, диапазон которого не заключен в определенные хронологические рамки и не ограничен событиями речевой ситуации, поэтому его можно проецировать на композиционно-стилистические особенности всех рассказов. Изобразительный синтаксис Т. Толстой – однородный ряд дизъюнктивных понятий, эллипсис как показатель разговорности, синтаксический параллелизм, полистилизм, вставные конструкции, отсутствие абзацного членения в пределах большого отрезка текста, усиливающее динамизм речи, и мн. др. – рождает определенный речевой смысл. Экспрессия лексико-синтаксических форм достигает большого эмоционального напряжения. Но именно настоящее постоянное как особое коммуникативное пространство приобретает острую психологическую значимость и глубокий подтекст – пока человек не научится мыслить, пока его будут прельщать даровыми благами (за уютгом, за миксером, за кофемалкой **спускаются** *семью с гор, из заснеженных аулов., итурмуют* поезда... *В Москву!.. к колесу! Там их оплюют, обхамят, зато им достанется целый телевизор!* («Человек!.. Выведи меня отсюда»), он есть **нравственный слепец, теряющий** *остатки достоинства при встрече с дармовым электроприбором., он раб колеса.*

В рассказах Т. Толстой внутренний диалог, сочетающий элементы объективизации с риторичностью, становится ярким выражением содер-

жательно-концептуальной информации: *Отгоняю от себя страшную догадку: не потому ли автор бежал, эмигрировал во французский язык, что здесь, в русском, за это бьют?.. Не оттого ли мечтает о «межъязычье», что все свободные места в русском языке заняты, и нужен какой-то особенный «шур де форс», чтобы дать о себе знать?* и др. Модальные маркеры текста устанавливают различные пропозиционные отношения предикатов, способствуя появлению неожиданных смыслов. Привативная бинарная оппозиция прошедшее результативное / настоящее актуальное выступает основой текстообразования, т. е. композиционно структурирует рассказы и устанавливает функционально-семантическую зависимость лексико-грамматических единиц, стирая границы между реальным и возможным. Контаминация перфекта и презенса как выражение противоборства прошлого и настоящего становится экспрессивным элементом текста – той реляционной структурой, которая определяет различного рода отношения: отношения эмоционального контраста, тождества, сравнения и др. Наконец, временная оппозиция – это и концептуальный метатроп, отражающий позицию автора как резко отрицательную, например: *Читатель и глотатель прессы **расположен** посредине, он нормален, каждодневен, безлик, он **не роется** ни в помойном бачке, ни в бутике. Но это он **платит** за сказки: ежедневно – по рублю за помоечно-криминальный мусорок, ежемесячно – ...за слепящую, сахарную, благоухающую роскошь. Сегодня, похоже, время... **остановилось**..., все **ушли** на иные фронты. Гламурная пыльца **осыпается** («Я планов наших люблю гламурьё»)* и др.

Поэтический стиль И. Шкляревского – это единое ассоциативно-смысловое поле (АСП), доминантой которого являются ассоциативные ряды, устанавливающие контрастные отношения синтаксических структур, формирующих семантику разочарования как выражение неудовлетворенности собой: *Пришло высокое прозреньё, / Прекрасным душу обожгло, / **Но** лишь уменьё, лишь уменьё / С прозреньём вместе не пришло. // И вот его желанье гложет, / А по ночам бессилье точит, / **Но** так, как хочет, он не может, / А так, как может, он не хочет!* («Моё ремесло»); *А если вдруг из глубины, / ...Слова безмолвно и лениво / Всплывут, – есть женщины, вино, / Есть скачки, спазмы, потрясенья, / Субботы есть и воскресенья, / **Но** мне всё это не дано* («Я – юный сын лесов, морей...») и др. Союз *но*, содержащий симптоматику бессилия, как бы ограничивает возможности героя, заставляя его подчиниться обстоятельствам. С другой стороны, формы императива как периферийные составляющие АСП придают ему значение уверенности: *Когда тоска за*

*глотку схватит, /... С другим любимая уйдет, / ...Страданиями не упи-
вайся. / Не расслабляйся, не сдавайся, – / Окно морозное открой, /
Чтоб хлынул воздух ледяной, / Чтоб в душу свежести нагнало... / Назло
беде своей **проснись** / Весёлым и непобедимым!* («Когда тоска за глотку
схватит...»); *Сияя языками в лесу: / черничкой, пагубой, малиной. // Сиби-
ри дебри береги, / не спрашивая много толку. // Не кратко, но не
слишком долго / суши, мочи, соли грибы* («Ты спишь, течёшь сквозь зер-
кала»). Поэт как бы «играет» с глаголом, выстраивая разнообразные
антиномии: прошедшее результата / настоящее постоянное, будущее /
императив, тем самым убеждая читателя в возможности счастья, но... не
для себя; при этом основная глагольная оппозиция – настоящее постоян-
ное / будущее результативное с аспектуально-темпоральным значе-
нием завершённости действия. Контаминация в рамках одной структуры
прошедшего и настоящего/будущего имеет большой смысловой объём.
Глагольное время (прошедшее в значении настоящего) не выражает
фактологического (реального) прошлого и абсолютно не связано с мо-
ментом речи, т. е. видовременные формы полностью выключены из
реальной временной системы. Композиционно-стилистическая функция
настоящего носит описательный характер, и поэтому оно статично. Од-
нако, совмещая разные временные планы (значение настоящего / буду-
щего в широком смысле слова), автор в этой двойственной временной
экспозиции закладывает экспрессию формы будущего как символа
надежды: *Я грибник без лесов / и рыбак без реки. / На губах моих горечь
попынной тоски. / **Уповаю** на тайные силы природы, / на текущий песок,
/ на подземные воды, / может быть, **захоронят** зловещую пыль, / **за-
толкают** в глубокие щели и норы. / **И взойдет** на могиле моей
чернобыль, / проклиная земные раздоры* («Я грибник без лесов»).

Своеобразная глагольная «игра» грамматических форм может ассо-
циироваться с желанием поэта отгородиться от мирских проблем,
провозгласить свою свободу в творческом поиске: *Ты – умница, а я ду-
рак! / Ты засмеёшься – я заплачу. // Ты сбережёшь, а я растрачу. / Ты
помнишь – я уже забыл. // Ты знаешь – я уже не знаю. // ...Ты умира-
ешь? Умирай! // **Но** поскорее выбирай. // Ты в рай? Тогда я в ад!
Процвай!* («Весёлая баллада»). АСП со значением грусти, тоски как до-
минантные в творчестве И. Шкляревского устанавливают между собой
различные смысловые оппозиции: наслаждение одиночеством/бессилие
перед жизненными обстоятельствами/сила творческого чувства. Автор
постоянно проводит мысль о счастье одиночества, о несовместимости
любви и творческого поиска, ведь счастье для поэта – это *холодок род-*

ника, под зелёной ивой – млечный путь сверкающих мальков, вода и плачущие ивы, вечерние звуки вдали, прохладно-золотая форель и мн. др. Не случайно один из читателей назвал И. Шкляревского «самым грустным поэтом». Оппозиции грамматических форм в сочетании с лексическими средствами участвуют в формировании широкой гаммы коннотативных значений, изменяют плотность действия, способствуют организации пространственно-временной перспективы, приобретая особую психологическую значимость.

Особенностью идиостиля А. Тарковского являются логико-синтаксические отношения языковых структур – отношения дизъюнкции, или взаимоисключения, и противопоставления как показатель его противоречивого мироощущения – поэт никак не может определиться со своим назначением на земле: *Я – дом, разоренный войной; Я – память о доме твоём; Я – выстрела дальнего звук*. Обобщенный субъект повествования (условное 1-е лицо), предполагающий включение обобщенного адресата, скрытое сравнение приобретают психологическую значимость – вечные искания самого себя: *Когда тебе придется тужо, / Найдешь и сто рублей и друга. / Себя найти куда трудней, / Чем друга или сто рублей <...>. // Когда отыскан угол зренья / И ты при вспышке озаренья / С собой угадан до конца* («Стань самим собой»). Бинарная оппозиция будущее/прошедшее результативное, отношения противопоставления (легко найти друга, но себя...) рождает определенные ассоциации – все в прошлом, будущее призрачно. Оппозиция отрицание/утверждение, настоящее вневременное становятся ядром ассоциативно-смысловых полей «судьба» и «память», или «категориальными доминантами текста» (А. В. Бондарко): *я не город с кремлем над рекой, / Я разве что герб городской. // Не герб городской, а звезда над щитком / На этом гербе городском. / Не гостя небесная., / Я разве что имя звезды. // Не голос, не платье., / Я только светиться могу. // Не луч световой; Я ветвь меньшая от ствола России, / Я плоть ее, и до листвы моей / Доходят жилы влажные, стальные, / Льняные, кровяные, костяные, / Прямые продолжения корней. // Есть высоты властительная тяга, / И потому бессмертен я, пока / Течет по жилам – боль моя и благо – / Ключей подземных ледяная влага, / Все эР и эЛБ святого языка* («Словарь»). Таким образом, особенности стилистической системы А. Тарковского – это ассоциативно-прагматический потенциал лексико-грамматических средств как показатель стилиобразующих характеристик всей художественной системы поэта: логико-синтаксические отношения вза-

имоисключения, противопоставление лексических средств, бинарные видовременные оппозиции синтаксических значений грамматических форм, позволяющих ассоциативно разворачивать смысловую организацию произведения.

В художественном тексте нет некоммуникативных единиц: «...любое языковое средство обладает коммуникативной предназначенностью либо реально (коммуникативная реальность), либо потенциально (коммуникативная готовность)», – отмечает В. И. Шаховский [3, с. 6], что наглядно подтверждается его речевой формой. Все языковые структуры становятся семантически осложненными, поэтому категория имплицитности, отражающая синтагматический уровень членения текста, является чисто ассоциативной. При этом авторские коды, которые организуются по метафорическим либо метонимическим моделям, заставляют читателя «включать» свою культурную память, свой ассоциативный потенциал как дешифратор авторского замысла.

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : «Искусство», 1970. – 384 с.
2. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : Моск. ун-т, 1976. – 429 с.
3. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 192 с.

Kudravytch Iryna
Belarusian State pedagogical University of Minsk
e-mail: filfak@tut.by

THE PRAGMATIC RANGE OF LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF A LITERARY TEXT AS A CONDITION FOR ITS ASSOCIATION

The relevance of the study of a literary text is determined by its social significance: the text is, first of all, a means of communication in the difficult conditions of modern life, in the era of the blurring of moral guidelines. On the other hand, a literary text is a kind of code reflecting the writer's communicative activity. Based on the material of the artistic language of V. Tokareva, T. Tolstoy, I. Shklyarevsky and A. Tarkovsky from the standpoint of the theory of text associations, the pragmatic potential of the linguistic means used by the authors participating in text and sense organization is established.

Keywords: literary text, text associations, syntactic meaning, implicitness, pragmatics, temporal opposition.

В. М. Шаршнёва

АДЗІНКІ ТЭКСТУ

Ў КАМУНІКАТЫЎНА-ПРАГМАТЫЧНЫМ АСПЕКЦЕ

Описывається отражение прагматической установки автора в современном белорусском прозаическом дискурсе. Анализируются такие понятия, как прагматическое содержание, прогнозируемый прагматический эффект, прагматический потенциал. Понятие прагматического содержания рассматривается в непосредственной связи с авторским замыслом и выбором единиц и принципов языковой структуры сообщения. Сосредотачивается внимание на понятиях информемы и прагемы как динамических текстовых единицах информативно-смыслового уровня.

Ключевые слова: прагматический, коммуникативно-прагматический, прагматическое содержание, прагматический эффект, прагматический потенциал, информема, прагема.

Прагматыка тэксту абумоўлена спалучэннем усіх прагматычных значэнняў моўных адзінак, сінтаксічных канструкцый і структурных элементаў, якія ўваходзяць у тэкст. Акрамя таго, на прагматыку ўплывае спосаб іх спалучальнасці, а значыць, і тых прагматычных значэнняў, якія яны выражаюць, іх рэалізацыя ў кантэксце і ўзаемаадносіны з няўна выражанымі кампанентамі выказвання (прэсупазіцыяй). Паняцце прагматыкі ўключае ў сябе таксама пытанні, звязаныя з разуменнем і правільным асэнсаваннем удзельнікамі камунікатыўнага працэсу асобных моўных адзінак і іх кантэкстуальных спалучэнняў у залежнасці ад вопыту людзей. Менавіта прагматыка тэксту спалучае лінгвістычныя фактары з экстралінгвістычнымі.

У вывучэнні прагматыкі мастацкага тэксту надзвычай важнымі ўяўляюцца паняцці прагматычнай устаноўкі, прагматычнага патэнцыялу, прагматычнага зместу, прагназуюмага прагматычнага эфекту, а таксама інфаремы і прагемы як дынамічных тэкставых адзінак інфарматыўна-сэнсавага ўзроўню.

Вызначальнай рысай мастацкага тэксту з'яўляецца яго камунікатыўнае прызначэнне, або *прагматычная ўстаноўка*, паколькі ён прызначаны для эмацыянальнага і эстэтычнага ўздзеяння на таго, каму адрасаваны. Як сцвярджае Т. У. Дробышава, «яшчэ на пачатковых этапах параджэння тэксту яго стваральнік арыентуецца на рэцыпіента, на таго, хто будзе ўспрымаць гэты тэкст», а ў якасці асноўнай характарыстыкі тэксту называе камунікатыўна-функцыянальную, падкрэсліваючы, што «ён служыць не толькі для перадачы і захоўвання

інфармацыі, але і для ўздзеяння на асобу атрымальніка інфармацыі» [1, с. 9]. Прагматычны падыход да вывучэння мастацкага тэксту спрыяе раскрыццю яго камунікатыўнага прызначэння і выкарыстання адрасантам у якасці сродку ўздзеяння на рэцыпіента. Пад камунікатыўнымі ўласцівасцямі моўных адзінак маюцца на ўвазе лінгвістычныя характарыстыкі тэксту з улікам суадносін *аўтар – тэкст – адрасат*. Узасмасувязь трох названых кампанентаў з’яўляецца агульнавядомым палажэннем лінгвістычнай прагматыкі. Менавіта праз камунікатыўную дзейнасць адрасанта і адрасата ажыццяўляецца фарміраванне, асэнсаванне і ўспрыманне лінгвістычных структур.

На важнасць аўтарскай прагматычнай устаноўкі ўказвае Н. С. Валгіна: «Для вызначэння механізмаў утварэння тэксту неабходна ўсведамленне такіх паняццяў, як прагматычная ўстаноўка тэксту і прагматычная ўстаноўка аўтара. Тэкст як суцэльны маўленчы твор мае свае заканамернасці ўтварэння. Тэкстаўтварэнне ажыццяўляецца пад уплывам мэтаўстаноўкі самога тэксту і мэтаўстаноўкі канкрэтнага аўтара тэксту. Першае дыктуецца самім тэкстам, яго тыпам, жанрам, задачамі, якія ён рэалізуе. Другое – цалкам звязана з аўтарскай мадальнасцю, паколькі любое паведамленне заключае ў сабе не толькі інфармацыю, але і адносіны аўтара да паведамляемай інфармацыі. Апошняя асабліва важна ва ўстанаўленні прагматыкі тэксту, паколькі звязана з інтэрпрэтацыйным бокам тэксту. Аўтар не толькі фарміруе ўласна тэкст, але і накіроўвае чытача ў яго інтэрпрэтацыі тэксту» [2, с. 14].

Даследаванне моўных сродкаў мастацкага тэксту патрабуе камунікатыўна-прагматычнага падыходу, паколькі іх прагматычны патэнцыял вынікае з пэўнай маўленчай сітуацыі і іх інтэрпрэтацыі часта з’яўляюцца кантэкстуальна абумоўленымі. Пад **прагматычным патэнцыялам** разумеецца «карэляцыя паміж выбарам моўнага матэрыялу адпраўніком тэксту і яго маўленчымі паводзінамі, а таксама магчымасць актуалізацыі нюансаў сэнсу моўных адзінак ва ўмовах маўленчых зносін» [3, с. 9]. Стваральнік зыходнага тэксту выбірае канкрэтныя лінгвістычныя сродкі, якія найлепшым чынам служаць для рэалізацыі камунікатыўнай мэты паведамлення. Такім чынам, кожны тэкст мае свой прагматычны патэнцыял [4]. Інакш кажучы, прагматычны патэнцыял падразумявае здольнасць тэксту аказваць уздзеянне на рэцыпіента і выклікаць у яго інтэлектуальную або эмацыйную рэакцыю на перадаванае паведамленне [5].

Варта заўважыць, што прагматычнае ўздзеянне на адрасата ўключаецца ў любую камунікацыю, аднак спосабы перадачы такога

ўздзеяння ў мастацкім тэксе набываюць асаблівае значэнне. Па сутнасці, «прагматычны патэнцыял тэксту ёсць вытворнае ад прагматычнага патэнцыялу яго мікракампанентаў» [3, с. 9]. Прагматычны патэнцыял залежыць не толькі ад сродкаў, якія выкарыстоўваюцца аўтарам у працэсе стварэння тэксту, але і ў значнай меры ад здольнасці рэцыпіента заўважыць, асэнсаваць, растлумачыць гэтыя знакі. Адны і тыя ж моўныя адзінкі ў залежнасці ад іх значэння, спалучэння, частаты ўжывання могуць мець розныя камунікатыўныя магчымасці, інакш кажучы, розны камунікатыўна-прагматычны патэнцыял.

З актуалізацыяй прагматычнага патэнцыялу тэксту непасрэдна звязана яго экспрэсіўнасць, якая, варта пагадзіцца з В. А. Маславай, з'яўляецца інтэгральным вынікам «такіх планаў, як эматыўнасць, вобразнасць, ацэнчанасць, інтэнсіўнасць, стылістычнае маркіраванне, структурна-кампазіцыйныя падтэкставыя з'явы» [6, с. 186]. Менавіта праз экспрэсіўнасць выражаецца актыўнасць асобы адрасанта, аўтара ў стварэнні мастацкага тэксту, выбар ім адпаведных ілакутыўнай задуме моўных адзінак любога ўзроўню, якія, актуалізуючы інтэнцыі аўтара, аказваюць камунікатыўнае ўздзеянне на адрасата і адлюстроўваюць унутраны стан адрасанта.

Прагматычныя ўстаноўкі аўтара заўсёды маюць эмацыйны складнік і з'яўляюцца шырокай прасторай для абазначэння эмоцый, раскрыцця дадатковай, імпліцтнай інфармацыі. В. Н. Камісараў звязвае паняцце прагматычнага патэнцыялу такіх устаноў з асаблівасцямі выбару аўтарам моўных адзінак для выражэння прагматычнага зместу і, адпаведна, для атрымання прагназуемага прагматычнага эфекту: «Прагматычны патэнцыял тэксту аб'ектывуецца ў тым сэнсе, што ён вызначаецца зместам і формай паведамлення і існуе ўжо нібы незалежна ад стваральніка тэксту» [5, с. 209–210].

Паняцце прагматычнага зместу тэксту было распрацавана У. Л. Наерам. Паводле яго меркавання, прагматычны змест цэлага тэксту выяўляецца ў супастаўленні з агульнай прагматычнай скіраванасцю тэксту і яго сэнсавым зместам. Інакш кажучы, прагматычны змест успрымаецца як пэўная форма падачы сэнсавага зместу, паколькі «ўвасабляе ў сабе канкрэтныя ўмовы і мэты перадачы сэнсавага зместу, спадарожныя яму ацэначныя, мадальныя, пабуджальныя і іншыя намеры адрасата, гэта значыць арыентаваны на сам сэнсавы змест і канцэнтруе ўздзеянне патэнцыялу тэксту» [7, с. 10].

Прагматычны змест тэксту акцэнтуюць ўмовы і мэту перадачы сэнсу тэксту адрасату, раскрываючы ўзаемадзеянне аўтара і чытача. Уяўляецца слушным меркаванне І. Ф. Баркоўскай, што «прагматычны змест звязаны з прагматычным уплывам, мэта якога – ажыццявіць камунікатыўныя ўстаноўкі адрасата. <...> у прагматычным змесце знаходзіцца асноўная ідэя, якая кіруе думкамі адрасата і выклікае запланаваную рэакцыю» [8, с. 31]. Відавочна, што прагматычны змест абумоўлены аўтарскай задумай, якая вызначае выбар моўных адзінак і структуры паведамлення, прычым асабліва важнае ўзаемаразуменне адрасата і адрасанта: адрасант не атрымае прагматычны эфект, калі адрасат не зразумее прачытанае паведамленне.

Пад **прагматычным эфектам** разумеецца ўплыў тэксту на паводзіны і эмоцыі адрасата. А. Д. Швейцэр атаясамлівае прагматычны эфект з камунікатыўным і тлумачыць яго як «выніковае спалучэнне тых шматлікіх сіл тэксту, якія адпавядаюць яго функцыянальна-сэнсавым характарыстыкам» [9, с. 147]. Даволі часта тлумачэнне прагматычнага эфекту звязваецца з адэкватнасцю / неадэкватнасцю паведамлення. У сувязі з гэтым дарэчным будзе назваць асноўныя ўмовы правільнай інтэрпрэтацыі тэксту: «паўната тэксту, карэктнасць мовы і дастатковасць нямоўных фактараў, такіх, як агульныя веды камунікантаў адносна сітуацыі» [10, с. 132]. Менавіта ад прагматычнага эфекту залежыць прагматычная каштоўнасць мастацкага твора.

Улічваючы патэнцыяльныя веды рэцыпіента, аўтар уплывае на тэкст імпліцытна, у выніку чаго аўтарская інтэнцыя пераходзіць у прагматычную ўстаноўку тэксту, на аснове якой фарміруецца прагматычны змест тэксту, што стварае прагматычную накіраванасць тэксту і дапамагае рэалізаваць прагматычны эфект [7].

У мастацкім тэксце важная роля адводзіцца інтэнцыі аўтара, яго прагматычнай устаноўцы, накіраванай на перадачу асаблівасцей эмацыянальнага свету і патэнцыялу. Галоўная прагматычная задача аўтара мастацкага тэксту заключаецца ў эмацыянальным уздзеянні на атрымальніка. Для рашэння гэтай задачы аўтар выкарыстоўвае пэўную стратэгію, якая заключаецца ў рэалізацыі асобных прагматычных планаў непасрэднага або скрытага ўздзеяння. Планы непасрэднага ўздзеяння накіраваны да знешняй інфармацыйнай насычанасці мастацкага твора, у той час як планы скрытага ўздзеяння кантралююць увядзенне і магчымае асэнсаванне імпліцытнай інфармацыі, у адпаведнасці з гэтым паняцце прагматычнага патэнцыялу непасрэдна звязана з такімі адзінкамі тэксту, як *інфармемы* (моўныя адзінкі, якія служаць для

перадачы інфармацыйнага зместу) і *прагмемы* (носьбіты прагматычнага зместу). Паводле Н. С. Балотнавай, «прагмемы і інфармемы – дынамічныя тэкставыя адзінкі, якія маюць форму і змест, адлюстроўваюць розныя кванты ведаў і прагматычны зарад, суадносяцца з усімі падзур’нямі тэксту. Грань паміж прагмемамі і інфармемамі, якія адрозніваюцца функцыянальна, рухомая. <...> Матэрыялізаваныя ў тэксце і адлюстраваныя ў свядомасці чытача, прагмемы і інфармемы набываюць статус “сэнсаў” розных рангаў і ўзроўняў паведамлення. Прагмемы і інфармемы поліфункцыянальныя і варыятыўныя ў экстралінгвістычным аспекце, яны адлюстроўваюць ўнутрысістэмныя і знешнесістэмныя тэкставыя адносіны, будучы звернутымі да свядомасці адрасата, які стаіць за тэкстам» [11, с. 253].

Інфармемы і прагмемы адрозніваюцца ў функцыянальных і камунікатыўных адносінах. У той час як інфармемы выконваюць пераважна інфарматыўную функцыю (адлюстроўваюць ведаў аб з’явах рэальнай або мастацкай рэчаіснасці ў свядомасці камунікантаў), прагмемы «выражаюць аўтарскія адносіны да апісваемай рэаліі і актывізуюць эмацыйную дзейнасць чытача сродкамі самога тэксту» [12, с. 4]. Варта, аднак, заўважыць, што мяжа паміж інфармемамі і прагмемамі залежыць ад суб’ектыўных магчымасцей адрасата і часта бывае вельмі ўмоўная, паколькі прагмемы здольныя быць інфарматыўнымі, а інфармемы могуць несці прагматычны зарад. Па-рознаму адлюстроўваючыся ў свядомасці чытача, прагмемы і інфармемы набываюць розныя адценні экспрэсіўнасці і сэнсавай абагульненасці.

Да інфармем і прагмем могуць адносіцца моўныя адзінкі розных узроўняў, а таксама структурныя аб’яднанні розных тыпаў, якія арганізуюць пазнавальную дзейнасць чытача. Сярод інфармем (г. зн. сярод носьбітаў інтэлектуальна інфарматыўнай функцыі) у лінгвістычным аспекце Н. С. Балотнава называе адзінкі гукавога, марфалагічнага, лексічнага і сінтаксічнага ўзроўняў, а да прагмем тыя ж самыя адзінкі ў выпадку, калі яны валодаюць прагматычным эфектам (экспрэсіўнасці, эмацыянальнасці, ацэначнасці, стылістычнай маркіраванасці), а таксама больш складанага адзінкі і стылістычныя прыёмы (канвергенцыя, счашленне, паўтор, падманутае чаканне) [11].

Узаемасувязь інфармем і прагмем відавочная ў наступным прыкладзе:

Я даўно чакаў гэтай сустрэчы. <...>

Зоркай-Венерай свяціла мне гэтая поклічная сустрэча спатканне з бяздоннай глыбіні валошкава-зорнага нябеснага купала. <...>

Але, рашуча адпрэчыўшы ўсе сумненні і развагі – не маладзён, можа і часу ўжо не ханіць, я асмелюся і, як у мройны каляровы сон, акнуўся ў крохкі свет майго далёкага хутарскога дзяцінства. <...>

Вось туды, на котлішча майго хутара, на котлішча мае па праўдзе роднае хаты, на котлішча майго вабнага і незваротнага маленства і выбраўся я спякотным летнім днём... <...>

Ехаў з Бухарэста і не мог дачакацца гэтага спаткання. <...>

Цікавага за тья чатыры-пяць дзён ханіла праз край. <...>

Гэта – зямля родная. <...> (А. Бутэвіч «У кожнага свае Баяры, або спатканне з котлішчам майго маленства»).

Прыём акрапрозы ў сукупнасці са шрыфтавым выдзяленнем дапамагае аўтару спалучыць экспліцытную і імпліцытную інфармацыю і накіраваць яе да чытача. Вылучаныя літары набываюць прагматычную накіраванасць толькі пры іх спецыфічным афармленні. Дадатковая інфармацыя (**ЯЗАВЕЦ – зямля родная**) накладваецца на змест асноўнага паведамлення, у якім выдзеленыя літары і адпаведныя ім гукі адыгрываюць характэрную для іх ролю будаўнічага матэрыялу для выкарыстаных у тэксце слоў. Менавіта шрыфтавое выдзяленне пераўтварае інфармему ў прагему, надаючы ёй асаблівую эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку.

Падводзячы высновы, неабходна заўважыць, што кожны кампанент мастацкага тэксту, кожная яго моўная адзінка, сінтаксічная канструкцыя ці структурны элемент маюць сваю прагматычную значнасць.

Прагматыка мастацкага тэксту абаяраецца на паняцці прагматычнай устаноўкі, прагматычнага патэнцыялу, прагматычнага зместу, прагматычнага эфекту, інфармемы і прагмемы. Асновай прагматыкі тэксту з'яўляецца прагматычная ўстаноўка, якая рэалізуецца ў тэксце вербальна, з дапамогай моўных адзінак розных узроўняў, якія маюць прагматычны патэнцыял і праз індывідуальна перададзены аўтарам прагматычны змест спрыяюць дасягненню прагматычнага эфекту. Варта заўважыць, што ўсё багацце зместу моўнай адзінкі раскрываецца толькі пры яе ўзаемадзеянні з іншымі элементамі моўнай сістэмы. Для найбольш выніковага ўздзеяння на чытача аўтар падбірае моўныя сродкі ў адпаведнасці з іх прагматычным патэнцыялам, камунікатыўнай сітуацыяй, нацыянальнай спецыфікай, сваім эмацыянальным станам і інш., што ў сукупнасці ўплывае на прагматычны эфект

ад мастацкага твора наогул або ад апісанай маўленчай сітуацыі ў прыватнасці.

Інфармемы і прагемы як дынамічныя тэкставыя адзінкі, абумоўленыя камунікатыўна-дзеясным падыходам, закранаюць, адпаведна, інфармацыйна-сэнсавыя і прагматычныя ўзроўні тэксту. Абедзве гэтыя дынамічныя адзінкі вылучаюцца на розных узроўнях тэксту і маюць уласцівыя формы і змест: форма адпавядае выкарыстаным аўтарам моўным знакам, змест вызначаецца праекцыяй на розныя ўзроўні тэксту. Мяжа паміж інфармемамі і прагэмамі, якія адрозніваюцца функцыянальна, рухомая і залежыць ад дамінавання той ці іншай функцыі.

Асаблівую важнасць пры дынамічным падыходзе мае характар узаемадзеяння інфармем і прагем у мастацкім тэксце, які з'яўляецца своеасаблівым маркерам аўтарскай інтэнцыі, а таксама адлюстроўвае не толькі ўнутрысістэмныя тэкставыя адносіны, але і знешнесістэмныя, звязаныя з успрыманнем і інтэрпрэтацыяй тэксту адрасатам.

Спіс літаратуры

1. Дробышева, Т. В. Коммуникативно-прагматический аспект художественного текста : на материале русских переводов романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтэби» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Дробышева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009. – 209 л.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 172 с.
3. Дорджиева, Е. В. Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Дорджиева. – Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2005. – 179 л.
4. Куракина, Н. А. Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Калининград, 2016. – 171 л.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Маслова, В. А. Параметры экспрессивности текста / В. А. Маслова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 179–204.
7. Наер, В. Л. Прагматика текста и ее составляющие / В. Л. Наер // Прагматика и стилистика. – М., 1985. – Вып. 245. – С. 4–13.
8. Борковская, И. Ф. Текст как инструмент языковой коммуникации / И. Ф. Борковская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 6 (25). – С. 30–32.
9. Швейцер, А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
10. Колшанский, В. Г. Коммуникативная функция и структура языка / В. Г. Колшанский. – М. : «Наука», 1984. – 176 с.

11. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.

12. Болотнова, Н. С. О границах информем в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2002. – № 1 (29). – С. 3–9.

Sharshniova Volha
State A. A. Kuleshov University of Mogilev
e-mail: shershnyova@msu.by

UNITS OF TEXT IN THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

The article describes the reflection of the author's pragmatic attitude in the modern Belarusian prose discourse. Such concepts as pragmatic content, predicted pragmatic effect, and pragmatic potential are analyzed. The concept of pragmatic content is considered in direct connection with the author's idea and the choice of units and principles of the linguistic structure of the message. Attention is focused on the concepts of informemes and pragmemes as dynamic textual units of the informative-semantic level.

Keywords: pragmatic, communicative-pragmatic, pragmatic content, pragmatic effect, pragmatic potential, informeme, pragemme.

УДК 808.1

Н. Ю. Гурьева

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕВЕРБАТИВОВ С АГЕНТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

На основе когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются особенности функционирования девербатов в текстах официально-деловой переписки. Функциональная категоризация коммуникантов в деловом дискурсе основана на статусном и ролевом регулировании их позиции в стандартных сценариях с использованием девербатов и девербативных словосочетаний с агентным значением. Продуктивность использования девербатов с агентным значением и девербативных словосочетаний обусловлена прежде всего особенностями семантики русского делового письма.

Ключевые слова: деловой дискурс, документная лингвистика, функциональная категоризация коммуникантов, девербатив.

Несмотря на обширную лингвистическую литературу, посвященную девербативам, в ней недостаточно полно представлен материал, позволяющий определять особенность лексической семантики данных языковых единиц с учетом когнитивно-дискурсивного подхода к их функционированию в официально-деловых текстах.

Коммуникативные практики реализации процессуальных сценариев различного типа наиболее полно изучались в социологии как способ

социальной организации событий и вовлеченности в них, как интерпретация смысла коммуникативной ситуации с помощью фреймов, т. е. как фрейм-аналитическая модель коммуникации. И важнейшей задачей полагался «поиск правил, согласно которым одно событие трансформируется в другое, т. е. транспонирование деятельности», а фрейм-анализ рассматривался как «возможность включения конкретной ситуации в качестве элемента коммуникативной цепочки» [1, с. 38]. Понятие «фрейм» используется как способ контекстуализации социального взаимодействия и указания на его структурные характеристики, т. е. это одновременно и расстановка ролей, определяющих матрицу возможностей, и схема их интерпретаций. «Поток социальных возможностей может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из актуальных событий, сплетенный из отрезков деятельности, но и как фреймированный» [2, с. 11–12]. И вывод И. А. Гофмана о том, что «фреймы заключают в себе ожидания нормативного характера относительно того, насколько глубоко и полно индивид должен быть вовлечен в деятельность, организуемую этими фреймами», может служить иллюстрацией речевой ситуации, складывающейся в процессе официально-деловой переписки, т. к. определение ситуации делового общения, ее сценарий создается спецификой взаимодействия коммуникантов.

Исследование официально-деловой переписки как особой формы взаимодействия коммуникантов с позиции прагматики позволяет проанализировать когнитивную семантику деловых писем. В связи с тем что переписка в рамках конкретной деловой ситуации представляет собой стандартно воспроизводимые сценарии обмена информацией, их идентификацию с аналогичными сценариями (информационное письмо, письмо-предложение, письмо-ответ на предложение, письмо-реприманд, договор и т. п.), становится возможным их категоризация в качестве социального фрейма, характеризующегося, по определению И. А. Гофмана, «замороженностью формы». И в соответствии с процессом категоризации любое деловое письмо может быть рассмотрено как многокомпонентный концепт, обладающий всеми признаками фрейма – наличием устойчивой структуры и деловой рамки.

Жесткая (письма-графареты) и полужесткая (типовые письма) схема композиционного построения текста делового письма, а также стереотипность языковых средств для передачи деловой информации устойчивы и «не поддаются влиянию повседневных событий» [2, с. 11–12]. А контекстуализация социального взаимодействия осуществляется благодаря «расстановке ролей» коммуникантов.

Таким образом, анализ коммуникативных практик реализации процессуального сценария предполагает рассмотрение специфики статусного и ролевого регулирования позиций участников делового общения. Возникновение в контексте такого сценария определенных понятийных реалий приводит к появлению в конкретном институциональном дискурсе лексических единиц, в том числе и инновационных, которые «злободневны для соответствующего намерения участника коммуникации, его речевой ситуации» [3, с. 115] и отражает когнитивное сознание языковой личности. Выбор номинации адресанта и адресата делового письма, непосредственно связанных с конкретным сценарием, основан на функциональной категоризации коммуникантов на статусном и ролевом регулировании их позиций с использованием девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением.

Особенность предлагаемого анализа – в рассмотрении специфики нарратива делового взаимодействия, который обуславливает номинацию коммуникантов в зависимости от функциональной принадлежности, в результате чего наблюдается трансформация двухмерных грамматических концептов в концепт-фреймы, позволяющие спрогнозировать конкретную деловую ситуацию и фреймировать ее сценарий. В связи с тем, что «выбор номинации непосредственно связан с ситуацией общения» [4, с. 117], функциональная категоризация коммуникантов в деловом дискурсе основана на статусном и ролевом регулировании их позиции в стандартных сценариях с использованием девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением.

Традиционная для русского делового письма внесубъективность и обезличенность декларируемого сценария, его деперсонификация приводит к нейтрализации границ грамматической категории «одушевленность – неодушевленность» при атрибуции как референтного, так и нереферентного субъекта. В частности, *выгодополучатель, землепользователь, займодавец, покупатель* – девербативы, используемые для номинации как физических, так и юридических лиц. Эволюция прагматики девербативов и девербативных словосочетаний от номинации к терминологизации позволяет выявить омонимию при атрибуции субъекта или объекта: *носитель информации* – ср: *носитель аудио- и видеозаписей; электронный носитель; хранитель* ('должность и лицо (или учреждение), которое ответственно за хранение чего-либо') – ср.: *хранитель* – термин, обозначающий в юридической практике структуру, призванную хранить вещественные доказательства. Подобная функциональная категоризация формирует в языке деловой документации но-

вые понятия, реализующие семантику специальных сценариев, т. е. концепт-фреймы. Семантика девербативов с агентным значением в деловом дискурсе ассоциативно связана с соответствующими лексико-семантическими средствами и сводится в определенную речевую ситуацию, обусловленную конкретным нарративом ее развития, фреймированием.

Характерной особенностью русского делового дискурса является его гендерная ограниченность при атрибуции субъекта коммуникации: номинация, в том числе и терминологическая, осуществляется исключительно в мужском роде, что подчас приводит к парадоксальной ситуации в юридической практике, например к отсутствию термина *дочеритель* наряду с термином *усыновитель*.

Каждый сценарий деловой коммуникации предполагает описание действий партнеров, именуемых в соответствии с нарративом и с конкретизацией их функции. Продуктивными представляются следующие способы словообразования:

1) суффиксальный (глагольная основа + суффикс): *отправи-тель*; *анима-тель*; *заяви-тель* (-тель); *заём-щик*; *подряд-чик*; *заказ-чик* (девербатив с процессуальным значением + суффиксы -чик/-щик);

2) словосочетание (существительное + девербатив с агентным значением): *выгодополучатель* / *выгодоприобретатель*; *квартироръемищик* / *квартиронаниматель*; *налогоплательщик*; *делопроизводитель*;

3) словосочетание с суффиксацией: *займодавец*; *водопровод-чик*; *первооткрыва-тель*.

Ролевая атрибуция позиций коммуникантов, ее регулирование определяет концептуальные характеристики текста делового письма, его функцию: договор о сотрудничестве / контракт (*заказчик* – *подрядчик*); страховой полис (*страхователь* – *выгодополучатель*); договор о кредитовании (*займодавец* – *заемщик*) и т. п. Структура предложения в коммерческой корреспонденции непосредственно обусловлена семантикой суждений. В частности, типично для русского делового письма использование различных средств репрезентации субъекта действия. Один и тот же концепт в преамбуле текста (например, контракта или договора) вербализован словосочетанием-гештальтом по должности: *генеральный директор*, *председатель правления*, *главный врач* – или по функциональной принадлежности: *специальный представитель*, *уполномоченное лицо*, а далее словосочетание-гештальт трансформировано в конкретный концепт, например *клиент*, *заказчик*, *подрядчик* и т. п. При чем стандартизация сценария делового взаимодействия подчеркивается

трансформацией референтного адресата / адресанта посредством номинации в нереферентной форме абстрактного адресата: *ОАО NN в лице генерального директора И.О.Ф., действующего на основании Устава* (референтный адресат), *именуемое в дальнейшем Заказчик* (нереферентный абстрактный адресат), *с одной стороны, и ОАО NZ в лице генерального директора И.О.Ф., действующего на основании Устава* (референтный адресат), *именуемое в дальнейшем Подрядчик* (нереферентный абстрактный адресат), *с другой стороны, заключали настоящий договор о нижеследующем...* Ролевая функция нереферентного абстрактного адресата графически оформлена с прописной буквы в соответствии с ГОСТом [5].

Семантика конкретного концепта данного типа активизирует ролевую функцию субъекта действия в качестве нереферентного абстрактного адресата и соотносит его с определенной категорией коммуникантов, т. е. осуществляется процесс функциональной категоризации в рамках стандартно воспроизводимого сценария речевого взаимодействия в деловом дискурсе. В результате подобной функциональной категоризации субъекта действия – референтного адресата – смещаются семантические акценты передаваемой информации.

Собственно само действие может в данном случае представлять собой последовательность этапов (сценарий) или некоторую совокупную информацию о стереотипной ситуации, т. е. многокомпонентный концепт. Фоновые значения или обстоятельства действия, как правило, выполняют детерминирующую функцию, поясняя или конкретизируя суждение в целом и являются его пропозицией.

Пропозициональная структура (пропозиция) имеет объективный характер, т. к. сообщает информацию о существующих отношениях и определяет логическую связь между ними, например мотивирующая часть любого документа (приказа, распоряжения и т. п.). Специфика нарратива обусловлена коммуникативными практиками реализации процессуального сценария делового взаимодействия коммуникантов – адресанта и адресата. Каждый подобный сценарий осуществляется посредством описания действий партнеров, номинация которых соответствует их конкретным функциям. Использование с данной целью девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением является примером трансформации двухмерных грамматических концептов в концепт-фреймы, позволяющие не только спрогнозировать конкретную речевую ситуацию, но и фреймировать ее сценарий.

В деловой документации действие может представлять собой последовательность его этапов (собственно сценарий) или некоторую совокупную информацию о стереотипной ситуации, т. е. многокомпонентный концепт, определяющий одновременно и расстановку ролей, и матрицу их возможностей, и их потенциальную интерпретацию. Коммерческая переписка как один из примеров реализации стандартных сценариев делового взаимодействия представляет собой фреймовую сеть: *информационное письмо / меморандум о намерениях с предложением о сотрудничестве – письмо-предложение – договор / контракт* и т. д. Включение в эту фреймовую сеть вариативных компонентов, таких как *письмо-претензия / реприманд, благодарственное письмо, письмо-отчет* и т. п. позволяет расширить границы фреймовой сети. И каждое из вышеперечисленных писем представляет собой пропозиционную структуру – модель передачи деловой информации, контекстуализация которой осуществляется благодаря «расстановке ролей» коммуникантов, атрибутируемых с помощью девербативов или девербативных словосочетаний с агентным значением – концепт-фреймов. Данные концепт-фреймы имеют объективный, логический характер, т. к. передают сущность предмета обсуждения в процессе делового взаимодействия, конкретизируют реально складывающиеся отношения между коммуникантами. Семантика девербативов и девербативных словосочетаний обусловлена конкретным нарративом, фреймированием сценариев в соответствии со статусной и ролевой функцией адресанта и адресата деловой переписки.

Статусная и ролевая атрибуция позиции коммуникантов в деловом дискурсе предполагает реализацию некоторого сценария их гипотетического взаимодействия, реализуемого посредством перечисления последовательных действий каждого из участников, номинация которых соответствует специальному нарративу, определяемому их функцией в конкретной ситуации: *После назначения судебного заседания судья обязан обеспечить обвинителю, подсудимому, защитнику, а также потерпевшему и его представителю возможность ознакомиться со всеми материалами дела... (Ст. 236 УПК РФ); ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Начальнику технического отдела организовать работу технического отдела в выходные и праздничные дни (даты). 2. Главному бухгалтеру подготовить распоряжение по оплате сверхурочных дней (даты). 3. Главному инженеру организовать контроль исполнения приказа. Генеральный директор (подпись).*

Как показывают вышеприведенные примеры, специфика нарратива обуславливает номинацию субъектов деловой коммуникации в зависимости от функциональной принадлежности, а языковыми средствами соответствующей атрибуции становятся девербативы с агентным значением или терминологическая лексика и фразеология различной этиологии, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных концепт-фреймов. Аналогичную функцию в деловой коммуникации выполняют не только девербативы с агентным значением, но и девербативные словосочетания терминологического типа.

Основным принципом функциональной категоризации девербативов с агентным значением в деловой документации является реализация системного значения слова в неизменном виде, т. е. актуализация его семантики от номинации к терминологизации. Процесс терминологизации девербативов апплицируется в стандартных сценариях деловой коммуникации при трансформации атрибуции референтного адресата посредством его номинации в нереферентной роли абстрактного адресата. Терминологизация, т. е. приобретение словом или словосочетанием терминологического значения, традиционно являлось продуктивным способом расширения лексических возможностей официально-делового стиля современного русского литературного языка при атрибуции процесса делового взаимодействия и его субъектов. Девербация как словообразовательная модель позволяет создавать термины-понятия путем трансформации стилистически нейтральных словосочетаний в концепт-фрейм: *получающий выгоду от сделки – выгодополучатель; дающий что-либо в долг – займодавец; платящий налоги – налогоплательщик; снимающий жильё – квартиросъёмщик; сдающий что-либо в аренду – арендодатель* и т. п. Как показывает практика делового дискурса, атрибуция коммуникантов по их функции в конкретной прагматической ситуации имеет ничем не ограниченный характер, создавая особый терминологический пласт стилистически маркированной лексики. Транспозиция глаголов и глагольных словосочетаний в номинатив имени существительного формирует в русском языке новые понятия и становится одним из самых продуктивных процессов формирования узкопрофессиональной (узкопрофильной) терминологии официально-делового стиля.

Девербативы с агентным значением в качестве узкопрофильных терминов последовательно включаются в состав словосочетаний-фразеосхем при передаче деловой информации: *наложит штраф*

(штрафные санкции) *на налогоплательщика при неуплате налога; провести изъятие с депозитного счета заказчика в пользу подрядчика; вчинить иск в отношении заёмщика* и т. п.

Продуктивность атрибуции субъектов деловой коммуникации с использованием девербативов обусловлена не только тенденцией к компрессии языковых средств, не только универбацией текста делового письма, но прежде всего его семантическими особенностями: внесубъективностью, отсутствием персонификации эмоционально-оценочного характера.

Фреймирование конкретной деловой ситуации, ее нарратива возможно в результате использования в качестве концепт-фреймов не только девербативов с агентным значением, но и девербативных словосочетаний терминологического типа при атрибуции субъекта или объекта: *носитель аудио- и видеозаписей, носитель информации, судебный заседатель, должностное лицо* и т. п. Подобная номинализация формирует в языке, точнее в конкретном институциональном дискурсе, новые понятия, реализующие семантику специальных сценариев. В качестве специальной терминологии используются девербативные словосочетания с агентным значением и в правоустанавливающей документации: *судебный исполнитель; мировой судья; гражданский истец / ответчик; законный представитель; арбитражный заседатель*, т. е. дефинированные словосочетания, унифицировано употребляемые, имеющие точный и определенный смысл и функциональную устойчивость. Необходимость избежать искажения или неоднозначности семантики текста документа, способных лишить его юридической значимости, определяют особенности дискурса нормы в правоустанавливающей документации. Поэтому девербативные словосочетания терминологического типа представляют собой семантически целостные языковые единицы, специфика которых обусловлена функционированием в рамках конкретного подязыка – языка законодательства, т. е. подструктуры, способной функционировать как средство коммуникации в определенной сфере деятельности, полностью определяя особенности словоупотребления в конкретном типе текста. При атрибуции субъектов и объектов в юриспруденции словосочетаниям присуща фразеологичность: внутренняя форма представляет собой смысловое содержание, образуемое элементами значений слов-компонентов, являющихся исходными по отношению к фразеологическому значению. В результате исходное значение девербативного словосочетания получает смысловое приращение, соответствующее предметно-понятийному содержанию правоустанавливающего документа. Узурпация семантики

девербативов с агентным значением *истец, ответчик, дознаватель, доверитель*, а также изменение коннотативного содержания при дефиниции в правоустанавливающих документах субъектов девербативов *кормилец, представитель, попечитель, наследник, правопреемник* также свидетельствуют об эволюции прагматики подобных языковых единиц от номинации к терминологизации. Таким образом, коммуникативные практики речевого взаимодействия в деловой переписке свидетельствуют об унификации и стандартизации используемых лексических единиц, о закреплении в языке речевых формул в виде фразеосхем и фразеологических сочетаний терминологического характера в том числе с помощью функциональной категоризации девербативов с агентным значением. Анализ принципов функциональной категоризации коммуникантов в деловом дискурсе, основанных на статусном и ролевом регулировании их позиции в стандартных сценариях позволяет выявить правила речевого взаимодействия, согласно которым формируется фреймовая сеть: один сценарий трансформируется в последующий, т. е. осуществляется транспонирование деятельности.

Ролевая атрибуция позиций коммуникантов с позиции прагматики позволяет проанализировать когнитивную семантику деловой переписки не как процесса дискретного, а как процесса фреймированного, нормативный характер которого обусловлен стереотипностью стандартно воспроизводимых сценариев.

Заключение. Представленная атрибуция, основанная на функциональной категоризации коммуникантов в деловой корреспонденции, формирует в языке, а точнее в конкретном институциональном дискурсе, новые понятия, реализующие семантику специальных сценариев, что позволяет охарактеризовать особенность эволюции прагматики девербативов с агентным значением и девербативных словосочетаний: от номинации к терминологизации. Продуктивность их использования обусловлена не только универбацией, тенденцией компрессии языковых средств, но прежде всего особенностями семантики русского делового письма, которое традиционно сохраняет внесубъективность и внеэмоциональность оценочных характеристик, а также определенную обезличенность декларируемого сценария, его деперсонификацию.

Список литературы

1. Ерофеева, М. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения / М. Ерофеева // Социология власти. – 2012. – № 8. – С. 36–49.

2. Гофман, И. А. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного быта / И. А. Гофман. – М., 2004. – 360 с.

3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во Языки русской культуры, 1988. – 896 с.

4. Юрова, Т. А. Актуализация заимствований, обусловленная новыми понятийными реалиями / Т. А. Юрова // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализация образования : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. – Пятигорск : Издательство Пятигорского государственного университета, 2000. – С. 116–122.

5. Правила русской орфографии и пунктуации (утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pravila-russkoi-orfografii-i-punktuatsii-utv-an>. – Дата доступа: 04.03.2023.

Guryeva Natalya

Russian state university for the humanities

e-mail: gri_lanskoi@list.ru

FUNCTIONAL CATEGORIZATION OF DEVERBATIVES WITH AGENT MEANING IN BUSINESS DISCOURSE

Based on the cognitive-discursive approach, the article analyzes the features of the functioning of deverbatives in the texts of official business correspondence. The functional categorization of communicants in business discourse is based on the status and role regulation of their position in standard scenarios using deverbatives and deverbative phrases with agentic meaning. The productivity of using deverbatives with agentive importance and deverbative phrases is primarily due to the peculiarities of the semantics of Russian business writing.

Keywords: business discourse, documentary linguistics, functional categorization of communicants, deverbative.

УДК 821.161.1

С. А. Горская

РОЛЬ КИНЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗА Я. БРЫЛЯ «ГАЛЯ»

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием лингвистов к тому, как сквозь призму языка отражается сознание и мышление человека с его национальными особенностями. Однако при описании той или иной культуры следует исходить не только из данных языка её носителей – культурно значимыми являются невербальные средства коммуникации. Какие смыслы передают взгляды, жесты, позы; насколько понятна эта информация читателю – носителю языка, на котором создано художественное произведение, – на эти вопросы мы попытались

ответить в данной статье. При формулировании выводов мы опирались на предшествующие исследования на материале рассказов К. Паустовского, сопоставляя белорусскую и русскую невербальную коммуникацию.

Ключевые слова: вербальная и невербальная коммуникация, кинесика, окулесика, жест, мимика, поза, национальная специфика невербальных культурных кодов.

У англичан существует поговорка: «Слова, быть может, это то, чем пользуются люди, когда всё остальные средства общения оказались безуспешными». Активное изучение невербальных средств коммуникации начинается с зарождением в XX в. особой отрасли знания – семиотики. В отечественном языкознании на важность невербальной коммуникативной деятельности указывал А. А. Реформатский, который подчёркивал, что без её изучения «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [1, с. 5].

Как метанаука, семиотика включает в себя целый ряд дисциплин: паралингвистику, кинесику, окулесику, аускультацию, гаптику, гастику, хронемиду, проксемику, системологию. Не все из них в равной степени исследованы. Самыми близкими для лингвистов являются паралингвистика и кинесика.

В широком смысле под кинесикой понимают науку о языке тела, и в этом случае сюда можно отнести жесты, мимику, взгляды, позы – таким образом, окулесику можно считать подразделом кинесики.

Остановимся также на соотношении понятий **кинесика** и **жестикуляция**. Согласно толкованию, приводимому в словаре С. И. Ожегова, «ЖЕСТ, -а, м. 1. Движение рукой или другое телодвижение, что-н. выражающее или сопровождающее речь» [2, с. 165]. Таким образом, жесты не исчерпываются движениями рук. Один из известнейших исследователей в области невербальной семиотики Г. Е. Крейдлин также понимает жесты широко, ставя знак равенства между жестом и кинемой – движением рук или тела [1, с. 64]. Таким образом, **движения рук** можно выделить в отдельную подгруппу **жестов**.

В этой статье мы попытаемся показать, как при помощи описания кинетических средств до читателя доносится информация о поведении и внутреннем мире персонажей художественного произведения.

На материале рассказа Я. Брыля [3] нами выделены следующие кинетические средства: взгляды, жесты – движения рук, движения ног, движения головы, походка, поза и осанка, улыбка, поклоны, поцелуи, объятия.

1. Взгляды передают:

– нелюдимость, закрытость, скудость внутреннего мира: *Так и глядела на свет, як сам гаспадар, заўсёды зажмураны Данька, стары*

Хамёнак, бязлобая галава якога нібы ўрасла ў зімовую шапку – аблезлы, раней, калі верыць старому, гарадскі каракулевы каўпак;

– тоску, горестныя воспоминания: *Галя глядзіць у поле. Ногі ў цёрп-кай, халоднай расе, вочы – недзе далёка, далёка... Шчака на падушцы, рука пад шчакой, а **вочы глядзяць у паўцэмуру**;*

– волнение, ожидание: *Мяне возьме, мяне», – **засвяціліся вочы, забіліся сэрцы дзяўчат**;*

– неловкость, стыд: *– Добры вечар, – сказала яна, **ануціўшы вочы**. / Вельмі добра, што пры газніцы было цёмнавата, што ён не асвятліў яе ліхтарыкам. Відаць, хоць трошкі яшчэ наважаў ён яе – калі ўжо не Галя сваю, дык жанчыну;*

– тоску, ожидание: *Галя **глядзіць** удаль, успёршыся на падаконнік. / Сядзь і сядзі каля акна. Хочаш – крычы, а хочаш – **маўчы, пазірай**. Ёсць і яшчэ адно, што табе засталося, – заплач.*

2. Жесты.

2.1. Движения рук:

– желание привлечь внимание: *Адна з дзяўчат **пастукала** галоўкай варацяна ў акно;*

– приветствие: ***Узмахнуў** рукою і стаў, засмяяўся: «Добры дзень!»;*

– нетерпение: *А Юрачку ў кожнай хаце было цесна. Вядома, не адзін – з гармонікам. Часамі нават да вечара не можа датрываць: **уваткне іголку ў кашулю на грудзях, закруціць нітачку**, азірнецца на дзядзькоў ды за свой інструмент;*

– увлечённость, внимание: *Дзядзька Раман Кругляк, стары ўжо, сівы чалавек, узбіўся з валёнкамі на лаву і зверху, **падняўшы палец угару**, вось-вось гатовы быў крыкнуць: «Эх!»;*

– любовь, ожидание: *Міжвольнымі рухамі рук яна адразу направила валасы, пасля – таксама міжвольна – закрыла рукамі твар.*

2.2. Движения ног:

– стремление избавиться от неприятных ощущений: *Тонкія загарэ-лыя ножкі яе, як і ва ўсіх пастушкоў, папораны ржышчам. Сонечка памыла іх каля студні халоднай вадой, і ногі садзюць да самых каленак. Яна то **пацірае** іх адна аб адну, то проста **стрыжэ** імі пад высокай лавай;*

– увлечённость музыкой: *Сам гаспадар, калі ён не зусім стары, пачы-наў непрыкметна **наваруиваць** пад лавай наскамі ботаў ці лапцей. Нават бабка, што памятае прыгон, і тая висоўвала з-за коміна галаву...;*

– танец (ритуальные движения): *Дачакаўшыся такта, Юрачка **тупнуў** і – завярылі!.. Малыя боцікі яго то **ледзь краналіся** дошак*

падлогі, то раптам гулка і чотка – на паваротах улева ці ўправа – **білі**, як выгаворвалі, **чачотку**.

2.3. Походка перадае:

– решительность: *Юрочка страсянуў галавой, устрапянуўся, як выпушчаны са жмені верабей, направиў паясок на сваёй вышыванай кашулі і рушыў у кут, дзе сядзелі дзяўчаты.*

– тяжёлыя воспоминания, печаль: *Галя ўстала. Хацела выйсці ў кухню, напіцца, але раздумала і падышла да акна. Не адчыняецца яно, і фортакі няма. А ўсё ж тут лепш чуваць, як за прасторам калгаснай пішаніцы, за лёнам духмяным бяссонна, нястомна працуе трактар;*

– разочарование: *Галя ўстала і адышла ад акна;*

– молодость, силу: *Сяргей ідзе. Яшчэ ўсё малады, як і ў той час, толькі цяпер – у сінім заплямленым камбінезоне, з пішанічным чубам над блакітнымі вясёлымі вачыма, з кепкай у левай руцэ. Вось-вось зашлясціць пад яго ботамі росная трава, захрупае жвір каля прызбы, працягнецца да шыбы родная рука, застукнае ціхенька ў шкло і – кончыцца ўсё, што было... Ідзі, ідзі, я чакаю даўно... ой, даўно!*

2.4. Поза и осанка перадают:

– физическую усталость: *Галя стаіць, прыпёршыся да шафкі з посудам, амаль прысеўшы на яе;*

– тоску, горестные воспоминания: *Галя стаіць за вішняком, успёршыся рукамі і грудзьмі на шэрую жэрдку старой агароджы. Галіны ногі ў халоднай расе. Плечы стынуць пад тонкай сукенкай..*

– внимание: *Ён, вядома, пачуў, азірнуўся;*

– молодой задор: *Юрочка страсянуў галавой, устрапянуўся, як выпушчаны са жмені верабей, направиў паясок на сваёй вышыванай кашулі і рушыў у кут, дзе сядзелі дзяўчаты;*

– стыд, горе: *Яна не хацела выходзіць з кутка. Хацелася нават шпурнуць іх, гэтыя знарок ірванья валёнкі, у гэтую рыжую, знарок запущаную бараду. Хацелася проста заплакаць ад крыўды і сораму... Аднак яна ўзяла з печы валёнкі і панесла іх перад сабой, каб хоць гэтак, хоць трошкі даўжэй не паказваць людзям, ад каго яна зноў зацяжарала...; Яна не пайшла за імі ў гумно, засталася ў сенцах, на парозе, у адчыненых дзвярах. Хутаючыся ў незашипілены кажухок, яна чула... не чула, а прагна слухала маладую гутарку вольных, шчаслівых людзей;*

– внимание, увлечённость: *І хата, поўная хата людзей – насярджылася. / Мужчыны прыўсталі з лаў, маладзіцы націснулі з кута на сярэдзіну, моладзь нібы стаілася ў чаканні нечага, што ўбачыш не вельмі часта.*

2.5. Движения головы:

– молодой задор, увлечённость: *А Юрочка патрэсваў, як жаўранак, чубам і ўслед за музыкай падпяваў; Юрочка страсянуў галавой, устравянуўся, як выпушчаны са жмені верабей, направиў паясок на сваёй вышыванай кашулі і рушыў у кут, дзе сядзелі дзяўчаты.*

2.6. Улыбка:

– владение общей тайной (сигнал «мы свои»): *Цяпер, калі Юрочка паставіў на калені Івану свой гармонік, – абодва яны па-свойску ўсміхнуліся;*

– просьба и радость: *З усмешкай, вядома, такой, што ў ёй і просьба і радасць;*

– счастье, смущение: *А ўсё ж такі можна было прыкмеціць, разглядзець і залатыя каласы на чырвані, і чорныя бровы, і вусны, што так і не маглі стрымаць усмешкі сораму і шчасця... Усім было відаць, а Юрочку найлепі.*

2.7. Поклоны:

– приглашение на танец («ритуальный» поклон): *А ён падышоў да Галі. Проста і спрытна, як ён рабіў усё, Сярожа пакланіўся.*

2.8. Поцелуи:

– любовь, страсть: *Гэта быў толькі ўступ да вялікага шчасця, што мела прыйсці, што пачалося ў тую ж ноч, калі ён цалаваў яе каля іхняга акна.*

2.9. Объятия:

– необходимый элемент танца, т. е. ритуала: *І вось яны выйшлі ў круг, абняліся;*

– нежность, сочувствие: *Галя знайшла рукой яе цёплыя плечыкі і прыгарнула малую – усю за раз, з усімі яе думкамі. / Сонечка ўздрыгнулася і заціхла. Цяпер бы ёй якраз і заплакаць ад крыўды, але яна памаўчала хвілінку, а потым цёплая тонкая ручка яе працягнулася да Галінай шыі, трошкі напружылася, абняла і нібы самай моцнай сілай зноў прыцягнула маці да сябе. / Сонечка стаіць на пасцелі ў кароткай чысценькай кашульцы. Яшчэ ўсё сонная, ды ўжо з усмешкай на прыплюшчаных карых вачах, яна працягвае да Галі тонкія загарэлыя ручкі. Мама надзявае на іх маленькі крэмавы станік, потым зашпільвае яго, спрытна перабіраючы пальцамі белыя гузікі. А тонкія цёплыя ручкі малой ўжо абвіліся за Галіну шыю. Чорнавалосая галоўка сама схілілася на маціна плячо. / Праз імглу і праз слёзы, што засланілі ад яе гэты пракляты, яшчэ ўсё не зраўнаваны з зямлёю хутар, працягваюцца тонкія загарэлыя ручкі, цёпла кладуцца на шыю яе, і каля самага вуха чуваць: «Ты харошая, мамка мая!».*

Как видим, все выделенные нами кинетические средства многозначны, наибольшее количество значений передают взгляды, а также поза и осанка. На материале рассказа Я. Брыля представлен только ритуальный поклон, однако из контекста рассказа очевидно, что этот жест наполнен искренним уважением и восхищением.

Если поцелуи являются свидетельством любви и страсти, то объятия (не считая единственного случая, когда это часть танца, ритуала), – знак сочувствия и нежности, причем их выражает чаще ребёнок по отношению к матери. В славянской традиции тактильные контакты родителей и детей и вообще близких людей приняты и являются естественным компонентом общения (вспомним тоску Катерины Петровны, которая хотела «подержать руки» дочери). Невзирая на тот факт, что персонажи Я. Брыля – крестьяне, т. е. люди, занимающиеся тяжёлым физическим трудом, кинетические средства, описанные белорусским классиком, передают в гораздо большей степени внутреннее, эмоциональное состояние героев.

Ранее проведенный нами анализ показал, что незначительные расхождения в описанных кинетических средствах обоих писателей обусловлены тематикой выбранных рассказов. И у К. Паустовского, и у Я. Брыля кинетические средства гораздо более информативны, чем реплики персонажей, и в целом невербальные коды русской и белорусской культуры, как следует из анализа произведений указанных авторов, обладают большой степенью схождения.

Список литературы

1. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд, испр. – М. : Рус. яз. 1984. – 797 с.
3. Брыль, Янка. Галя [Электронный ресурс] / Янка Брыль. – Режим доступа: https://knihi.com/Janka_Bryl/Hala.html. – Дата доступа: 25.02.2023.

Gorskaya Svetlana
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: gorskaya_s_a@mail.ru

THE ROLE OF KINETIC MEANS IN NONVERBAL COMMUNICATION OF CHARACTERS IN Y. BRYL'S STORY «GALYA»

The relevance of the study is due to the increasing attention of linguists to how the consciousness and thinking of a person with his national characteristics are reflected through the prism of language. However, when describing a particular culture, one should

proceed not only from the data of its language of its speakers – non-verbal means of communication are culturally significant. What meanings convey the views, gestures, postures; how clear this information is to a reader who is a native speaker of the language in which the work of art was created – we tried to answer these questions in this article. When formulating conclusions, we relied on previous studies on the material of the stories of K. Paustovsky, comparing Belarusian and Russian non-verbal communication.

Keywords: verbal and non-verbal communication, kinesics, oculusics, gesture, facial expressions, posture, national specificity of non-verbal cultural codes.

УДК 811.161.3'373:801.82=161.3

В. М. Касцючык

ХАРАКТАРЫСТЫЧНАЯ ФУНКЦЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У МАСТАЦКІМ КАНТЭКСЦЕ ЛЕАНІДА ДАЙНЕКІ

Разглядаюцца фразеалагізмы як намінацыі, зольныя напоўніць мастацкі тэкст ацэначнасцю. Падкрэсліваецца, што характар устойлівых адзінак найпаўней выяўляецца ў мастацкім маўленні, прызначэнне якога – праявіць у максімальнай ступені асаблівасці паводзін персанажаў праз ключавыя моўныя сродкі, да якіх у кантэксце твораў Леаніда Дайнекі адносяцца фразеалагізмы. Письменнік надзвычай часта выкарыстоўвае гэтыя моўныя адзінкі, нярэдка змяняючы іх. Трансфармацыі ўстойлівых выразаў накіраваны на найбольш поўнае праяўленне характарыстычнай функцыі, уласцівай ім у якасці базавай, асноўнай.

Ключавыя словы: фразеалагізм, ацэначнасць, характарыстычная функцыя, кантэкст, трансфармацыя.

Фразеалагізмы дапамагаюць дакладна і ўсебакова ахарактарызаваць прадметы і з'явы рэчаіснасці, падкрэсліць найбольш істотныя прыкметы дзеянняў. Леанід Дайнека пры напісанні сваіх твораў улічваў іх вялікі семантычны і канатацыйны патэнцыял. Устойлівыя выразы шырока ўжываюцца ў яго кантэкстах і з'яўляюцца адным з асноўных ацэначных сродкаў. Характарыстычная функцыя фразеалагізмаў праяўляецца ў тым, што гэтыя адзінкі служаць актыўнай крыніцай папаўнення пісьмова-літаратурнай мовы перш за ўсё эмацыйна-выразнымі, вобразнымі, лаканічнымі, эканомнымі сродкамі перадачы такога важнага феномена пазамоўнай рэчаіснасці, як характарыстыка чалавека.

Як вядома, паводле канататыўнай прыкметы характарыстычныя фраземы могуць быць меліяратыўнымі, пеяратыўнымі і нейтральна-дэскрыптыўнымі. У кантэкстах Леаніда Дайнекі частымі выступаюць пеяратыўныя фраземы, якія адмоўна характарызуюць персанажаў, выступаюць вынікам этычнай ацэнкі іх дзеянняў і ўчынкаў: – *Ды тут у вас асінае гняздо антысаветчыкаў!* – пачаў гнеўна раздзімаць шчокі

Вадзім Ганаратаў [1, с. 86]; – *Што ж, думай. А я пакуль пайду. – Ідзі, калі пайшоў на сабачых сцэжках, – злосна выдыхнуў Астрожскі* [2, с. 350]. Адабральную характарыстыку персанажам даюць меліяратыўныя фраземы: *Пётр Янавіч падставіў, як кажуць, плячо, і неўзабаве Канстанцін Астрожскі зрабіўся гаспадарскім дваранінам, стаў служыць пры двары вялікага князя літоўскага і караля польскага Казіміра Ягайлавіча* [2, с. 329]. У прыведзеным кантэксте праз вылучаную фразему станоўча ацэньваецца сяброўства, падрымка адной асобы другою. Нярэдка пісьменнік выкарыстоўвае фразеалагізмы з нейтральна-дэскрыптыўнай характарыстыкай. Такія ўстойлівыя выразы ў якасці асноўнай функцыі актуалізуюць у тэксте не ацэнную, а вобразную ці экспрэсіўную функцыю. Так, працэс нейтралізацыі канататыўнага значэння іранічнасці ці жартаўлівасці зазнала фразема **трымаць хвост пісталетам** ‘трымацца ўпэўнена, з гонарам, не баючыся, не сумуючы’, ужываючыся ў кантэксте ў форме імператыва-парады: – *Вось у суботу і пойдзем усе разам да нашага дуба, Соня, ты, Марта, я, – паклаў Зміцер рукі на плечы Комліку. – Не расксай. Трымай, як кажуць, хвост пісталетам* [1, с. 364]. Наадварот, адмоўнаацэнная накіраванасць фразеалагізма ў кантэксте значна ўзмацняецца за кошт акружэння, кантактнай пазіцыі з пеярэтыўнымі сінанімічнымі адзінкамі: – *Балбочам, балбочам, жуём жуўку, а вораг нахабна ўзнямае галаву. І дзе?! У культурным цэнтры вёскі!* [1, с. 74]. Прыслоўным фразеалагізмам зарад адмоўнай ацэнкі могуць надаваць дзяслоўныя кампаненты: – *Вы, напэўна ж, чулі пра легендарнага Муху-Міхальскага, што на Палессі чыхвосціў у хвост і ў грыву панскіх ваяводаў* [1, с. 82].

Часам фразеалагізм набывае ў кантэксте пісьменніка выразную народна-песенную паэтычнасць, выяўляе адносіны любасці, пяшчоты, шкадавання да персанажа: *Напалоханая суседка, якую Ганя напросіла пабыць з хворай, сустрэла з плачам: – Адляцела лябёдка ў вечны вырай!* [1, с. 188]. Прыведзены кантэкст хоць і вельмі лаканічны, але надзвычай эмацыйны, гаваркі. Яркім кампанентам, што ірадыруе паэтычнае светаадчуванне на ўсё выказанне, выступае назоўнік **лябёдка**.

Вага фразеалагізмаў як характарыстычных моўных сродкаў значна падвышаецца і тады, калі яны ўжываюцца ў мінімальным кантэксте ў вялікай колькасці: *Цяпер жа наўкол Міхайлы Сыча бушавала, шчэрыла зубы, пагрозна махала шаблямі і кулакамі сапраднае звяр’ё. Вось-вось сатруць яго ў мак, расквасяць у чырвоную юху* [1, с. 220]. Ствараецца вобразна-наглядная карціна, пры абмалёўцы якой фразеалагізмы не

толькі становяцца носьбітамі вобразнасці, але і садзейнічаюць выяўленню напружанасці ў той сітуацыі, якая раптоўна ўзнікла і магла мець дрэнную развязку.

Асабліва арыгінальнымі бачацца характарыстычныя фразеалагізмы ў ролі яркіх мастацка-паэтычных сродкаў. Так, у рамане «Назаві сына Канстанцінам», у эпізодзе аплаквання былой славы і велічы Ноўгарада фразеалагізмы-характарыстыкі выступаюць у ролі стылізаваных моўных адзінак. За кошт іх маўленню персанажа, Марфы-пасадніцы, надаюцца элементы народна-песеннага гучання, выразна праяўляюцца эмацыянальнасць, экспрэсія, выклікаюцца з боку чытача спачуванне, шкадаванне: *Вялікакняжая Масква перамагла вечавы Ноўгарад. Сіла і слава нагародская сышла ў пясок, як вясновая шумлівая вада, і, пэўна ж, назаўсёды. Дзе Вадзім? Дзе Густамысл і Садко?* [2, с. 346]; – *У самім Ноўгарадзе, між нас, завяліся таці перамётныя. Адзін з іх, Упадыш, са сваімі сябрукамі за ноч заклапаў 55 нашых гарматаў. І ўпала пад ногі Маскве слава наўгародская, таму што шмат было такіх упадышаў* [2, с. 346–347].

З дапамогай фразеалагізмаў у творах Леаніда Дайнекі даецца характарыстыка знешнасці чалавека: – *Бачу, што чалавек, – зазлаваў меднік. – Але хто цябе так абкарнаў, як бярозу пры дарозе?* [3, с. 49]; *Спачатку ён убачыў лысага, хоць боб на галаве малаці, залатара Івана* [3, с. 177]; – *Ты такі ж самы, як твой дзед Марцін. Усе кропелькі набраў, – казаў ён* [2, с. 310].

Для перадачы інтэлектуальных асаблівасцей персанажаў аўтар выкарыстоўвае фразеалагізмы, якія характарызуюць іх мысленне, маўленчую дзейнасць, называюць інтэлектуальна-псіхічныя адхіленні: – *А яшчэ ім патрэбна золата, срэбра, прыгожае адзенне, смачная ежа. Ды мала што ім узбрыдзе ў галаву* [2, с. 229]; *Пакуль яны ламалі галовы над дзіўнымі наводзінамі непрыяцеля, турэцкія сапёры па султанавым загадзе ўсю ноч раўнялі, зразалі, падсыпалі пяском восем вёрстаў дарогі ад месца, дзе стаяла іхняя эскадра* [2, с. 206]; – *Зжыў Алехна розум у княскай вязніцы, – казалі амаль усе, прытым казалі тыя, хто шчыра любіў Алехну і браталюбаў* [3, с. 315]; – *Кахае?! Дык чаго ж ты, гароховая галава, пляцёнкі пляцеш? – аж узвіўся ад радасці паэт* [2, с. 414]; *Беднаму Абдулхаку падалося, што Нечапай падчас доўгага знаходжання ў сералі з'ехаў з глузду* [2, с. 191]; – *І хоць розум мой маленькі, з камарову лытку, усе ночы не спаў я і думаў, думаў...* [3, с. 292].

Характарыстычныя фразеалагізмы могуць перадаваць таксама эмацыянальна-псіхалагічны стан персанажаў. Сярод іх вылучаюцца дзве

падгрупы: адна з іх фіксуе адчуванні-станы, а другая – адчуванні-адносіны: *Сваімі словамі Кантарыні шмат каму зваліў цяжкі камень з душы. Усё зрабілася ясным і зразумелым* [2, с. 131]; – *Не вешай галаву, пан дворны маршалак. Некуды ж прыедзем* [2, с. 324]; *Манах убачыў, як нечакана пабялеў твар у Марціна Голіна, дыбком узняліся на галаве кароткія сівыя валасы, вочы, здаецца, вылезлі з вачніц ад жаху і здзіўлення...* [3, с. 238]; *А тут яшчэ падпусціў шпільку Марцін, весела сказаўшы: – Жанчына – істота таямнічая, але карысная* [2, с. 402]; *Дабавіла ж агню ў пажар маці вялікага князя Соф'я Вітаўтаўна. Рапучая ліцвінка вырашыла жаніць сына не на дачцэ князя Івана Дзмітрыевіча Усяволжскага, які на судзе ў ханскай Ардзе падгаварыў хана прызначыць вялікім князем маскоўскім Васіля, а не Юрыя. За гэта Васіль абяцаў жаніцца на ягонай дачцэ. І вось – такі канфуз. Далей – болей* [2, с. 336].

Яркімі характарыстычнымі найменнямі выступаюць у творах пісьменніка фраземы, якія адпостроўваюць індывідуальна-асобасныя рысы персанажаў. Адны з іх даюць агульную характарыстыку чалавеку, вылучаюць асаблівасці характару літаратурных герояў (рысы характару, валявыя якасці), другія ўказваюць на здольнасці асобы: *Яны, Бацька і Сын, былі адной крыві, адной масці, адной жарсці* [1, с. 265]; – *Мой сябар атаман Дзяргач робіць гэту святую справу разам са сваім бацькам. Яны вельмі падобныя. Яны, Адамовічы, сын і бацька – волас у волас, голас у голас* [1, с. 286]; *Новы вялікі князь Васіль Трэці, пахаваўшы свайго бацьку Івана Трэцяга, адразу ж пайшоў па возненых бацькавых слядах – на захад, на Смаленск, Полацк, Менск і Вільню* [2, с. 360]; *А яна ж так старалася дагадзіць, мяккім лістам сцялілася перад райкамаўцам* [1, с. 86]; *Вось і Цімох Юшкевіч адварнуў вочы ўбок, але адразу ж узяў у кулак нервы* [1, с. 393]; – *Ты? – амаль адначасова вырвалася ў абедзвюх. Але імгненна астылі, зацуглялі душу, зразумеўшы, што плывуць на зусім розных караблях* [1, с. 441]; – *На што ты раней быў здатны і на што быў прыдатны? Ды ні на што. Ні ў салдаты, ні ў матросы, ні падмазваць калёсы* [1, с. 392]; *Што за белая варона між чорных варон аб'явілася ў Новагародку? Ды за ўладу трэба чапляцца не толькі рукамі – зубамі* [3, с. 260] і інш.

Многія характарыстычныя фразеалагізмы з твораў Леаніда Дайнекі выступаюць у ролі моўных адзінак, што абазначаюць сацыяльны стан персанажаў, іх матэрыяльнае ці грамадскае становішча: *Князь са сваёй дружынаю служыць мужам-вечнікам за кармленне, бо сам бедны, як царкоўная мыш* [3, с. 260]; *Зараз балгары былі пад асманскай пятай і*

самі шукалі паратунку ў ляхах і горных пячорах [2, с. 157]; – Або нас можна любіць за тое, што выбіраем з сябе падобных і роўных Гаспадара і Караля, а **не танцуем над дудачку імператараў і каралёў?** [2, с. 428]; Сорах. І няма той, якая б дзеля мяне пералазіла, як гэтая Аніська, цераз плот, няма малжонкі. **Не звіў свайго гнязда** [2, с. 351]; – Калі шчыра сказаць, то ўсе мы ў палоне багацця зямнога, хто ў **жаночых альбо ў піцейных цянётах** [2, с. 349]; Учарашнія рабы ўзялі ў рукі зброю і гатовыя былі лепш памерці, чым дазволіць зноў **адзец на свае выі ярмо** [1, с. 25] і інш.

Фразеалагізмы могуць перадаваць таксама характарыстыку фізіялагічнага і фізічнага стану персанажа – паказваць на стан здароўя героя, на ступень задавальнення фізіялагічных патрэб, на спецыфічныя фізіялагічныя працэсы і станы: *Адразу ж трое-чацвёрта асочнікаў, што, пэўна ж, затаіўшыся побач, чакалі свайго часу, рынуліся да ямы, каб укінуць у яе Казіміравага сына. Жыццё ягонае ліпела на тоненькім валаску* [2, с. 331]; *Схудоўеў тварам і ўсёй сваёй наставаю, але на вялікакняжым сняданку ў трапезнай, на які быў прывезены, еў мала, **не сцякаў галоднай слінай*** [2, с. 373]; – *Не мог я, дзеці, жыць без вас. Як падумаю, што сяджу ў Фларэнцыі ў скрыпторыі ў той час, як вас турак бярэ ў абардаж, кавалак хлеба **не лезе ў рот*** [2, с. 163]; *Марцін маўчаў. **Язык нібы прыліп да гартані.** Рукі і ногі раптоўна зрабіліся бязважкімі* [2, с. 282]; *Яна жыла нібы ў нейкім сне – **перабівалася з хлеба на ваду**, калі-нікалі ездзіла ў вялікія прыгарадныя сёлы да багатых землеўласнікаў малаціць пшаніцу, давіць са сланечнікаў алей* [2, с. 343]; *«Капец мне будзе. **Выцягнуць усе жылы.** Дзе кандацьер і дзе Зося Еўрапейка? Чаму не адшукалі мяне, не дапамаглі?»* [2, с. 40]; *Прыносілі, расстаўлялі, наразалі, налівалі і ўсміхаліся анэльскімі ўсмешкамі. Паспрабуй тут, як кажучь, **не расперазаць жывоц*** [2, с. 391].

У творах Леаніда Дайнекі вылучаюцца таксама характарыстычныя фразеалагізмы, што раскрываюць розныя адносіны паміж персанажамі. Абсалютную перавагу выяўляюць фраземы са значэннем падпарадкавання: *Ніжэйшых, угра-фінаў і славян, патрэбна заўсёды трымаць ў пакоры, **у вожыкавых рукавіцах**, у пільнай строгаці* [2, с. 340]; *Можна было зразумець базілеуса – асманы **наступаюць на горла**, бяда коціцца з усіх бакоў, а тут яшчэ гэты крыж* [2, с. 167]; – *Ведаеш, пане Марціне, чаму я люблю нашу Ліцвінію? Таму што ў нас, ліцвінаў, усе роўныя, кожны шляхціц роўня самому каралю і вялікаму князю, а ў маскоўцаў усіх **трымае ў жалезным кулаку** гасудар* [2, с. 270]; *З далёкага поўдня чуецца дыханне Залатой Арды. Стэпавікі зламалі*

хрыбетнік Кіеву, садралі залатыя дахі і купалы з рускіх цэркваў [3, с. 97]; *Народ – нешматлікі, ды трымае ў жалезнай руцэ не толькі ілотаў, але амаль увесь Пелапанес* [1, с. 92]; *Вядома, ілотам, якіх калісьці ўзялі пад жалезную пяту суровыя продкі спартанцаў, вельмі-вельмі хочацца скінуць рабскае ярмо* [1, с. 88].

У творах пісьменніка вылучаюцца фразеалагізмы з прамой і ўскоснай характарыстыкай. Прамая характарыстычнасць, як правіла, выяўляецца ва ўстойлівых выразах іменнага тыпу (субстантыўных, ад’ектыўных, несуднасных з часцінамі мовы): – *Жарало ненаеднае, – сказаў на яго ваявода, маючы на ўвазе, што ўчора вечарам лях дужа налягаў на розныя літоўскія прысмакі* [3, с. 97]; *Апрані яго па-новагародску, дай у руку дзіду, пасадзі на каня, і будзе хвацкім дружыннікам у князя Ізяслава. «Мы падобныя, – узрадаваўся свайму адкрыццю Далібор, – з аднаго лесу мядзведзі»* [3, с. 89]; – *Не разумеюць па-нашаму? – здзівіўся Міндоўг. – Нашай косці людзі – і не разумеюць?* [3, с. 107]; *Але ўсіх перакрыў уладны голас Алехны. «У гэтага ў глотцы мазалёў не бывае – гаворыць, што рэпу грызе», – падумаў Вель* [3, с. 179]. Фразеалагізмы з ускоснай характарыстыкай з’яўляюцца дзеяслоўнымі і прыслоўнымі. Яны называюць дзеянні і іх прыметы, па якіх можна таксама ацаніць персанажаў: – *Воі з Літвы – добрыя воі. Шмат у нас у сечах бясконцых палегла мужчынскай сілы, і хрысціянскія рыцары, у тым ліку і ліцвіны, падставілі нам сваё плячо* [2, с. 168]; *Гасану здавалася, што стары янычар незадаволены ім, хоць ён аж са скуры вылузваўся, каб дагадзіць* [2, с. 179]; – *Сёння нас ратуе тое, што мы стаім з палякамі, з Каронай, плячом да пляча супраць ордэнскіх рыцараў, крымскіх татарцаў з туркамі...* [2, с. 250]; *Яна поўнасцю ўзяла ў свае рукі кіраванне Адроўскім сьляцом, і вельмі хутка ўсе дзеўкі-прыслужніцы і ўся чэлядзь надворная сядзелі ў яе, як мышы пад венакам* [2, с. 403].

У межах мастацкіх твораў Леаніда Дайнекі характарыстычнасць фразем значным чынам падвышаецца за кошт індывідуальна-аўтарскіх пераўтварэнняў у іх будове. Вельмі пашыранай трансфармацыяй у кантэкстах пісьменніка выступае ўключэнне ў фразеалагізм іншых слоў. Яна сведчыць, што «непранікальнасць з’яўляецца факультатыўнай прыкметай фразеалагізма. У маўленні даволі часта ў межы фразеалагічнай адзінкі трапляюць іншыя словы, якія непасрэдна не ўваходзяць у яе склад» [4, с. 43]. Найчасцей аўтар далучае да фразеалагічных кампанентаў прыметнікі-эпітэты: – *Мётлы, вёдры ў рукі, і каб усё вакол блішчэла. Махно, калі яго параняць, дужа злы. Ведаю, бо тры разы было такое. Так што варушыцца, а то дасць нам бацька <гарача>*

прачуханца! [1, с. 284]; *Няхай за іх гэты <мулкі> крыж нясе маладзён, матчын і бацькаў пестунок* [2, с. 257]; *А сказаў Міндоўг вось што: «Яшчэ ні разу кунігас з Жамойці не валодаў Літвой. Заўсёды ўсё было наадварот».* – *«Нічога, некалі і я наступлю яму на <крывавы> мазоль»,* – *быццам бы прамовіў сваім баярам, пачуўшы такое, ганарлівы Трайнят* [3, с. 332]; – *Зараз мая шабля палічыць твае <сабачыя> рэбры!* [2, с. 371]; *Дадала свайго <горкага> перцу і Палута* [2, с. 403]; *Узрадаваныя ліцвіны, развітаўшыся з дзякам і паддзячымі, бадзёра пайшлі на доўгіх іматлюдных сеньях. Было адчуванне, што з плячэй зваліўся <цяжкі, мулкі> камень* [2, с. 369]. Такое абнаўленне лексічнага складу фразем у творах Леаніда Дайнекі заўсёды абумоўлена пэўнымі ідэйна-стылістычнымі задачамі. Адна з іх – узмацненне семантычнага боку ўстойлівых выразаў, іх характарыстычнай накіраванасці і эмацыйна-выразнага гучання.

Заўважаецца, што часта пісьменнік выбірае ў якасці дадатковага характарыстычнага кампанента для фразеалагізмаў прыметнік *жалезны*: *Па левую руку ад яго войскі Заганос-пашы ўзялі ў жалезную аблогу генуэзскі квартал Перу, каб генуэзцы, якія заявілі аб нейтралітэце, і носа не маглі высуnúць* [2, с. 170]; *Сёння таксама рваўся з душы плач. Але Ганна Доўгерт (ужо не шасцігадовая Ганька!) узяла ў жалезныя абцугі ўсе свае пачуцці* [1, с. 182]; *На захадзе, за Жамойцю, дзе ў сваіх гарадах сядзелі кунігасы і кунігасікі, стаў на жалезныя ногі Тэўтонскі ордэн* [3, с. 96].

У творах Леаніда Дайнекі нярэдка можна сустрэць выпадкі, калі фразеалагізм падпадае пад змяненні камбінаванага характару. Напрыклад, можа адбывацца адначасова замена аднаго кампанента і пашырэнне колькаснага складу выслоўя: *А вайна распроствала свае жалезныя крылы* [2, с. 429]; *І вось гэты чырвоны бальшавіцкі мядзведзь загаў свае, здавалася, смяротныя раны, зноў уздыбіўся на ўвесь рост, выпусціў сталёвыя кіпцюры і рынуўся ў Еўропу распальваць агонь сусветнай рэвалюцыі* [1, с. 343]; *Гарасім Цвыркун зразумеў, што жыццё ягонае павісла на тонкай-тоненькай нітачцы, нібы вунь той бярозавы лісток* [2, с. 393]. Камбінаваныя трансфармацыі зазналі ўзуальныя фраземы *распраўляць (разгортваць) крылы, паказаць кіпцюры, павіснуць на валаску*.

Як бачым, фразеалагізмы ў творах Леаніда Дайнекі з'яўляюцца найбольш вобразнымі, лаканічнымі сродкамі характарыстыкі літаратурных герояў. Выкарыстоўваючыся ў трансфармаваным выглядзе, фраземы набываюць узмоцненую ацэначнасць, дапамагаюць ад-

люстраваць асабістае, аўтарскае светабачанне розных з’яў і падзей, звязаных з жыццём персанажаў.

Спіс літаратуры

1. Дайнека, Л. Выбраныя творы / Л. Дайнека. – Мінск : Бел. навука, 2018. – 604 с.
2. Дайнека, Л. Назаві сына Канстанцінам : раман / Л. Дайнека. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 448 с.
3. Дайнека, Л. Жалезныя жалуды / Леанід Дайнека // Зборнік гістарычнай беларускай прозы : для стар. шк. узросту. – Мінск : Беларусь, 2010. – С. 44–342.
4. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія ў творах К. Крапівы. Стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 152 с.

Kastsichyk Valiantsina
Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: vmkostyuchik@gmail.com

THE CHARACTERISTIC FUNCTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE LEANID DAINEKA'S FICTION

The article discusses phraseological units as naming units that add axiological flavour to a work of fiction. The author emphasises the idea that the nature of fixed units manifests itself to the utmost in artistic speech aimed at revealing the behavioural peculiarities of the characters to the greatest extent possible via the key linguistic means, represented by phraseological units in the context of Leonid Daineka's works. These linguistic units appear in Daineka's fiction with high frequency, often in a modified form. Fixed unit transformations are meant to make the most of the characterizing function as their main, or basic, one.

Keywords: phraseological unit, axiology, characterizing function, context, transformation.

УДК 811.161.3'22'34:821.161.3-1

Г. К. Семянькова, Я. В. Барысевіч

**СТЫЛІСТЫЧНАЯ РОЛЯ ФОНАСЕМАНТЫЧНЫХ СРОДКАЎ
У ТВОРАХ АЛЕСЯ РАЗАНАВА**

Прааналізаваны асаблівасці фонасемантычнай арганізацыі такіх жанраў Алеся Разанава, як квантэмы, вершаказы, пункціры, версэты, зномы. Інтэрпрэтацыя гукавых спалучэнняў неаднолькава праяўляецца ў названых жанрах. Адзін і той жа гук у залежнасці ад кантэксту можа мець розную семантызацыю. Выяўлена, што паэт выкарыстоўвае такія фонасемантычныя прыёмы, як гукапіс, фанетычная анафара і фанетычная эпифара, даўжыня радка, паранімічная атракцыя.

Ключавыя словы: фонасемантыка, гукапіс, квантэма, вершаказ, пункцір, версэт, знома.

Актуальнасць даследавання абумоўлена тым, што ў сучаснай навуцы ўсё большую ўвагу набывае тэндэнцыя да міждысцыплінарнага падыходу пры вывучэнні моўных з'яў, што прадугледжвае разгляд тэксту з розных бакоў. Пры аналізе мастацкага твору варта ўлічваць усе моўныя ўзроўні – фаналагічны, марфалагічны, лексічны, сінтаксічны, семантычны. У прапанаваным артыкуле ўвага акцэнтуюцца на фаналагічным і семантычным узроўнях.

Выкарыстанне фанетычных сродкаў для стварэння выразнасці, экспрэсіўнасці, вобразнасці з'яўляецца істотным у творчасці пісьменнікаў. Для гэтага мастакі слова звяртаюцца да гукапісу – «прымянення фонастылістычных прыёмаў для ўзмацнення гукавой выразнасці мовы» [1, с. 82]. Мастацкая функцыя гукапісу заключаецца ў стварэнні моўнай гармоніі, напеўнасці. Даследаванню фанетычных асаблівасцей у творчасці Алеся Разанава прысвечаны навуковыя працы Т. А. Аляшкевіч, А. М. Пісарэнкі, Л. І. Яўдошынай. Вывучэннем гукапісу займаліся і займаюцца такія даследчыкі, як В. М. Брык, В. М. Жырмунскі, Б. В. Тамашэўскі, Л. І. Цімафееў, К. Ф. Тараноўскі, В. П. Рагойша. Так, А. М. Пісарэнка (Багамолава) у манаграфіі «Стылістыка беларускага мастацкага маўлення» адзначае, што няма спецыяльных дапаможнікаў па аналізе фанетычных сродкаў выразнасці мовы [2, с. 25]. Гэта звязана са спецыфічнасцю гукавых паўтараў. На нашу думку, нельга фанетычную арганізацыю твораў звесці ў адзіную строгую сістэму, бо кожны аўтар мае свой стыль, што і можа быць прычынай адсутнасці такіх дапаможнікаў.

Фонасемантыка – напрамак мовазнаўства, у цэнтры ўвагі якога знаходзіцца гукаваяўленчая сістэма мовы. Фонасемантычны аналіз мастацкага тэксту з'яўляецца новым відам аналізу, які дазваляе інтэрпрэтаваць, семантызаваць гукі.

Інтэрпрэтацыя гукавых спалучэнняў у жанрах паэзіі Алеся Разанава праяўляецца па-рознаму. Адзін і той жа гук у залежнасці ад кантэксту можа мець рознае сэнсавае тлумачэнне. Даследчыца Т. А. Аляшкевіч падзяляе паэтычныя жанры твораў Алеся Разанава на наступныя тыпы: 1) наватарскія (квантэмы, вершаказы); 2) жанры, запазычаныя з іншых літаратур (пункціры, версэты, зномы, вершы, паэмы) [3, с. 375]. Прычым азначэнні многіх жанраў не знайшлі пакуль што свайго адлюстравання ў слоўніках літаратуразнаўчай тэрміналогіі. Калі з такімі жанрамі, як верш, паэма, не ўзнікае цяжкасцей у дэфініцыі, то паўстае пытанне наконт азначэння тэрмінаў *квантэма*, *вершаказ*, *пункцір*, *версэт*, *знама*.

Так, у «Паэтычным слоўніку», «Літаратуразнаўчым слоўніку» В. П. Рагойшы адсутнічаюць тэрміны *квантэмы*, *вершаказы*, *пункціры*, *версэты*, *зномы*. Т. А. Аляшкевіч, даследчыца фонасемантыкі ў творчасці Алеся Разанава, у манаграфіі [4] дае ўласныя азначэнні названых паэтычных жанраў.

Пры аналізе творчасці Алеся Разанава мы карысталіся традыцыйнымі і фонастылістычнымі метадамі і прыёмамі аналізу мастацкага тэксту. На нашу думку, не мае сэнсу класіфікаваць фонасемантычныя разважанні над творамі Алеся Разанава з-за даволі суб'ектыўнага іх характару і залежнасці ад кантэксту. Напрыклад, шыпячы [ш] у вершы «Дрэвы» перадае шэстэ лісця, а свісцячыя [з], [с] узмацняюць згаданы вобраз:

Пашчасціць –
у смае пекла
шпурне нас вар'яцкі разгон.
Вяртаемя бесперастанку,
як хворя,
зноў і зноў
да вашае калыханкі,
да шэпту зялёных слоў [5, с. 40].

Гэтаму вершу ўласціва таксама выкарыстанне рознай даўжыні радка, што стварае паўзу, выдзяляе пэўныя сэнсава ёмістыя спалучэнні слоў.

У паэме «Гліна» санорнымі [л'], [й] падкрэсліваецца рэчыўнасць, падатліваець гліны:

Гліну,
[йа]ка[йа] адольва[йэ]цца,
Мяня[йэ]м
На гліну,
[йа]ка[йа] паводлі,
Аде няўхільна,
Адольва[йэ] нас [5, с. 206].

Квантэма – гэта «монаграфічны паэтычны твор, які складаецца з 4-х, радзей з 3-х, 5, 6 радкоў» [6, с. 107]. Квантэмы маюць мінімальны набор слоў. Кожны радок мае свой, не звязаны з іншымі радкамі, сэнс [6, с. 107]. Істотнай асаблівасцю квантэм з'яўляецца адсутнасць знакаў прыпынку, сюжэту. Т. А. Аляшкевіч лічыць квантэму «самым ёмістым жанрам» [3, с. 378].

У квантэме з дапамогай алітарацыі свісцячых [ц], [ц'] ствараецца ўяўленне бразгату цвікоў, які ўзмацняецца асанансам [а]: «жыўлюся **немажлівасцю** / **цвікі** / **нацэльваюцца** / **упартая апора**» [7, с. 123]. Адчуванне расчаравання ўвасабляецца ў паўторы дрыжачага [р], спалучэннем санорнага [н'] і асанансам [э] перадаецца боль, горыч: «у **нетрах сэрца** / **горкае карэнне** / **цець цішыні**» [7, с. 121].

Пункцір – гэта лірычная мініяцюра, якая складаецца з 4–9 радкоў і ўтрымлівае ў сабе пэўны вобраз. Т. А. Аляшкевіч прааналізавала жанравую эвалюцыю пункціраў і прыйшла да высновы, што назіраецца тэндэнцыя да «мініяцюрызацыі мастацкага выказвання», г. зн. што раннія пункціры больш змястоўныя, а познія – больш лаканічныя [4, с. 43]. Пункціры вылучаюцца выкарыстаннем адметнай даўжыні радка, пры гэтым кароткія словы, спалучэнні слоў, радкі ў мастацкім тэксце надаюць дынамізм, рух, а доўгія, наадварт, запавольваюць, засяроджваюць на статусы.

Вібрант [р] у наступным пункціры адлюстроўвае аўтарскае здзіўленне ў спалучэнні з нечаканасцю:

Парожня?!.

Разглядае

на **беразе ракаўку**

сіва**г**рак [8, с. 239].

У прыведзеным ніжэй пункціры Алесь Разанаў па-майстэрску чаргуе гукавыя спалучэнні [руж], [в'іш] і з іх дапамогай стварае ўнутраную рыфму:

Заружавелі:

увішна

вечер перабірае **ружанцы**

вішняў [8, с. 247].

У пункцірах паэт нярэдка выкарыстоўвае паўтор блізкіх гукавых спалучэнняў:

Лес всеялее:

вясна

вясткуе аб **наваседлі** [8, с. 146].

Заўважым, што ў гэтым пункціры Алесь Разанаў выкарыстоўвае паўторы [в'эс'] – [в'ас] – [в'ас] – [вас'], з дапамогай якіх надае твору атымістычны настрой, прадчуванне цёплай вясны.

Для пункціраў Алеся Разанава ўласціва ўжыванне паўторных гукавых спалучэнняў з мэтай надання твору кампазіцыйнай стройнасці, рытму, меладычнасці, прычым некаторыя з іх могуць несці ў сабе

пэўную інфармацыю. Сказанае знаходзіць пацверджанне ў наступных прыкладах:

Мінула, знікла...

І ў **траве**

прамень бязбоязна і**грае**.

Але **мі**нулае жыве,

яно за **намі назірае** [8, с. 8].

Нехта **надзвычай знаёмы** –

быццам **свістала** ўваччу –

набліжаўся насустрэч.

Ах, гэта **проста**

жаночая прыгажосць [8, с. 39].

Думаецца, што паэт невыпадкова выкарыстоўвае ў прыведзеных пункцірах гукавыя паўторы. У першым пункціры паўторныя спалучэнні [м’і], [ра], [на] можна камбінаваць па-рознаму: міра, намі, нара. Але ключавая думка выражаецца ў слове *міра* як згадка пра мінулае, імкненне да светлай будучыні.

Вершаказ – гэта паэтычная мініяцюра, у якой паміж словамі назіраецца «семантычная незалежнасць» [4, с. 63]. У вершакказах назва з’яўляецца цэнтральным, ключавым словам, ад якога ствараецца гукавое напаўненне астатніх слоў.

Адзначанае вышэй можна прасачыць у радках з вершаказа «Плот»:
«**Плот** мае **клопат**: пільнаваць забароненыя **плады** – каб іх не ўгледзелі не тыя **вочы** і не аблатошылі не тыя **рукі**. / **Плот** дзеліць **пляц**, **плато** ці **плантацыю** на часткі: **знадворную** і **ўнутраную**, на сваю і чужую, – і з’яўляецца **плоццю падзелу**. / Калі **плот** цэлы – ён **аплот**, калі ён дзіравіцца, яго **латаюць**, як **палатно**...» [9, с. 44].

Адразу відавочны паўтор зычных [т], [л], [п] і галоснага [о], якія ўтвараюць слова *плот*. Спалучэнні гэтых гукаў ствараюць фанетычны малюнак грукату ветру па драўляным плоце. У прыведзеным урыўку вершаказа паэт выкарыстоўвае фонасемантычны прыём паранімічнай атракцыі. Пры яго дапамозе аўтар засяроджвае ўвагу чытача на гукавых паўторах у словах (плот – клопат, палатно, плато, аплот).

У радках з вершаказа «Грошы» шыпячыя [ш], [ч] перадаюць шапаценне папярвоых купюр: «**Грошы шукаюць сховішчы**, дзе б іх не бачылі **лішнія вочы**, – ці прыгар**шчы**, ці гар**шчок**, ці гары**шча**, – і аб сабе не гавораць уголас, а калі **рашаюцца** гаварыць, то – **шэптам**, **шоргатам**. / Адзін гро**ш** дробны, як гаро**шына**, але калі іх многа – яны «грось», і тады яны могуць і паву**чаць**, і праро**чыць**...» [5, с. 388].

У наступным творы дрыжачы [р] і шчыліны [γ] уводзяцца паэтам для перадачы шуму, імкліваасці горада, яго хуткага жыцця: «...Горад загартаваны ў горне розных нягод і прыгод, ён перагароджвае ордэну і ардзе дарогу да валадаррства, і калі на ўсё горла ворагі прадракаюць: «Гора – гораду!» і абрушваюць на яго град камянёў і стрэлаў, горад адказвае ім пагардай. / Да горада горнуца вёскі, лясы, пасады, палі, агароды, і ён з'ядноўвае іх у радзіму, а разнаісную грамаду – смердаў, рамеснікаў, гандляроў – гуртуе ў народ...» [5, с. 369].

Версэт – гэта «мініяцюрызацыя прозы, створаная не ў выніку сціскання праязічнай страфы, а расцягвання вершаванага радка» [1, с. 388]. У версэце выразна вылучаецца кампазіцыя: экспазіцыя, завязка, развіццё дзеяння, кульмінацыя, развязка. Па словах Т. А. Аляшкевіч, версэты маюць суб'ектыўны пачатак [3, с. 389].

Гукавыя паўторы свясцячых [с]/[с'] уводзяцца паэтам для перадачы свісту завірухі ў версэце «Снег»: «...Снег, ты з бясконцасці? ты з дасканалассці? Ты са скону? / Усё, што буяла, цвіло, красавала, усё, што стала мінулым, усё, што стала ўспамінам, усё, што вярнуцца назад не можа, – вярнулася ў белы снег...» [5, с. 286].

Знома – гэта твор філасофскага зместу, у якім раскрываецца аўтарская думка. Яна ўтрымлівае ў сабе глыбокія аўтарскія развагі пра мастацтва, паэзію, літаратурныя жанры і інш. У адрозненне ад квантэм, зномы маюць кампазіцыю і сінтаксічную аформленасць. У зномах няпроста семантызаваць гукі, бо асноўная ўвага скіроўваецца на змест. Напрыклад, у зноме «Магчыма, у будучыні...» шыпячыя [ш], [ч], свясцячыя [с]/[с'] ствараюць адчуванне таямнічасці: «Магчыма, у будуччыні – касмічнай, галаграфічнай – кінематограф здолее рабіць фільмы і па вершах, бо верш, як ніякі іншы літаратурны жанр, насычаны шматмернасцю; у ім жывуць, пакутуюць, кахаюць і шукаюць ісціну героі верша – сэнсы, гукі, словы...» [10, с. 174]. У зномах гукапіс выконвае функцыю стварэння рытму.

Такім чынам, фонасемантычны аналіз паэтычных твораў Алеся Разанава дазваляе глыбей прасякнучца філасофскай творчасцю аўтара. Інтэрпрэтацыя гукавых спалучэнняў у жанрах паэзіі праяўляецца парознаму.

Адзін і той жа гук у залежнасці ад кантэксту можа мець розную семантызацыю. Да фонасемантычных прыёмаў, якія выкарыстоўвае Алясь Разанаў у сваіх творах, адносяцца гукапіс, фанетычная анафара і фанетычная эпіфара, даўжыня радка, паранімічная атракцыя.

Спіс літаратуры

1. Патроева, Н. В. Стилистика художественной речи : учеб. пособие / Н. В. Патроева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Петрозавод. гос. ун-т». – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. – 215 с.
2. Пісарэнка, А. М. Стылістыка беларускага мастацкага маўлення / А. М. Пісарэнка ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск : БДУКМ, 2020. – 263 с.
3. Аляшкewіч, Т. А. На мяжы паміж гукам і сэнсам : агульначалавечыя модулі і вектары паэзіі Алеся Разанава / Т. А. Аляшкewіч // Чалавечae вымярэнне ў сучаснай беларускай літаратуры / навук. рэд. М. А. Тычына. – Мінск, 2010. – С. 353–440.
4. Аляшкewіч, Т. А. Фонасемантыка паэтычнага твора Алеся Разанава : манагр. / Т. А. Аляшкewіч. – Мінск : Бел. навука, 2014. – 161 с.
5. Разанаў, А. Танец з вужакамі: Выбранае / А. Разанаў – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.
6. Ціхановіч, Т. А. Семантыка жанру: Квантэмы ў паэзіі Алеся Разанава : літ. крытыка / Т. А. Ціхановіч // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1. – 2006. – № 1. – С. 105–108.
7. Разанаў, А. Вастрыё стралы : Версэты, паэтыч. мініяцюры / А. Разанаў – Мінск : Маст. літ., 1988. – 159 с.
8. Разанаў, А. С. Такая і гэтакі: талакуе з маланкай дождж : пункціры / А. С. Разанаў ; маст. К. Дасько. – Мінск : Маст. літ., 2018. – 278 с.
9. Разанаў, А. С. Маланка жне, гром малоціць : вершаказы / А. С. Разанаў ; маст. К. Дасько. – Мінск : Маст. літ., 2020. – 158 с.
10. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне : Версэты. Паэмы. Пункціры. Вершаказы. З Вяліміра Хлебнікава. Зномы / А. Разанаў ; маст. С. В. Чарановіч. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 287 с.

Semiankova Halina

Vitebsk State University named after P. M. Mashero
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

Barysevich Yana

Vitebsk State University named after P. M. Mashero

THE STYLISTIC ROLE OF PHONOSEMANTIC MEANS
IN ALES RYAZANOV'S WORKS

The article analyzes the features of the phonosemantic organization of such genres by Ales Ryazanov as quantems, stichases, dotted lines, versets, znomns. Interpretation of sound combinations manifests itself differently in these genres. The same sound may have different semantics depending on the context. It was found that the poet uses such phonosemantic techniques as sound recording, phonetic anaphora and phonetic epiphara, string length, and vulnerable attraction.

Keywords: stylistics, phonosemantics, sound recording, quantum, versification, dotted line, verset, znomna.

РАЗДЕЛ 7. ТЕОРИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ. МЕДИАЛИНГВИСТИКА

ТЕОРИЯ МЕДЫЯКАМУНИКАЦИЙ. МЕДЫЯЛИНГВИСТИКА

«Учитывая высокотехнологичные свойства современного информационного пространства, формируемого СМИ, можно говорить о проблеме экологии медиапространства. Но кого и что надо защищать и от кого защищаться в этом медиапространстве? Во-первых, язык – от его носителя. Эта сторона языковой экологии волнует всех – ученых, писателей, журналистов, учителей. <...> Во-вторых, защищать надо и носителя языка – от языка же. Об этом говорят мало, а пишут немногие, хотя то, что сегодня “язык владеет человеком”, ощущает на себе каждый. “Горячих” и опасных для нас в экологическом отношении точек применительно к медиасфере множество» (М. И. Конюшкевич, 2014).

«СМИ оказывают речевое воздействие не только осознанно, но и своими неосознанно – предпочтениями в тематике событий и в средствах их вербализации. Кучность использования тех или иных номинаций и оценок в печатном тексте оказывает, подобно 25-му кадру на экране, воздействие на подсознание реципиента и тем самым может искажать явление, формировать определенные стереотипы, влияющие на изменение отношения общества к человеческим ценностям. СМИ должны отдавать себе отчет в том, какую картину мира они формируют, увлекаясь собственными предпочтениями» (М. И. Конюшкевич, 2015).

А. П. Короченский
ВАЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XXI ВЕКА

В наши дни международные коммуникации переживают важные перемены, вследствие которых *они становятся международными в полном смысле этого слова*. Гражданская журналистика, трансграничная горизонтальная массовая коммуникация, обеспечиваемая самостоятельными авторами – гражданами, не вовлеченными в медийный мейнстрим, начинает обеспечивать прямое общение людей из разных стран мира, действительное общение между народами, реальное глобальное многоголосье. Развитие коммуникативной субъектности непрофессиональных коммуникаторов обусловило, наряду с различными социальными факторами, появление множества самостоятельных «журналистов-граждан» и сетевых изданий, содержание которых полностью (или в значительной степени) формируется из материалов, подготовленных авторами, не ассоциированными с медийными организациями. Особого внимания заслуживает роль блогосферы в развитии международной журналистики XXI в.

Ключевые слова: международная журналистика, трансграничная горизонтальная массовая коммуникация, блогосфера.

Реальностью наших дней стала «массовая индивидуальная коммуникация», или «массовая самокоммуникация» (mass self communication). В дефиниции М. Кастельса это новая форма коммуникации: она, безусловно, массовая, но производится, получается и воспринимается индивидуально [1]. Выступая в одних случаях как форма технически опосредованного социального общения, дополняющего «традиционную» массовую коммуникацию через СМИ, в других случаях «массовая самокоммуникация» граждан претендует на дополнение медийному мейнстриму либо на альтернативность ему, порой превращаясь в фактор оперативной коррекции его содержания аудиторий.

В современных условиях благодаря многочисленным техническим новшествам граждане способны переходить из привычного состояния безликой массы потребителей медийной информации в категорию полноценных субъектов массовых коммуникаций. В результате индивидуализации потребления информации и развития цифровых интерактивных форм массовой коммуникации радикально расширяются возможности потребителей регулировать коммуникационный процесс, формировать своё «информационное меню». Касается это и потребления международной информации: например, пользователи Интернета имеют

возможности глобального доступа к огромному количеству информационных ресурсов различных стран мира.

Процесс создания и распространения индивидуальных сообщений существенно упростился, что облегчает включение граждан в массовую коммуникацию в качестве продуцентов и распространителей собственных медиатекстов. Сегодня не требуются особые специальные знания и дорогостоящее оборудование, чтобы отснять, смонтировать и распространить через глобальную Сеть свой собственный видеофильм, создать там персональные или групповые сайты, блоги, подкасты, размещать свои медиатексты в социальных сетях. Таким образом, благодаря новейшим формам технически опосредованной массовой коммуникации граждане приобретают коммуникативную субъектность, которая может быть определена как *креативная субъектность* [3, с. 179–188].

Развитие коммуникативной субъектности непрофессиональных коммуникаторов обусловило, наряду с различными социальными факторами, появление множества самодеятельных «журналистов-граждан» и сетевых изданий, содержание которых полностью (или в значительной степени) формируется из материалов, подготовленных авторами, не ассоциированными с медийными организациями. Особого внимания заслуживает роль блогосферы в развитии международной журналистики XXI века. Подавляющее большинство блогеров не претендует на роль поставщиков актуальной социальной информации, ограничиваясь опубликованием своих частных размышлений, впечатлений и переживаний. Но часть авторов электронных дневников действует в режиме сбора сведений, информирования о текущих событиях, их анализа и комментирования, выполняя функции, свойственные журналистике. Полученные от очевидцев событий сведения нередко приобретают качества достоверного и эксклюзивного документа-свидетельства, особенно ценного в международной журналистике.

В ситуации глобального доступа к интернет-ресурсам международную сетевую публику привлекает демонстрируемый блогерами «живой», незамутненный официозом либо корпоративной самоцензурой взгляд на происходящее. Так, например, на ютуб-канале «Когда ты Нурия», привлеком более 200 тысяч русскоязычных подписчиков из Российской Федерации, постсоветских республик и стран дальнего зарубежья, регулярно появлялась молодая каталонка, интересующаяся русской культурой и ранее обучавшаяся в России. Общение через интернет позволило ей не только поддерживать и совершенствовать знание русского языка, но и регулярно рассказывать о жизни простых каталон-

цев, об их менталитете, обычаях и привычках, о реальных проблемах их жизни и труда. Происходил непрерывный обмен информацией с подписчиками канала, преимущественно россиянами, которые сообщали о своей повседневной жизни и заботах. «Большие» СМИ редко интересуются жизнью и проблемами простых граждан, поэтому видеоканал стал своего рода информационным посредником между жителями России и Каталонии.

Нередко такими посредниками становятся гражданские видеоблогеры, работающие в формате трэвел-журналистики. Создатель видеоканала «Хочу домой», имеющего больше 1 млн 200 тыс. подписчиков, белорусский блогер Леонид Пашковский поставил перед собой задачу создавать видео о путешествиях «на темную сторону Земли: туда, где страшно, опасно, плохо и неудобно. Но там тоже живут люди...» [6]. Однако освещение жизни в этих странах обычно не интересует коммерчески ориентированный медийный мейнстрим, если там не происходят масштабные драматические события – перевороты, войны, голод. Стремясь отразить «реальность без макияжа и вторых дублей, жизнь, от которой сосет под ложечкой», Пашковский побывал в беднейших странах мира, включая Гаити, Бангладеш, Тибет и другие, отразив борьбу местных жителей за существование и за лучшую жизнь в чрезвычайно суровых экономических и социальных условиях.

Наш бывший соотечественник, «русский немец» Александр Песке, проживающий ныне в Швейцарии, стремится создавать информационную картину жизни в Европе, контрастирующую с благостными реляциями «больших СМИ». Он обязуется показывать и анализировать на своем ютуб-канале действительные проблемы европейской политики и экономики, производя их разбор с позиций здравого смысла. Он постоянно общается со своей аудиторией, выявляя ее информационные запросы в режиме обратной связи. С этой целью он организует еженедельные стримы, в которых участвуют сотни зарубежных потребителей информации этого блогера.

Блогер Алекс Брежнев, эмигрировавший в девяностые годы из Украины в Канаду, наглядно показывает на своем канале крах надежд эмигрантов из бывшего СССР на осуществление «американской мечты», демонстрируя множество неподъемных проблем, которые приходится решать переселенцам в заокеанский «земной рай».

На блогах оперативная информация появляется нередко раньше, чем в сообщениях «больших» СМИ, и представляет реальное информационное многоголосье, поскольку отражает позиции разных заинтересо-

ванных сторон. Наблюдаемая ныне ситуация является своего рода вызовом для медийных организаций, так как граждане всё чаще выступают в качестве производителей и распространителей альтернативного контента, корректирующего или даже опровергающего содержание «больших» СМИ. Это происходит на фоне повсеместного роста претензий общественности и специалистов к современному состоянию мейнстримовой профессиональной журналистики в связи с её перерождением в пост-журналистику, характеризующуюся наплывом фейковой информации и умалчиванием о многих важных аспектах современной международной жизни [2; 4; 5].

Итак, в наши дни международные коммуникации переживают важные перемены, вследствие которых *они становятся международными в полном смысле этого слова*. Гражданская журналистика, трансграничная горизонтальная массовая коммуникация, обеспечиваемая самостоятельными авторами – гражданами, не вовлеченными в медийный мейнстрим, обеспечивает прямое общение людей из разных стран мира, действительный информационный контакт между народами, реальное многоголосье (обозначенное некогда как цель современного развития массовых коммуникаций) [7]. При этом не следует забывать, что происходящая ныне демократизация трансграничных медиадискурсов имеет как положительные, так и негативные стороны.

Список литературы

1. Кастельс, М. Новые индивидуальные массмедиа / М. Кастельс // *Le Monde Diplomatique*. – 2006, август (русское издание).
2. Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика / под ред. А. Чарльза ; пер. с англ. – Харьков : Гуманитарный центр. 2016. – 308 с.
3. Короченский, А. П. Новые субъекты трансграничных массовых коммуникаций и трансформация международной журналистики в XXI веке / А. П. Короченский // *Мировая журналистика: история, теория, практика*. – Белгород : НИУ БелГУ, 2015. – С. 179–188.
4. Короченский, А. П. Постжурналистика: сущность, признаки, социальные эффекты / А. П. Короченский // *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. – 2019. – № 1. – С. 6–12.
5. Распопова, С. С. Фейковые новости. Информационная мистификация / С. С. Распопова, Е. Н. Богдан. – М. : Аспект-Пресс, 2018. – 112 с.
6. Пашковский, Л. Хочу домой – интервью | Реальная жизнь блогеров | БЛОГБАСТЕР. Телеканал КЛЮЧ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=R5XfGQsK0XM>. – Дата доступа: 20.03.2023.
7. Many Voices, One World. Towards a new more just and more efficient world information and communication order // *The Macbride commission*. – Paris : Unesco, 1980. – 318 p.

Korochensky Alexandr
Belgorod National Research University
e-mail: prensa@yandex.ru

AN IMPORTANT TREND IN THE INTERNATIONAL JOURNALISM OF THE XXI CENTURY

Nowadays, international communications are undergoing important changes, as a result of which they become international in the full sense of the word. Citizen journalism, cross-border horizontal mass communication, provided by amateur authors – citizens who are not involved in the media mainstream, begins to provide direct communication between people from different countries of the world, real communication between peoples, real global polyphony. The development of communicative subjectivity of non-professional communicators, along with various social factors, has led to the emergence of many amateur «citizen journalists» and online publications, the content of which is completely (or to a large extent) formed from materials prepared by authors who are not associated with media organizations. The role of the blogosphere in the development of international journalism in the 21st century deserves special attention.

Keywords: international journalism, cross-border horizontal mass communication, blogosphere.

УДК 070(476)

Л. П. Саенкова-Мельницкая **АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ** **И ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ** **КОЛУМНИСТИКИ В. СТЕПАНА**

Владимир Степан – известный белорусский писатель, художник, журналист, автор сценариев документальных фильмов. Художественно-литературные публикации этого автора определяются как «проза малых форм». В статье объектом исследования является творчество В. Степана – колумниста газеты «СБ. Беларусь сегодня». Предмет исследования – документально-образные, художественно-эстетические основания текстов автора, диалогический аспект коммуникативной ситуации, авторские стратегии в фиксации реальных фактов как «прекрасных мгновений», в акцентуации ценностно-смысловых доминант.

Ключевые слова: текст, колумнистика, Владимир Степан, образность, ритм, визуализация, национальный характер.

Известный белорусский ученый М. И. Конюшкевич в статье «Беларускі вобраз свету ў мастацкіх параўнаннях» замечает, «што ў кожнага пісьменніка як мастака і як чалавека ёсць сваё асабістае асацыятыўнае поле параўнанняў, якое нясе адбітак і агульначалавечых, і нацыя-

нальных, і індыўідуальных ўяўленняў аб рэчаіснасці і якое ў пэўнай ступені рэалізуецца ў яго творчасці» [1, с. 45]. В медиатекстах Владимира Степана, опубликованных в газете «СБ. Беларусь сегодня» в течение 2009 – 2020 гг., много тех сравнений, в которых сквозь индивидуальное, национальное явственно проступает общечеловеческое, универсальное, как в личном и сокровенном ощущается то, что отзывается в душе каждого независимо от места и времени проживания (*О том, что солнце поцеловало озеро, сказал не поэт, а старый рыбак, который восемьдесят лет глядел на эту воду, знал ее и бесконечно любил. От него я услышал и про небо в высоких дымчатых облаках. Он поднял голову и негромко произнес: «Небо заплаканное»* [2]). Литературно-художественный стиль В. Степана-писателя оказался весьма востребованным в одном из главных общественно-политических изданий страны, где в полной мере проявился талант В. Степана-эссеиста, автора образных зарисовок, когда минимализм формы, лаконичность языковых средств не стали препятствием для выражения сущностных смыслов, соотносящихся с мировоззренческими основаниями, информационно-образными потребностями и эмоциональными ожиданиями читателей. Мария Иосифовна Конюшкевич была и остается в числе тех читателей, ментальные ощущения, восприятие действительности которых совпадает с картиной мира, созданной Владимиром Степаном в газетных текстах.

В творческой лаборатории этого автора соединились, с одной стороны, умение журналиста фиксировать документальные, подлинные события и детали реальности, с другой, талант писателя «выдать за наблюдение свое ощущение предмета» [3, с. 22] и на этой основе создавать свой образ реальности. Образная канва его текстов основывается на том, что ему самому хорошо известно, чему был сам свидетелем или что сам лично наблюдал, ощущал, чувствовал. В основе всех его текстов – конкретная ситуация, имеющая отношение к нынешней реальности или ушедшей. Одной из определяющих позиций в авторской стратегии Владимира Степана является создание эффекта крупного плана. Все, что вызывает его интерес, его равнодушное отношение, рассматривается не общим, не средним, а именно крупным или сверхкрупным планом. Такой подход вполне соотносится с известной теорией трех планов знаменитого советского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна.

Крупным планом может рассматриваться определенная личность (например, писатель Петр Васюченко («Тяжело терять старых друзей». 27.08.2019) или маршал Иван Баграмян («История одной фотографии

маршала Ивана Баграмяна». 13.06.2020); фотограф Владимир Межевич («История одного снимка фотографа Владимира Межевича». 16.05.2020) или художник-график Юрий Зайцев («История одной фотографии известного художника-графика Юрия Зайцева». 05.06.2020), событие – личное (встреча двух немолодых людей, некогда любивших друг друга («Бывают встречи, как солнечный удар». 08.04.2020) или общественное («О предпочтениях зарубежных туристов в дни II Европейских игр». 05.07.2019), камерное (выпал первый снег – «Взрослые и малыши любят первый снег, а подростки почти не замечают». 04.12.2019) или масштабное («Родина – понятие объективное». 06.11.2019), человеческие эмоции или память (например, воспоминание о своих первых учителях в зарисовке «Свет и тепло». 11.10.2018).

Владимир Степан как будто показывает и доказывает, что нет ничего неважного и неинтересного, что имеет отношение к жизни, чувствам человека. Содержание всех его текстов наполнено человеческим смыслом, лирической интонацией. Сквозь акварельные тона его строчек явственно проступают конкретные очертания разных времен, эпох, мест действия; конкретные люди – неизвестные и знаменитые; происшествия – бытовые и исторические, но все это на глазах читателей приобретает масштабный, очень важный смысл. Визуализация и чувственность его текстов такого уровня, что они вполне коррелируют со знаменитой гетевской строчкой «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». В его мини-произведениях есть та степень открытой импрессионистичности, которая позволяет не только увидеть зримо происходящее, видимое или представляемое автором, но и почувствовать атмосферу происходящего (или происшедшего), уловить настроение дня, мгновения, лет. Для того, чтобы передать эту атмосферу автор предлагает «картинку» места. Описываемая среда иногда передается с помощью плотно «подогнанных» в именительном падеже существительных, прилагательных: *Не знаю, как вы, а я люблю белорусскую провинцию. Мне нравится ее неторопливый ритм, своеобразная атмосфера... Вот, к примеру, маленький городской поселок Ушачи Витебской области. Автостанция, костел, церковь, рынок, магазины, здание райисполкома на главной площади, памятник Ленину, универмаг, комбинат бытового обслуживания, школа... Приемы почти всех маленьких белорусских райцентров* [4]. Иногда осязаемость, объемность среды передается посредством лаконичных назывных предложений: *Дерева шумели. Свислочь волновалась. В темноте лаяла собака, и хозяин звал ее. Жена снова замолчала* [5]. Однако любая «атмосферная» ситуация Владимиру Степану нужна для того,

чтобы, как будто оттолкнувшись от нее, подняться до обобщений, умозаключений, до формулировки того сокровенного смысла, понимание которого проходит по своей обозначенной траектории – сначала здесь и сейчас, а потом дальше, на более протяженную временную дистанцию: *Я принялся думать про пирамиды, камни-валуны в поле, которым много тысяч лет. Про старые деревья, про смоковницу, растущую где-то в Иерихоне и видевиую Христа, про амфитеатры, построенные римлянами, про каменные плиты мостовых, истертых за несколько тысячелетий подошвами сандалий легионеров и кроссовок современных студентов... Думал обо всем этом древнем и величественном и словил себя на мысли, что мне не хочется стать ни деревом, ни пирамидой, ни каменной плитой на древней дороге... А хочется остаться самим собой и прожить то, что мне отпущено. И от этой мысли мне стало радостно, а будущее представилось бесконечным* [5]. «Картинность», живописная подробность не случайна, потому как Владимир Степан по первой профессии художник. Он с присущим для настоящих художников свойством «до боли в глазах всматривается в реальность», чтобы потом во всех подробностях, мельчайших деталях воссоздать ее на своем «холсте». Визуальность, зримость – неотъемлемое качество всех его текстов. Читателю как будто дается возможность попристутствовать почти физически там, где бывал автор строк, познакомиться, почувствовать и проникнуться искренними чувствами к тем людям, которых так искренне принимает и чувствует журналист, или испытать щемящие ощущения по утраченному так, как переживает это ушедшее автор. В одном из интервью В. Степан пояснял авторскую установку относительно своего читателя: «Основной принцип моей литературной деятельности – писать так, чтобы было интересно мне и читателю; так, чтобы у него возникали те же чувства и мысли, что и у меня» [6]. Поэтому, когда он описывает свое эмоциональное состояние после того, как, приехав на знакомое место, увидел большой спиленный клен, который еще недавно красовался, давая всему окружающему прохладу в жаркий день, эта настоящая горечь утраты передается и нам.

В. Степану как мастеру, чувствующему дыхание жизни во всем окружающем, свойственен определенный анимизм и антропоморфизм. Как это похоже на то, что когда-то чувствовал и Ван Гог: «Я чувствую экспрессию и, так сказать, душу во всей природе, например, в деревьях...» [7, с. 65]. Срубленный клен имеет свою историю, свой «человеческий» контекст (*Не знаю, кто и когда это дерево посадил, но я благодарен тому человеку. Уверен, что ни о каком будущем пейзаже, копая яму и*

опуская в нее небольшое молоденькое деревце, он не думал. Просто хотел, чтобы было красиво, чтобы в жаркий день рядом с крыльцом была тень, а в ветвях пели птицы. А может, он посадил этот клен, чтобы отметить рождение сына. Думая, что вот теперь его мальчишка и этот клен станут расти вместе. Будут глядеть друг на друга и радоваться), будучи сравнимым с человеческой жизнью, этот образ наводит на философские размышления о жизни («Почему-то старое и большое дерево жалко больше, чем молоденькое, а человека жалче молодого, еще не успевшего пожить...» – подумал, уже стоя на крыльце своего дома, пытаясь свыкнуться с измененным пейзажем [8]. Таким же живым, одушевленным ему представляется известная Комаровка («Комаровка» двигалась, шевелилась, вкусно пахла [9]) или старая ротонда у Свислочи (Она проста и лаконична, лишена величия и помпезности, но когда на нее ни помотришь ..., кажется, что видишь ее впервые. Удивляешься и улыбаешься, словно встретил старого приятеля. Если бы она могла говорить, то мы бы услышали тысячи замечательных любовных историй... Знаю, что свидетелем и таких историй была молчаливая ротонда. И клятвы в верности и дружбе она слышала, и слова прощения и прощания звучали под ее крышей. А потом на город опускалась такая тишина, что становилось слышно, как бьются волны в каменные ступеньки, как кричат чайки и крякают утки... Как бьются сердца... [10]).

В текстах В. Степана степень авторской искренности и доверия к своему читателю прямо пропорциональна степени диалогичности. Коммуникативно-диалогическое поле создается и за счет того, что автор всегда открывает «мир впервые», где эффект открытия возникает на основе хорошо знакомого; и за счет умения преподнести свое личное так, что оно становится сокровенно личным каждого читателя; и за счет того, что у этого автора всегда органично сочетается личностное и социальное, частное и общественное. Несмотря на то, что «автор произведения для СМИ являет собой сложную структуру, сплав личностных и социально-профессиональных качеств, пропорции в котором определяются целым комплексом условий» [11], в Степане-журналисте всегда более заметным оказывается личностное. Закономерно, что его авторская колонка в газете «СБ. Беларусь сегодня» так и называлась «Личное». Тексты колонки изобилуют личными местоимениями, обращениями от первого лица к своим читателям, подробным описанием своих личных ситуаций: *В старой записной книжке, которой много лет, и записи сделаны то чернильной авторучкой, то простым каран-*

дашом, я решил найти телефонные номера своих учителей... Просмотрел от а до я и понял: позвонить не получится. Все номера были зачеркнуты... [12]; Гуляли с женой по набережной, от ветра прикрываясь капюшонами и шарфами. На Свислочи волны перекатывались, блестели ярко, в камень берега бились... Жена, глядя на ярко освещенный проспект, на дома на той стороне Свислочи, вдруг сказала: «Жизнь прожить, как спичкой чиркнуть!» И отступила от меня на шаг, а я остановился, задумался, напрягся... [5].

Известный исследователь медиатекстов В. И. Коньков, определяя журналистские тексты, заметил: «Тексты СМИ по своим онтологическим характеристикам являются текстами-действиями, текстами-перформативами... Они по определению предназначены быть инструментами воздействия на жизнь как отдельного человека, так и различных общественных групп и общества в целом» [13, с. 37]. Тексты Владимира Степана тоже можно определить как тексты-действия по степени их включенности в невербальный контекст реальности, по тому, насколько активно они становятся предметом читательской рефлексии. Его тексты не причислишь к социально злободневным, к таким, где индекс социальной актуальности достаточно высок. Вектор их воздействия направлен на чувства отдельного человека. Почти все публикации колумниста начинаются с описания определенной картинки, наполненной действием: *Вы, скорее всего, видели или слышали об этом моменте: рыбак ... раскидывает руки в стороны, словно пытается броситься на вас либо всю землю охватить-обнять. Набирает в грудь воздуха и таинственно, с настоящим религиозным экстазом говорит, вытаращив глаза, какую огромную рыбу он изловил. Или как она, хвостом взмахнув, головой тряхнув, сорвалась у самого берега, у самой лодки, выскользнула вот из этих вот самых рук [2].* За счет немалого количества активных глаголов, деепричастных оборотов создается эффект быстрой смены действия. Хотя на самом деле это не столько реальное действие, сколько воображаемое или вспоминаемое. Тем не менее, возникает ощущение абсолютной подлинности, даже узнаваемости, хотя, быть может, вы никогда не были свидетелем этой ситуации, о которой так живо рассказывает автор. В передаваемом действии заложен эффект аттрактивности. Тексты этого автора выстраиваются по определенным драматургическим законам. В них всегда есть первоначальная вводная часть, потом идет завязка – представление места, времени, героев(-я) повествования, затем следует кульминационный апогей, когда раскрывается главный смысл происходящего, заканчиваются мини-эссе

заклЮчениями-эпилогами, в которых представляется авторское умозаключение.

Одной из важных характеристик текстов В. Степана является ритмическая организация. С одной стороны, в определенной организации ситуаций, смыслов, действий заложен музыкальный принцип, когда всему тексту свойственна музыкальная мелодичность, последовательно раскрываемая тональность слов-, фраз-смыслов, что вполне соотносимо с понятием «созвучие». С другой стороны, в основе этой ритмичности лежит живописно-изобразительный принцип, поскольку в них заметна определенная эстетическая соразмерность, гармоничное единство формы и содержания, логически сообразное чередование авторских акцентов. Известно, что ритм в изобразительном искусстве определяется как «жизнь формы», потому как он создает наполненное объемами пространство, преобразуя в процессе зрительного восприятия ритмические отношения величин в пространство-время. Журналистские «малые формы» Владимира Степана объемны, полновесны, они наполнены дыханием жизни, соразмерной человеческой душе, в них дышит время, чувствуется, узнается конкретное пространство. В то же время тексты В. Степана неспешные, в них угадывается то, что соотносимо с национальным характером. «У адносінах да ўсяго жывога беларус далікатны: сам сябе і акаляючы свет успрымае замілавана, па-добраму, высока цэніць прыгажосць жыцця..., адчувае сябе часткай усяго жывога, прагматыка дзейнасці і прыгажосць для яго арганічна з'яднаня... Слых у беларуса музыкальны і арыентаваны на цішыню. А да вечнага ён ставіцца па-філасофску... » [1, с. 47]. Эти слова профессора М. И. Конюшкевич как нельзя точно подходят для определения творческих особенностей газетной колумнистики Владимира Степана.

Список литературы

1. Канюшкевіч, М. І. Выбраныя працы: мова, граматыка адносін / М. І. Канюшкевіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – 319 с.
2. Степан, Владимир. Заплаканное небо / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 17 июля.
3. Тарковский, А. О кинообразе / А. Тарковский // Искусство кино. – 1979. – № 3. – С. 20–27.
4. Степан, Владимир. Провинциальная жизнь завораживает своей неспешностью / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 30 окт.
5. Степан, Владимир. Жизнь скоротечна, но прекрасна / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 29 янв.
6. Драпко, Алена. Кожны, хто піша, каштоўны і патрэбны / Алена Драпко // Звезда. – 2020. – 9 вер.

7. Юиг, Рене. Ван Гог / Рене Юиг. – М. : Слово / Slovo, 1995. – 94 с.
8. Степан, Владимир. Старый клен / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 23 июля.
9. Степан, Владимир. Место встречи / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 1 июля.
10. Степан, Владимир. Любимое место / Владимир Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 10 июня.
11. Отражение личности автора в журналистском произведении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/74096/zhurnalistika/otrazhenie_lichnosti_avtora_zhurnalistskom_proizvedenii. – Дата доступа: 30.05.2023.
12. Личное с Владимиром Степаном. Свет и тепло // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 11 октября.
13. Коньков, В. И. Система презентации медиатекста / В. И. Коньков // Медиалингвистика. – № 2 (8). – 2015. – С. 35–44.

Sayenkova-Melnitskaya Ludmila
Belarusian State University
e-mail: sayenkova@gmail.com

AXIOLOGICAL AND ARTISTIC-DOCUMENTARY FOUNDATIONS OF V. STEPAN'S COLUMNISTICS

Vladimir Stepan is a well-known Belarusian writer, artist, journalist, author of documentary film scripts. The literary publications of this author are defined as «prose of small forms». The object of research is the work of V. Stepan – a columnist of the newspaper «SB. Belarus Today». The subject of the study in this article is the documentary-figurative, artistic and aesthetic foundations of the author's texts, the dialogical aspect of the communicative situation, the author's strategies in fixing real facts as «beautiful moments», in accentuating value-semantic dominants.

Keywords: text, columnist, Vladimir Stepan, imagery, rhythm, visualization, national character.

УДК 659.4:81'42

В. И. Ивченков

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В ПРОГРАММЕ «ПОНЯТНАЯ ПОЛИТИКА» (ТЕЛЕКАНАЛ «БЕЛАРУСЬ 1»)

Рассматриваются вопросы обновления дискурсивной личности журналиста в условиях цифровой среды, медиконвергенции и коммуникативных рисков, доминантными составляющими которых являются инфовбросы, идеологические клише. Определяются истоки когнитивных ориентиров современной журналистики, обосно-

выдается экстраполяция образа информационного продукта на основе познавательных моделей и проекции их на реальные ситуации.

Ключевые слова: дискурсивная личность, медиaprостранство, коммуникативные риски, медиадискурс, коммуникация, идеологические клише.

В современной медиакommunikации обнаруживаются рискогенные зоны, онтологическими признаками которых являются интерактивность и диалогичность. Новая функция медиакommunikации – функция презентации и самопрезентации – приводит к трансформации социумных моделей поведения в сторону агрессивной саморекламы и подавления другого мнения.

Цели инициаторов сетевых инфовбросов – вложить в сознание доверчивых пользователей свои идеи. Как правило, они скрывают свои личности и истинные задачи, в отдельных случаях прикрываясь продвижением благородных идей или примеривая на себя образ политических страдальцев. Медиамир начала 21 века был полон идеологических клише, хотя не всегда они были уловимы для среднестатистического потребителя информации. В условиях информационной конфронтации прорастание номинаций в идеологическом поле и приобретение ими устойчивости в употреблении связано с обострившейся политической ситуацией и порицанием комфортабельной политкорректности, за маской которой ранее скрывался имплицитный вояж. Профессор М. И. Конюшкевич справедливо указывает: «Чем глубже и длительнее раскол, тем активнее и продуктивнее множатся варианты номинаций одной и той же реалии, в результате чего формируется определенный перечень номинаций события и его участников с двумя и более (в зависимости от количества противоборствующих сторон) центрами» [1, с. 351].

Социальные медиа и мессенджеры стали мощным инструментом влияния на политические взгляды. Ныне многое решается твитом или постом. Перед нами реальность, которая несет ряд угроз: медийная информация становится кодифицированной, мысли путанными, фразы двузначными. Общество на рубеже XX и XXI века как будто брошено в затяжное противоборство, а именно – в состояние сетецентричной войны. Суть ее ведения известна. Она включает в себя информационное преимущество, что достигается опережающим уничтожением центров информационной обработки и узлов управления. Навязчивая вербальная агрессия постепенно транспонируется в физическую.

Время социальных потрясений, балансирующих на грани военных конфликтов, наглядно представлено «цветными революциями». Их

множество, и названия для них как будто призывают к соучастию по шкале пейоративности – мелиоративности, подменяя средство констатации факта его оценкой (гвоздик, роз, пурпурной, тюльпановой, кедров, васильковой, шафрановой, сиреневой, жасминовой, лотоса, хризантем, любви и др.).

В процессе когнитивной обработки дискурса СМИ создается образ информационного продукта, что происходит на основе познавательных моделей и проекции их на реальные ситуации. Эти модели двуплановы по своей сути. Во-первых, они могут базироваться на изучении отдельного эпизода с целью выявить его существенные характеристики и в последующем экстраполировать их на аналогичные явления, и, во-вторых, только с помощью социального опыта, иных познавательных моделей человек способен связать отдельные фрагменты в систему, обуславливая таким образом их цельность. Можно утверждать, что журналист, создавая текст, как и адресат, воспринимающий информацию, должен оперировать не фактами, а представлениями, готовыми нарративными формулами, из которых выводится система социальной организации публицистической речи. Построить тексты в соответствии с этими моделями – творческая задача журналиста.

Информационные угрозы настоятельно указывают на тот факт, что белорусское телевидение (как никогда!) поставлено в рискогенную зону противостояния и борьбы с фейками, сложного аргументационного процесса, в котором явно должно проследиваться коммуникативное лидерство журналиста. Аудиовизуальное пространство Беларуси в последние два года получило мощный коммуникативный заряд, выявило лучшие черты авторской журналистики и наступательной манеры повествования. Ярким примером чёткой аргументации, всестороннего охвата обсуждаемой актуальности, целенаправленного поиска и выбора фактологии может послужить телепрограмма «Понятная политика»: Как противостоять фейкам? Где чистой воды пиар, а где реальные дела? Каковы политтехнологии XXI века? И как разобраться в хитросплетениях глобальных мировых процессов? На все эти вопросы Сергей Гусаченко отвечает точно, динамично, использует методически выверенную аргументационную базу. Представлена полноценная картина происходящего в мире, без умалчиваний и купюр, без оголтелого нажима, а с воздействием на пользователя логикой, убеждённым взглядом, искренностью в своей правоте, в чём наглядно проследивается отечественный риторический идеал: субъект-субъектный, онтологический и гармонизирующий.

Приведём только некоторые характеристики, которые указывают на «классическое исполнение телевизионного продукта»: 1) реализация функций телепередачи (коммуникативная (налаживание контакта), идеологическая (формирование общественного мнения, ценностей, идей)), культуροформирующая (внедрение ценностей), рекреативная; стратификация текстовых доминант телепередачи (политическая история, текущая политическая ситуация, политическое прогнозирование); 3) специфика индивидуальной коммуникативной манеры (не ограничивается задачей на удовлетворение нейтрального запроса информации по теме, а выполняет компенсаторную и рекреативную функции; ставит целью не столько выработку единой точки зрения на обсуждаемую проблему, сколько реализует возможность включения участников в ситуацию, способствует открытому обсуждению проблемы; позволяет в процессе обсуждения дать оценку предмета, выявить причинно-следственные связи, осуществить поиск решения обсуждаемой темы).

Субъект-субъектный характер телепередачи хорошо оттеняют комментарии пользователей, которых тысячи. Их мнения в целом могут совпадать или не совпадать с мнением авторов, но эмотивная составляющая, встроенная в концепцию программы, мастерски воплощённое «коммуникативное пробуждение», основанное на локутивно-иллокутивном целеполагании, явно свидетельствует о достижении перлокутивного эффекта журналистами. Социальную заострённость и коммуникативную цельность отражают заголовки передачи, в которых убедительно представлена эмотивная составляющая, строящаяся на грамматической иллокутивности через условия успешности (цель говорящего – побудить адресата сказать ответ): «Кто и как раскачивал Беларусь? Вся правда про НКО: бюджет, руководство, структура» (17 янв. 2022 г.); оформленная именительным представлением: «Шок Европы! Экономия, дефицит, должники, космические тарифы, насекомые вместо мяса» (22 авг. 2022 г.); наррации: «Как Запад демонизирует Беларусь: штрафы за инакомыслие, репрессии, преследования» (1 авг. 2022 г.); «Предательство и война компроматов: кто вместо Джонсона? Грозит ли Британии распад? (18 июл. 2022 г.); «Фейки ради наживы: эти люди обманывали весь мир! Портреты западных СМИ и лгунов» (8 авг. 2022 г.); «Беспредел в Польше! Как врут телеканалы и убивают оппозицию. Преступления ПиС» (4 сент. 2023 г.); «Нацизм в Украине: как палачи становятся героями. Кошунство» (28 авг. 2023 г.) и др.

Познание мира распадается на две дихотомические части одного целого: вещественную (предметную, денотативную, эмотивную) и

воображаемую (референтную, сигнификативную, интеллектуальную). При компаративно-когнитивной обработке дискурса превалирует воображаемый аспект, потому что читатель (слушатель, зритель, пользователь интернета) не только узнает социальные контексты, фреймы, их компоненты, но и сопоставляет, анализирует, обобщает действия, происходящие в их рамках. Репрезентативная модель мира может доминировать над вещественной, создается воображаемая картина, в которую почти не включается факт, т. к. он подлежит интерпретации.

Представление о семантической связанности мира зависит от знаний о нем, отраженных в макро- и микростратегиях. СМИ по функциональному предназначению направлены на целевую аудиторию, стратифицированную по разным признакам. По сути, медиатекст, реализованный в телевизионных репортажах, печатных и интернет-СМИ, радиальных эфирах – это возведенные в реальность представления о событиях и самой жизни: политике, войне, экономике, культуре, образовании и проч. Восприятие того или иного медиасобытия опирается на наличие в сознании (или подсознании) определенных фреймовых структур, под которые адресат подстраивает своё понимание увиденного, услышанного, прочитанного.

Тематическая структура медиатекста представляет собой набор формально или субъективно избранных топиков (наиболее значимой информации, поданной препозициями семантической микроструктуры), вокруг которых организуется сигнификация текста. Газетное сообщение маркирует релевантность каждого из топиков в определенной иерархии – заголовком, лидом, линейной композицией компонентов в зависимости от жанра. Восприятие медиатекста происходит через построение специфической модели ситуации или события, описанного в нем, а через призму конкретной ситуации – реставрация и конкретизация более общих моделей.

Для современной журналистской науки важно представить медиадискурс в качестве институционального феномена, содержащего широкий круг когнитивных, прагматических указателей на устройство общества, социальные и духовно-нравственные приоритеты его развития. Важным представляется исследование репрезентации экстралингвистического компонента и отражения картины мира в мировых СМИ, точкой отсчета которого является конкретное национальное информационно-коммуникационное пространство.

Развитие информационных технологий в настоящее время кардинально повлияло как на деятельность самих журналистов, так и на

развитие журналистики в целом: изменились и далее совершенствуются подходы к работе над журналистским материалом и его представлением в электронных СМИ; видоизменяются и появляются новые жанры и форматы; по-другому происходит взаимодействие с аудиториями; изменяется и сама подача информации, и ее лингвистическая реализация. Эти и многие другие процессы происходят в разных журналистских культурах.

Дискурсивная теория речевого поведения способствует формированию новой методологии анализа языкового сознания, складывающейся в условиях разноголосицы и разнонаправленности коммуникативных действий.

В условиях медиаконвергенции происходит смена традиционного мономедийного формата на мультимедийный. Актуальной разновидностью конвергенции выступает синкретизм жанров и форм, что вызвано слиянием разных медиаплатформ.

Данный процесс породил новый тип СМИ – сетевые электронные издания, которые реализуют принципы мультимедийности, интеграции и взаимодействия и основаны на симультанном восприятии текста.

Как результат конвергентных процессов происходят изменения в работе медиаспециалистов. Медиаспециалист сегодня становится универсальным журналистом и обладает набором разных профессиональных навыков и умений, исходя из этого в теории журналистики выводится понятие дискурсивной личности журналиста.

Научный концепт «языковая личность», так много давший коммуникативистике, образно говоря, потерял своё главенствующее положение в свете накопившихся исследований в области анализа дискурса. Дискурс дает возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, гендерно отмеченные признаки в дискурсивных действиях. Посредством осознанного допущения и рассмотрения дискурса как важнейшего элемента социальных действий и интеракций можно говорить о том, что языковая личность есть составляющий многомерный компонент дискурсии. Дискурсивные личности – акторы медиакommunikации, чья деятельность обеспечивается набором речевых тактических действий, соответствующих языковой парадигме. Может происходить смена ролей (адресант/субъект – адресат/субъект (не объект!), в результате чего меняется выбор языковых средств и кате-

горий, осуществляется поиск адекватных поставленным целям интерактивных форм и т. д.

В интеракциях журналист представляет разные смысловые модусы и оформляет их в стилистическом отношении по-разному. Адресант реализуется через отношения с миром в дихотомии индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся и действующих в процессах коммуникации.

Современный журналист работает в новых условиях цифрового медиaprостранства, и, соответственно, ему необходимо владеть набором новых профессиональных компетенций.

Дискурсивная личность журналиста в условиях медиаконвергенции проявляется по-другому, что вызвано новыми функциями медиатекстов в интернет-пространстве (трансмедийность, имманентная незавершенность, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность и др.); новыми способами и подходами к работе журналиста, новыми технологиями создания текстов.

Список литературы

1. Конюшкевич, М. И. Тезаурус «белорусского майдана» как проявление речевой реакции медиа на политический контекст событий / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. – 2021. – № 8 (4). – С. 351–365.

Ivchenkov Viktor
Belarusian State University
e-mail: diskurs03@mail.ru

THE DISCURSIVE PERSONALITY OF A JOURNALIST IN THE PROGRAM «CLEAR POLITICS» (BELARUS 1 TV CHANNEL)

The article considers issues of updating a discourse personality of a journalist in the conditions of digital environment, media convergence and communicative risks where informational stuffing and ideological clichés are their dominants. The origins of cognitive reference points of contemporary journalism are defined; the extrapolation of the image of the informational product on the basis of cognitive models and their projection on real situations is substantiated.

Keywords: discourse personality, media space, communicative risks, media discourse, communication, ideological clichés.

Ю. В. Маліцкі

МЕДЫЯТЭКСТ У ФОКУСЕ НАВУКОВАЙ УВАГІ

Разглядаюцца погляды на анталагічныя праблемы медыятэксту з пазіцый розных навуковых дысцыплін: лінгвістыкі, філасофіі, культуралогіі, псіхалогіі, педагогікі і інш.

Ключавыя словы: медыятэкст, медыялінгвістыка, журналістыка, масмедыя.

Выключная роля інфармацыйных сістэм у кіраванні эканамічнымі, адміністрацыйнымі і іншымі працэсамі, абумоўленая карэннымі пераўтварэннямі ў сферы тэхналогіі перадачы і апрацоўкі інфармацыі, высокі ўзровень інфарматызацыі соцыуму, глабальная інфармацыйная прастора – вось асноўныя рысы, што акрэсліваюць сённяшні вобраз інфармацыйнага грамадства.

Рост эканамічнага дабрабыту, даступнасць высокатэхналагічных сродкаў інтэрнэт- і мабільнай сувязі і, як вынік, лавінападобнае пашырэнне і, адначасова, сегментацыя аўдыторыі спажывцоў інфармацыйнага прадукту прывялі не толькі да канчатковага складання разгалінаванай глабальнай сістэмы сродкаў масавай камунікацыі, але і да прынцыповай новай, інтэрактыўнай, формы рэалізацыі гэтай камунікацыі. У яе межах пазіцыі камунікантаў размяркоўваюцца ў рамках не суб'ект-аб'ектнай, а суб'ект-суб'ектнай парадыгмы. Пры такім размеркаванні камуніканы выступаюць як паўнаўтасныя і раўназначныя акты пры працэсе шырокага інфармацыйнага ўзаемадзеяння.

Важную ролю ў сусветнай інфармацыйна-камунікатыўнай прасторы адыгрывае інстытут сродкаў масавай камунікацыі (масмедыя). Ён з'яўляецца адным з найважнейшых сістэмных кампанентаў інфармацыйнага грамадства. Тэрмін «медыя» паходзіць ад лацінскага *medium* – сярэдні, сярэдзіна, пасярэднік. «Лічыцца, што ў еўрапейскіх мовах слова стала шырока выкарыстоўвацца ў XIX ст., аднак у далёкіх ад інфармацыі і камунікацыі энансах. З 1920-х гг. усё часцей выкарыстоўваецца для абазначэння перыядычнага друку і рэкламы» [1, с. 53–54]. Сёння гэты тэрмін прымяняецца не толькі як агульная назва сродкаў масавай камунікацыі, але і як сродак абазначэння феномена масавай культуры.

Масмедыйны прадукт аказвае істотны ўплыў на грамадскую свядомасць і, адпаведна, на ключавыя грамадскія, палітычныя і культурныя працэсы, а значыць і вызначае развіццё і рух грамадства ў тым ці іншым напрамку. «Вобразы, якія ствараюцца сродкамі масавай

інфармацыі, сімвалы і знакі не толькі фарміруюць асаблівасці ўспрымання сацыяльных фактаў і працэсаў, але і становяцца “ключом” для пазнання сучаснай рэальнасці, а часам могуць выступаць і ў ролі самой рэальнасці» [2].

Сукупны медыяпрадукт – вынік журналісцкай дзейнасці – у спецыяльнай літаратуры часам звязваецца з такім навуковым канцэптам, як кантынуум [3]. Тэрмінам кантынуум у філасофіі прынята абазначаць форму рэалізацыі катэгорый перарыванасці (дыскрэтнасці) і неперарыванасці. Паводле гэтай тэорыі сучасны корпус медыятэкстаў, або інфармацыйны кантынуум, прадстаўляе сабой адзіную існасць. У якасці яе інтэгральнага паказчыка выступае комплекс прыкмет моўна-камунікатыўнага і функцыянальна-тэхналагічнага характару. Названая існасць, аднак, не з’яўляецца маналітнай, а складаецца з мноства адасобленых элементаў. Такім элементам – «дыскрэтнай адзінкай медыяплыні» [4, с. 152] – прынята лічыць медыятэкст.

Медыятэкст – ключавое паняцце **медыялінгвістыкі**. Канцэпцыя медыятэксту складае істотную частку тэарэтычнага падмурку гэтай навуковай дысцыпліны, што ўзнікла на стыку традыцыйнай лінгвістыкі і тэорыі журналістыкі. У працах прадстаўнікоў гэтага напрамку медыятэкст бачыцца як форма рэалізацыі маўленчых паводзін ў сферы масавай камунікацыі. Такі аспект разгляду мае выразны функцыянальны характар і прадугледжвае першачарговую ўвагу да ролі тэкстаў медыя ў працэсе спецыфічнай маўленчай дзейнасці. Вынікам пошукаў у гэтым кірунку з’яўляецца пабудова схем і апісанне спосабаў арганізацыі камунікатыўнага акта ва ўмовах медыясферы. Медыятэкст у такіх даследаваннях разглядаецца ў адзінстве класічных мовознаўчых катэгорый – плана зместу і плана выражэння. План зместу сканцэнтраваны вакол пытанняў мэтавызначэння медыятэксту як маўленчага акта, акалічнасцей яго планавання, стварэння, а таксама сацыяльных наступстваў яго рэалізацыі ў грамадскай камунікатыўнай прасторы. У плане выражэння акцэнт робіцца на семіятычна складаным характары медыяпаведамленняў. Адзначаецца, што медыятэкст – гэта «разнавіднасць тэксту, якая належыць масавай інфармацыі, якая характарызуецца адмысловым тыпам аўтара ... , спецыфічнай тэкставай мадальнасцю ... , разлічаная на масавую аўдыторыю» [5], і з’яўляецца адзінкай сістэмных парадыгматычных адносін: «сучасны медыятэкст утрымлівае ў сабе элементы мастацкага, навуковага, афіцыйнага стыляў» [6].

Асаблівасці моўна-камунікатыўнай арганізацыі медыятэкстаў з'яўляюцца аб'ектам вывучэння таксама і асобных даследчых напрамкаў у межах **мовазнаўства**: *стылістыкі* (Л. Р. Дускаева, В. І. Іўчанкаў, М. Ю. Казак, В. Р. Кастамараў, М. М. Кожына, М. Я. Цікоцкі і інш.), *сацыялінгвістыкі* (А. Бэл, Т. ван Дэйк, М. Мантгомеры, Р. Фаўлер, Н. Ферклаф і інш.), *герменеўтыкі* (Ю. Д. Артамонава, Б. Я. Мінсожнікаў, В. Р. Кузняцоў і інш.), *псіхалінгвістыкі* (С. І. Бернштэйн, М. М. Валодзіна, Т. ван Дэйк, А. А. Лявонцьеў і інш.), *лінгвапрагматыкі* (М. М. Бахцін, І. М. Кобазева, Дж. Осцін, Дж. Серль і інш.), *лінгвасеміётыка* (Р. Барт, Ж. Дэрыда, М. Ю. Казак, Ю. М. Лотман і інш.), *тэорыі перакладу* (В. М. Крупноў, С. Я. Шмакаў і інш.).

Грамадская роля медыятэкстаў, іх уплыў на свядомасць і паводзіны чалавека выклікаюць заканамерную цікавасць прадстаўнікоў і іншых гуманітарных, нелінгвістычных, дысцыплін, у прыватнасці філасофіі, культуралогіі, сацыялогіі, псіхалогіі, педагогікі.

Прырода і функцыянальная прызначанасць медыятэксту абумоўлівае яго непасрэдную сувязь з катэгорыямі **эстэтыкі** як філасофскага вучэння, прысвечанага даследаванню сутнасці і форм рэалізацыі прыгожага ў мастацкай творчасці. Гэтая сувязь рэалізуецца ў розных формах: ад пошуку журналістам найбольш прыгожых і, адпаведна, эмацыйна насычаных моўна-рытарычных фігур і пабудовы адпаведных кампазіцыйных схем да спроб стылізацыі медыяпрадукту пад мастацкі твор літаратурнага, тэлевізійнага або кінематаграфічнага характару. Пабуджальная, уздзейнічаючая функцыя як адна з базавых функцый публіцыстычнага тэксту забяспечваецца ў першую чаргу эстэтычнымі характарыстыкамі. Яшчэ ў 50-я гады ХХ ст. В. У. Вінаградаў пісаў: «эстэтычна нагружаны тэкст павінен перажывацца, заахвочваць чытача да сатворчасці, павінен намякаць на тые сэнсы, якія выходзяць за межы моўных значэнняў» [7, с. 113]. Гэты пастулат цалкам прымяняльны і ў дачыненні да тэкстаў медыя: «фенаменалагічны падыход да медыятэксту, што фарміруецца ў медыялінгвістыцы, патрабуе выяўлення ўзроўняў і прынцыпаў эстэтызацыі медыятэксту як асноўнай дыскурсіўнай адзінкі і заснаваны на прызнанні сістэмнасці працэсу эстэтызацыі з яго выразна акрэсленай кагнітыўнай прыродай і разуменнем таго, што дасканаласць медыятэксту забяспечваецца адпаведнасцю ... кампанентаў працэсу тэкстаўтварэння пэўным патрабаванням і чаканням» [8, с. 21].

Абсалютна лагічнай бачыцца абумоўленасць прынцыпаў канструавання медыятэксту катэгорыямі **этыкі** – філасофскай дысцыпліны,

якая даследуе катэгорыі маральнасці і маралі. «Нарматыўная база лінгваэтыкі масмедыя ўключае забароны, г. зн. прафесійна заганныя формы медыйных маўленчых паводзін (цынізм, пошласць, маўленчая агрэсія, хлусня, публічная лаянка, маніпуляванне адрасатам і інш.), і прадпісанні, г. зн. прафесійна санкцыянаваныя якасці» [1, с. 117–118]. Такім чынам, этычныя пастулаты вызначаюць характар дэантычнай самарэгуляцыя прафесійнай журналістскай дзейнасці як працэсу стварэння медыйнага тэксту.

Спробы асэнсавання ўзаемасувязей інфармацыйна-камунікатыўнай сферы з сумежнымі сферамі ажыццяўляюцца прадстаўнікамі **філасофіі**. Так, доктар філасофскіх навук, прафесар В. А. Падарога ўздымае праблему «крадзяжу» літаратуры з боку тэкстаў масавай камунікацыі і, адпаведна, гаворыць аб нівеляванні асобных якасцей літаратурных твораў ва ўмовах сучаснай глабальнай тэкставай прасторы, якая фарміруецца ў параважнай большасці медыяканаламі. «Сёння масмедыйная прастора выступае ў якасці пасрэдніка, які навязваецца ўсім, і таму частка літаратурнага досведу цалкам паглынаецца масмедыйнай прасторай. Там выпрацоўваецца ў пэўнай ступені і вобраз літаратуры. Гэта вельмі сур'ёзная праблема, таму што, з аднаго боку, у гэтым ёсць і безвыходнасць, што ўсё сцягваецца ў гэтую прастору са сваімі законамі, і мы не можам гэтаму нічога супрацьпаставіць, таму што гэта механізмы, якія выходзяць за межы нашых крэатыўных магчымасцяў. Гэтаму цяжка супрацьстаяць, бо гэты працэс адпавядае логіцы развіцця тэхналагічнай рэвалюцыі, пры якой мы прысутнічаем» [9]. Даследчык сцвярджае, што фактар рэгулярнасці і апэратыўнасці інфармацыйных тэкстаў (медыятэкстаў) знішчае аўтаномію «суб'екта сэнсавых праектаў» – аўтара тэксту: «Масмедыйная сітуацыя дэаўтанамізуе становішча суб'екта, яна робіць яго па сутнасці нават залішнім» [9].

Пастулаты аб выключным прыярытэце спосабу і формы перадачы зместу ў медыякамунікацыі, а таксама аб тэндэнцыі масмедыя канструяваць свет як набор вобразаў знайшлі водгук у культуралагічных даследаваннях. У рамках **культуралогіі** нават выпрацаваны спецыяльны тэрмін – «медыякультура». Н. Б. Кірылава акрэслівае яго сутнасць як «сукупнасць інфармацыйна-камунікатыўных сродкаў, матэрыяльных і інтэлектуальных каштоўнасцей, выпрацаваных чалавецтвам у працэсе культурна-гістарычнага развіцця, якія спрыяюць фарміраванню грамадскай свядомасці і сацыялізацыі асобы» [10, с. 8]. Даследчыца непасрэдна звязвае асобныя навукова-тэхнічныя дасягненні з этапамі

развіцця медыясферы: «Эпоха тэхнічнай рэвалюцыі, заснаваная на сістэме рыначных адносін, дала штуршок бурнаму развіццю сродкаў масавай камунікацыі з хуткасцю, якая не мае роўных у мінулых эпохах» [10, с. 88]. Так, рэзкае пашырэнне магчымасцей і магутнасцей друкарскай тэхнікі ў канцы XIX ст., паводле аўтара, выклікала ўсплеск цікавасці да перыядычнага друку ва ўсім свеце. «Візуальнай інавацыяй газеты сталі буйныя загаловкі, аформленыя старонкі, спалучэнне тэксту з ілюстрацыямі і асабліва размяшчэнне рэкламы – усё гэта было відавочна рэвалюцыйным, што прызнавалі нават кубісты, якія ўключалі фрагменты газет у свае карціны. Наватарскімі формамі, што ажыўляюць прэсу, былі карыкатуры, запазычаныя з папулярных брашур і насценных газет. Масавае прэса, якая з 1890-х гадоў пачала дасягаць тыражоў у мільён і больш экзэмпляраў, змяніла асяроддзе друку, але галоўнае – стварыла новы тып чытача» [10, с. 88–89]. У падобным ключы трактуецца сувязь трансфармацыі медыятэксту і, адпаведна, яго аўдыторыі з распаўсюджаннем фатаграфічнага мастацтва, пашырэннем сродкаў электракамунікацыі, радыё, лічбавых тэхналогій і інш.

Тэндэнцыя да ўзмацнення ролі візуальнага кампанента медыятэксту не засталася не заўважанай сучаснымі **псіхологамі**. Асабліва гэта відавочна ў постфрэйдысцкіх даследаваннях: «Татальная візуалізацыя асяроддзя, якое бесперапынна абнаўляецца, аказвае ўплыў як на характар успрымання вобразаў, так і на несвядомае чалавека. Асаблівасці успрымання вобразаў не толькі звязаныя з пастаяннай стымуляцыяй глядзельнага апарата, але і з пэўнага кшталту расшчапленнем паміж несвядомым успрыманнем інфармацыі і яе аналітычнай апрацоўкай» [11]. І далей: «Высокі ўзровень тэхнічнай аснашчанасці прыводзіць да візуалізацыі кодаў, накіраванай на эксплуатацыю несвядомага. <...> У ідэалагічным сэнсе тэхналогія фарміравання гісторый, а таксама імклівая вытворчасць і ўзнаўленне інфармацыі спараджаюць свайго роду калектыўную памяць, у тым ліку і фантазічную памяць аб будучыні. Устаноўка на будучыню ажыццяўляецца праз кінафільмы, відэакліпы, кнігі, усе віды прадказанняў ад астралагічных і эканамічных прагнозаў да прагнозаў надвор'я» [11].

Важная грамадская роля медыякантэнту ў постіндустрыяльным грамадстве, спробы актывізацыі магчымасцей корпуса медыйных тэкстаў у навучальных мэтах прывялі да таго, што ў 60-я гг. XX ст. у **педагагічнай** навуцы сфарміраваўся спецыфічны напрамак – «медыяадукацыя». Ён прызваны дапамагчы школьнікам і студэнтам

адаптавацца ў свеце медыякультуры, асвоіць мову сродкаў масавай камунікацыі, навучыцца аналізаваць медыятэксты, пазнаёміцца з прынцыпамі забеспячэння асабістай інфармацыйнай бяспекі. У межах медыяадукацыі вылучаюцца наступныя кірункі: 1) медыяадукацыя будучых прафесіяналаў-журналістаў; 2) медыяадукацыя будучых педагогаў ва ўніверсітэтах, у працэсе павышэння кваліфікацыі выкладчыкаў ВНУ і школ на курсах па медыякультуры; 3) медыяадукацыя як частка агульнай адукацыі школьнікаў і студэнтаў, якая можа быць або аўтаномнай, або інтэграванай з традыцыйнымі вучэбнымі дысцыплінамі; 4) медыяадукацыя ва ўстановах дадатковай адукацыі; 5) дыстанцыйная медыяадукацыя школьнікаў, студэнтаў і дарослых з дапамогай тэлебачання, радыё, інтэрнэту; 6) самастойная бесперапынная медыяадукацыя [12].

У сучасным грамадстве тэксты сродкаў масавай камунікацыі з'яўляюцца адной з найбольш пашыраных форм рэалізацыі патрэбы чалавека ў пазнанні і асэнсаванні навакольнага свету, у авалоданні сацыякультурнымі праграмамі, выпрацаванымі ў працэсе жыццёвай практыкі. Вялікае значэнне медыятэкстаў у сучасным грамадстве вызначае яго каштоўнасць у якасці аб'екта розных гуманітарных навуковых дысцыплін.

Спіс літаратуры

1. Медыялінгвістыка в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой ; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М., 2018. – 440 с.
2. Чистяков, Д. И. Информационное общество и масс-медиа в коммуникативном пространстве постсовременности [Электронны рэсурс] / Д. И. Чистяков. – Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-i-mass-media-v-kommunikativnom-prostranstve-postsovremennosti/viewer>. – Дата доступу: 25.05.2023.
3. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Медыялінгвістыка: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М., 2019. – 263 с.
5. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.
6. Іўчанкаў, В. І. Медыятэкст у новай стылістычнай парадыгме / В. І. Іўчанкаў // Журналістыка – 2021: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 23-й міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-год. Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 11 лістап. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2021. – С. 336–339.

7. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1959. – 656 с. Цыг. па: Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редколл. В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М., 2018. – 440 с.

8. Цветова, Н. С. Медиатекст в свете практической эстетики / Н. С. Цветова // Медиалингвистика. – 2017. – № 4. – С. 18–24.

9. Подорога, В. А. Философия и литература [Электронны рэсурс] / В. А. Подорога. – Рэжым доступу: <https://polit.ru/article/2006/07/28/podoroga>. – Дата доступу: 25.05.2023.

10. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М., 2006. – 448 с.

11. Бешукова, Ф. Б. Медиадискурс современного культурного пространства [Электронны рэсурс] / Ф. Б. Бешукова. – Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-sovremennogo-kulturnogo-prostranstva/viewer>. – Дата доступу: 25.05.2023.

12. Федоров, А. В. Медиаобразование: история и теория : учеб. пособие / А. В. Федоров. – М., 2015. – 450 с.

Malitski Yury

Center of Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: sp-sm@mail.ru

MEDIA TEXT IN THE FOCUS OF SCIENTIFIC ATTENTION

The article examines views on the ontological problems of the media text from the positions of various scientific disciplines: linguistics, philosophy, cultural studies, psychology, pedagogy, etc.

Keywords: media text, media linguistics, journalism, mass media.

УДК 070.41

С. В. Зеленко

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В МЕДИАТЕКСТЕ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Интердискурсивность как свойственный журналистской деятельности сложный феномен проявляется на различных уровнях языковой структуры медиатекста. Лексические проявления интердискурсивности в средствах массовой информации и коммуникации наблюдаются в разножанровых медиатекстах. Однако контент-анализ текстов современных СМИ выразительно демонстрирует наличие наиболее ярких примеров лексических проявлений интердискурсивности в медиатекстах информационных и аналитических жанров.

Ключевые слова: интердискурсивность, медиатекст, жанры журналистики.

Современная медиасфера, как на глобальном, так и на региональных уровнях, характеризуется рядом взаимообусловленных экстралингвистических факторов, которые в значительной степени определяют ее функциональные особенности и предназначение, а также потенциал к дальнейшему развитию, разнообразным структурным трансформациям, содержательным модификациям продуцируемого СМИ контента. Профессор В. И. Ивченков подчеркивает: «Информационные технологии кардинально меняют журналистику и ее приоритеты как вида литературного творчества и сферы научного познания. Выстраиваются новые модели коммуникации, в которых традиционный текст, с одной стороны, расширяет свои возможности, а с другой – перестает быть каноничным, строго параметральным» [1, с. 135–136]. Так, на сегодня можно констатировать, что новые информационные технологии (это касается в том числе искусственного интеллекта, интернета вещей), их повсеместное и чуть ли не обязательное внедрение в процессы сбора, обработки и хранения информации, а также трансляции и приема пользователями (аудиторией) визуального, аудиального и текстового (печатного и электронного) медиаконтента практически полностью изменили традиционные подходы к журналистской деятельности.

Описанная тенденция в медиасфере характеризуется также увеличением числа редакций средств массовой информации, в работе которых заняты профессиональные журналисты, редакторы и другие профильные специалисты, а также появлением, развитием и лавинообразным ростом и расширением сферы информационного влияния новых медиа (социальных сетей, публичных каналов в наиболее популярных мессенджерах, видеохостингов, стриминговых площадок, агрегаторов различного контента, интернет-платформ разнообразной тематической специализации). Как справедливо указывает А. А. Градюшко, «контент, производимый во все возрастающем объеме, теперь распространяется по разным каналам, живет на различных платформах. В условиях все более перегруженного цифрового рынка конкуренция за внимание аудитории обостряется, что требует от издателей разработки новых стратегий медиапроизводства» [2, с. 35]. Отметим, что зачастую деятельность новых медиа в сфере производства и трансляции контента опосредуется во многом профанными представлениями о журналистике и средствах массовой информации как о важнейших общественных институтах, а также подчиняется исключительно личным, возможно, не ориентированным на решение важнейших социальных задач, желаниям и предпочтениям только одного человека – блогера. Современные исследователи медиа в

этой связи вынуждены констатировать, что «у журналиста работают особые стимулы, которые мотивируют его придерживаться определенных профессиональных стандартов или стремиться к неким идеалам в работе. Это система редакционного менеджмента, предполагающая наказания и поощрения, чувство профессиональной ответственности, другие корпоративные факторы. Эти стимулы действительно отсутствуют у блогера» [3, с. 178]. Безусловно, подобное положение вещей, которое характеризует современную медиапрактику, является лишь данностью, актуализирующей важность всестороннего научного изучения и анализа СМИ в различных функциональных аспектах. В этой связи Т. А. Пивоварчик констатирует: «Стала очевидной необходимость трансдисциплинарного исследования новых форм цифровой коммуникации с повышенным вниманием к речевому (языковому) кодированию коммуникативного взаимодействия, что проявилось в развитии концепций и теорий медиаэкологии, медиакритики, критики медиаречи, медиабезопасности, медиаэтики, медиаграмотности, лингвистической экспертизы медиатекста и под.» [4, с. 155].

Традиционно в теории журналистики и медиаиндустрии как сфере практической деятельности по производству и распространению медиаконтента выделяется ряд функций, которые могут выполнять средства массовой информации [5, с. 151–167]. Прежде всего, это информационная и коммуникативная функции, призванные давать обществу актуальную информацию и обеспечивать канал коммуникационного взаимодействия между различными социальными институтами в медиа. Также СМИ в своей деятельности реализуют важнейшую идеологическую функцию, которая заключается в отражении и трансляции ценностных ориентиров, поведенческих установок, идеалов и традиций, принятых в определенном обществе либо вообще свойственных человеческой цивилизации. Средствами массовой информации и коммуникации как источником аккумуляции и оперативного распространения знаний выполняется и образовательная либо культурно-просветительская функция. Кроме того, в своей практической деятельности СМИ выполняют рекреационную, организаторскую, критическую, контролирующую, воздействующую и ряд других факультативных функций.

Как сложившаяся система, средства массовой информации имеют исторически сформировавшуюся и устоявшуюся структуру жанров, через которую происходит реализация перечисленных выше функций СМИ [6, с. 49–310]. Так, в теории журналистики выделяют информаци-

онные, публицистические и художественно-публицистические жанры, каждый из которых представлен рядом видовых форм (статья, заметка, интервью, репортаж, обозрение, эссе, очерк, зарисовка и др.), которые позволяют медиа функционировать в качестве одного из важнейших институтов, обслуживающих разнородные потребности современного общества в информации.

При этом, в условиях различных трансформаций в традиционных общественных системах, с появлением множества технологических инноваций и развитием глобального и региональных информационных рынков, а также под влиянием разнообразных геополитических процессов, совершенствованием национального и изменением международного законодательства в сфере СМИ, модификациям подвергаются как сами современные медиаструктуры (создание страновых и транснациональных медиахолдингов, формирование и активное функционирование редакций СМИ в интернете, дигитализация производства и трансляция контента, повсеместное использование аудиторией специальных гаджетов для приема и восприятия медиасообщений), так и производимый ими медиапродукт, который не может не соответствовать, как содержательно, так и формально, всем перечисленным выше экстралингвистическим факторам и онтологическим условиям существования медиаинститутов на современном этапе развития общества. Так, анализируя современный этап развития СМИ, О. Н. Савинова постулирует: «Являясь живым организмом, пресса, как в зеркале, отражает процессы, происходящие в обществе» [7, с. 49–310].

В подобных условиях функционирования средств массовой информации и коммуникации наиболее ярко, на наш взгляд, проявляется потенция медиа к интердискурсивности как к генетически заданной способности всех медиаинституций к взаимодействию с другими дискурсивными системами (политикой, культурой, образованием, медициной, технологиями, наукой, рекламой, литературой и др.). Подобное взаимодействие медийного и других дискурсов возможно как на производственном уровне (например, безусловное влияние ИК-технологий на всю современную медиаиндустрию), так и на уровне конечного продукта любого медиаинститута – т.е. текста (в самой широкой интерпретации данного понятия), который, во-первых, и это самое главное, способен отражать в себе любую из перечисленных сфер, что коррелирует с традиционными функциями СМИ (информирование общества, анализ текущих событий, их интерпретация); во-вторых, может органично встраиваться в эти разнородные дискурсивные системы, ста-

новьясь их обязательной составной частью (например, взаимодействие политического и медийного дискурсов), и включать в себя элементы других дискурсивных систем, тем самым присваивая себе их характерные черты (например, мимикрия рекламного текста под публицистический).

Профессор Е. В. Чернявская подчеркивает: «Взаимодействие дискурсов предшествует взаимодействию текстов» [8, с. 221], из чего можно сделать вывод о том, что потенциальная интердискурсивность медиатекста проявляется на лексическом уровне, когда в журналистских произведениях информационных и аналитических жанров, созданных в рамках функциональных характеристик публицистического стиля, возникают отсылки к другим дискурсам, отличным от медиадискурса. Подтвердим сказанное примерами из белорусских периодических изданий различной тематической и жанровой направленности.

Например, армейский дискурс манифестируется в журнале Вооруженных Сил Республики Беларусь «Армия» рядом лексико-стилистических средств организации медиатекста. Так, в журнале отмечается наличие специальных терминологических лексем и конструкций (*боевой вылет; высадка посадочным способом; время развертывания; сроки ввода в строй; выполнение огневых задач; тяжёлый многоцелевой истребитель*); жаргонной и разговорной лексики (*самоходка; «сушка»; «сухарик»; «коломбина»; «голозяды фердинанд»* – вместо *самоходная боевая машина; «пехтура»* – вместо *пехота; «бетонка»* – вместо *взлетно-посадочная полоса*); характерных метафорических (в том числе и стертых метафор) конструкций (*танковые «потроха»; танки откровенно пасовали; шальная пуля; легковооруженная малютка; железная птица; крылатая пехота; «голубые береты»*); узкоспециальной аббревиации (*лсап* – легкий самоходно-артиллерийский полк; *САУ* – самоходная артиллерийская установка; *БУП* – боевой устав пехоты; *АУД* – аэродромный участок дороги; *РСЗО* – реактивная система залпового огня; *НАР* – неуправляемая авиационная ракета). Таким образом, интердискурсивность на лексическом уровне в журнале «Армия» проявляется в отражении языковых особенностей военного дискурса, в рамках которого анализируемое периодическое издание создается, распространяется редакцией СМИ и декодируется читателями, а также ярко характеризует информативные, коммуникативные и прагматические интенции учредителя журнала по отношению к своей внутренней (представители Вооруженных Сил Республики Беларусь) и внешней (гражданской) аудитории.

Интердискурсивность на лексическом уровне проявляется в массовых общественно-политических изданиях. Например, это довольно хорошо заметно в журналистских материалах, посвященных правоохранительному дискурсу и криминальной тематике, когда авторы апеллируют к лексическим средствам ограниченного употребления для описания соответствующего антуража и контекста, ознакомления читателей со спецификой «уголовного мира», характеристики персонажей, размежевания речевых актов журналиста, работника правоохранительного аппарата и преступника. Так, на сайте газеты «СБ. Беларусь сегодня» в рубрике «Происшествия» находим, например, материал «Сотрудники наркоконтроля Гомельской области задержали двух курьеров наркомаркета» (09.06.2023), содержащий специфическую лексику (*психотроп; наркомаркет; наркокурьер*) и устойчивые речевые формулы (*задержать с поличным; оборот наркотиков; партия психотропа; оперативники наркоконтроля; преступный бизнес; возбуждены уголовные дела; административная ответственность*), которые отражают и представляют в медиатексте правоохранительный дискурс. Подобное использование лексики ограниченной сферы употребления в медийных текстах, рассчитанных на массовую аудиторию, становится возможным благодаря тому, что, как утверждает профессор М. И. Коношкевич, «семантика языковой единицы сопрягается с эмоциями, оценками, мотивациями говорящих» [9, с. 12]. Именно эмоциональная оценочность подобной лексики позволяет реализоваться одному дискурсу в рамках и в структуре другого.

Актуализация научного дискурса в текстах медиа на лексическом уровне происходит, например, через дефинирование потенциально неизвестных читателю слов и словосочетаний. Так, на сайте издательского холдинга «Звезда» находим ряд публикаций, в которых даются словарные определения узкоспециальных понятий и терминологических единиц: «імагалогія (англ. image – “вобраз”, карціна; грэч. Logos – “наука, вучэнне”) – сфера, галіна гуманітарных навуковых ведаў, якая прадметам вывучэння мае ўстойлівыя вобразы “іншых”, “чужых” краін, этнасаў, народаў, культур, літаратур, моў і г. д. – іншародных для суб’екта ўспрыняцця» (28.04.2022); «Пінхол-фатаграфія (англ. pinhole – шпількавая адтуліна) – здымак, створаны камерай без лінз, дзе замест аб’ектыва выкарыстоўваецца невялікая адтуліна, памер якой вылічваецца адносна яе аддаленасці ад плёнкі (ці іншага святлоадчувальнага элемента)» (03.08.2021), «“асікі” (ад англ. ASIC, application-specific

integrated circuit – інтегральна схема спецыяльнага прызначэння) – яшчэ больш магутнае абсталяванне, створанае спецыяльна для майнінгу» (19.02.2021), «кнот – ніць для гарэння ў газавай лямпе або свечцы. Слова мае нямецкае паходжанне [ням. Knoten – вузел]» (17.02.2017). В подобных ситуациях публицистический текст частично принимает на себя функционал научного, журналистский материал становится лексикографическим источником, за счет чего в медиатексте может актуализироваться научный дискурс.

Одну из своих многочисленных научных работ уважаемая профессор Мария Иосифовна Конюшкевич завершает вопросом: «еще не осмыслены до конца последствия информационного взрыва: каким образом сможет (и сможет ли?) человек как биологический вид воспользоваться тем огромным количеством информации, которую накопило человечество, выдержит ли его психика» [10, с. 22]. Нам представляется, что ответом на этот философский вопрос являются научные исследования в сфере информации и коммуникации, в том числе и в области изучения интердискурсивности медиа.

Список литературы

1. Ивченков, В. И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса / В. И. Ивченков // Медиалингвистика. – 2019. – № 6 (1). – С. 135–144.
2. Градюшко, А. А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства / А. А. Градюшко // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2023. – № 1 (267). – С. 34–40.
3. Жолудь, Р. В. Блогинг и профессиональная журналистика в современных массовых коммуникациях: противостояние или симбиоз? / Р. В. Жолудь // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 177–180.
4. Пивоварчик, Т. А. Цифровые медиаплатформы как коммуникационный вызов национальным медиасистемам / Т. А. Пивоварчик // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации : сб. тр. III междунар. науч.-практ. конф. 7–8 окт. 2021 г. НИУ «БелГУ» / науч. ред. А. В. Полонский ; редкол.: А. П. Короченский, С. В. Ушакова, Я. И. Тяжлов. – Белгород : «ПОЛИТЕРРА», 2021. – С. 154–161.
5. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
6. Тертычный, А. А. Жанр периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 320 с.
7. Савинова, О. Н. Трансформация медиасистемы в современных условиях: к вопросу аберрации функций СМИ / О. Н. Савинова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 1. – С. 198–200.

8. Чернявская, Е. В. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / Е. В. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

9. Конюшкевич, М. И. К вопросу о границах и предметах медиалингвистики / М. И. Конюшкевич // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – С. 8–17.

10. Конюшкевич, М. И. Экология языка и языковой личности в медиaprостранстве / М. И. Конюшкевич // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество : сб. ст. – Н. Новгород : НГУ, 2014. – С. 16–22.

Zelianko Siarhei

Belarusian State University

e-mail: siarhejzelianko@gmail.com

THE MANIFESTATION OF INTERDISCURSIVITY IN A MEDIA TEXT AT THE LEXICAL LEVEL

Interdiscursivity is a complex communicative phenomenon that is characteristic of journalistic activity and manifests itself at various levels of the linguistic structure of the media text. Lexical manifestations of interdiscursivity in the media are observed in media texts of different genres. However, the content analysis of modern media texts expressively demonstrates the presence of the most important examples of lexical manifestations of interdiscursivity in media texts of information and analytical genres.

Keywords: interdiscursivity, media text, genres of journalism.

УДК 81'276.6(476)

І. В. Піваварчык

МОЎНЫЯ СРОДКІ ДЫЯЛАГІЧНАСЦІ СУЧАСНАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ МЕДЫЯПРОПАВЕДЗІ

Рассматриваются языковые средства реализации приема диалогизации современной православной медиапроповеди. Установлено, что текст современной проповеди, опосредованной медиаресурсами, сочетает в себе религиозную книжную лексику, авторские неологизмы, изобразительно-выразительные средства речевого воздействия.

Ключевые слова: православие, медиапроповедь, священнослужитель, языковые особенности.

У апошнія некалькі дзесяцігоддзяў у навуцы рэзка ўзрасла цікавасць да вывучэння такога віду інстытуцыйнага дыскурсу, як проповедзь. Вывучэннем жанру праваслаўнай проповедзі займаюцца Л. П. Крысін, В. А. Пыхвацілава, В. А. Крылова, Т. В. Іцковіч, Н. Б. Мячкоўская,

В. І. Карасік, Л. В. Ляўшун, Ю. В. Міціна і інш. У праваслаўным багаслоўі пропаведзь вызначаецца як настаўляльнае і навучальнае слова пастыра, накіраванае на духоўнае прасвятленне людзей [1]. Пропаведзь мы разглядаем як адзін з жанраў рэлігійнага дыскурсу, Н. Б. Мячкоўская яе называе першасным жанрам рэлігійнай камунікацыі [2, с. 205]. Прадметам нашага даследавання з'яўляецца праваслаўная медыя-пропаведзь, або інтэрнэт-пропаведзь, якая, у адрозненне ад храмавай, кананічнай, набывае дадатковыя рысы, уласцівыя медыядыскурсу.

Даследаванне медыйнай рэалізацыі пропаведзі ўяўляецца найбольш актуальным, бо, як адзначае Л. П. Крысін, «слова святара гучыць <...> не толькі ў царкоўным храме, перад прыхаджанамі, але і па радыё, па тэлебачанні; прадстаўнікі духавенства выступаюць у парламенце, на мітынггах, на разнастайных прэзентацыях, асвятчаюць новапабудаваныя школы, бальніцы, дамы культуры; у некаторых навучальных установах Слова Божае ўводзіцца як вучэбны прадмет; друкуецца і распаўсюджваецца сярод насельніцтва рэлігійная літаратура. Усе гэтыя віды маўленчай дзейнасці характарызуюцца своеасабліваасцю ў выбары і выкарыстанні слоўных і сінтаксічных сродкаў рускай мовы» [3, с. 136].

Прадстаўлены ў артыкуле аналіз праваслаўнай пропаведзі базіруецца найперш на працах А. С. Макаравай і Т. В. Іцковіч. А. С. Макарава праводзіць наступную класіфікацыю тыпаў пропаведзі: 1) пропаведзь, прамоўленая ў храме (інстытуцыйная); 2) пропаведзь, прамоўленая ў храме і затым выкладзеная ў інтэрнэце (інстытуцыйная з выкарыстаннем сучасных каналаў сувязі); 3) пропаведзь, запісаная ў студыі, на радыё ці ў іншым месцы спецыяльна для інтэрнэт-прасторы (маўленне прапаведніка, якое трансліюецца пры дапамозе сучасных каналаў сувязі) [4]. Менавіта другі і трэці тыпы пропаведзі А. С. Макарава адносіць да медыяпропаведзі, а асноўнай рысай яе выступае канал распаўсюджвання [4, с. 1047].

Паводле Т. В. Іцковіч, праваслаўная богаслужэбная пропаведзь, прамоўленая падчас богаслужэння, адносіцца да ядра жанру, у ёй найбольш поўна адлюстроўваюцца тэкставыя катэгорыі; небогаслужэбная пропаведзь «гучыць за межамі царкоўнай агароджы», разлічана на апасродкаваную дыстанцыйную камунікацыю, адносіцца да перыферыі жанру і характарызуецца іншай эксплікацыяй тэкставых катэгорый [5, с. 66].

Разгледзім моўныя асаблівасці вызначанага тыпу медыяпропаведзі. У якасці эмпірычнага матэрыялу намі ўзяты некалькі пропаведзей

бацшошкі Савы Мажукі – праваслаўнага святара, насельніка гомельскага Нікольскага манастыра Беларускай Праваслаўнай Царквы, архімандрыта, прадстаўленых у вусным і друкаваным фармаце ў сацыяльнай сетцы «ВКонтакте» і на відэахостынгу YouTube. Святар мае таксама свае акаўнты ў папулярных сацыяльных сетках Facebook, Instagram.

Сваю дзейнасць у сацыяльнай сетцы «ВКонтакте» Сава Мажука пачаў ад 12 жніўня 2013 года з публікацый фатаграфій. Сёння С. Мажука з’яўляецца вядучым праграмы «Свет невечерний» на тэлеканале «Саюз», на відэахостынгу YouTube рэгулярна выходзяць праграмы «Омут богословия», дзе архімандрыт бярэ інтэрв’ю ў знакамітых людзей Беларусі. Айцец Сава – аўтар некалькіх кніг: «Любовь и пустота» (2014 г.), «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста» (2016 г.), «Неизбежность Пасхи. Великопостные письма» (2018 г.), «На руках у Бога. О радости быть христианином» (2018 г.), «Духовные упражнения» (2019 г.), «О пользе вреда» (2019 г.) і інш.

У сваім акаўнце «ВКонтакте» святар выбудоўвае камунікацыю з аўдыторыяй праз адказы на пытанні ў відэафармаце працягласцю ад 12 да 20 хвілін, а таксама выказвае свае меркаванні ў тэкставай форме. Сава Мажука праводзіць стрымы працягласцю каля гадзіны, пасля адказвае на пытанні сваіх падпісчыкаў і ў больш даступнай для аўдыторыі форме тлумачыць біблейскія пропаведзі. Пабудова паспяховай камунікацыі і зразумелае тлумачэнне рэлігійных каштоўнасцяў – асноўныя задачы святара. Найчасцей пропаведзь апеллюе да біблейскіх сюжэтаў, прамаўляецца з пэўнай нагоды ці на канкрэтную тэму.

Кантэнт Савы Мажука карыстаецца вялікай папулярнасцю сярод карыстальнікаў сацыяльнай сеткі «ВКонтакте»: агульная колькасць публікацый – 759, колькасць сяброў – 5090, падпісчыкаў – 5,2 тысячы. У пастах з тэматычным кантэнтам часцей за ўсё выкарыстоўваюцца хэштэгі #великийпост і #избачительня, каб чытач і слухач адразу мог зразумець, якія тэмы выклічуць у яго цікавасць і чаго варта чакаць у новым відэа.

Расійскія лінгвісты (А. С. Макарава, Т. В. Іцковіч, І. А. Істоміна, К. В. Бобырава, І. У. Бугаева і інш.) адзначаюць моўныя асаблівасці, характэрныя пропаведзі як жанру: традыцыйны зварот да аўдыторыі ў пачатку пропаведзі і традыцыйнае завяршэнне, частае ўжыванне найменняў Ісуса Хрыста, Госпада, ужыванне біблейскіх прэцэдэнтных імён і тапонімаў, цытацыя тэкстаў Святога Пісання і інш.

У разгледжаных намi пропаведзях айца Савы прадстаўлены ўсе пералічаныя асаблівасці. У пачатку пропаведзі, як правіла, айцец Сава звяртаецца да аўдыторыі *здравствуйце, друзья мои; дорогие товарищи* (гумарыстычнае). Завяршэнне пропаведзі традыцыйным царкоўна-славянскім *амінь* характэрна для храмавых пропаведзей прапаведніка. Аналіз тэкставага матэрыялу медыяпропаведзей выявіў філасофскую накіраванасць завяршэння размовы святара. Прывядзём два прыклады. У пропаведзі «Пусть Бог вмешается» (выпуск ад 15.12.2022) аўтар падымае пытанні, якія хвалююць многіх людзей: ці чуе Бог малітвы, чаму не прыходзіць на дапамогу, калі чынiцца несправядлівасць ці беззаконне? Што будзе, калі Гасподзь «умяшаецца» дзеля праўды Божай і ці гатовыя мы яе прыняць? Прапаведнік у завяршэнні прамовы выводзіць з яе маральныя навучанні і звяртаецца да слухачоў/чытачоў як бы з парадай: ці варта непакоіць Бога сваімі просьбамі-малітвамі? Прывядзём прыклады заканчэння пропаведзі, пабудаванай на базе пытальна-адказнай формы: *А ты действительно хочешь, чтобы восторжествовала не моя правда, а Божья правда, и от этой Божьей правды мне может быть несладко? Ты готов к этому? Ну тогда не бросай слова на ветер. Тогда не надо поднимать к небу руки и требовать от Господа поступать так, как мы понимаем в нашем сценарии. Осторожно со словами, осторожно с молитвами, т. к. у молитв есть свойства быть услышанными.*

Яшчэ адзін прыклад навучальнай накіраванасці ў завяршэнні прамовы айца Савы: *Мы всего лишь люди. Но сила Божия в немощи совершается. Мы знаем, что Господь за нами присматривает и никогда не позволяет каким бы то ни было демонам полностью овладеть нашей жизнью. Господь всегда поддерживает всякого человека, который полагается на Него и доверяет Ему свою жизнь* («Пакостник плоти», выпуск ад 28.09.2021). Вывады пропаведзей айца Савы сведчаць пра выразна выбудаваную маўленчую стратэгію, накіраваную на канкрэтную лінгвапрагматычную задачу – паўплываць на светапогляд і паводзіны адрасата.

У тэксце медыяпропаведзей пераважае размоўная, стылістычна нейтральная лексіка, захоўваюцца нормы сучаснай рускай мовы, параўнальна невялікая доля кніжных і высокіх моўных сродкаў, не адзначаецца ўжыванне замыславатых і мудрых выказаў – усё гэта ўплывае на папулярнасць прамоў айца Савы, робіць іх больш даступнымі, цікавымі і лёгкімі для ўспрымання. Пры гэтым істотнае значэнне набывае асабістае трапяткое стаўленне прапаведніка да Богага

слова і слова ў цэлым, да працэсу падрыхтоўкі і прамаўлення пропаведзі. Пра гэта гавораць наступныя прыклады: *Так странно: утопающего Ефима... о упокоении... Если утопающего, то, наверное, за здоровье, чтобы не утонул – хватит тонуть! Или все так устали оттого, что он всё тонет, тонет и никак не прекратит это изнурительное занятие, что готовы даже молитвой прервать взаимную пытку? «Утопающего» значит, что процесс всё ещё идёт и человек тонет активно, потому что в пассиве было бы «потопляемого». «Утонувшего» – действие завершённое, но звучит как-то не по-церковному – глаголами так не жгут! А вот причастий будущего времени в русском языке нет, не скажем же мы: «уто́нущего завтра», хотя в девятнадцатом веке сказали бы: «имеющего утонуть». И вместо того, чтобы спокойно и смиренно помолиться, лезут в голову вялые филологические бормотания! Но в поминальных записках чего только не напишут – и за упокой молишься, как за здоровье, ведь у Бога все живы – и утонувший ещё не утонул, и усопший ещё не усоп.*

У наступным фрагменце пропаведзі айцец Сава дэманструе пазіцыю наконт чужога для праваслаўя, але актыўнага выкарыстання ў СМІ і ў тыпавай сітуацыі паўсядзённасці прыніжальнай абрэвіятуры найменавання «Руская Праваслаўная Царква»: *Заметил, что у меня, как правило, не складывается общение с людьми, которые предпочитают говорить «РПЦ» вместо «Русская православная церковь». Не думаю, что это навязанная привычка, языковой каприз или случайность, скорее, некий сознательный или бессознательный выбор, определённая позиция, правда, не всегда ясная самому говорящему. Для меня выбор в пользу «РПЦ» – маркер глубокого неуважения к церкви. Подобную небрежность, если не презрение, можно стерпеть со стороны светского человека, но, когда так говорит православный, – это невыносимо и неприемлемо. Неужели люди сами не чувствуют, что так нельзя называть Церковь Божию? Или я преувеличиваю?* (выпуск ад 01.06.2023). Ужыванне рытарычнага пытання можна растлумачыць фатычным намерам прапаведніка, яго імкненнем да нефармальнага збліжэння з аўдыторыяй, жаданнем выклікаць у адрасата маральную і эмацыйную рэакцыю.

Яшчэ адным прыёмам дыялагізацыі медыяпропаведзі айца Савы з'яўляецца спроба аўтара рэалізоўваць словаўтаваральныя магчымасці рускай мовы. Прапаведнік ужывае новатворы *антиковедение, Еленович, сотаинник* і інш., змадэляваныя на ўзор нарматыўных вытворных слоў, якія, па нашым меркаванні, з'яўляюцца паказчыкамі высокага стылю

маўлення. У кантэксте медыяпропаведзі аўтарскія неалагізмы аб'яднаны адным і тым самым прагматычным кампанентам – прыданнем кантэксту ўзвышанасці, у нейкай ступені гумарыстычнага адценку: *Возможно, я путаю причину и следствие, – но как правильно? – антиковедение подбирает себе в компанию долгожителей или, наоборот, именно античная литература даёт учёным долгую жизнь* (выпуск ад 09.06.2023 г.); *...сегодня смело можно торжествовать не только по имени, но и по отчеству, значит, всех Константиновичей и Константиновых – с праздником! И вообще, давно пора ввести чествование не только именинников, но и отчественников: если я Иванович, почему бы мне не ждать небольшого подарочка в Иванов день?... Другое дело, что Константиновичи есть, а вот Еленовичей не попадалось* (выпуск ад 03.06.2023 г.); *...У греков был свой Пушкин, и не один. Константин Кавафис полжизни прожил в девятнадцатом веке и половину в двадцатом, но, кажется, душой и мыслью был подлинным наследником и сотайнником Гомера* (выпуск ад 27.05.2023).

Да моўных элементаў дыялагічнасці медыяпропаведзей айца Савы аднясём (гл. вышэйпрыведзеныя кантэксты): ужыванне фразеалагізмаў, парэміяў (*возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе*), імператыўных форм 2-ой асобы, “мы-формы”, асабовых і прыналежных займеннікаў 2-ой асобы множнага ліку (*вы, ваши*), звароткаў і інш. Арыентаванасці на прыватны характар успрыняцця служаць моўныя сродкі, якія маркіруюць дыялагізацыю тэксту.

Праваслаўная медыяпропаведзь – гэта ўнікальная з'ява сучаснай рэлігійнай камунікацыі. Моўныя рысы дыялагічнасці пры знешняй маналагічнасці пропаведзі ствараюць нязмушаны кантакт з прапаведнікам, задавальняюць патрэбу ў адчуванні маральнай супольнасці, аб'яднанай зразумелым словам.

Спіс літаратуры

1. Морозов, Е. М. Язык современной церковной проповеди православного священнослужителя [Электронны рэсурс] / Е. М. Морозов. – Рэжым доступу: <https://core.ac.uk/download/pdf/287460712.pdf>. – Дата доступу: 12.06.2023.
2. Мечковская, Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
3. Крысин, Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 135–138.

4. Макарова, А. С. Языковые и стилистические особенности православной медиапроповеди / А. С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 1044–1061.

5. Ицкович, Т. В. Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции / Т. В. Ицкович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (17). – С. 64–67.

Pivavarchyk Iryna

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: i.pivovarchik@grsu.by

LINGUISTIC MEANS OF DIALOGICITY OF MODERN ORTHODOX MEDIA PREACHING

Language means of implementing the method of dialogization of modern Orthodox media sermon are considered in the article. The author came to the conclusion that the text of a modern church sermon combines religious book vocabulary, author's neologisms, and means of speech influence.

Keywords: orthodoxy, media sermon, clergyman, linguistic features.

УДК 81'37"20"

В. Л. Лещенко

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. ПОЛЯКОВА

Рассматриваются случаи использования словообразовательной игры в публицистических текстах (статьях, интервью) известного российского прозаика, поэта, драматурга Ю. М. Полякова. В частности, характеризуются способы и приемы (узualmente и неузualmente) организации указанной разновидности языковой игры, а также представлен функционально-стилистический анализ выявленных новообразований.

Ключевые слова: языковая игра, публицистический текст, словообразовательная игра, окказионализм.

Феномен языковой игры можно считать признанным объектом изучения современными лингвистами, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в которых затронут многообразный круг вопросов: трактовка языковой игры, ее проявление и приемы создания в разговорной, художественной, публицистической речи, в рекламе, в языке отдельных писателей, разновидности языковой игры и др. (см. словарные статьи в [1], [2], обзор современного состояния вопроса в [3],

а также работы Е. А. Земской, Л. В. Рацибурской, С. В. Ильясовой, Л. В. Лисоченко, В. И. Максимова, Н. А. Николиной, В. И. Шаховского и др.). Среди активных типов языковой игры исследователи особенно выделяют словообразовательную игру (далее – СИ), которая «получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка» [3, с. 125]. СИ – это языковая игра, реализуемая в конструировании окказиональных слов (окказиональных дериватов, новообразований). В лингвистике накоплен достаточный опыт по изучению приемов организации СИ (см. работы Н. Н. Вольской, Л. В. Рацибурской, Т. В. Поповой, Э. С. Денисовой, С. В. Ильясовой, Л. И. Плотниковой и др.), на который мы будем опираться при анализе фактического материала. Предмет рассмотрения в данной статье – приемы создания СИ и ее функции в публицистике Ю. Полякова. Окказиональные образования извлечены из публицистических статей, интервью писателя, опубликованных в сборниках «Созидательный реванш» (М., 2015; условное обозначение источника – СР), «Левиафан и Либерифан. Детектор патриотизма» (М., 2015; ЛЛ), «Желание быть русским» (М., 2018; ЖБР).

Среди выявленных новообразований можно выделить как собственно авторские (*..имеются группы людей.., которых я обозначил бы термином «Герострата». Этот неологизм составлен мной из двух слов: «Герострат» и «страта» (общественный слой)* (ЖБР, с. 227)), так и воспроизводимые Ю. Поляковым единицы, созданные другими лицами (*...вовремя «побольшеवेशим», если воспользоваться выражением поэта, сгинувшего в ГУЛАГе* (ЛЛ, с. 53)). Окказионализмы представлены такими частями речи, как имена существительные, имена прилагательные, глаголы. В текстах преобладают имена существительные, которые называют **лицо** по родственным связям, половому признаку, роду занятий, национальности, политическим взглядам, принадлежности к политическим партиям, течениям, литературным направлениям, общественным организациям, признаку незрелости (*квадралевиц, насельник, лимоно-болотник, подписант, новодрамец, НАТОвчанин, гулагописец, пропагандосы, булатоман, соросята* и т. п.), **отвлеченное понятие** – действие или свойство, явление современной жизни (*голливудоцентричность, козыревицина, гайдарономика, обapparачивание, бесланкост, русофырканье, путинофобия, реформачество, дориангревицина* и др.), **учреждение** (*типотека*), **политическую общественную систему** (*олигархат*), **совокупность чего-либо** (*смешилово*), **пространство, место расположения чего-либо** (*Рубляндия, Букервальд*),

произведения искусства («ЧК» – о картине «Черный квадрат» К. Малевича). Окказиональные глаголы, в том числе и причастные формы, уступают именам существительным в количественном отношении, но также представлены выразительными примерами: *русофобничать, окормлять, проинтуичить, гулагизировать, очеловекогодиться, пьедесталить, соратничать, подтусоваться, разроссшить* и др.). «Причастия могут быть и результатом чересступенчатого словообразования и являть собой яркие примеры словотворчества» [3, с. 162]: *Когда была устроена встреча кабинета министров с фандорствующим Акулиным .., стало ясно...* (ЖБР, с. 266); *... вовремя «побольшеवेशим», если воспользоваться выражением поэта, сгинувшего в ГУЛАГе* (ЛЛ, с. 33). Редко Ю. Поляков вовлекает в СИ имена прилагательные, которые выступают как средство экспрессивной оценки предмета речи: *швидкие советчики, давинченный автор, золотомасочная плесень, западенская элита, грантнеполучабельный, соросоидные фонды* и др.

Исследователи, анализируя способы и приемы СИ, отмечают, что создание новых слов осуществляется в результате как узуального (канонического, стандартного), так и окказионального способа словопроизводства. В публицистических текстах Ю. Полякова преобладают «окказиональные дериваты, словообразовательная структура которых имеет узуальные аналоги или образована с помощью узуальных моделей, но содержит: а) нарушенную формальную / семантическую валентность составляющих компонентов; б) либо уникальные составляющие структуры – унификсы и/или унирадиксоиды, – поэтому о “стандартности” данных инноваций можно говорить с известной долей условности» [4, с. 93], например: *Мне не нравилось «обаппарачивание» комсомола* (ЛЛ, с. 223); *Даешь дедебилизацию эфира!* (ЖБР, 246); *Началась насильственная бурбулизация страны* (ЖБР, с. 190); *Компания у нас, людей года, подтусовалась хорошая* (ЛЛ, с. 110); *Шолохов и шелуховеды* (заголовок; ЖБР, с. 299); *Грантокрафия* (заголовок; ЖБР, с. 262).

Среди узуальных способов прежде всего следует выделить **суффиксацию**. Данный способ реализован в области новообразований всех отмеченных частей речи: *подписанты, реформачество, потомица, букерята, пропагандосы, насельники* и др.; *пьедесталить, гулагизировать, русофобничать* и др.; *западенский*. Суффиксальные новообразования чаще мотивированы нарицательными существительными, реже глаголами и прилагательными. Как особую группу окказиональных слов суффиксального типа следует выделить имена существительные, произ-

водящей основой для которых служат собственные имена и аббревиатуры: *Кому-то из эстрадников все-таки хочется слыть «давинченным» автором* (ЖБР, с. 326); *...оплаченные порой разными замысловатыми соросоидными фондами* (ЖБР, с. 297); *...началась насильственная бурбулизация страны* (ЖБР, с. 190); *Когда-то нужно было объяснять друзьям-НАТОВчанам, что негоже воплощать геополитические фантазии* (ЛЛ, с. 65); *Пипизация страны* (заголовок; ЖБР, с. 268; ср.: *Напомню, термин «персонифицированный издательский проект» (ПИП) я предложил лет десять назад...* (ЛЛ, 113)).

Второй по распространенности узуальный способ – **сложение**: 1) чистое – *бизнес-гедонисты*; 2) в сочетании с суффиксацией – *туссирайтки, жизнеписцы, окуджаволубы, новодрамец, гулагописцы, лимоно-болотник, русоплюйство, отчизноедство, колбасоедство, грантонеполучабельный, дориангреевщина, земшарный* и др.; 3) с «усеченной основой существительных или суффиксальных прилагательных, преимущественно с интернациональными корнями...» [5, с. 243] – *телевьюноша*; 4) с «первым связанным компонентом интернационального характера» [5, с. 244] – *неокоренизация*; 5) со «связанными опорными (последними) компонентами преимущественно интернационального характера» [5, с. 245] – *отчизнофобы, гулагоман, путинофобия, державофобия*. В анализируемом материале преобладают суффиксально-сложные образования. Остальные выявленные узуальные способы создания окказионализмов представлены немногочисленными случаями употребления: **аббревиация** – создание сокращения инициального типа; наибольший эффект языковой игры достигается благодаря изменению морфологических особенностей этих единиц (одушевленность, род, число, падеж) – *«ЧК» – мировой бренд, не поспоришь...* (ЛЛ, с. 14); *Если какая-нибудь ПИПа и не может молчать...* (ЖБР, с. 243; ПИП – персонифицированный издательский проект); *Но возник спрос – и они стали ПИПами!* (ЖБР, с. 238); **приставочный способ** – *дедебилизация, подтусоваться, совраг по перу*; **приставочно-суффиксальный способ** – *десовестизация, разроссшить*; **приставочно-постфиксальный способ** – *размемуариться* (при наличии потенциально возможного образования *мемуарить* – В. Л.); **сложение в сочетании с приставкой, суффиксом и постфиксом** – *очеловекогодиться*.

В современной лингвистике трактовка незуальных способов словообразования неоднозначна. Их классификация разработана недостаточно, поэтому в научной литературе наблюдается частичное несовпадение позиций языковедов в понимании и назывании несистемных приемов

словотворчества. В публицистике Ю. Полякова представлены следующие приемы неузального образования окказиональных дериватов:

- 1) **создание слова по конкретному образцу** (в другой терминологии – «предсказамус-прием») – «в структуре производного слова вычленяются определенные сегменты, позволяющие создавать семантические параллели с прообразом и эксплицировать их» [4, с. 95], ср.: *квадралевич – королевич, бесланкост – холокост, этастранцы – чужестранцы, иностранцы, гастнахлебники – гастарбайтеры, грантократия – демократия, пипотеки – библиотеки, Букервальд – Бухенвальд, Рубляндия – Финляндия* и др.;
- 2) **контаминация** – прием, при котором «соединяются фонетически близкие мотивирующие основы, часть одной из которых вытесняется, не входя в структуру деривата» [4, с. 95]: *гайдарономика* (Гайдар + экономика), *майданутый* (майдан + шизанутый);
- 3) **наложение как разновидность контаминации**, т. е. «соединение двух слов в одно, при отнесении определенного отрезка к обоим мотивирующим базам» [4, с. 94]: *Герострата* (Герострат + страта);
- 4) **субституция** – «замена в исходном слове морфемы или неморфемного сегмента морфемой или неморфемным сегментом» [7, с. 20]: *головокрушение от успехов* (базой для СИ служит прецедентный феномен – название статьи В. И. Сталина «Головокружение от успехов»);
- 5) **«фокус-покус прием»** – это «прием рифмовки созвучных слов, одно из которых является искаженным двойником другого» [3, с. 199]: *культур-мультур*;
- 6) **графиксация** (шрифтовое выделение) – «способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства» [7, с. 76]: *СМИ-шная молодежь*;
- 7) **комбинирование окказиональных способов**: *антиСМИтизм* (графиксация и деривация по образцу, ср.: *антисемитизм*).

При образовании окказионализма нередко отмечается переход «производящего слова в разговорную или разговорно-просторечную сферу» [8, с. 470], ср.: *Сорос – соросята, человек года – очеловекогодиться, переглядываться – запереглядываться, Букер – букерята, соратник – соратничать, подписать – подписанты, реформа – реформачество* и др.

Окказиональные дериваты помогают Ю. Полякову привлечь внимание к затронутой проблеме, образно и нестандартно описать важные процессы, происходящие в экономике, политике, литературе, шоу-бизнесе и других областях общественной и культурной жизни, т. е. новообразования выполняют в тексте не только назывную и смысловую, но и стилистическую функции: **создают экспрессию** – *К чему я так*

размемуарился? (ЛЛ, с. 102); *служат средством речевой экономии – Как ни странно, наши «этастранцы»... в конечном счете разбудили русское самосознание и в центре и на местах...* (ЛЛ, с. 214–215); *Какая забота «новодрамцу» до того...* (ЛЛ, с.68); *...возникновение ПИПов – явление рыночное, стихийное* (ЖБР, с. 239); *выступают как средство создания шутки, юмора – ...вести ее поручили длинноволосому телевьюноше* (ЖБР, с. 111); *Когда-то нужно было объяснять друзьям-НАТОвчанам...* (ЛЛ, с. 65); *Кстати, я правильно их проинтуичил* (ЛЛ, с. 223); *выражают авторское отношение к предмету речи: иронию – Либералы счастливо запереглядывались* (ЛЛ, с. 103); *Узники «Букервальда»* (заголовок; ЖБР, с. 265); *Ему объяснили швыдкие советчики...* (ЛЛ, с. 324); *Сегодня только отечественным «соросятам» не понятно...* (ЛЛ, с. 326); *пренебрежение – ...у нынешних «насельников Кремля» есть естественное историческое честолюбие...* (ЖБР, с. 291); *Если какая-нибудь ПИПа и не может молчать...* (ЖБР, с. 243); *отрицательную или положительную социальную оценку – Пипизация страны* (заголовок; ЖБР, с. 238); *После бесланской катастрофы, я бы даже сказал, после «бесланкости»...* (ЖБР, с. 219); *Даешь дедебилизацию эфира!* (ЖБР, с. 246); *Но первое, что сделала «майданутая» власть, – запретила русский язык* (ЛЛ, с. 1). Оценочная функция новообразования создается (1) за счет использования стилистически сниженных производящих основ и словообразовательных средств или (2) благодаря лексическим конкретизаторам, поясняющему контексту: (1) *А вот моя хорошая знакомая, потомица московских купцов...* (ЖБР, с. 256; ср. разг. *фельдшерница, докторица*; «окказиональные слова безумица, лжица [5, с. 201]»; *...а то и просто откровенно русофобничают* (ЛЛ, с. 162); *Да и «рерихнутым» гражданам, конечно, неприятно вспоминать о связях своего гуру с советской внешней разведкой...* (ЖБР, с. 259; ср.: *Рерих + прост. шизанутый*); (2) *Заболевание писателей «державофобией» и даже «родиноедством» в нашей стране особенно опасно* (ЖБР, с. 388); *В последнее время к триаде добавился новый симптом – путинофобия* (ЖБР, с. 113); *...должны были вырасти эдакими «отчизнофобами»* (ЛЛ, с. 128); *...зато расцвела грантократия* (ЖБР, с. 264); *...началась насильственная бурбулизация страны* (ЖБР, с. 190).

Таким образом, в публицистике Ю. Полякова СИ можно рассматривать как значимую языковую особенность стиля писателя. Новые слова отражают как узуальные, так и окказиональные способы словотворчества. В данном виде языковой игры задействованы существительные, прилагательные и глаголы, которые в основном образованы по канони-

ческим моделям. Среди специальных способов СИ следует выделить образование по конкретному образцу, контаминацию, создание дериватов с оценочным значением на базе имен собственных (типа *козыревщина, вампиловед, фандорствующий, булатоман, ельциноид, ерофеизация* и т. п.). СИ в текстах Ю. Полякова полифункциональна. Преобладают окказионализмы с отрицательной оценочностью и ироническим оттенком.

Список литературы

1. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. – М., 2003. – 840 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2006. – 696 с.
3. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 3-е изд. – М., 2013. – 296 с.
4. Денисова, Э. С. Специфика словообразовательной формы окказиональных дериватов (на материале газетных заголовков) / Э. С. Денисова // Актуальные проблемы современной лингвистики: Тихоновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. – Елец, 2006. – С. 92–97.
5. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М., 1980. – Т. 1. – 783 с.
6. Костина, Е. В. Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Костина ; Орловский гос. ун-т. – Орел, 2007. – 26 с.
7. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования : моногр. / В. П. Изотов. – Орел, 1998. – 149 с.
8. Бекетова, Н. А. Новообразования в языке газеты: канонические и неканонические модели / Н. А. Бекетова // Журналистика и медиаобразование – 2010 : сб. тр. IV междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Короченского, М. Ю. Казак. – Белгород, 2010. – С. 468–474.

Leshchenko Valentina
 Yanka Kupala State University of Grodno
 e-mail: leshchenkovalentina@gmail.com

WORD-FORMATION GAME IN YU. POLYAKOV'S JOURNALISM

The article deals with the cases of using a word-formation game in journalistic texts (articles, interviews) of a famous Russian prose writer, poet, playwright Yu. M. Polyakov. In particular, the methods and techniques (usual and non-usual) of organizing this type of language game are characterized, and the functional and stylistic analysis of the identified neologisms is presented.

Keywords: language game, journalistic text, word-building game, occasionalism, neologism, word creation.

Я. И. Красовская

**ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ
С ЗООМОРФИЗМАМИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ**

Рассматривается специфика функционирования зооморфных лексических единиц, реализованных посредством вторичной номинации, на материале русскоязычных текстов публицистического дискурса. Выявлены сферы употребления и наиболее употребительные зооморфные образы. Сделаны выводы о значении анималистической метафоры в современном медиадискурсе.

Ключевые слова: зооморфизм, вторичная номинация, дискурс, анималистическая метафора, язык СМИ.

На современном этапе, характеризуемом как информационная эпоха, лингвистические исследования в области средств массовой информации приобретают большую актуальность. Масс-медиа продолжают оставаться одной из наиболее значимых сфер существования языка, что обусловлено ростом популярности интернет-СМИ, соцсетей и массовой культуры. Рост аудитории и корпусов текстов публицистического характера определяют актуальность исследований в области медиалингвистики.

Целью данной статьи является установить специфику функционирования зооморфизмов на материале текстов и заголовков современных русскоязычных интернет-СМИ. Объектом данного исследования выступают зооморфизмы – лексические единицы, характеризующие человека посредством анималистической метафоры.

Медиадискурс тесно связан с культурой общества и обеспечивает диалог между субъектом культуры и средствами массовой информации. Транслируемая информация призвана оказывать влияние на индивидуума и выполняет аксиологическую функцию. Оценочная составляющая формируется в рамках конкретной лингвокультуры, отражающей систему национальных ориентиров, стереотипов, образов и эталонов национальной картины мира.

К числу базовых, архетипичных образов национальной лингвокультуры относятся и образы, формируемые при помощи зооморфизмов, поскольку они основаны на ассоциативных связях между анималистическими образами и человеческими характеристиками и моделями поведения. Это обуславливает высокую востребованность и популярность образов животных в массовой культуре, рекламе, сфере

современного искусства, в интернет-коммуникации. Лингвистические исследования зооморфизмов как результата вторичной номинации и их кумулятивной функции позволяют зафиксировать способы, которыми языковые средства лингвокультуры отражают окружающую действительность. В результате данного образного переосмысления набор анимализмов и приписываемых их характеристик может варьироваться как в различных языках, так и в различных типах дискурса одного языкового коллектива. Например, образ лебедя используют и для обозначения балерины (*Есть у нас сейчас лебедь гламурный – сияющая стразами Анастасия Волочкова, лебедь спортивный – бойко перебирающая пуантами Илзе Лиена, лебедь мелодраматический – обученная Изабель Фокиной Юлия Махалина* [1]), где основой выступает представление о грациозности птицы, и для переносного обозначения плохой отметки: *Причин, по которым в дневнике появился красный «лебедь», может быть много* [2].

Употребление анималистических метафор в языке средств массовой информации обусловлено спецификой медиатекста – прежде всего, его экспрессивной функцией [3]. Выявляются такие стилистические приемы, как метафора, метонимия, языковая игра, ирония, сравнение, оксюморон и др. Среди них в рамках данного исследования стоит особо выделить парафраз, выступающий как важнейший и популярный стилистический прием вторичной номинации. Например: *Хилтунен – сам себя называющий «гражданином земли» и «бродячим псом мировой цивилизации» – уверен: опыт экопоселений очень важен* [4]. Выражение «бродячий пес» выступает как образное обозначение и используется для устранения повтора. В заголовке «*Осы – львы в мире насекомых*» [5] слово «лев» выступает как синоним слова «хищник». С целью избегания повтора в текстах и заголовках встречаются следующие устойчивые выражения с зоокомпонентом, обозначающие людей и неодушевленные предметы: *акула пера* ('журналист'), *ослы и слоны* (символы двух основных американских партий), *борзые щенки* ('взятка'), *белые мухи* ('снег'), *паучьи лапки* ('ресницы').

Использование зооморфных образов помогает сформировать у читателя определенное отношение к субъекту статьи на основе закрепившихся представлений о животном: *кукушка* – 'мать, бросившая ребенка'; *соловей* – 'человек, обладающий хорошим голосом' и др. В случаях метонимических переносов они основаны на реальных наблюдениях за поведением животных. Чаще, однако, восприятие

анималистического образа основывается не на метонимии, а на метафорическом переносе, на закрепившихся в культуре ассоциациях с животным: лошадь – трудолюбие, лиса – хитрость, баран – глупость и т. д. Представление животных как носителей морально-ценностных качеств и интеллектуальных способностей основывается на национальных или универсальных стереотипах и клише.

Образы льва, зубра, быка, медведя употребляются для характеристики человека по выдающимся физическим качествам: *Дайте мне подготовленных зубров, а потом требуйте результат. – Он выразил желание любого тренера. Знаете, а порой ведь и зубров не хватает* [6]; *«Какие львы!»: как итальянские СМИ отреагировали на выход «скаудры адзурры» в финал чемпионата Европы* [7]; *Быки и медведи российского футбола* [8]. В последнем примере имеет место также аллюзия к экономическому контексту: «быки» и «медведи» – номинации участников фондового рынка. Метафоры, основанные на физических сходствах, подчеркивающие силу, скорость, агрессию субъектов, свойственны для спортивного дискурса, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры, а также многочисленные номинации команд, построенные на отождествлении их с животными («тигры», «волки», «орлы» и т. д.) [9].

Некоторые зооморфные выражения становятся частотными в определенных тематических группах: в текстах экономического характера встречаются такие устойчивые образы, как упомянутые *быки и медведи, акула бизнеса, золотой телец, крот, страусиная политика*; в текстах, касающихся офисной работы и бизнеса – *офисный планктон, рабочая лошадка, ведро с крабами*; в сфере шоу-бизнеса и культуры – *светский лев / светская львица*, именованя кинопремий по символичному животному: *берлинские медведи, венецианские львы*. Для характеристики работы журналистов самими авторами нередко используется выражение *сторожевые / цепные псы*, часто с иронией. В интернет-среде фигурируют такие номинации пользователей, как *пауки и мухи* ('люди, создающие контент', и 'потребители контента') – метафора, основанная на оппозиции «хищник – жертва»; а также *хомяки* – образное слово, фиксирующее «стадное мышление» пользователей и созвучное сленговому обозначению домашней страницы [10, с. 68].

Экспрессивно-оценочная функция в текстах СМИ также реализуется посредством употребления идиоматических словосочетаний [11, с. 70]. Зачастую в заголовках обыгрываются прямое и образное значения идиомы: например, статья под заголовком *«Заморить червячка»* [12]

описывает дегустацию блюд из насекомых. Среди других примеров: **Собачья работа**: как Белка и Стрелка стали героями страны [13]; В холодильнике **мышь повесили**, или как зимуют летучие мыши в Беларуси [14]; Мухи «под мухой» [15]; **Лебединая песня** клумб-покрышек. Серовчане избавляются от резиновых элементов благоустройства [16]; **Как рыба об мёд**. В столице в самом разгаре фестиваль даров моря [17]. В последнем из примеров также имеет место трансформация устойчивого выражения. Большое количество фразеологизмов с зоокомпонентом позволяет авторам стилистически обыгрывать упоминание практически любого животного, рыбы и насекомого.

Можно также выделить группу зооморфных образов, основанных на свободных сочетаниях, которые употребляются для обозначения отношений между людьми в коллективе. Чаще всего они носят пейоративный характер и основываются на негативных стереотипах: **Банка с науками**: как правильно общаться с коллегами? [18]; **Клубок змей**: почему не стоит бояться женского коллектива [19]. В качестве примеров также можно назвать сочетания *волчья стаи*, *осиное гнездо*, *змеиное гнездо* в текстах криминальных сводок. Во всех вышеприведенных примерах анималистическая метафора апеллирует к животному, представляющему опасность для человека, и, соответственно, предполагает взаимное враждебное отношение друг к другу.

Описание взаимоотношений может быть основано на образах, заимствованных из паремиологического фонда языка: «**Журавль в небе**» или «**синица в руках**»: *путь к пониманию... при выборе спутника жизни* [20]; **Как кошка с собакой**. Как уладить конфликт между питомцами [21]. Популярно выражение *работа не волк* в статьях, посвященных вопросам трудоустройства. Стремление к краткости и экспрессии заголовка в данных примерах объясняет усечение полной версии пословицы или поговорки.

Таким образом, вторичные номинации в медиадискурсе могут выполнять информативную и экспрессивно-оценочную функции, выступая в качестве перифразы, эвфемизма, дополнительной характеристики, образной оценки людей, номинирования элементов внутреннего и внешнего мира человека. Большая часть проанализированных примеров зооморфизмов основана на метафорических переносах, они разнообразны по семантической основе и значениям, встречаются в медиатекстах различной тематической направленности (экономика, психология, культура, наука, спорт, общественная и правовая сферы). Развитие технологий, доступность медиа и популярность блогов обуславливают

постоянное обновление лексических средств выражения, заимствование образов из других сфер употребления, в частности молодежного и сетевого сленга.

Зооморфные выражения играют важную роль в композиционной организации заголовка текста. Анималистические метафоры чаще всего встречаются именно в заголовке, даже если текст носит специализированный характер и не предполагает использования художественных образов – это объясняется сильной позицией заголовка, который является наиболее эффективным средством привлечения внимания читателя. Исследование специфики вторичной номинации зооморфизмов в медиадискурсе позволяет не только изучить особенности функционирования лексико-фразеологических средств языка СМИ, но и подробнее рассмотреть аксиологический и концептуальный аспекты языковой картины мира, реализуемой в медиатекстах.

Список литературы

1. Неумирающий лебедь [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/331964>. – Дата доступа: 14.08.2023.
2. Как научиться не бояться плохих оценок и научить этому ребенка [Электронный ресурс] // Классный журнал. – Режим доступа: <https://classmag.ru/news/20100745>. – Дата доступа: 14.08.2023.
3. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.
4. Второбыт – поселения будущего [Электронный ресурс] // Психологос – образовательная платформа практической психологи. – Режим доступа: <https://psychologos.ru/articles/view/vtorobyt---poseleniya-budushego>. – Дата доступа: 14.08.2023.
5. «Осы – львы в мире насекомых». Эксперт представил интересные факты о животных, которые разрушают стереотипы [Электронный ресурс] // Ореанда – информационное агентство. – Режим доступа: <https://www.oreanda-news.com/articles/smi-rasskazali-kakie-steriotipy-o-jivotnyh-yavlyayutsya-oshibochnymi/article1386863>. – Дата доступа: 14.08.2023.
6. Виталий Крохин: В оркестре я был не дирижером, а примой [Электронный ресурс] // Спортивное чтение. – Режим доступа: http://sportfiction.ru/articles/vitaliy-krokhin-v-orkestre-ya-byl-ne-dirizherom-a-primoy/?sphrase_id=25237. – Дата доступа: 14.08.2023.
7. «Какие львы!»: как итальянские СМИ отреагировали на выход «скадры адзурры» в финал чемпионата Европы [Электронный ресурс] // FootballFun. – Режим доступа: <https://football-fun-live.com/statyi-o-futbole/p-kakie-lyv-kak-italyanskie-smi-otreagirovali-na-vyход-skuadry-adzurry-v-final-chempionata-evropy>. – Дата доступа: 14.08.2023.

8. Быки и медведи российского футбола [Электронный ресурс] // Спортивное чтение. – Режим доступа: <http://sportfiction.ru/articles/byki-i-medvedi-rossiyskogo-futbola>. – Дата доступа: 14.08.2023.

9. В мире животных. Команды, из которых можно собрать футбольный зоопарк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/abramov/554694.html>. – Дата доступа: 14.08.2023.

10. Кондратьева, О. Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа / О. Н. Кондратьева // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 62–72.

11. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления : моногр. [Электронное издание сетевого распространения] / Т. Г. Добросклонская. – М. : «КДУ», «Добросвет», 2020. – 178 с.

12. Заморить червячка [Электронный ресурс] // Restoran.ru. – Режим доступа: <https://www.restoran.ru/msk/article-list/zamorit-chervyachka>. – Дата доступа: 14.08.2023.

13. Собачья работа: как Белка и Стрелка стали героями страны [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1049279/arsenii-zamostianov/sobachia-rabota-kak-belka-i-strelka-stali-geroiami-strany>. – Дата доступа: 14.08.2023.

14. В холодильнике мышь повесили, или Как зимуют летучие мыши в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smartpress.by/idea/zoo/17767>. – Дата доступа: 14.08.2023.

15. Мухи «под мухой» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biomolecula.ru/articles/mukhi-pod-mukhoi>. – Дата доступа: 14.08.2023.

16. Лебединая песня клумб-покрышек. Серовчане избавляются от резиновых элементов благоустройства дворов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://serovglobus.ru/istorii/lebedinaya-pesnya-klumb-pokryshek-serovchane-izbavlyayutsya-ot-rezinovykh-elementov-blagoustroystva/>. – Дата доступа: 14.08.2023.

17. Как рыба об мёд. В столице в самом разгаре фестиваль даров моря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/moscow/kak_ryba_ob_myod_v_stolice_v_samom_razgare_festival_darov_morya. – Дата доступа: 14.08.2023.

18. Банка с пауками: как правильно общаться с коллегами? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.wikium.ru/banka-s-paukami-kak-pravilno-obshhatsya-s-kollegami.html>. – Дата доступа: 14.08.2023.

19. Клубок змей: почему не стоит бояться женского коллектива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/359627-klubok-zmey-rochemu-ne-stoit-boyatsya-zhenskogo-kollektiva>. – Дата доступа: 14.08.2023.

20. «Журавль в небе» или «синица в руках»: путь к пониманию... при выборе спутника жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyin.ru/articles/zhuravl-v-nebe-ili-sinitsa-v-rukah-put-k-ponimaniyu-pri-vybore-sputnika-zhizni>. – Дата доступа: 14.08.2023.

21. Как кошка с собакой. Как уладить конфликт между питомцами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.by/timefree/uvlechenie/kak_koshka_s_sobakoy_kak_uladit_konflikt_mezhdu_pitomcami. – Дата доступа: 14.08.2023.

Krasovskaya Yana
Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine
e-mail: belyana17@mail.ru

FUNCTIONS OF SECONDARY NOMINATIONS
WITH ZOOMORPHISMS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE
MEDIA DISCOURSE

This article deals with peculiarities of the functioning of zoomorphic lexical units implemented by secondary nomination, on the basis of Russian media discourse. The spheres of use and the most common zoomorphisms are revealed. Conclusions are drawn about the meaning of animalistic metaphor in modern media discourse.

Keywords: zoomorphism, secondary nomination, discourse, animalistic metaphor, media language.

УДК [81'42:159.923]:82-92

И. О. Савенок

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАДОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ СМИ¹**

На материале текстов публикаций общественно-политической газеты «СБ. Беларусь сегодня» исследуются лексические и синтаксические средства репрезентации эмоции радость. Рассматриваются основные определения понятия «радость». Автором лексические средства репрезентации условно разделяются на две группы: прямые и косвенные. Характеризуются наиболее распространенные стилистические приемы.

Ключевые слова: радость, внутренний мир человека, языковая репрезентация, медиадискурс.

Признание ключевой позиции антропоцентрической парадигмы в лингвистической науке обусловило актуальность всестороннего изучения отражения в языке внутреннего мира человека. Образ человека в русской языковой картине мира рассматривается в трудах Ю. Д. Апресяна, М. В. Пименовой, М. П. Одинцовой, В. Г. Гака. Значительный вклад в изучение внутреннего мира человека в белорусском языкознании внесли работы В. Д. Стариченка, В. А. Масловой, А. С. Дедовой, О. Ю. Шиманской.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (№ ГР 20211211).

Язык – это не только средство для хранения и передачи информации, но и инструмент, с помощью которого формируются новые понятия, во многом определяющие сам способ человеческого мышления. Актуальной является проблема воздействия языка на человека, его мышление и поведение. Н. М. Володина определяет основное средство воздействия на массовое сознание – язык средств массовой информации [1]. Не вызывает сомнения тот факт, что в информационную эпоху как индивидуальная картина мира читателя, так и общая картина мира социума во многом моделируется языком СМИ. В. И. Ивченков считает журналиста «проводником общественной коммуникации, носителем языка, который спонтанно выражает и формирует языковой вкус эпохи» [2, с. 71]. В этой связи представляется актуальным исследование средств репрезентации внутреннего мира человека на материале современных текстов белорусских медиа.

Поскольку в лингвистике ключевым фокусом антропоцентрической парадигмы становится эмоциональная сфера человека, мы ставим своей задачей анализ лексических и синтаксических средств выражения положительных эмоций в медиатексте. Методология исследования основана на положениях когнитивной лингвистики, иллюстративный материал представлен выборкой из 523 статей, опубликованных в общественно-политической газете «СБ. Беларусь сегодня» в 2023 году [3].

Согласно современной классификации эмоций, вместе с печалью, удивлением, гневом, страхом, радость в психологии относится к фундаментальной эмоции. Американский психолог К. Изард описывает радость как «нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; острое чувство торжества» [4, с. 238]. Говоря о словарных определениях, обратим внимание, что в толковом словаре В. И. Даля «радость – веселье, услада, наслаждение, утеха, внутреннее чувство удовольствия» [5]. В. Ю. Апресян предполагает, что в нашем языковом этикете есть «некоторая максима скромности, предписывающая скрывать положительные эмоции по собственному поводу, а также любые положительные эмоции в присутствии человека, который испытывает отрицательные эмоции (например, радость в присутствии человека, у которого горе)» [6].

Радость – положительная эмоция, к которой человек стремится больше всего, эту социальную значимость подтверждает многократность упоминания в текстах белорусских СМИ. Ежедневно в среднем положительная эмоция упоминается в текстах 3–5 публикаций, число которых растет в период праздников. Например, в текстах статей,

опубликованных в день победы Красной армии и советского народа над нацистской Германией, радость упоминается 14 раз. Качественная характеристика стенической эмоции не найдена, при построении гипертекстового пространства номера издания радость используется редко. Содержательный план статей преимущественно касается праздников, досуга и отдыха.

Регулярно эмоция радости эксплицируется в текстах ежедневных астропрогнозов, где гороскоп прогнозирует наличие положительной эмоции у адресата (*приносит Девам **радость** и душевный подъем; поводы для **радости** найдутся*) и указывает на причины для радости (*идеи принесут значительную пользу и **радость**; любые встречи сегодня принесут вам не только **радость**, но и довольно быстрый успех в обществе; общение с любимым человеком приносит много **радости**; **радость** принесет отдых на природе, игры с детьми или домашними любимцами на свежем воздухе*). Необходимо отметить распространенную комбинацию «польза – радость»: *В первой половине дня ждите неожиданного предложения, которое может принести вам неожиданную **пользу или радость**; Хороший день для отдыха, развлечений, встреч с друзьями и налаживания контактов – именно они принесут вам долгожданную **радость и пользу**; Позвольте себе отдохнуть и расслабиться – это принесет вам значительную **пользу и радость**; Идеи, которые могут прийти вам в голову сегодня, принесут значительную **пользу и радость***. Регулярность и многочисленность отображения эмоции в содержании постоянной рубрики медиа подтверждает высокую степень ее социальной значимости, а многократное упоминание радости повышает эмотивность публицистического текста в жанре гороскопа.

Значительную роль в изображении чувств играют лексические средства, которые мы условно разделили на две группы: прямые и косвенные.

Прямые средства представлены примерами прямой номинации радости. В медиатексте эмоция выражается следующими именами существительными в зависимости от степени интенсивности признака: удовлетворение (*Игорь Петришенко с **удовлетворением** отметил, что за последние годы значительно активизировалось взаимодействие между нашими странами в сферах здравоохранения, науки, образования, спорта и туризма*), радость (*Дима с **радостью** говорит о любви к Родине и в День Победы не жалеет тепла для ветеранов*»), удовольствие (*Но пока, признается, просто получает **удовольствие** от музыки и общения со своими слушателями, которым готова дарить творческую*

энергию), счастье (*Интересно то, что гормон счастья помогает быстрее пробудиться и чувствовать себя бодрым с самого утра*), восторг (*Около автомобилей – фотосессия, особенно энергичны мальчишки, они с восторгом рассматривают красиво украшенный транспорт, просят посидеть за рулем*), экстаз (*Вот и распался лучший в истории белорусского футбола дуэт нападающих, игра которых вводила зрителей в экстаз и заставляла сердца трепетать от восторга*).

Взаимосвязь эмоций и чувств иллюстрирует следующий пример: *Сегодня на сцене трудовые коллективы с помощью песен показали **боль и радость** Победы в Великой Отечественной войне*. Слезы, которые, как правило, являются реакцией организма на негативные эмоции, способны проявить противоположную по своей природе эмоцию радости: *Любовь к Родине, уважение к солдатам-победителям и **слезы на глазах от радости** – это и есть лейтмотив праздничного вечера*.

При анализе лексических средств выражения в своем исследовании к косвенной мы отнесли номинацию при помощи имен прилагательных, глаголов и наречий.

Многочисленными являются словосочетания с именами прилагательными. «Радостный» в медиадискурсе зачастую признак многих отрезков времени: *праздник, день, событие, история, время года, жизнь, мгновение* и др. Физиологически эмоция проявляется на лице, что иллюстрируют следующие примеры: *Радостные, взволнованные лица; Вместе с родителями я шел по площади Победы, а вокруг были радостные лица, поздравления, особая атмосфера – гордости, солидарности за свою страну, свой народ*. Радостными белорусы описывают *новости, торжества, знакомства, встречи, победы*. Не представлены случаи употребления имени прилагательного вне словосочетания.

Глаголы, употребленные в медиатексте, выполняют эмотивно-оценочную функцию: *Одно из украшений весны все чаще радует глаз – это первоцветы*, показывают динамику проявления эмоции: *Педагоги не могут нарадоваться инициативному школьнику, её длительность во времени: Сегодня оно продолжает радовать потребителей продукцией, реализуя планы развития и намечая новые цели*.

Неоднократно радость описана при помощи знаменательных наречий, которые выполняют функцию обстоятельства образа действия, способствуя повышению эмоционального фона: *«Атлеты, официальные лица и персонал из России и Беларуси все еще отстранены от соревнований на обозримое будущее», – радостно сообщил общественности на недавней пресс-конференции глава World Athletics Себастьян Коу; Первые сдавшие*

ЦЭ школьники то радостно обнимаются с одноклассниками, то искренне рыдают на плечах у родителей и педагогов.

Очень радостно на душе от того, что государство отметило нас; Всегда радостно, когда получается кого-то воскресить в памяти – такие формы, по мнению В. Ю. Апресян, описывают внутреннее состояние, безличность конструкции которых способствует переносу внимания с самого говорящего на то, что с ним происходит как бы помимо его воли [6].

На синтаксическом уровне эмотивность передается путем восклицания: А какие эмоции – радость, трепет, волнение – переполняли сердца артистов, которые должны были выйти тем вечером на сцену и представить на суд зрителей оперу «Кармен» Жоржа Бизе!; Ее директор Анастасия Чеховская не скрывает эмоций: / – Радость, гордость – вот, что чувствуешь в такие минуты!

Дословная передача живой разговорной речи несет не только информативную, но и эмоциональную функцию: приближает текст к читателю, создавая условия «погружения» в новостную реальность. Экспрессивность находит выражение в восклицательных предложениях: Радость была всеобъемлющей: мы шагнули из войны в мирную жизнь!; Радость была огромная: победили, свобода! Берегите, детки, мир!

Таким образом, социальную значимость базовой положительной эмоции *радость* подтверждает многократность ее упоминания в текстах публикаций общественно-политической газеты «СБ. Беларусь сегодня». Содержательный план статей преимущественно касается праздников, досуга и отдыха. Регулярность и многократность упоминания радости повышает эмотивность публицистического текста в жанре гороскопа. Радость репрезентуется в текстах СМИ на лексическом и синтаксическом уровнях через прямую и косвенную номинацию. В зависимости от степени интенсивности признака радость выражается лексемами *удовлетворение, радость, удовольствие, счастье, восторг, экстаз*. Косвенная номинация представлена именами прилагательными, глаголами и наречиями. В публикациях радость чаще выступает в качестве грамматического объекта. На синтаксическом уровне эмоциональный фон поддерживается путем употребления прямой речи, восклицательных предложений.

Список литературы

1. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание [Электронный ресурс] / М. Н. Володина // МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра общего и сравнительно-исторического языко-

знания. – Режим доступа: <http://genhis.philol.msu.ru/yazyk-smi-osnovnoe-sredstvo-vozdjeystviya-na-massovoe-soznanie>. – Дата доступа: 23.04.2023.

2. Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі : курс лекцый / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

3. SB.BY. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by>. – Дата доступа: 05.05.2023.

4. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – М : Директ-Медиа, 2008. – 954 с.

5. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] // Slovardalja. – Режим доступа: <https://slovardalja.net>. – Дата доступа: 20.04.2023.

6. Апресян, В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке / В. Ю. Апресян // Рус. яз. в науч. освещении. – 2010. – № 2. – С. 26–56.

Savenok Irina

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

e-mail: savenok.irina@bk.ru

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING JOY IN MODERN BELARUSIAN MASS MEDIA

The article examines the lexical and syntactic means of representing the emotion of joy based on a sample of texts from 2023 published by publishing house «Belarus Today». The main definitions of the concept of «joy» are considered. The author divides the lexical means of emotion representation into 2 groups: direct and indirect. The most common lexical and stylistic variants are characterized.

Keywords: joy, human inner world, language representation, media discourse.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Важник Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Виноградова Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Вольнец Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Горская Светлана Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Гурьева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия).

Данилович Николай Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Долбик Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Дускаева Лилия Рашидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Жигалова Мария Петровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета (г. Брест, Беларусь).

Загнитко Анатолий Афанасьевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор Донецкого национального университета имени Василя Стуса (г. Винница, Украина).

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой медиалингвистики и редактирования Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Ивченко Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры периодической печати и веб-журналистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Коньков Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Короченский Александр Петрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Белгородского национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Костючик Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Беларусь).

Красовская Яна Игоревна – старший преподаватель Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Беларусь).

Кудреватых Ирина Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и лингводидактики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Кураш Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Лещенко Валентина Лукинична – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Малицкий Юрий Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Малышев Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Минчук Инна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Никитевич Алексей Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Павловская Наталия Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современных технологий перевода Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь).

Пивоварчик Ирина Войтеховна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Пустошило Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и белорусского языков Гродненского государственного медицинского университета (г. Гродно, Беларусь).

Рамза Татьяна Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Ровдо Иван Семёнович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Рыжкович Анна Чеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Рычкова Людмила Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Садовская Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Саенкова-Мельницкая Людмила Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературно-художественной критики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Савенок Ирина Олеговна – аспирант филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Семенькова Галина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

Сергушкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Сивова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Снигирёва Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

Фелькина Ольга Антоновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Брест, Беларусь).

Хазанова Екатерина Львовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Харитончик Зинаида Андреевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь)

Чепикова Ирина Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Шершнёва Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова (г. Могилёв, Беларусь).

Шмелёва Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия).

Яковенко Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!	5
<i>Пивоварчик Т. А.</i> Страницы научно-педагогической биографии доктора филологических наук, профессора М. И. Конюшкевич.....	5
<i>Горская С. А.</i> <i>Первая среди равных</i> : приветствие от кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.....	17
<i>Минчук И. И.</i> « <i>Мы сильны, потому что стоим на плечах гигантов!</i> »: поздравление от кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.....	19
<i>Дускаева Л. Р., Коньков В. И.</i> Поздравление от кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.....	20
<i>Загітко А. А.</i> Марія Конюшкевич – винятково творча особистість.....	21
<i>Садоўская А. С.</i> <i>Удзячнае слова Настаўніку</i> : віншаванне ад кафедры беларускай філалогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.....	24
<i>Жигалова М. П.</i> Встреча в Москве как начало научного общения с профессором М. И. Конюшкевич (по материалам воспоминаний и интернет-писем).....	26
Хронологический указатель научных, научно-методических и научно-популярных трудов профессора М. И. Конюшкевич.....	33
Диссертации, выполненные под руководством профессора М. И. Конюшкевич.....	68
Издания под научной редакцией профессора М. И. Конюшкевич.....	69
Литература об учёном и педагоге М. И. Конюшкевич и её трудах.....	72
Листая страницы архивов... (из газет, журналов, переписки разных лет).....	75

РАЗДЕЛ 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС.	
РЕЛЯТИВНАЯ ГРАММАТИКА.....	79
<i>Шмелёва Т. В.</i> Текстовые скрепы в кругу показателей связи.....	80
<i>Виноградова Е. Н.</i> Поле русских предлогов (по данным частотности).....	85
<i>Важнік С. А.</i> <i>Даросласць / недаросласць</i> як сінтаксічная катэгорыя беларускага сінтаксісу пачатку XX ст.	92
<i>Пустошило Е. П.</i> Квантитативные синтаксемы с аппроксиматорами <i>около, порядка</i>	99
<i>Рыжкович А. Ч.</i> Союзные сочетания с базовым компонентом <i>время: модели образования</i>	107
<i>Малышев А. А.</i> Медийная жизнь устаревших союзов?.....	113
<i>Сергушкова О. В.</i> Сегментация как явление актуализирующего синтаксиса.....	120
<i>Чепикова И. А.</i> Синтаксические способы выражения каузальности в тексте романа Евгения Водолазкина «Брисбен».....	125
РАЗДЕЛ 3. СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	134
<i>Павловская Н. Ю.</i> Оценка и модальность в соотношениях и взаимодействии.....	135
<i>Вольнец Т. Н.</i> Функционально-семантическое микрополе безличности и его реализация в прозе И. А. Бунина.....	142
<i>Долбик Е. Е.</i> Функционально-семантическое поле локативности в поэзии В. А. Карпова.....	152
<i>Снігірова Н. А.</i> Да праблемы канкрэтызацыі прасторавай катэгорыі <i>паўзмежжа ў</i> беларускай моўнай практыцы.....	161
<i>Кураш С. Б.</i> Метафорический континуум русской и белорусской поэзии: критерий креативности (интенсивности) и его количественная оценка.....	168
РАЗДЕЛ 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА. СОЦИОЛИНГВИСТИКА.....	178
<i>Ровдо И. С.</i> Челночный перевод как способ формирования лексических микросистем в сопоставляемых языках.....	179
<i>Харытончык З. А.</i> Дэмінутывы ў тэкстах беларускага дзіцячага фальклору і іх перакладах на англійскую мову.....	185

Фелькина О. А. Семантический объём качественных прилагательных и проблема перевода (на материале параллельных белорусско-русских корпусов).....	190
Якавенка Н. В. Камунікатыўна-прагматычны аспект праявінага беларуска-рускага мастацкага перакладу (на матэрыяле твораў М. Багдановіча, Я. Брыля, У. Караткевіча).....	197
Рычкова Л. В. Функционал белорусского языка в лингвистической палитре старшекласніков.....	204
Минчук И. И. Двужычыное медиапространство: белорусский и русский языки в телеграм-каналах региональных медиа.....	211
РАЗДЕЛ 5. ЭТНОЛИНГВИСТИКА.	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	218
Маслова В. А. Современная лингвокультурология: проблемы взаимодействия с когнитивной лингвистикой.....	219
Коваль В. И. Любовные присушки у восточных славян: вербальная и акциональная магия.....	227
Никитевич А. В. Диалектное слово. Об актуальном в порой забытом и, казалось бы, от нас ушедшем... ..	234
Рамза Т. Р. <i>Мілы той куток, дзе рэзаны пупок</i> : пра значэнне слова <i>кут</i> у беларускай мове.....	243
Ничипорчик Е. В., Гомонова И. Г. <i>Не хлебом единым жив человек...</i> (от библейского контекста к современным употреблением крылатого выражения).....	250
Даніловіч М. А. Фразеалагізмы беларускай дыялектнай мовы, утвораныя спосабам кантамінацыі.....	257
Сивова Т. В. Цвет ржи в цветовой концептосфере флористического пространства русского языка.....	265
Хазанова К. Л. Дэмінутывы ў мове загадак Гомельшчыны.....	278
РАЗДЕЛ 6. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА	285
Кудреватых И. П. Прагматический диапазон лексико-грамматических характеристик художественного текста как условие его ассоциирования.....	286
Шаршнёва В. М. Адзінкі тэксту ў камунікатыўна-прагматычным аспекце.....	293

<i>Гурьева Н. Ю.</i> Функциональная категоризация девербативов с агентным значением в деловом дискурсе.....	300
<i>Горская С. А.</i> Роль кинетических средств в невербальной коммуникации персонажей рассказа Я. Брыля «Галя».....	309
<i>Касцючык В. М.</i> Характарыстычная функцыя фразеалагізмаў у мастацкім кантэксте Леаніда Дайнекі.....	315
<i>Семянькова Г. К., Барысевіч Я. В.</i> Стылістычная роля фонасемантычных сродкаў у творах Алеся Разанава.....	322
РАЗДЕЛ 7. ТЕОРИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ. МЕДИАЛИНГВИСТИКА.....	329
<i>Короценский А. П.</i> Важная тенденция в международной журналистике XXI века.....	330
<i>Саенкова-Мельницкая Л. П.</i> Аксиологические и документально-художественные основания колумнистики В. Степана.....	334
<i>Ивченков В. И.</i> Дискурсивная личность журналиста в программе «Понятная политика» (телеканал «Беларусь 1»).....	341
<i>Маліцкі Ю. В.</i> Медыятэкст у фокусе навуковай увагі.....	348
<i>Зеленко С. В.</i> Проявление интердискурсивности в медиатексте на лексическом уровне.....	354
<i>Піваварчык І. В.</i> Моўныя сродкі дыялагічнасці сучаснай праваслаўнай медыяпропаганды.....	361
<i>Леценко В. Л.</i> Словообразовательная игра в публицистике Ю. Полякова.....	367
<i>Красовская Я. И.</i> Функции вторичных номинаций с зооморфизмами в русскоязычном медиадискурсе.....	374
<i>Савенок И. О.</i> Языковые средства репрезентации радости в современных белорусских СМИ.....	380
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....	386

Научное издание

ЯЗЫК КАК ЦЕННОСТЬ БЫТИЯ

Сборник научных трудов
в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич

Издаётся в авторской редакции
Ответственный за выпуск *И. И. Минчук*
Дизайн обложки: *Ю. В. Минчук*

Техническое редактирование: *М. В. Вахмянина, Я. Я. Пекарь*
Компьютерная вёрстка: *М. В. Вахмянина, И. П. Зимницкая*
Подготовка обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 23,02. Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 30 экз. Заказ 052

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 02.04.2014.
Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно

ISBN 978-985-582-582-2

9 789855 825822 >